

II-10.
D. 137.

О П

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

ПАНТЕОНЪ

9669
74405

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИТАЛИИ
... по отпечатану ...
...
ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
...
... И. ...

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. СУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РАЗСЛАТО

ИИ

ПАНОТОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843
года, января 15 дня.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАН-
НЫХЪ.

=

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

НИЖНЯ ТРЕТЬЯ.

I.	Клитемвистра, трилогія въ стихахъ, <i>В. Р. Зотова</i>	1
II.	Волшебная яичница, вод. въ 1-мъ дѣйствиі . . .	59
III.	Страшная тайна! Если не драма, то комедія, <i>Н. А. Полеваго</i>	87
IV.	Музыка. Музыкальнныя замѣтки. Статья первая. (Музыкальность жителей Петербурга.—Музыка Дондизети.—Необходимость возобновленія прежнихъ оперъ.—Содержаніе оркестровъ и инструментовки.—Музыка «Руслана и Людмилы») <i>С. К.</i>	121
V.	Лучше укройга, чѣмъ ни крохи, пословица въ лицахъ. (Перев. съ англійск. изъ «Fraser's Magazine».)	137
VI.	Второй мужъ, разсказъ.	162
VII.	Стихотворенія. Простая исторія, <i>В. Р. Зотова</i> . Сосна, <i>ею-же</i> .—Моему критику ***.	172
VIII.	Закулисныя нравы. Оперныя крысы, <i>С. П. Поблдоносцева</i>	176
IX.	Провинціальныя театры въ Россіи. § 1. Харьковскій театръ, его труппа, репертуаръ и самое зданіе (<i>А. Д.</i>)—§ 2. Еще нѣсколько словъ о Харьковскомъ театрѣ (<i>Н. Семеновскаго</i>).—§ 3. Нѣсколько словъ объ одномъ изъ провинціальныхъ театровъ (<i>И. Зимица</i>).	189
X.	Физиономія масляничныхъ балагановъ. Статья <i>П. Р. Фурмана</i>	215
XI.	Смѣсь. Исторія пѣсни «Мальбругъ въ походъ по-ѣхаль». — Партія на билліардѣ (водевильный анекдотъ).—Теорія афишки.—Жена знаменитаго актера Тальмы еще жива.—Какъ проводить день свой Россіи.—Сюжетъ для водевиля.—Простодушіе провинціалки.—Комедія въ полиціи.—Историческія пощечины.—По сколько за строку?—Не угодно-ли кому сюжетъ для водевиля?—Женщина за печатью (сюжетъ для водевиля).—Тернистое поприще актрисы Рашель.—Еще сюжетъ для водевиля.—Анекдоты и мелочи.	233
XII.	Хроника иностранныхъ театровъ. Парижскіе театры (<i>В. С. Межевича</i>).—Вѣнскіе театры.—Разныя извѣстія.	258
XIII.	Фельетонъ (<i>В. С. Межевича</i>).	
XIV.	Афиша.	

КЪ СЕЙ КНИЖКѢ ПРИЛАГАЕТСЯ СЦЕНА ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВѢСТИ, Н. А. ПОЛЕВАГО «ЛОМОНОСОВЪ», РИСОВАНАЯ В. Θ. ТИММОМЪ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

ТРИЛОГІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агамемнонъ, Царь Аргоса.

Клитемнестра, супруга его.

Электра } дѣти ихъ.

Орестъ } дѣти ихъ.

Эгистъ, сынъ Оіеста.

Кассандра, дочь Приама, Троянскаго Царя.

Пиладъ, сынъ Строфія, Царя Фокиды.

Еврисстенъ, пѣвецъ.

Полипеть } вельможи Аргосскіе.

Амфій } вельможи Аргосскіе.

Талліонъ } вельможи Аргосскіе.

Асклепій, рабъ Эгиста.

Тиро, прислужница Электры.

Амфіалъ } рабы Клитемнестры.

Агроней } рабы Клитемнестры.

Антиклея } рабыни Клитемнестры.

Этва } рабыни Клитемнестры.

Вѣстникъ.

Вельможи и вожди Аргосскіе, приверженцы и воины Эгиста,
народъ Аргосскій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЭГИСТЬ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дворецъ Агамемнона въ Аргосъ. Чертоги Клитемнестры. Царица, Электра и ея прислужницы вышиваютъ золотомъ ковры; посрединѣ Евристенъ съ арфою; Эгистъ стоитъ за креслами Клитемнестры.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Пѣвецъ! пѣвецъ! спой что-нибудь про Троию,
Гдѣ бился мой супругъ и мой герой.
Утѣшь меня, разсѣй, и духъ къ покою,
Взволнованный печалью, ты настрой.

ЕВРИСТЕНЪ.

Законъ пѣвцу—желаніе царицы.
Ты повелишь—и молніей родится
Восторженная пѣснь моя—и сами
Заплачутъ струны подъ перстами,
И загремѣтъ ихъ хоръ живой.

Подъ голосъ мой!

Сердце чистое забьется
Радостью святою,
Безпорочный взоръ нальется
Чистою слезою—
Но поникнетъ преступленье,
И порокъ и обольщенье
Головою!

Минута молчанія. Эгистъ дрожитъ отъ бѣшенства и опускаетъ руку на мечъ. Клитемнестра бросаетъ на него умоляющій взоръ. Евристенъ ударяетъ по струнамъ:

Гдѣ ты городъ, городъ славный
Гдѣ ты, пышный Иліонъ?
Ты великій, ты державный
И разрушенъ, и сожженъ!

Пали въ прахъ, поникли стѣны,
 Гордыхъ храмовъ и дворцовъ—
 Жертвой хитрости, измѣны,
 Гнѣва яраго боговъ.
 Было время—городъ стройный
 Возносился къ облакамъ;
 Величавый и спокойный
 Правилъ городомъ Пріамъ,
 И судьба ему въ награду
 Много радостей дала,
 И премудрая Памлада
 Славный городъ берегла.
 Могъ сѣдой отецъ гордиться:
 Трехъ прекрасныхъ дочерей
 Родила ему царица,
 И двѣнадцать сыновей.
 И съ семьей старикъ вѣнчанный
 Мирно вѣкъ свой доживалъ;
 Тишины и мира бранный
 Шумъ давно не нарушалъ.
 Вдругъ, отищеньемъ пламенѣя,
 Горделивый Менелай,
 Сынъ великаго Атрея,
 Возбудилъ Эллады край.
 И помчались герои
 Въ прахъ разрушить Илліонъ,
 И повелъ на бой ихъ строи
 Царь и вождь Агамемнонъ!
 Городъ палъ!... Судьба покрыла
 Славой Грековъ знамена,
 И великаго Ахилла
 Тѣнь была отомщена!
 Крики славы разнеслися—
 Изумился цѣлый міръ,
 И Пріама и Париса
 Умертвилъ во храмѣ Пирръ,
 Въ честь Ахилла Поликсена
 Въ жертву имъ принесена—

И прекрасная Елена
 Грекамъ вновь возвращена.
 Городъ пышный и надмѣнный
 Обросла теперь трава,
 И наложницей презрѣнной
 Стала Гектора вдова.
 У царицы у Гекубы
 Разумъ грустью помрачень,
 И смѣется воинъ грубый
 Надъ съдымъ ея челомя.
 И надъ берегомъ Скомандра,
 Подъ остатками дворца,
 Ищетъ бѣдная Кассандра
 Труповъ братьевъ и отца!
 Много стояла побѣда
 Славныхъ Греціи дѣтей!
 Плачетъ горестная Леда,
 Плачетъ горестный Пелей.
 Нѣтъ Аякса, нѣтъ Патрокла,
 Юныхъ Трековъ цвѣтъ исчезъ—
 Вся отъ крови Трой взмокла,
 А отъ слезъ Целопонезъ.
 Если-жь рокъ тебя отъ плѣна
 И отъ гибели спасеть,
 Не гордись—тебя измѣна,
 Можетъ-быть, въ отчизнѣ ждеть
 Въмѣсто счастья семейства
 Злобной радостью горя,
 Встрѣтитъ низкое злодѣйство
 Съ гнуснымъ замысломъ царя.
 Не найдешь успокоенья
 Ты въ отеческой семьѣ,
 Приготовить преступленья
 Ложе темное тебѣ!
 И когда тебѣ царица
 Полный кубокъ подасть,
 Иль, зардѣвшись, какъ денница,
 Къ груди царственной прижметъ,

Знай-быть-можетъ, безнадежный

Ядъ въ бокалѣ томъ сокрытъ—

И подь пышною одеждою

Ножъ убійственной блеситъ.

Нѣтъ Улисса! Близъ Скироса

Съ бурей бьется Менелай....

Ты, вождь Грековъ, царь Аргоса

Не спѣши въ родимый край!...

Рветъ струны сильнымъ ударомъ.

Погибни арфа бѣдная моя!

Ужель бѣду предсказываю—я!!!

эгистъ, въ бѣшенствѣ.

Пѣвецъ!... ты съ жизнію простишься!

Съдой безумецъ! клеветникъ!...

Ты нагой выдумкой гордишься!...

Я вырву дерзкій твой языкъ,

Твое истерзанное тѣло

На перепутьи брошу я—

Терпѣль я долго!... но созрѣла

Теперь награда для тебя!...

Ты смѣлъ царицы санъ священный,

Ея невинность, красоту

Безславить пѣснію презрѣнной?

Иль думалъ ты, старикъ надмѣнной,

Ея унижить чистоту?

Эй! стража! воины! схватить

Пѣвца безумнаго! въ темницу,

Въ оковахъ тяжкихъ заключить!

Пусть тотъ, кто оскорбилъ царицу

Погибнетъ въ мукахъ! и злодѣй

Пусть будетъ пищею звѣрей!

евристенъ.

Эгистъ! не я одинъ твой обличитель!

Казни меня,—есть въ небѣ Зевсъ отмститель!

Стража увлекаетъ его.

ЭЛЕКТРА.

О матерь!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ни слова! Къ прислужницамъ.

Оставьте меня! Все удаляются.

Эгистъ! я молчала! все вынесла я!
 При мнѣ ты забылся!—на казнь старика
 Велѣлъ ты увлечь, и не разъ здѣсь рука
 Твоя опускалась на мечъ, и дрожала
 И злоба въ чертахъ твоихъ ярко пылала!
 Ты бѣшенства тщетно удерживалъ крикъ—
 Стыдись! Чѣмъ виновенъ безумный старикъ?
 Онъ дерзокъ—но старость искуснымъ покровомъ
 Прикрыть не умѣетъ правдиваго слова!
 Уже-ли опасенъ старикъ для тебя?
 Онъ любить супруга, онъ любить меня!....
 Онъ къ славѣ Аргоса, къ царю онъ привязанъ,
 И царь, и Аргосъ ему многимъ обязанъ.
 Хоть старъ онъ и дряхлъ, но сѣдое чело
 Порой вдохновенъ пылаетъ свѣтло,
 И чудные звуки изъ груди летятъ
 И сыплются стройно въ гремучій каскадъ.

эгистъ.

Такъ слушай-же пѣсни Аргоса царица,
 Когда ты такъ ими умѣла плѣниться!
 Забудь раздраженный тобою народъ,
 Забудь что съ тобою насъ въ будущемъ ждетъ!
 И слушая пѣсни средь шумнаго круга,
 Забудь преступленье и мщенье супруга.
 Да! да! преступленье!—Что-жъ такъ ты дрожишь,
 И съ ужасомъ молча мнѣ въ очи глядишь?
 Его-ли раскаяньемъ ты уничтожишь?
 Уже-ли ты, слабая женщина, можешь
 Надѣяться казни за грѣхъ избѣжать?
 Супруга-ль слезами пойдешь ты смягчать?
 Впервые-ль гремитъ надъ тобой преступленье!
 И въ сердцѣ ты ищешь ему извиненья—
 Но все ты преступна: какъ грѣхъ ни зови
 Порывомъ-ли нѣги, или жертвой любви?....

Но прочь насмѣшки! выслушай меня,
 Не плачь, не будь ребенкомъ, Клитемнестра!
 Что сдѣлано—того не воротить!
 Мы оба виноваты!—оба только
 Орудіе судьбы: я, сынъ Оіеста,
 И долженъ былъ по приговору неба
 Атрея сыну за отца отмстить!—
 Старикъ пѣвецъ самимъ Агамемнономъ
 Оставленъ здѣсь, чтобъ за тобой слѣдить;
 Онъ, воротясь, потребуеть отчета—
 И что ему отвѣтитъ Евристенъ?
 Онъ знаетъ все!—Въ словахъ его, въ поступкахъ,
 Во всемъ могла увидѣть это ты.
 Что-жь дѣлать намъ?... Молчишь ты, Клитемнестра!
 Что дѣлать намъ?....

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, замолчи Эгистъ!

Попробуй упросить его.... въ награду
 Ты обѣщай богатство старику!....

ЭГИСТЪ.

Богатство?.... Для чего-же, Клитемнестра,
 Ты хочешь обмануть себя?—безумецъ,
 Горь золота онъ не возьметъ за тайну,
 Не станетъ онъ передъ царемъ молчать!
 Нѣтъ! нужно тутъ другое средство, лучше
 Вѣрнѣе и надежнѣе—и ты мнѣ
 Согласіе должна на это дать....

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ!... опять!... Второе преступленьє....
 Второе! о, какъ грозно и жестоко
 Ты вдругъ глаза преступницѣ открылъ!
 Нѣтъ! пощади! довольно одного,
 Не проливай, молю, невинной крови!
 Сошли его куда-нибудь на островъ,
 Пусть онъ въ глуши лѣсовъ кончасть жизнь—
 Но объ одномъ молю—дай жизнь ему!

ЭГИСТЪ.

Дитя! дитя! Не то-же ли убійство

Оставить старика, всегда въ довольствѣ
 Привыкшаго спокойно жизнь вести,
 Въ добычу бури, бѣдности, несчастья
 И голода и ярости звѣрей?...
 Но такъ и быть! Пусть будетъ какъ ты хочешь!...
 Ты слезъ не трать!—Что намъ судьба судила—
 То смертному нельзя перемѣнить. Уходитъ.

КЛИТЕМНЕСТРА. Одна, падаетъ въ кресла.

О! какъ ужасна! какъ жестока
 Судьба печальная моя!
 Какъ невозвратно, какъ глубоко
 Въ порока бездну пала я!
 Въ какомъ-то странномъ ослѣпленьи
 Я жизнь вела, не зная думъ—
 И мысль о черномъ преступленьи
 Не приходила мнѣ на умъ!
 Спокойно жизнь моя неслася,
 Но тотъ, кто такъ мнѣ дорогъ сталъ,
 Кому сама я отдалася,
 Повязку съ глазъ моихъ сорвалъ!
 Я повинуюсь злomu року....
 Нѣтъ! только разъ лишь часть душой—
 И незамѣтно мы къ пороку
 Идемъ незримою стезей!
 И та стезя къ чему—кто знаетъ? —
 Насъ приведетъ въ послѣдній часъ?
 И кто пойметъ, кто разгадаетъ
 Борьбу страстей и долга въ насъ?
 Нѣтъ! не сойти мнѣ съ той дороги!
 И стынетъ кровь моя въ груди,
 Когда подумаю, что боги
 Мнѣ присудили впереди!
 Пошли, Зевесъ, успокоенье
 Отраду сердцу возврати,
 Не дай мнѣ въ бездну преступленья
 Безъ покаянiя сойти!
 Не дай извѣдать горькій опытъ
 Мнѣ развращенiя души,

И сердца жаръ, разсудка ропоть
Забвеньемъ сладкимъ утиши!....

Вотъ слѣдствія грѣха и преступленья!...

Боюсь оставаться я одна,

Боюсь предаваться размышленьямъ—

Должна искать забавъ и развлеченья!

Гдѣ вы, мои прислужницы? снѣшите!

Отъ думъ моихъ и отъ самой себя

Спаси меня! *Хлопаетъ въ ладоши.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Клитемнестра, прислужницы, Электра.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я васъ звала—со мною

Грусть одиночества и скуки раздѣлить!

Мой царственный супругъ еще не возвратился,

Я безъ него скучаю и грущу.

Ты, Антиклея,—даромъ пѣснопѣнья

Тебя Зевесъ могущій надѣлилъ, —

Спой что-нибудь! Преданья нашихъ дѣдовъ,

Ихъ подвиги, ихъ битвы, ихъ любовь.

антиклея беретъ трехъ-струнную лиру и поетъ.

Въ чертогахъ Оивскаго царя

Шумъ замѣнилъ покой;

Царь битвы жаждою горя

Сбирается на бой.

И вотъ готовъ, вооруженъ

На грозный бой Амфитріонъ,

И ждетъ его подруга

Героя и супруга.

Прости, о царь мой и супругъ!

Алкмена говоритъ:

Молитвою моихъ подругъ,

Моею-сохранить

Тебя Зевесъ отъ смерти злой,
А здѣсь одна въ слезахъ, съ тоской,
Не будетъ знать измѣны
Несчастливая Алкмена.

И бьется царь, и грозно мститъ
Онъ Телебейцамъ злымъ,
И низкій врагъ дрожить, бѣжить,
Царемъ разбитъ, гонимъ.
А въ Оивахъ царственныхъ она
Сидитъ печальна и грустна,
И ждетъ царя и друга
Примѣрная супруга.

Вдругъ къ ней приходитъ отъ царя
Посланникъ и гонецъ,
И щеки радостью горя
Зардѣлись наконецъ.—

«Скажи скорѣй, гдѣ онъ, что онъ?»
—Герой и царь Амфитріонъ
Сюда сего дня будетъ,
Онъ въ ночь къ тебѣ прибудетъ!—

Чертогъ горитъ, чертогъ блеститъ,
Царя Алкмена ждетъ,
И изъ курильницъ дымъ паритъ,
Благоуханье льетъ.
И ложе убрано стоитъ,
И передъ нимъ она сидитъ,
И ждетъ его въ волненья
Любви и нетерпѣнья.

И входитъ онъ—и шлемъ и мечъ
Съ себя снимаетъ самъ,
И рветъ горя порфиру съ плечь,
Бросая къ ногамъ:

«Алкмена! вѣрная моя!
Душой съ тобой былъ въ битвѣ я!
Ты-жь помнила средь боя
Супруга и героя?»

Ее лобзаетъ страстно онъ,
 Къ груди горящей жметъ
 Прекрасную—Амфитріонъ.
 Стыдливо отдастъ
 Ему лобзанія она,
 Въ душѣ своей удивлена—
 Онъ полонъ сладострастья,
 Какъ въ первый день ихъ счастья.

И ночь прошла—на утро онъ
 Супругъ говоритъ:
 «Нашъ гордый врагъ не истребленъ,
 И не совсѣмъ разбитъ.
 Я вновь иду на смертный бой,
 Прощай! прощай другъ добрый мой!
 Не забывай супруга
 Ты, вѣрная подруга.»

Чертогъ горитъ, чертогъ блеститъ...
 Супруга проводя,
 Алкмена въ горести сидитъ,
 Вновь счастья не жди.
 Она сидитъ, груститъ—но вдругъ
 И шумъ и трескъ—ея супругъ
 Възъезжаетъ съ стройной свитой,
 Весь лаврами обвитой.

«Какъ скоро? на разсвѣтѣ дня
 Вернуться ты успѣлъ!
 Ты вѣрно грустную меня
 Обрадовать хотѣлъ.
 Ты въ эту ночь мнѣ говорилъ,
 Что Телебейцевъ не разбилъ:
 За чѣмъ-же увѣрялъ ты,
 Что ихъ не побѣждалъ ты?»

—Какъ? въ эту ночь я былъ съ тобой?...—
 «Ты такъ былъ счастливъ, радъ,

И утромъ ты, простясь со мной,
 Поѣхалъ въ путь назадъ.....
 Не ты-ль со мной здѣсь говорилъ?
 Не ты-ль же ночь здѣсь проводилъ?—
 «Ужели здѣсь, Алкмена,
 Ждала меня измѣна?»

Она горитъ, она дрожитъ
 И слезы льетъ она,
 А онъ съ презрѣньемъ говоритъ:
 —Преступная жена!
 Нѣтъ! я теперь узналъ тебя,
 Другаго ты душой любя
 Ласкала какъ супруга,
 Невѣрная подруга!

Ты примешь смерть!... Но вругъ съ небесъ
 Онъ слышитъ чудный гласъ:
 «Не обвиняй ее! Зевесъ
 Благословляетъ васъ!—
 И въ эту ночь, принявъ твой видъ,
 Онъ съ нею былъ она родить.
 Отъ мощнаго Зевеса
 Героя—Геркулеса!»

Молчаніе. Клитемистра погружена въ задумчивость.

Нѣтъ! Онъ казнить не можетъ за проступокъ!
 Онъ самъ виновенъ былъ, онъ самъ Алкмену
 Невольной сдѣлалъ грѣшницей! Мужьямъ
 Позволена невѣрность? Для чего-же
 Такъ строго за нее наказываютъ женъ?
 Амфитріонъ хотѣлъ убить Алкмену,
 Но въ этужъ ночь сѣдаго Птерелея
 Родная дочь на жертву отдавала,
 Чтوبъ только бы ему принадлежать!
 Чтô тамъ за шумъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Амфіалъ, потомъ Вѣстникъ.

АМФИАЛЪ.

Царица! прибылъ вѣстникъ!

Аргоса царь опять въ странѣ родной!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Агамемнонъ! О боги!... пощадите!....

Пусть онъ войдетъ!

ВѢСТНИКЪ.

Великая царица!

Я съ радостной къ тебѣ являюсь вѣстью:

Супругъ твой и герой вблизи столицы.

Давно уже на берега Эллады

Ступилъ онъ, послѣ славныхъ дѣлъ его,

Но до-сихъ-поръ гонцевъ не посылалъ онъ,

Хотѣлъ тебя обрадовать неожиданно,

Явившись въ отеческомъ дворцѣ;

Но подданные вмгъ его узнали

И вѣсть объ немъ повсюду разнеслась—

И съ нею онъ меня впередъ отправилъ,

А самъ сюда спѣшитъ. Народа волны

Великаго съ восторгомъ окружаютъ

И отпрягли коней отъ колесницы,

И на себѣ везетъ его народъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Благодарю боговъ!.... За вѣсть твою

Я награжу тебя!.... Принять супруга

Готова я!.. Спѣшите вы, рабыни,

Меня облечь въ блестящія одежды

И встрѣтить съ должной почестью царя!

Уходитъ; за нею прислужницы. Электра остается одна.

ЭЛЕКТРА.

Благодарю Зевеса! Мой отецъ

Со славою на родину вернулся!

Ахъ! какъ давно его я не видала!....

Еще была тогда ребенкомъ я,

Когда онъ покидалъ насъ, уѣзжая
 На грозный бой въ далекую страну.
 Но помню я и гордое чело,
 И шлемъ его пернатый, и порфиру,
 Блестящій, длинный строй оруженосцевъ,
 И матери отчаянье и слезы....
 Теперь опять увижу я его!....
 Онъ будетъ намъ рассказывать сраженья
 И подвиги прекрасные свои,
 Ахилла доблесть, разрушенье Трои....
 О какъ я буду счастлива!.... Кто это?
 Эгистъ?... Эгистъ!... Я не люблю его!....
 Онъ злой такой! Сего дня Евристена
 Онъ приказалъ въ темницу заключить.
 Я попрошу,—его простить онъ вѣрно,
 Для радости, что мой отецъ пріѣхалъ!
 Вотъ онъ! Какъ мраченъ, холоденъ, задумчивъ —
 За что его такъ любить мать моя?...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Электра и Эгистъ.

ЭГИСТЪ.

Пріѣхалъ?... да! и всѣ мои надежды,
 Всѣ планы, всѣ мечтанія должны
 Разрушиться, и обратиться въ прахъ!
 Проклятіе!... что если?... Отчего-же
 Я испытаю?....

ЭЛЕКТРА.

Что съ нимъ? Онъ такъ скученъ!

Чѣмъ не доволенъ онъ?... Эгистъ! послушай....
 Отецъ мой воротился!

ЭГИСТЪ.

Знаю!....

ЭЛЕКТРА.

Знаешь?....

Такъ я тебя просить хотѣла.... только
 Ты не сердись за это на меня!
 Сего-дня наказалъ ты Евристена:

Прости его—для моего отца!...
 Для радостнаго дня его возврата,
 Неправдажъ, ты простишь его?

Эгистъ.

Нельзя!

Электра.

Прошу тебя!....

Эгистъ.

Оставь меня въ покоѣ!

Электра.

Безжалостный!... но погоди немного, —
 Пріѣхалъ онъ.... я попрошу отца! *Убѣгаетъ.*

Эгистъ, *въ слѣдъ ей.*

Электра!.... да! она права! Пріѣхалъ!

О, это слово!... Для чего-же, волны,

Его вы пощадили, поглотивши

Могучаго и храбраго Аякса?

За чѣмъ не палъ онъ подъ стѣнами Трои,

Отъ Гектора губительной руки

Иль отъ стрѣлы развратнаго Париса!—

Что дѣлать мнѣ?... Быть-можетъ онъ рѣшилъ ужъ

Въ умѣ своемъ мнѣ смертный приговоръ!

О! Клитемнестра! я тебѣ былъ равенъ—

И не могу я быть твоимъ рабомъ!

Иль тронъ-иль смерть! Я каждый мигъ страшуся,

Что все Агамемнонъ узнастъ! Санъ мой,

Рожденіе преступное мое,

Его отца коварнаго убійство!....

Нѣтъ, прочь весь страхъ: — иль смерть иль престоль!

ЯВЛЕНІЕ V.

Амфалъ, потомъ Клитемнестра.

Амфалъ.

Эгистъ! царица славная Аргоса

Тебя желаетъ видѣть!....

Эгистъ.

Я готовъ!

Я жду ее!

АМФИАЛЪ.

Она сей часъ за мною
Послѣдуетъ.... Уходитъ.

ЭГИСТЪ.

Эгистъ! будь твердъ.... Рѣшенье
Твоей судьбы теперь въ твоихъ рукахъ.

КЛИТЕМНЕСТРА, въ вѣнцѣ и порфирѣ.

Эгистъ! Эгистъ, что дѣлать намъ?... О боги!...
Ужасно вы преступницу казните?....
Что дѣлать мнѣ? скажи! молю тебя!....

ЭГИСТЪ.

Упасть къ ногамъ обиженного мужа,
Въ слезахъ ему открыть свою вину,
Предъ всѣмъ дворомъ признаться въ преступленьи,
Принять позоръ и стыдъ и поношенье,
Сносить обиды, муки и презрѣнье—
И умереть въ мученьяхъ и стыдѣ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! что предлагаешь ты?... Возможно-ль?...
О, не шути такъ горько и ужасно.

ЭГИСТЪ.

Я не шучу! Супругъ твой рано-ль, поздно-ль
Узнаетъ все! и гнѣвъ его и мщенье
Падутъ еще ужаснѣй на тебя!
Съ презрѣньемъ онъ преступницу отвергнетъ,
Лишитъ ее достоинства супруги,
Вѣнца царицы, изъ дворца постыдно
Онъ выгонитъ тебя, и рабъ послѣднiй
Тебя съ насмѣшкой будетъ укорять,
И тотъ, кто предъ тобою ползалъ въ прахѣ,
Кто на тебя взоръ возвести не смѣлъ—
Тотъ первый гордо голову подниметь,
И заклемятъ названiемъ постыднiмъ,
Осыпавши ругательствомъ тебя,
И дерзкая нечистая рука
Поднимется на бывшую царицу,
И будетъ въ правѣ оскорблять ее
Злодѣй послѣднiй и разбойникъ низкiй.
Придешь просить кусокъ ты черствый хлѣба

Но всякій оттолкнетъ тебя ногой!...
Лишь женщина, погрязшая въ развратѣ,
Со смѣхомъ назоветъ тебя сестрой.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! Эгистъ!...! Молчи! ни слова больше!
Что дѣлать мнѣ?... О! говори скорѣе,
Что дѣлать мнѣ?... На все готова я!...

Эгистъ.

Готова ты?... такъ слушай! Тотъ, кто ложе
Съ тобою раздѣлялъ, твоимъ супругомъ,
Властителемъ Аргоса долженъ быть!
Агамемнонъ любви твоей не стоитъ....
Не стоитъ онъ царемъ Аргоса быть!...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! Не клевети такъ безразсудно!
И если хочешь жизнь его отнять,
Не отнимай его блестящей славы:
Она тебѣ нисколько не опасна—
Ея ты не достигнешь никогда.

Эгистъ.

Не славу у него отнять хотѣлъ я,
Одну тебя! Ты помнишь, какъ впервые
Увидѣвшись съ тобою въ храмѣ Реи,
Я полюбилъ тебя! Не свѣтлый санъ твой
Прельстилъ тогда меня, и не царицу,
А женщину въ тебѣ я полюбилъ!...
Ты знаешь-ли, что гордый сынъ Атрея
Θиеста сыну не проститъ во вѣкъ?
Я долженъ отъ него мой санъ и имя
Мое сокрытъ—иначе мы погибли!...
Пусть лучше онъ одинъ погибнетъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Боги!

Эгистъ! ужели нѣтъ другаго средства?...
Вѣдь это будетъ третье преступенье!...
Гдѣ Евристенъ?

Эгистъ.

Теперь намъ до него-ли?

Гдѣ Евристенъ?

Онъ больше не опасенъ!

О! еслибъ онъ одинъ зналъ обо всемъ!...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! Эгистъ!... Ты помнишь, что сказалъ онъ:

Есть въ небѣ Зевсъ отмститель!...

Эгистъ.

Да! но самъ онъ

Велѣньямъ покоряется судьбы!—

Но близьокъ часъ.... рѣшайся, Клитемнестра!...

Ты знаешь-ли чѣмъ заплатишь невѣрный

За прежнюю любовь твою? Съ собою

Въ свой край родной, къ супругъ и парицъ,

Привозить онъ наложницу свою,

Прекрасную и гордую Кассандру.

Она его опутала сѣтями

И, можетъ-быть, какъ знать? въ своей душѣ

Давно уже онъ тронъ ей назначаетъ,

Изгнаніе тебѣ приготовляя.

И нынче-жъ ты увидишь предъ собою

Коварную и гордую Троянку,

Которая въ его развратномъ сердцѣ

Ужъ мѣсто Бризеиды заступила....

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ, Эгистъ! какъ ты хитро умѣешь

Во мнѣ и гнѣвъ и злобу возбуждать!

Мнѣ уступить наложницъ—рабынь,

Мнѣ передъ ней стыдомъ себя покрыть?

Сносить ея коварныя насмѣшки,

Холодность, нелюбовь Агамемнона....

Эгистъ.

Смотрѣть какъ полонъ счастья, предъ тобою

Онъ будетъ ей лобзанья расточать,

Ласкать ее, и съ пламенной душою

Къ своей груди въ восторгъ прижимать.

Смотри, смотри, вотъ съ шумною толпою
Вступаетъ во дворець! спѣши встрѣчать....

Слышна торжественная музыка и крики народа.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! вотъ онъ!...

Эгистъ.

Еще одно мгновенье!

Позоръ и смерть!—иль жизнь и тронъ—рѣшай!

Лишь шагъ одинъ—обиды и презрѣнье,

Иль счастье, спокойствіе—и мщенье!...

Ты выбрала-ль?... Ты медлишь все!... Прощай!...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! Эгистъ!... не покидай меня!

На жизнь, на смерть—навѣки я твоя!

Рѣшилась я!... безъ жалобы и стона!...

Эгистъ, подавая ей руку.

Пойдемъ встрѣчать царя Агамемнона!

Быстро уходятъ. Звуки веселой музыки раздаются ближе

и ближе. Слышны радостные крики народа: «Да здрав-

ствуетъ царь Микенъ и Аргоса!» Занавѣсъ тихо падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

АГАМЕМНОНЪ.

Богатоубранный залъ во дворцѣ Агамемнона, раздѣленный на двѣ части длинною двойною поперечною колоннадою, которая въ глубинѣ опять раздѣляется и обѣ части ея описываютъ полукругъ. По стѣнамъ развѣшаны трофеи: мечи, щиты, шлемы и оленьи рога. На лѣвой половинѣ залы накрытъ столъ для пиршества; въ началѣ первой сцены прислужники уставляютъ его золотыми сосудами и яствами и ставятъ кругомъ сидѣльца, покрытыя пурпуромъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кассандра одна, потомъ Электра.

КАССАНДРА.

Совершилась судьба! изъ роднаго дворца,

Отъ подругъ, отъ семьи, отъ сестеръ, отъ отца,

Оторвалъ меня рокъ неизбежный!
 И изъ Трои въ Аргосъ на позоръ перенесъ,
 И страдая лила, сколько слезъ, сколько слезъ
 Въ далекъ я отъ матери нѣжной!
 Гибень былъ на меня Громовержецъ—Зевесъ!
 Не видать мнѣ во-вѣкъ ни родимыхъ небесъ,
 Славной Трои, роднаго Скамандра,
 Ни сестеръ молодыхъ, ни бойцовъ удалыхъ,
 Близъ Гекубы сѣдой, славныхъ братьевъ моихъ—
 Одинокая плачетъ Кассандра!
 Только вспомню о томъ, какъ вблизи алтаря
 Умертвилъ, закололъ Пирръ сѣдаго царя,
 Какъ священная кровь пролилася,
 Какъ сѣдинъ серебро покраснѣло,—какъ въ мѣдѣ
 Озлобленный народъ началъ камни кидать,
 И какъ кровью она облилася...
 Сердце бьется, горитъ и обниметъ грудь страхъ,
 Плакать хочется горько—нѣтъ слезъ на глазахъ,
 Рада-бъ плакать—да высохли очи!
 Ахъ, за-чѣмъ я слезъ много лила той порой,
 Когда Гекторъ, мой братъ, умиралъ какъ герой?...
 Ихъ достало-бъ до гибельной ночи!...
 И не плакала я покидая на-вѣкъ
 Пепель Трои родной, славной родины брегъ,
 Не ждала я судьбы переменъ:
 И о чемъ мнѣ жалѣть? И чего мнѣ желать?
 И не жаль за собой было мнѣ оставлять
 Только трупы да голыя стѣны!
 Я спокойна теперь! Я не жду бѣды и каръ.
 Мнѣ пророчества даръ, чудный, гибельный даръ
 Въ долю воля Зевеса послала.
 И Зевесъ говорилъ, жалость къ бѣдной храня:
 «Во дворцѣ у царя не прожить тебѣ дня!»
 И его я въ душѣ прославляла!
 Погружается въ задумчивость.
 ЭЛЕКТРА.

Кто это? боги! плѣнная Троялика!
 Бѣдна, грустна—мнѣ жаль ее... Когдабы
 Меня увлекъ отсюда побѣдитель,

И разлучилъ съ отчизной и семействомъ—
 Я вѣрно-бъ умерла!... *Подходя къ ней.* Что такъ грустна ты?
 Утѣшься!... Такъ судьба опредѣлила,
 Чтобъ пала Троя гордая предъ нами.
 Но мой отецъ и милостивъ и добръ:
 Ты хочешь—попрошу его я? вѣрно
 Отпустить онъ на родину тебя.

КАССАНДРА.

Дважды въ лѣто не цвѣсти цвѣтку въ долину,
 Дважды сердцу не испытывать кручины!
 Не возстать изъ пепла Трою славной вновь—
 Что мнѣ въ родинѣ, коль нѣтъ ея сыновъ?...

ЭЛЕКТРА.

Какъ странно говоришь ты? По всему я
 Могу примѣтить—ты не въ низкой долѣ.
 Родилась, не изъ званія простаго.
 Скажи мнѣ, кто ты, бѣдная жена?

КАССАНДРА.

Было время—обитала
 Я подъ стѣною дворца,
 Пышной розой расцвѣтала
 Подъ защитою отца.
 Межъ сестеръ моихъ и братьевъ
 Тихо жизнь текла моя,
 И въ ихъ ласкахъ, въ ихъ объятяхъ
 Бѣдъ и ала не знала я.
 И на берегъ Скаандра,
 Гдѣ вся жизнь моя неслась,
 Имя бѣдное Кассандры
 Прославлялося не разъ.
 А теперь сношу безъ стона
 Грусть удѣла моего:
 Я раба Агамемнона,
 Я наложница его!...

ЭЛЕКТРА.

Кассандра! ты, дочь славнаго Пріама,
 Въ такой одеждѣ бѣдной и простой,
 Въ такомъ ужасномъ состояннѣ?... Боги!
 Скажи, чѣмъ я могу тебѣ помочь?

КАССАНДРА.

Не жалѣй обо мнѣ! ты несчастѣй меня!
 Пожалѣй о себѣ: на закатѣ ты дня
 Потеряешь отца, и страдать и терпѣть
 Будешь горько потомъ.... Я-жъ пришла умереть,
 По велѣнью судьбы, въ этомъ мрачномъ дворцѣ!...
 Не жалѣй обо мнѣ—пожалѣй объ отцѣ!—

ЭЛЕКТРА.

Что говоришь ты? боги! стынетъ кровь!
 Агамемнонъ умереть.... Я на колѣняхъ
 Молю тебя, пророчица, Кассандра!...
 Что чудный даръ открылъ тебѣ, скажи!...

КАССАНДРА.

Не теряй ни минуты, дитя:
 Еще средство есть горю помочь!
 Отъ рожденья ни слова шути
 Не сказала Приамова дочь.
 Для отца гибель зрѣеть въ тиши:
 Помоги ты хоть сыну спастись...
 Не теряй ни минуты! спѣши!
 Близокъ часъ!... торопись! торопись!...

ЭЛЕКТРА.

Орестъ!... Агамемнонъ! Зевесъ всемогущій
 Ужель допустишь ты?... О, что мнѣ дѣлать?
 Скажи яснѣй, спаси ихъ, умоляю.

КАССАНДРА.

Нѣтъ! мнѣ отъ бѣдъ прекрасной власти
 Спасать Зевесомъ не дано;
 Несчастья, бѣдствія, напасти
 Мнѣ прорицать лишь суждено!
 И то, что я тебѣ открываю
 Въ своей душѣ ты объясни—
 Я не могу спасти, не въ силахъ,
 Не умолай! не умолай! *Быстро уходитъ.*

ЭЛЕКТРА.

Кассандра! я молю тебя!... Не внемлетъ,
 Не хочетъ объяснить мнѣ! Что начать?
 Гдѣ мой отецъ?... Она сперва велѣла
 Заботиться мнѣ объ Орестѣ!... Боги!

Внушите мнѣ, что дѣлать я должна?...
Примѣтя между рабами, которые убираютъ столъ, Акроней.
 Онъ!... Акроней! Онъ такъ Ореста любить...
 Спасти его!... бѣжать съ нимъ.... Акроней!...

АКРОНЕЙ.

Царевна!

ЭЛЕКТРА.

Акроней! На вѣрной службѣ

Ты посѣдѣлъ—ты моего отца
 Еще носилъ ребенкомъ на рукахъ.
 Такъ если ты еще Ореста любишь,
 Молю тебя, спаси, спаси его!...
 Ему сего-дня гибель угрожаетъ....
 Спаси его! бѣги съ нимъ! Тамъ въ Фокидѣ
 Царь Строфій близкій родственникъ ему....
 Онъ защититъ, спасетъ его, укроетъ....
 Молю тебя! не медли, Акроней!

АКРОНЕЙ.

Хотябъ мнѣ жизни стоило—я свято
 Исполню повелѣніе царевны.
 Я вѣрю! ясно вижу я въ чертахъ
 Твоихъ прекрасныхъ ужасъ и смятеніе.
 Спокойна будь, я тотчасъ съ нимъ сокроюсь,
 Хотя не знаю, что грозитъ ему.

ЭЛЕКТРА.

Иди! спѣши, мой вѣрный Акроней!
 Отецъ!... благодарю тебя, Зевесъ! *Акроней уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

АГАМЕМНОНЪ, Кассандра и Электра.

ЭЛЕКТРА.

Отецъ! Отецъ! О! ты опять со мною!...
 Спасайся! здѣсь тебя гибель ждетъ:
 Кассандра мнѣ сказала.

АГАМЕМНОНЪ.

Успокойся!

Ты, доброе и милое дитя,

Не знаешь ты еще моей Кассандры:
Она пугаетъ часто предвѣщаньемъ,
И любить всѣмъ несчастія сулить.

ЭЛЕКТРА.

Такъ это все не правда?... О! ужели....

Ошиблася пророчица Кассандра?...

А я такъ испугалась за тебя,

За милаго Ореста.... Акронею,

Прости меня, велѣла я бѣжать,

Спасать его!...

АГАМЕМНОНЪ.

Напрасно! повели ты,

Чтобъ тотчасъ Акронея воротили:

Онъ можетъ испугать народъ мой вѣрный.

Ты-жь, милая Электра, успокойся,

Иди къ себѣ въ чертогъ и насъ оставь!

Электра прижимается къ груди отца и уходитъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандра! я тобою не доволенъ!

Въ моемъ дворцѣ ты разсѣваешь слухи

О гибели, грозящей мнѣ, пугаешь

Дочь милую мою. Скажи, ужели

Увѣрена такъ въ смерти ты моей?...

КАССАНДРА.

Не Кассандра предсказала смерть героя—

Самъ Зевесъ предвозвѣщаетъ чрезъ нее:

И еще не гибла царственная Троя

Я предвидѣла паденіе ея.

АГАМЕМНОНЪ.

Но посмотри! я здѣсь! въ кругу семейства,

Въ моемъ дворцѣ, въ кругу жены, дѣтей.

Чего страшиться мнѣ?... Меня щадила

На брани смерть, и здѣсь-ли поразить?

КАССАНДРА.

Смерть сражаетъ средь разгуга грозной битвы,

Смерть сражаетъ средь разгуга на пиряхъ,

На груди супруги, въ помыслахъ молитвы,

Въ думѣ грустной, съ звонкой чашею въ рукахъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Нѣтъ! гибель Трои царетвенной на сердце
 Навѣяла тебѣ такія думы:
 Теперь вездѣ ты видишь лишь убійства
 И заговоры. Счастья съ юныхъ лѣтъ
 Не знала ты, но здѣсь, въ моемъ дворцѣ,
 Его найдешь ты, добрая Кассандра!
Въ глубинѣ сцены показывается Клитемнестра и Эгистъ.
 Ты на груди моей забудешь муки
 И память объ отцѣ твоемъ и Троѣ
 Не будетъ здѣсь тревожить, нарушать
 Твоей спокойной жизни. Ты здѣсь будешь
 Имѣть все то, что хочешь. Изо всѣхъ
 Сестеръ твоихъ, блестящихъ красотой,
 Ты больше всѣхъ поправила ся мнѣ
 Своею чистой, доброю душою,
 Своею вѣчной грустью, и тебя я
 Съ собою взялъ въ аргосскій мой дворецъ,
 Не для того, чтобъ плѣнницей ругаться,
 Ее рабыней сдѣлать—нѣтъ, Кассандра!—
 Но для того, чтобы моею любовью
 Заставить позабыть тебя о Троѣ,
 И грусть твою разсѣять попеченьемъ!

Наклоняетъ ея голову и нѣжно цѣлуетъ ее.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Злодѣй!

ЭГИСТЪ.

Еще не вѣришь, Клитемнестра,
 Обману и любви Агамемнона?
 Смотри, какъ нѣжно онъ ее лобзаетъ!
 Пади во прахъ, аргосская царица,
 Передъ рабой твоей....

КЛИТЕМНЕСТРА.

Молчи, Эгистъ!

Я все узнала—вѣрю я всему!
 И месть моя теперь ужасна будетъ.

ЭГИСТЪ.

Смирн свой гнѣвъ на-время!... Удалимся....

Ее оставитъ скоро онъ. Тогда
Удобнѣ ты мечь свою исполнишь.

Скрываются за колоннами.

КАССАНДРА.

Не знавала я нѣжныхъ объятій,
Не знавала я страстной любви,
А объятя сестеръ моихъ, братьевъ
Не будили волненья въ крови.
Санъ супруги высокій, прекрасный
Не дала мнѣ судьба занимать!
Мнѣ наложницей бѣдной безстрастной
Суждено и грустить и страдать.

АГАМЕМНОНЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я разгою твои страданья!
Съ охотою, чтобъ мукъ твоихъ не видѣть,
Я-бъ отослалъ на родину тебя,
Но мѣсто то, гдѣ Троя возвышалась,
Покрываетъ одинъ могильный, грозный холмъ!

КАССАНДРА.

Нѣтъ! зачѣмъ мнѣ видѣть Трою?
Вновь иль въ пепѣ, иль въ огнѣ?
Здѣсь назначено судьбою
Умереть съ тобою мнѣ....
И теперь во мнѣ проснулось
Чувство радости въ груди!
Сердце, ноя, содрогнулось....
Вижу.... вижу.... впереди!...
Пиръ и смерть.... царицы мщенья!...
Звукъ мечей.... проклятья.... стоны!...
Совершится преступленье!
Удались Агамемнонъ.
Вижу я! мои страданья
Всѣ окончатся сей-часъ,
Прекратилось изгнанье,
Близокъ мой послѣдній часъ....
Жизни здѣсь не принесу я
Въ дань ни вздоха, ни слезы —
О, оставь меня, молю я!...

Самъ спасайся отъ грозы.

Нѣтъ! назначено судьбою!...

И спастись тебѣ нельзя,

И сего дня—же съ тобою

Предъ Плутономъ свижусь я!...

АГАМЕМНОНЪ.

Опять ты въ думы черныя впадаешь,

Опять бѣды пророчествуешь ты!

Зачѣмъ тебя оставить умоляешь?

Разсѣй свои видѣнья и мечты!

Но ты меня не слушаешь, въ мечтанье

Ты мыслями, душой погружена....

Прощай! Прощай!... до новаго свиданья

Пророчица!... Не будь-же такъ грустна!... Уходитъ.

КАССАНДРА.

Вижу Элизіумъ.... тѣни родныя!

Радостью чистой горя,

Вижу согражданъ толпы густыя,

Вижу сѣдаго царя,

Гектора вижу, вижу Париса,

Вижу сестеръ, мою мать,—

Легкимъ полетомъ всѣ понеслися

Дружно Кассандру встрѣчать!

Радостью чистой, радостью новой

Вдругъ оживилася я!

Зевсъ всемогущій! къ смерти готова

Бѣдная жертва твоя.

ЯВЛЕНІЕ III.

Кассандра, Клитемнестра и Эгистъ въ глубинѣ. Во время этой сцены прислужники задерживаютъ все пространство между колоннами пурпуровою занавѣсью, такъ-что лѣвая половина заль остается только спереди открытою зрителямъ.

Кассандра хочетъ уйти, Клитемнестра, быстро входя, останавливаетъ ее.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Куда спѣшишь, прекрасная Кассандра?

Не новое-ль свиданье ей назначилъ

Аргоса царь, герою Агамемнону?...
 Коварная, презрѣнная рабыня!
 Ты хочешь быть соперницей моею!
 Не на чело-ль наложницы безчестной
 Вѣнецъ царицы хочеть онъ надѣть?
 Скажи, что обѣщаль тебѣ предатель?
 Съ меня сорвать порфиру и вѣнецъ,
 Рабамъ своимъ отдать на поруганье,
 Заставивши служить другой царицѣ,
 И предъ тобой колѣна преклонять?
 И на чело своей супруги прежней
 Пятно стыда, безчестья наложить?
 Вашъ замыселъ хорошъ былъ, но къ-несчастью
 Его открыла я. Вамъ не удастся
 Лишить меня и сана и вѣнца.
 Доселѣ безнаказанно царицу
 Аргосскую никто не оскорблялъ!...
 И не престоль тебя—а гибель ожидаетъ!
 Не ложе царское—могилы страшный кровъ!
 За оскорбленіе она тебѣ отмщаетъ:
 Онъ санъ унизилъ мой, презрѣлъ мою любовь,
 Онъ въ замыслахъ своихъ мнѣ смерть предназначаетъ,
 Но прежде здѣсь его съ твоей прольется кровъ!...
 Во прахъ наложница! твой брачный одръ готовъ!
 КАССАНДРА.
 Ахъ! зачѣмъ-же преступленію
 Отдалась охотно ты?
 И смѣлило ослѣпленіе
 Думы, чистыя мечты?
 И зачѣмъ виной позорною
 Ты теперь меня чернишь?
 Не сама-ль ты страстью черною
 И преступною горшишь?
 Развѣ можешь ты проклятіемъ
 Бѣдной плѣнницѣ грозить?
 Ты сама въ чужихъ объятіяхъ
 Грѣхъ свой хочешь позабыть!
 Развѣ ты, жена преступная,
 Не таишь на сердцѣ зла?

Сожалѣнью не доступная,

Ты супруга обрекла! Смерти грозной и мучительной:

Какъ-же можешь упрекать

Ты меня въ винѣ простительной,

Не супругу и не мать?...

КЛИТЕМНЕСТРА.

О.... Боги!... Въ изнеможеніи опирается на колонну.

Эгистъ, подбѣгая.

Клитемнестра? Что съ тобою

Одумайся! погибель неизбежна:

Она откроетъ все!... Ты время тратишь!...

Еще ль сносить ты можешь оскорбленья?

Троянка здѣсь смѣется надъ тобою,

И слушаешь ее тыхладнокровно!

Рази!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ!... Бросается къ Кассандрѣ и поражаетъ ее

кинжаломъ.

Коварная умри!...

КАССАНДРА падаетъ.

Благодарю!... конецъ мученью!

Не буду больше я страдать....

О!... сладкій часъ соединенья!

Отецъ.... сестра.... мой Гекторъ!... мать!...

Эгистъ накидываетъ на нее шитонъ свой и хлопаетъ ее

ладоши, входятъ два воина и уносятъ ее.

КЛИТЕМНЕСТРА закрываетъ лицо руками!

Вотъ третье совершилось преступленья!...

Готово-ли четвертое Эгистъ?

Эгистъ.

Готово все!... насъ двадцать человѣкъ.

Сообщниками городъ весь наполненъ,

И на пиру падетъ Агамемнонъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ! Эгистъ! за наши преступленья

Въ часъ смерти злой одинъ отвѣтишь ты!

Быстро уходитъ.

ЭГИСТЪ.

О! какъ еще слаба ты, Клитемнестра!
 Но шагъ свершенъ. Я самъ хотѣлъ нарочно,
 Чтобы она Кассандру умертвила.
 Она должна къ пороку пріучиться:
 Намъ многое осталось совершить...
 Электра!... Избѣгу ея распросовъ. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭЛЕКТРА ПОТОМЪ АГАМЕМНОНЪ.

ЭЛЕКТРА.

Эгистъ!... ушелъ?... Ахъ! Боже мой! не смѣю
 Сказать отцу.... а мать моя сего-дня
 Все сердится, груститъ.... и я не знаю
 Но отъ чего-то также скучно мнѣ...
 Я все боюсь—меня такъ напугала
 Своими предсказаньями Кассандра....
 Отецъ!... *Агамемнонъ входитъ.*

Ахъ! я сказать тебѣ боялась!

Мой вѣрный Акроной уже уѣхалъ
 Съ Орестомъ, я искать ихъ посылала,
 Никто не зналъ куда они сокрылись,

АГАМЕМНОНЪ.

Оставь, Электра! послѣ можно будетъ
 Ихъ воротить.... Мнѣ что-то очень грустно,
 И это все Кассандры предвѣщанья.
 Ты видѣла се?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ!... ахъ! тебя я

Давно просить хотѣла: безъ тебя
 Эгистъ въ темницу заперъ Евристену.
 Прости его, отецъ!...

АГАМЕМНОНЪ.

Эгистъ! въ темницу?

За что?... И развѣ здѣсь имѣлъ онъ власть
 Наказывать безъ воли Клитемнестры?

ЭЛЕКТРА.

Да! мать ему позволила все дѣлать....

АГАМЕМНОНЪ.

Эгистъ! кто онъ? откуда?... видъ его
 Мнѣ что-то подозрителенъ.... Въ немъ что-то
 Ужасное.... Онъ управлялъ Аргосомъ
 Въ отсутствіе мое.... но Клитемнестра,
 Зачѣмъ ему всю поручила власть?...
 И какъ его узнала?... Подозрѣнье
 Сего-дня-же я долженъ объяснить!...
 Вели освободить ты Евристену.... *Электра уходитъ.*
 Эгистъ! кто онъ?... Ужели предсказанье
 Кассандры?... нѣтъ.... прочь ложный страхъ. Я твердымъ
 Всегда былъ мужемъ, и кого щадилъ
 Слѣпая смерть въ бояхъ подъ славной Троей,
 Ужель теперь осмѣлится сразить?
 Нѣтъ! нѣтъ! къ чему пустыя опасенья!
 Здѣсь ждетъ меня и радость и любовь.

ЯВЛЕНІЕ V.

АГАМЕМНОНЪ и АСКЛЕПІЙ.

АСКЛЕПІЙ бросается на колыни.

Великій царь!... Ты видишь предъ собою
 Злодѣя и преступника! Онъ молитъ
 Простить его; въ раскаяньи къ стопамъ
 Твоимъ онъ припадаетъ: я, Асклепій,
 Эгиста рабъ, досель повелѣнья
 Послушно я и вѣрно исполнять;
 Но нынчѣ онъ къ себѣ меня призвавши,
 Велѣлъ мнѣ взять съдаго Евристена,
 И отвезя его на ближній островъ
 Тамъ умертвить, а тѣло бросить въ море.
 «Я тѣмъ сдержу свое ей обѣщанье»,
 Прямо вѣлъ онъ.... «и буду безопасенъ»...
 Прости меня!...

АГАМЕМНИОНЪ.

Убийство! у меня
 Въ моихъ владѣннхъ.... вѣрный Евристенъ мой!...
 Нѣтъ, это слишкомъ!... Что все это значить?...
 И ты, злодѣй, исполнилъ повелѣнне?...

АСКЛЕПИЙ.

Нѣтъ, мой властитель! Я пришелъ въ темницу,
 Но старца видъ и совѣсти мучены
 Мнѣ не дали намѣреня свершить.
 Онъ умолялъ меня ему позволить
 Прожить лишь часъ одинъ, но чтобъ увидѣть
 Владыку своего: тебѣ онъ тайну
 Ужасную намѣренъ сообщить.
 Онъ говорить: отъ этой страшной тайны
 И жизнь твоя, и честь зависѣть будетъ....
 И слезы старца тронули меня.
 Его я тайно вывелъ изъ темницы
 И скрылъ въ надежномъ мѣстѣ, а Эгисту
 Сказалъ, что повелѣнне исполнилъ.
 Позволишь-ли явиться Евристену?
 Я жду теперь велѣннхъ твоего....

АГАМЕМНИОНЪ.

Встань! твоему раскаянью я вѣрю!
 Достойнъ казни ты, но я прощаю.
 Вели явиться Евристену!

АСКЛЕПИЙ.

Боги!

Не вамъ ли въ милосерднн онъ подобенъ!...
 Благодарю, сто-кратъ благодарю! Уходитъ.

АГАМЕМНИОНЪ.

Ужели не ошибся я? Ужели
 Мои всѣ подозрѣннхъ справедливы?...
 Какую тайну хочетъ онъ открыть?...
 Кассандра! Ахъ! ея злобннхъ голосъ
 Мнѣ слышится, и горестъ противъ воли
 Запала въ грудь мою! но горе, горе,
 Когда я преступленне открою!...
 Виновныхъ не спасетъ ничтô отъ гнѣва,—но
 И страшно грянетъ мщенне мое.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Агамемнонь, Эгистъ, потомъ вожди и дворъ Агамемнона, приверженцы Эгиста и прислужники.

ЭГИСТЪ.

Великій царь Аргоса и Микенъ,
Агамемнонь, герой и полководецъ!
Здѣсь вѣрные рабы твои, собравшись,
Велѣнья ждуть владыки и царя,
Веселый пиръ съ тобою раздѣлить,
И праздновать въ отечество возвратъ твой....

АГАМЕМНОНЪ.

Эгистъ!... еще во многомъ ты мнѣ долженъ
Отчетъ отдать. Я очень-недоволенъ
Поступками твоими: Евристена
Ты повелѣлъ безчестно умертвить....

ЭГИСТЪ.

Я, Государь!... Прошу тебя лишь только
Здѣсь выслушать меня; потомъ суди,
Казни, когда достоинъ казни я....
Но умоляю! Свѣтлый пиръ окончи,
И радости всеобщей не смущай
Заботою: я все тебѣ открою.

АГАМЕМНОНЪ.

Эгистъ! Эгистъ! не жди себѣ прощенья,
Когда меня ты мыслишь обмануть....
Зови вождей, и пусть начнется пиръ.

ЭГИСТЪ, подзывая Амфіала.

Готово-ли?

АМФІАЛЪ.

Готово!...

ЭГИСТЪ.

Я подамъ

Вамъ знакъ — до-тѣхъ-поръ что-бы ни случилось,
Молчать и ждать....

Залъ наполняется вождями Агамемнона, Аргосскими вельможами.

АГАМЕМНОНЪ.

Помощники мои
На брани и въ совѣтъ! Приглашаю
Васъ раздѣлить со мною скромный пирь.

всѣ.

Да здравствуетъ Агамемнонъ великій!...
Всѣ занимаютъ свои мѣста. Агамемнонъ наполняетъ ви-
номъ чашу.

АГАМЕМНОНЪ.

И первый кубокъ въ честь погибшихъ братій,
И ихъ тѣнямъ я въ жертву приношу....

Они легли подъ Троей, души храбрыхъ
Пожралъ Андъ. Въ сердцахъ мы пожелаемъ
Чтобъ имъ въ удѣлъ Элизіумъ достался!...

Миръ надшимъ!... честь и слава ихъ дѣламъ!
Выливаетъ вино на полъ, раздается шумъ.

Кто тамъ нашъ пирь веселый нарушаетъ?

За сценой слышенъ голосъ Евристеня.

Злодѣи.... Защити Агамемнонъ!

АГАМЕМНОНЪ.

Мой вѣрный Евристенъ! но кто тамъ смѣетъ
Удерживать его? выпустить пѣвца!

Нѣсколько слугъ бросаются исполнять приказаніе, другіе
стоятъ неподвижно.

АМФИЛЪ, Эвисту,

Не время-ль?

ЭГИСТЪ.

Нѣтъ еще! Аскленій хитрый
Отъ смерти спасъ сѣдаго старика,
Онъ дорого за это мнѣ заплатитъ!
Но Евристенъ является здѣсь къ-статі,
Пусть выскажетъ онъ все Агамемнону,
Пусть передъ смертью все узнаетъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, Евристенъ блѣдный, одежда его въ беспорядкѣ, волосы
всклочены.

ЕВРИСТЕНЪ.

Агамемнонъ!... давно-ль въ твоємъ дворцѣ
Ругаются надъ сѣдинами старцевъ,
И оскорбляютъ вѣрныхъ слугъ твоихъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Мой вѣрный Евристенъ!... Повѣрь, я строго
Всѣхъ накажу за оскорбленье старца.
Призвать сюда виновныхъ!...

ЕВРИСТЕНЪ.

Погоди!

И послѣ все ты розыскать усѣешь.
Здѣсь есть другой, кто болѣе виновенъ,
И кто достоинъ самой лютой казни.
Агамемнонъ!... Ты весело пируешь,
Не знаешь ты, что смерть грозитъ тебѣ,
Что, можетъ-быть, бокаль, который ты
Довѣрчиво къ устамъ своимъ подносишь
Отравою губительною полнъ.
Съ тобою здѣсь пируетъ первый врагъ твой!
Царица, позабывъ и долгъ и честь,
Съ нимъ ложе раздѣлила, презирала
Все, чѣмъ она обязана супругу.
Межъ-тѣмъ, какъ ты подъ Троею сражался
И кровь свою за Грековъ проливалъ,
Злодѣи здѣсь Клитемнестру развращалъ,
И надъ тобою съ насмѣшкою ругался.
Онъ братъ тебѣ—онъ плодъ кровосмѣшенья,
Исчадье зла, грѣха и преступленья—
Ужель его не зналъ до сей поры?
Фіеста сынъ и сынъ своей сестры!
Агамемнонъ, надеждъ не ввѣрайся:
Сраженъ его рукою твой отецъ—
Злодѣи тебѣ готовятъ смерть, спасайся!
Тебя не защититъ ни твой дворецъ,
Ни санъ царя—и близокъ твой конецъ!...

АГАМЕМНОНЪ.

Эгистъ! о Боги!...

ЭГИСТЪ.

Да! я тѣмъ горжуся

Что я Эгистъ, что мной убить Атрей....

Здѣсь местию вполне я наслажуся!

Правъ Евристенъ,—я извергъ, я злодѣй!

Я развратилъ Аргосскую царицу,

Я самъ ее къ пороку побуждалъ,

И сколько разъ и утро и денницу

Въ объятыхъ Клитемнестры я встрѣчалъ!...

Она меня къ убійству возбудила,

На жизнь твою я съ нею замышлялъ,

Она Кассандру здѣсь твою убила....

Теперь и твой послѣдній часъ насталъ!...

Ко мнѣ друзья!... напрасна оборона!...

Впередъ! за мной! и смерть Агамемнону!...

Обнажаетъ мечъ и бросается на Агамемнона; небольшое число друзей и прислужниковъ защищаютъ его. Приверженцы Эгиста съ криками: «Смерть Агамемнону!» слѣдуютъ за нимъ, занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ОРЕСТЬ.

Чертогъ Клитемнестры, съ портикомъ на заднемъ планѣ.
Входъ завѣшенъ пурпуровою тканью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клитемнестра сидитъ въ богатыхъ креслахъ. Подлѣ нея Эгистъ, вокругъ прислужницы.

АНТИКЛЕЯ, поетъ.

Много есть подъ небесами

Чудныхъ странъ, прекрасныхъ странъ,

Но межъ этими странами
 Лучшій край намъ Зевсомъ данъ.
 Обойди всѣ веси, грады,
 Весь обширный, этотъ свѣтъ—
 Но милѣй родной Эллады
 Въ цѣломъ свѣтѣ края нѣтъ!

ЭТЕА.

Здѣсь Зефиръ прохладный вѣетъ,
 Дышетъ нѣгою луна,
 И прозрачная синѣетъ
 Вдоль по берегу волна;
 Лавръ раскинулся широко,
 Устремился тополь въ высь,
 И нагнулся одиноко
 Надъ могилой кипарисъ.

АНТИКЛЕЯ.

Воздухъ нѣгой навѣваетъ,
 Съ тихимъ вѣтромъ шепчетъ лѣсъ,
 И привѣтливо сіяетъ
 Солнце яркое съ небесъ.
 Въ яркихъ краскахъ лугъ пестрѣетъ,
 Ароматами богатъ,
 И налившись сокомъ зрѣетъ
 Въ полныхъ гроздахъ виноградъ!

ЭТЕА.

Чудный край, куда сходили
 Боги нѣкогда съ небесъ,
 Гдѣ вожди, герои жили,
 Гдѣ сражался Геркулесъ,
 Гдѣ Язонъ въ свой путь собирался,
 Мудро царствовалъ Тезей,
 Въ звучныхъ пѣсняхъ разливался
 Трелью чудною Орфей.

АНТИКЛЕЯ.

Чудный край, гдѣ смертный новой
 Жизнью дышетъ естества,
 Гдѣ природа подъ покровомъ
 Подъ вліяньемъ божества,

Гдѣ Дріада молодая
Дубъ заветный свой хранитъ,
Нимфа, слезы проливая,
Свѣтлой рѣчкою бѣжитъ.

ЭТЕА.

Чудный край, гдѣ въ ночь Діана
Съ неба блѣдная глядитъ,
Гдѣ свирѣль сатира—Пана
О Сиринксѣ говоритъ,
Дафна въ лаврѣ жизнь кончаетъ,
Филомелы слышанъ стонъ,
И головку наклоняетъ
Съ тихой грустью Анемонъ.

АНТИКЛЕЯ.

Чудный край, гдѣ кони Феба,
Разсыпая искръ каскадъ,
Снопъ лучей, по своду неба
Въ колесницѣ бога мчатъ!
Чудный край, гдѣ породился
Гордый смертный съ божествомъ,
Гдѣ покорно онъ склонился
Предъ судьбою въ прахъ челомъ...

ЭГИСТЪ, прерывая.

Довольно! удалитесь! *Прислужницы уходятъ.*
Вздорной пѣсню

Они мнѣ надоѣли! хороша
Природа здѣсь—но дуренъ человекъ!...
Его Зевесъ переменить не можетъ!...

КЛИТЕМНЕСТРА, слабымъ голосомъ.

Эгистъ! позволь мнѣ слушать пѣсни ихъ!
Они мои страданья облегчаютъ:
Ихъ слушая, стараюсь я забыть
Ужасное прошедшее мое!...

ЭГИСТЪ.

Нѣтъ! не зачѣмъ!... Послушай, Клитемнестра!
Мнѣ жалобы всегдашнія твои
Не нравятся—ты вѣчно все тоскуешь,
Все плачешь, стонешь—что все это значитъ?

О чемъ грустишь? Ты мною недовольна, —
А я тобой! Жалѣешь о прошедшемъ, —
А я объ настоящемъ. Перестань,
Къ чему грустить? О чемъ грустить?...

КЛИТЕМИСТРА.

Эгистъ!

Не отнимай хоть слезъ ты у меня! —
Раскаянья святого не лишай.
Ты помнишь-ли, семь лѣтъ тому назадъ
Мы также здѣсь сидѣли, также ибѣни
Я слушала, но только не прислужницъ
Моихъ—а Евристену! Въ первый разъ
Тогда ты мнѣ глаза открылъ, и бездну
Я въ первый разъ узрѣла предъ собой.
И слово преступленья въ первый разъ
Надъ головою моею загремѣло.
Теперь я свыклась съ нимъ, его узнала,
Но дорого за это заплатила—
Спокойствіемъ и чистотой души.
Семь лѣтъ прошло съ послѣдняго убійства,
Ужаснаго убійства, и съ-тѣхъ-поръ
Я радости, я счастья не знала,
Я ночью сновъ отрадныхъ не видала,
И плакать не могла; давила грудь
Лишь мысль одна о страшномъ преступленьи,
И если я, измучившись, въ волненьи,
Могла хоть мигъ сномъ сладостнымъ заснуть—
Средь грезъ ночныхъ не знала я покою,
Во мракѣ онъ являлся предо мной,
На небо мнѣ указывалъ рукою,
Взоръ на меня вперивъ холодный свой;
Онъ блѣденъ былъ, въ чертахъ его страданье,
Въ коронѣ онъ и въ царскомъ одѣяньи,
Вся жизнь его въ глаза передилаась.
И вѣло отъ мертвеца могилой,
И онъ глядѣлъ холодный и унылой,
А на груди кровь густо запекалась...
Я въ ужасѣ блѣднѣла и дрожала,
Я въ страхѣ одръ свой пышный покидала—

Но очи мертвеца, полны огня—
 Вотъ какъ теперь смотрѣли на меня!...
 эгистъ, блѣдный, въ ужасѣ, оборачивается
 и схватываетъ Клитемнестру за руку.

Гдѣ онъ?... спасите!... нѣтъ!... то былъ обманъ!
 Зачѣмъ себя пугать... Въ воображеньи
 Его ужасный образъ создавать...
 Но ты его опять желала-бъ видѣть?...
 Прошедшее желала-бъ возвратить?...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я-бъ отдала за жизнь Агамемнона
 И жизнь свою, и счастье цѣлой жизни...
 Пусть большія страданья на меня
 Обрушатся, пусть муки...

эгистъ.

Клитемнестра!

И это говоришь ты мнѣ, Егисту,
 Супругу твоему, царю Аргоса?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Цареубійцѣ, извергу, злодѣю,
 Оіеста сыну.

эгистъ, обнажая кинжалъ, въ блыщенствѣ.

Клитемнестра! горе

Тебѣ, когда еще ты скажешь слово!...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну, что-жь? убей меня!... мнѣ жизнь постыма,
 Я только знаю въ ней тоску да горе!

Убей меня, и ты спокоенъ будешь,
 Не будешь ты бояться, чтобъ открыла

Сообщница твоя всѣ преступленья,
 Которыя ты съ нею совершилъ!...

Убей меня!... за всю мою любовь
 За все, что принесла тебѣ я въ жертву,

Ты наградишь меня своимъ презрѣньемъ.
 Я каждый день должна сносить обиды,

Твой грубый нравъ, досаду, оскорбленья,
 Убей меня!—а я за преступленья

Давно тобой наказана жестоко!
 Хоть поздно разгадала я тебя—

Хоть думала я долго въ ослѣпленіи,
 Что изъ любви ко мнѣ на преступленіе
 Рѣшался ты! нѣтъ! я узнала ясно
 Всю черноту души твоей.... Престола
 И царства ты давно искалъ, и вѣки
 Орудіемъ была лишь къ возвышенью!...
 Убей меня!—Ты видишь, все я знаю,
 Все угадала—и въ душѣ моей
 Къ тебѣ теперь презрѣніе пылаетъ—
 Твой видъ во мнѣ лишь ужасъ возбуждаетъ.
 Убей меня—я смертию смою стыдъ,
 И тамъ меня, быть-можетъ, онъ проститъ!...

Эгистъ.

Ты поняла! — Тѣмъ-лучше! — Предъ тобою
 Я никогда скрываться не хотѣлъ!...
 Ты мнѣ была нужна, и я пустою
 Къ тебѣ во вѣкъ любовью не горѣлъ!...
 Теперъ мнѣ жизнь нужна твоя. Къ народу
 Еще меня привязываешь ты,
 Но съ смертію твоею найдутъ свободу
 Умы гражданъ, ихъ дерзкія мечты.
 Въ тебѣ они дочь Громовержца любятъ,
 Тебя они въ волненіи не погубятъ.
 Терпи, страдай — хоть горести твоей
 Не вѣрю я: отчаянемъ притворнымъ,
 Быть-можетъ, хочешь скрыть ты замысль черной.
 И понялъ я тебя въ душѣ своей!
 Агамемнонъ погибъ какъ безразсудный,
 Но, вѣрь мнѣ, обмануть Эгиста трудно. *Уходитъ.*

КЛИТЕМНЕСТРА, *въ отчаяніи падаетъ въ кресла.*

Еще упрекъ и оскорбленіе! Боги,
 Жестоко вы караете преступныхъ!
 Не въ правѣ-ль онъ меня подозрѣвать?...
 Кто разъ уже рѣшился на убійство,
 Тому не трудно новое свершить!...
 Эгистъ, Эгистъ! всего меня лишилъ ты!
 Народъ меня не любитъ, презираетъ,

Являюсь-ли во храмъ я—храмъ пустѣеть,
 По улицамъ моей страхается встрѣчи,
 Дворецъ мой опустѣль, бѣднякъ за данью
 Обычною не смѣетъ приходить,
 Обиженный просить меня боится,
 На лицахъ всѣхъ я ненависть читаю
 И грозныя слова: она убища
 Супруга и царя!... Родная дочь
 Меня прижать къ груди своей страхится,
 Я грустью съ ней не смѣю подѣлиться,
 И душу ей свою боюсь открыть.
 Мой милый сынъ, Орестъ мой, можетъ-быть,
 Въ несчастіи, въ страданьяхъ жизнь кончаетъ,
 И мать свою клянеть и презираетъ!...

ЯВЛЕНИЕ II.

Клитемнестра и Электра.

ЭЛЕКТРА.

Прости меня, царица! Изъ Фокиды
 Два странника къ намъ прибыли въ Аргосъ,
 Но въ городѣ ихъ стражи захватили
 Какъ странныхъ, подозрительныхъ людей
 И привели сюда, чтобъ здѣсь Эгистъ ихъ
 Самъ допросилъ, какъ дѣлаетъ всегда.
 Но нѣтъ теперь Эгиста; онъ побѣхалъ
 Осматривать окрестности Аргоса;
 Такъ ты позволь ихъ не сажать въ темницу,
 Какъ дѣлаютъ всегда, но допусти,
 Чтобъ во дворцѣ ихъ нашемъ угостили:
 Они изнурены дорогой дальней,
 И молоды, и вѣрно не виновны
 Ни въ чемъ — позволь имъ дать гостепріимство,
 Покамѣстъ не вернется самъ Эгистъ.
 Но, дочь моя.... ты знаешь, безъ него я
 Здѣсь не могу ничѣмъ распорядиться.
 Прощу тебя.... Когда они виновны,

ЭЛЕКТРА.

Онъ послѣ ихъ накажетъ: неужели
 Ты хочешь, чтобы странники сказали,
 Что имъ въ гостепримствѣ отказала
 Аргосская царица?... Я давно
 Тебя ужъ не просила ни о чемъ —
 Уже ли моей ты просябы не исполнишь?

КЛИТЕМНЕСТРА.

О! для тебя готова я навѣдь
 Эгиста гнѣвъ и ярость на себя,
 Ты странниковъ прими, и позаботься,
 Чтобы они меня не проклинали,
 Когда къ себѣ въ отчизну возвратятся. *Уходитъ.*

ЭЛЕКТРА.

Что съ ней?... Она разстроена, въ волненьи,
 И никогда такъ не была добра!
 Коварная!... и я ее должна
 Звать матерью своею!... О! Электра,
 Какъ ты переѣдилася? Давно-ли
 Ты такъ была безпечна, весела,
 Довѣрчива! Нѣтъ, опытъ, горькій опытъ
 Меня заставилъ осторожной быть.
 Я помню всѣ слова Кассандры бѣдной!...
 Она меня въ послѣдній разъ учила
 Ни ласкамъ, ни словамъ не довѣрять.
 Кому-же вѣрить мнѣ? родная мать
 Запятнана убійствами супруга
 И плѣнницы Троянской — и подруги
 Нѣтъ у Электры бѣдной; вокругъ нее
 Рой подкушенныхъ прислужницъ замѣчаетъ
 И каждый шагъ и каждый вздохъ ей.
 Но боги!... неужели недоступна
 Раскаянью святому мать моя?...
 И совѣсти не чувствуетъ упрековъ?...
 Она-бъ могла всѣ муки, всѣ страданья
 Въ грудь дочери покорной перелить,
 И вмѣстѣ съ ней о милости Зевеса,
 И объ его прощеньи молить....
 Но нѣтъ! она всегда такъ горделива

Такъ холодна, спокойна, молчалива....
 О боги, для чего она мнѣ мать?!

ЯВЛЕНІЕ III.

Электра, Тиро, потомъ Орестъ и Пиладъ.

ТИРО.

Царевна! повелѣнья Клитемнестры
 Тамъ стража ждетъ: какая участь будетъ
 Двухъ странниковъ?

ЭЛЕКТРА.

Она прощаетъ ихъ:

Они свободны, — ихъ Эгистъ допроситъ.

ТИРО.

Я сообщу рѣшеніе царицы

ЭЛЕКТРА.

Постой! скажи пришельцамъ, что Электра
 Ихъ видѣть хочетъ, хочетъ распроситъ
 О Строфій: они вѣдъ изъ Фокиды. *Тиро уходитъ.*

ЭЛЕКТРА.

Быть-можетъ, я узнаю что-нибудь
 О милomъ братѣ, о моемъ Орестѣ!....
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ умеръ Акроней, не смѣла
 Я никого въ Фокиду посылать
 Развѣдывать объ участи Ореста.
 Я глубоко въ душѣ хранила тайну,
 Боялась я, чтобъ мать моя родная,
 Узнавши объ убѣжищѣ его,
 Къ нему убійцъ наемныхъ не послала.
 О, еслибъ я увидала Ореста,
 Съ охотою окончила-бы жизнь!

ОРЕСТЪ, *входя.*

Она! сестра!...

ПИЛАДЪ, *тихо.*

Орестъ! смирн порывъ свой!

Кто знаетъ, какъ тебя Электра встрѣтитъ?
 Позволь мнѣ говорить.... Не открывайся! *Къ Электрѣ.*
 Царевна! здѣсь ты видишь предъ собою

Двухъ странниковъ, Фокиды дальной гражданъ;
Они тебѣ приносятъ благодарность
За милость, за ходатайство твое....
Тебѣ и Клитемнестрѣ.

ОРЕСТЪ, прерывая.

Ей? за что?...

Не по ее-ли приказанью насъ,
Свободныхъ гражданъ, какъ злодѣевъ взяли?
Она въ Аргось пришельцевъ не пускаетъ,
Чтобы они въ отчизну возвратившись,
Не принесли вѣсть о ея злодѣяствахъ,
Иль подданныхъ не возмутили!

ЭЛЕКТРА.

Дерзкій!...

Какъ смѣешь ты?...

ПЛАДЪ.

Прости его царевна!...

Онъ пылокъ, онъ безумень, онъ обиженъ
Тѣмъ, что его схватили и хотѣли,
Въ темницу заключить.... Онъ, Клитемнестру
За то не уважаетъ, что она
Причиною несчастія Ореста....

ЭЛЕКТРА.

Ореста!... О! вы знаете его!...
Гдѣ онъ, что съ нимъ, скажи мнѣ ради Неба!...
Я для того велѣла вамъ явиться,
Чтобъ распросить объ немъ—вы изъ Фокиды,
Вы видѣли его!... съ нимъ говорили!...
Скажите мнѣ, онъ помнитъ-ли Электру?
Иль съ матерью ее онъ проклинаетъ?...

ПЛАДЪ.

Нѣтъ! онъ ее виновной не считаетъ!
Со мною онъ хотѣлъ въ Аргось явиться,
Но онъ боится, чтобъ двора пороки
И матери примѣръ—не помрачили
Ея души, и чистой, и прекрасной,
Боится онъ открыться ей....

ЭЛЕКТРА.

О! гдѣ онъ?

Пусть онъ придетъ, я жду его! Орестъ мой!
Ты, странникъ, брата знаешь! Кто-же ты? Или адет ни
... ПИЛАДЪ.

Я другъ его, сынъ Строфия...

ЭЛЕКТРА.

О боги!

Но говорятъ, что никогда съ Пилодомъ
Орестъ не разлучался... я не смѣю....
Какъ сердце бьется... Боги!... Онъ.... Орестъ!...

Орестъ, бросался съ нея объятій.

Сестра! Электра!...

ЭЛЕКТРА!

... Братъ мой!... милый братъ!...

Тебя-ли вижу я? Я не ждала

Такаго счастья! милый мой Орестъ!

Не думала тебя такъ скоро я

Къ груди моей въ восторгъ прижимать.

Какъ ты перемѣнился, возмужалъ,

Сталъ юношей цвѣтущимъ!...

ОРЕСТЪ.

НѢтъ Электра!

Печаль меня убила—съ юныхъ лѣтъ

Я горести и бѣдствія извѣдалъ,

И матери убійство и позоръ

Легли мнѣ на чело клеймомъ безчестья!...

И здѣсь явился я судьбою грознымъ

Велѣние Зевеса совершить,

И за отца, за смерть его—убійцѣ

И матери коварной отомстить!...

ЭЛЕКТРА.

Орестъ!

ОРЕСТЪ.

Не умоляй меня напрасно!—

Я приговоръ Оракула свершу!...

Достойна-ль Клитемнестра сожалѣнья?

Имѣла-ли она къ супругу жалость,

Любила-ли она своихъ дѣтей?!

ЭЛЕКТРА.

Мой братъ!... мой братъ!... подумай—Клитемнестра
Царица.... у Эгиста есть друзья,
Приверженцы—Онъ царь Аргоса.... какъ-же
Съ престола ты злодѣя свергнуть хочешь?
Онъ войскомъ окруженъ: корону, и кровью
Добытую, не скоро оный отласть!
И кто съ тобою прибыль?

ОРЕСТЬ.

Я одинъ.

Видимый волей неба, местью правой
Сюда явился.

ЭЛЕКТРА.

Кто-жъ тебѣ поможетъ

Престоль отца, и царство возвратить?

ОРЕСТЬ.

Зевесъ и мой народъ—когда о славѣ
Агамемнона онъ не позабылъ!
На площадь я хотѣлъ сего дня выйти
Собрать вокругъ себя толпы согражданъ,
И имъ открыться, но Эгиста слуги
Меня схватили, увлекли сюда;
Пиладъ мой былъ въ отчаяньи: здѣсь смерть
Насъ ожидала, если-бы Эгистъ
Хотя подозрѣвалъ мой санъ и имя....
Но я спокоенъ былъ! я былъ увѣренъ,
Что сохранить меня судьба для мести!...
И во дворцѣ Эгиста не наши!
Меня влекли въ темницу, — въ это время
Ты проходила и спасла меня!...

ЭЛЕКТРА.

Но ты теперь не безопасенъ, братъ мой!...
Ты во дворцѣ Эгиста: каждый часъ
Онъ можетъ возвратиться.... О! скорѣе!...
Мой долгъ тебя спасти!... Пиладъ къ народу
Бѣги! уговори его, скажи...
Что здѣсь Орестъ, законный царь Аргоса,
Что жизнь его въ опасности... Я дворецъ

Покаместъ соберу, ему открою,
И буду о защитѣ умолять....
Бѣги, Пиладъ! спаси царя и друга

Спокойна будь—еще одно мгновенье,
И прогремятъ народъ и цѣлый городъ:
Да здравствуетъ Орестъ Аргоса царь! *Уходитъ.*

ЭЛЕКТРА.

Мой братъ! ты такъ спокоенъ!... Я страшуся,
Чтобы Эгистъ коварный не явился....
Скорѣе дворъ созвать весь. *Хлопаетъ въ ладоши.*

Тиро! Тиро!

ДВЛЕНІЕ IV.

Тиро, потомъ дворъ Аргосскій, Полипетъ, Амфій и проч.

ЭЛЕКТРА.

Зови сюда скорѣй весь дворъ Аргосскій,
Сановниковъ, правителей, вельможъ,
Для важныхъ дѣлъ, для дѣлъ необходимыхъ....

Тиро уходитъ.

Мой милый братъ! какъ счастлива я буду,
Когда займешь ты тронъ Агамемнона!...
Позволь ты мнѣ вельможамъ и вождямъ
Все высказать, чѣмъ полно это сердце!
Они повѣрятъ мнѣ—слова Электры
Найдутъ въ сердцахъ ихъ отголосокъ. Боги!
Я слышу шумъ! Храните вы Ореста!

Зала наполняется вельможами и вождями.

Вы, доблестные, мудрые вельможи,
Помощники царя, отцы народа,
Васъ созвала Электра—не дивитесь!
Не для то, чтобы въ дѣла правленья
Входить, и разбирать народа пользу.
Нѣтъ! долгъ святой, обязанность сестры
Меня къ вамъ обратиться заставляеть.
Я до-сихъ-поръ молчала, я съ терпѣньемъ

Сносила иго низкаго тирана,
 И въ тишинѣ, страдая и томясь,
 Не женщицѣ, неопытной и слабой,
 Противъ царя злодѣя возставать,
 Не ей съ цареубійцею бороться,
 И гѣнь отца изъ гроба вызывать!
 Нѣтъ! Нѣтъ! межъ насъ другой явился мститель,
 Законный царь.... Онъ здѣсь, средь этихъ мѣстъ,
 Нашъ вождь, нашъ царь, отъ ига избавитель—
 Агамемнона сынъ—герой Орестъ!...

всѣ.

Орестъ!...

пошпеть.

Орестъ? О! гдѣ онъ? я узнаю
 Межъ тысячею Агамемнона сына,
 Я воспиталъ его еще младенцемъ....

Амфій.

И я Ореста помню!

Таламонъ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

Орестъ.

Онъ передъ вами!...

Всѣ бросаются къ ногамъ его.

пошпеть.

Царь нашъ! это онъ!

Отца черты.... позволь къ твоимъ ногамъ

Унасть, и цѣловать края одежды!

Хвала богамъ! Онъ съ нами! Онъ спасенъ.

Электра.

Такъ! съ вами онъ! Ужели вы теперь

Допустите, чтобы злодѣй презрѣнный

Престоль Агамемнона занималъ?

Скорѣй его царемъ провозгласите.

Смерть извергу,—да здравствуетъ Орестъ!...

всѣ.

Эгисту смерть! да здравствуетъ Орестъ.

Всѣ бросаются на колѣни.

ЯВЛЕНИЕ Ч.

Тяже и Эгистъ.

Эгистъ.

Что слышу я? Орестъ!... въ моемъ дворцѣ!!...
 Ему вы клятву въ вѣрности даете?...
 Измѣнники, не мнѣ-ли вы клялись?...
 Бунтовщики!... Сей-часъ схватить Ореста!
 Иль жизнью вы заплатите! *Всѣ стоятъ неподвижно.*

Амфій.

Орестъ —

Законный царь, ты—трона похититель!

Таламонъ.

Страшися казни самъ!...

Эгистъ.

Вы мнѣ грозите?...

Блѣжитъ къ входу.

Ко мнѣ, мое испытанное войско,
 Надежные хранители мои! *Входитъ стража.*
 Вы, дерзкіе, мою забыли власть,
 Такъ вамъ объ ней моя напомнить сила!
 Вы думали, что горсть бунтовщиковъ,
 Меня лишить легко престола можетъ?
 Ошиблись вы! на каждаго изъ васъ
 Я десять вѣрныхъ воиновъ поставлю. *Къ стражѣ.*
 Возмите вы преступниковъ!...

Электра.

Эгистъ!

Что хочешь дѣлать ты? Царейбійца!

Отдай престолъ законному царю,

Пади къ ногамъ и жди его прощенья!

Эгистъ.

Мнѣ умолять Ореста о прощеньи!... *Къ стражѣ.*

Въ моихъ глазахъ безумцевъ изрубите!...

Стража дѣлаетъ движеніе. Орестъ обращается къ ней.

Орестъ.

Остановитесь, воины! Предъ вами

Вашъ царь, Агамемнона сынъ—Орестъ!

Кто здѣсь изъ васъ поднять оружье смѣетъ
На вашего законнаго царя?
Воины молча отступаютъ; онъ обращается къ Эгисту.

А ты, злодѣй преступный и коварный,
Довольно ты тиранствовалъ въ Аргосѣ,
Пора очистить землю отъ злодѣя!
Слышенъ глухой шумъ народа.

Готовься къ смерти. Слышишь этотъ гулъ?...
То крики вѣрныхъ подданныхъ моихъ,
То вѣстникъ смерти для тебя.

Эгистъ.

И ты мнѣ

Осмѣлился грозить.... Онъ безоруженъ....
Умри-же самъ!
Бросается на него съ кинжаломъ, но въ это время занавѣсъ у портика отдергивается: видны волнующіяся толпы народа. Пиладъ бѣгаетъ прежде всѣхъ и выбиваетъ мечемъ кинжалъ изъ рукъ Эгиста.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Пиладъ, народъ, потомъ Клитемнестра.

ПИЛАДЪ.

Злодѣй! еще убійство замышлялъ ты?
Умри-же самъ!...
Орестъ.

Остановись, Пиладъ!

Дай мечъ свой—мнѣ принадлежитъ ударъ,
Такъ суждено Зевесомъ всемогущимъ!...
Умри Эгистъ! *Поражаетъ его. Эгистъ падаетъ.*

Эгистъ.

О ярость.... не успѣлъ я....

Агамемнонъ.... убійство.... тартаръ.... смерть....
Умираетъ.

Орестъ.

Возмите трупъ и бросьте на сѣденье
Животнымъ.... онъ не стоитъ погребенья!...
Трупъ уносятъ.

Орестъ! весь городъ въ радостномъ волненьи
Своимъ царемъ привѣтствуетъ тебѣ!...

Онъ бросился за мной тебя увидѣть.

Орестъ обращается къ народу; слышны крики:

Да здравствуетъ Орестъ, Аргоса царя!

Электра, обнимая его.

Да здравствуетъ Орестъ, Аргоса царя!...

Орестъ.

Благодарю, друзья!...

Клитемнестра, входя.

Что за волненья

Въ моемъ дворцѣ и радостные крики?...

Что происходитъ здѣсь?... Орестъ! О Боги!...

Падаетъ безъ чувствъ.

Орестъ.

Оставьте насъ!... еще одно мгновенъе,

И тѣнь отца довольна будетъ мной!...

Всѣ молча удаляются.

«Когда придетъ пора—покинь Фокиду,

Ступай въ Аргосъ, и въ жертву очищенья

Убийцъ Агамемнона принеси,

Эгиста съ Клитемнестрою—то воля

Зевеса!» Такъ оракулъ мнѣ вѣщаль,

И я его исполню повелѣнья!

И врагъ одинъ—правдивой жертвой мщенья,

Моей рукой сраженъ къ ногамъ упалъ....

Но есть другой!... прочь чувство сожалѣнья—

Тамъ нѣтъ родства, гдѣ грѣхъ и преступленья!

Клитемнестра, приходя въ себя.

Не сонъ-ли то? Я помню.... предо мною

Стоялъ мой сынъ.... но былъ ужасенъ онъ....

Онъ здѣсь.... О боги! сжальтесь надо мною!...

Мой сынъ, мой сынъ мнѣ снова возвращень!

Простираетъ къ нему руки, но встрѣтя презрительный

взглядъ его, въ отчаяньи падаетъ на землю.

Орестъ.

Здѣсь сына нѣтъ, преступная царица!

Передъ тобой здѣсь грозный судя!

Не вѣрю я! нѣтъ, отъ тебя родиться
 Не могъ я—нѣтъ! нѣтъ! ты не мать моя!..

КЛИТЕМНЕСТРА.

Орестъ! не будь жестокъ! за смерть супруга
 Казни меня, карай и отвергай!

И презирай преступницу, супругу—
 Но мать твою, молю, не отвергай!...

Двѣ женщины есть въ Клитемнестрѣ: горе!
 Одна изъ нихъ преступная жена,

Другая мать—она тобою позору
 Мой сынъ, за что, безвинно предана?

Она тебя такъ пламенно любила,
 Ты ласкъ ея, любви не отвергай!

Жена на смерть супруга осудила,
 Но мать твою, молю, не осуждай!

ОРЕСТЪ.

Не осуждать?... а на меня позоромъ
 Упала страсть преступная твоя!

Не осуждать?... когда въ тоскѣ и горѣ
 Прошла вся юность горькая моя!

Когда я долженъ былъ отъ всѣхъ скрываться,
 Веселыхъ игръ младенчества не знать,

Вдали отъ всѣхъ въ глуши лѣсной скитаться,
 И одному и плакать, и страдать!

И если кто, не зная меня, порою
 Мнѣ объ отцѣ вопросы предлагалъ—

Я горестно склонялся головою,
 И слезы лилъ изъ сердца и молчалъ!

И слышалъ я, вокругъ меня шептали:
 Страшится,—онъ Клитемнестры сынъ!

И всѣ тогда блѣднѣли и бѣжали,
 А я страдалъ одинъ—и все одинъ!

Кто надъ тобою такъ нагло насмѣхался,
 Кто дерзко такъ и низко поносилъ,

Но я—за мать вступиться я боялся
 И все терпѣлъ и плача все сносилъ!..

Ласкала—ли младенца мать родная,
 Игралъ—ли съ нимъ отецъ, сѣдой старикъ,

Въ груди моей таилась горестъ злая,

Изъ усть рвался досады громкій крикъ!
 Вотъ жизнь моя!—Отъ міра отчужденный
 Я дни влачилъ—и слыша слово: «мать»,
 Я долженъ быть дрожать, какъ осужденный,
 И отъ людей скрываться и бѣжать.
 И въ мысляхъ я не видѣлъ облегченья,
 И ни на мигъ не могъ я отдохнуть,
 Тѣснились злые духи—и сомнѣнья
 Змѣей въ мою закрадывались грудь.
 Кто могъ тогда сомнѣнья уничтожить?
 Ни другъ, ни братъ отъ мыслей не спасетъ!
 И думалъ я: сестра моя, быть-можетъ,
 Преступной страсти также гнусной плодъ!...
 Быть-можетъ, мать ее убійству учить,
 Съ ней дѣлить преступленіе свое,
 Или ее терзаетъ, гонить, мучить,
 За то, что не походитъ на нее!...
 Вотъ жизнь моя! теперь скажи, за что-же
 Благодарить свою я долженъ мать?
 Я за отца готовлю мечь, и кто-же
 Меня за то захочетъ осуждать?...
 Не разъ ко мнѣ ночной порой слетала
 Святая тѣнь, и блѣдная, она
 О мщеніи кровавомъ умоляла,
 И грудь свою и раны обнажала!...
 И ты умрешь, преступная жена!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я не прошу, я не ищу прощенья!
 Карай меня, казни за преступленье!
 Тоску въ душѣ, на сердцѣ грусть храня,
 Я мучилась — мнѣ будетъ смерть награда!
 Я подъ твоей рукой жизнь кончить рада...
 Но.... милый сынъ!... не проклинай меня!
 Ужель тебѣ и жалость не доступна?
 И я въ страданьяхъ также жизнь вела;
 Но ты невиненъ былъ, а я преступна —
 Ужаснѣе страдать я не могла!
 Супруга тѣнь, и совѣсти упреки,
 Являлись каждый день меня терзать

И съ ними онъ, губитель мой жестокий,
 Кто, развративъ меня, сталъ презиратьъ.
 Я сколько мукъ въ душѣ своей носила,
 Изъ нихъ была ужасная одна:
 Я мать была и сына я любила —
 И съ нимъ была на-вѣкъ разлучена!...
 Ты часто мнѣ являлся въ сновидѣньи,
 Упреками, позоромъ осъшалъ,
 И бѣдную въ ужасномъ преступленьи,
 Въ кровавомъ преступленьи упрекалъ!
 Мой сынъ! мой сынъ! Когда-бы могъ ты видѣть,
 Все, что въ душѣ боролося моею —
 О, ты не сталъ меня-бы ненавидѣть,
 Ты-бъ пожалѣлъ о матери своей!
 Не знать ни ласкъ, ни сына взоровъ нѣжныхъ,
 Его къ груди своей не прижимать,
 Во время сна, видѣній безмятежныхъ
 Не смѣть хранить, лелѣять, цѣловать!...
 Орестъ! Орестъ! я не прошу пощады,
 И смерть мою прощаю я тебѣ!
 Я лучшей отъ боговъ не жду награды —
 Покорна я Зевесу и судьбѣ!
 Но объ одномъ молю: передъ кончиною
 До грозныхъ мукъ — что будетъ впереди —
 Позволь мнѣ въ первый разъ роднаго сына
 Прижать къ моей трепещущей груди!
 У ногъ твоихъ мнѣ выпросить прощенье
 И смертію очистить преступленья!

ОРЕСТЬ.

О мать!... вотъ сына грудь!... приди, приди.

Бросаются другъ къ другу въ объятія.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О боги!... Мигъ блаженства не земнаго!...

Теперь я жду.... я смерть принять готова.

Мой милый сынъ, Орестъ меня простилъ....

ОРЕСТЬ.

Теперь молись — твой смертный часъ пробилъ!...

*Клитемнестра падаетъ на колѣни. Орестъ закрываетъ
 лицо руками. Занавѣсъ опускается.*

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Появленіе трагедіи съ классическимъ заглавіемъ въ вѣкъ романтизма необходимо требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Но пусть не судятъ піесу по одному заглавію. Я не хочу возвратиться къ временамъ классицизма, который, мимоходомъ сказать, слишкомъ уже унижается и пренебрегается нынѣшними писателями. Трилогія принадлежитъ къ древней трагедіи только по лицамъ, сюжету, заглавію и по формѣ. Но самый ходъ дѣйствія, сцены, разговоры все это чисто романтическое. Многимъ покажется страннымъ выборъ такого истертаго сюжета—но вотъ причины, по которымъ написана Клитемнестра:

Не принадлежа никогда къ поклонникамъ классицизма, авторъ всегда удивлялся греческимъ трагедіямъ, внутренней сторонѣ, идеѣ, а не формѣ ихъ. Преданія Грековъ, ихъ геройскіе подвиги, ихъ міеологія, гдѣ человѣкъ находится въ тѣсной связи съ божествомъ—все это доставляло имъ превосходные сюжеты для трагедій, и эти сюжеты, обработанные искусной рукою, долгое время составляли наслажденіе народа самаго образованнаго изъ всѣхъ древнихъ племенъ. Отъ чего піесы греческихъ трагиковъ такъ нравились ихъ соотечественникамъ? Оттого, что предъ глазами зрителей развивалась картина ихъ религіознаго вѣрованія, что они принимали живое участіе въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ, въ существованіи которыхъ они были увѣрены и которыя болѣею частью дѣйствовали не по собственному произволу, но по волѣ грозной судьбы. Религія господствовала на театрѣ Грековъ, боги сходили съ небесъ и виѣшивались въ поступки смертныхъ, рѣшали ихъ споры, оправдывали невинныхъ, казнили злодѣевъ.—Вотъ отчего каждый изъ зрителей безъ исключенія понималъ все, что ни дѣлалось на сценѣ и не могъ не принимать въ томъ живаго участія. Въ нашъ вѣкъ, сюжетовъ всемирныхъ быть не можетъ. Только піесы патриотическія, піесы говорящія сердцу каждаго народа въ отдѣльности, могутъ быть доступны всему народу, могутъ занимать всю націю. Теперь, между существующими уже драматическими произведеніями трудно найти сюжеты лучше тѣхъ, которыми пользовались греческіе трагики. Конечно, многимъ можетъ не понравиться въ нихъ картина злодѣяній, совершенныхъ по волѣ божества и часто подъ его покровительствомъ; но что можетъ быть эффектнѣе и занимательнѣе

положенія чловѣка, который знаетъ участь, его ожидающую, и не можетъ избавиться отъ нея? гдѣ можемъ мы разительнѣе, сильнѣе изобразить страсти чловѣка, какъ не въ минуты его борьбы съ судьбою и съ своими чувствами? Если мы читали и слушали злодѣянія, порожденные воображеніемъ поклонниковъ юной словесности, происходящія отъ низкихъ пороковъ и грязныхъ побужденій, то отчего-же намъ гнушаться древнимъ злодѣяніемъ, которое совершается торжественно, съ благоговѣйнымъ ужасомъ, оправданное необходимостью и волею судьбы?

Исторія Атридовъ представляетъ намъ примѣръ этого фаталистическаго злодѣянія, совершаемаго по волѣ и даже съ содѣйствіемъ боговъ. Здѣсь одно преступленіе влечетъ за собою другое, и самая месть совершается въ видѣ ужаснаго злодѣянія. Множество писателей древнихъ и новѣйшихъ обрабатывали этотъ сюжетъ. Участь Агамемнона и дѣтей его была одна предметомъ безчисленнаго множества драматическихъ произведеній. Было время, когда Французы, утомленные повтореніемъ одного и того-же сюжета въ разныхъ видахъ, восклицали вслѣдъ за своимъ остроумнымъ писателемъ:

Race d'Agamemnon, qui ne finif jamais!...

Кребильонъ, Ложжерръ, Лемерсье, Вольтеръ, писали трагедіи, предметомъ которыхъ была смерть Агамемнона и участь дѣтей его. Альфіери оставилъ намъ прекрасную драму *Агамемнонъ*. Сенека также выводилъ его на сцену. Эсхилъ написалъ три трагедіи объ этомъ сюжетѣ. Софокль и Эврипидъ—по одной. Во всѣхъ главной основою служить смерть Агамемнона, несчастіе Электры, бѣшенство Ореста. Не стараясь, разумѣется, войти въ соперничество съ этими писателями, авторъ однако и не подражалъ имъ, но сталъ разсматривать предметъ этотъ съ другой точки зрѣнія. У всѣхъ этихъ писателей главныя лица—Агамемнонъ, Электра, Орестъ. Никто изъ нихъ не захотѣлъ обратить своего вниманія на Клитемнестру. Вездѣ она является на сцену лицомъ второстепеннымъ, тогда-какъ она можетъ служить предметомъ драмы, можетъ сосредоточить на себѣ высшій интересъ зрителей. Постепенное паденіе ея, двойное положеніе, въ отношеніи къ супругу и къ сыну, ужасная смерть ея—все это можетъ составить предметъ занимательной трагедіи. Въ моей трилогіи я хотѣлъ сколько нибудь оправдать ее передъ зрителями, потому-что у нѣкоторыхъ писателей она выставлена въ слишкомъ чудови-

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЯИЧНИЦА

ГЛАЗЪ ВИДИТЬ, ДА ЗУБЪ НЕЙМЕТЪ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Представленъ въ первый разъ, на Александринскомъ театрѣ, 11-го января, 1843 года, въ бенефисъ В. А. Каратыгина.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дурандасъ, купецъ.

Котильяръ, прикащикъ.

Г-жа Дурандасъ, жена.

Фаншета, швея.

Роза, служанка въ домѣ Дурандаса.

Комната въ первомъ этажѣ, въ домѣ Дурандаса; дверь въ срединѣ, двери по бокамъ; на-лѣво окно на улицу, съ той-же стороны большой шкафъ и столикъ. На аван-сценѣ Роза накрываетъ на столъ два прибора.

ЯВЛЕНИЕ I.

Роза, одна.

Сего-дня ровно двѣ недѣли, какъ я живу въ этомъ домѣ, а до того соскучилась, что они кажутся мнѣ двумя годами!... Во-первыхъ—хозяинъ старый волокита: чуть хозяйка со двора, онъ пустится напѣвать мнѣ любовныя пѣсенки.... треплеть за подбородокъ.... щиплеть за щеки.... Не то, чтобъ онъ былъ очень гадокъ, да, грѣхъ сказать, чтобъ онъ былъ и хорошъ.... такой толстякъ.... такой смѣшиной.... Только, странно: я больше люблю мужчинъ не такъ толстыхъ, да и не такъ старыхъ.... помоложе-то мужчина покрасивѣе.... да.... а что мнѣ пользы въ красотѣ Котильяра? Вотъ ужъ цѣлая недѣля, какъ объ немъ ни слуху, ни духу. Ахъ! даромъ, что онъ такой, а я все таки писала къ нему, чтобъ онъ пришолъ сего-дня утромъ завтракать со мною. Хозяйка третьяго дня, въ субботу, отправилась на два дня къ естрицѣ въ въ городъ; хозяинъ отпустилъ меня на весь понедѣльникъ, и я могу на свободѣ поболтать съ Котильяромъ. Но придетъ ли онъ?... Вѣдь онъ не кто-нибудь такой.... Прикащикъ!... Не мнѣ чета!... *Слышенъ колокольчикъ.* Звонять.... *Бьжитъ къ окну.* Это онъ!... *Громко.* Заверните за уголъ, г. Котильяръ, двери отперты. *Сама-себя.* Я была увѣрена, что онъ придетъ! О! онъ еще любитъ меня.

ЯВЛЕНИЕ II.

Котильяръ и Роза.

Котильяръ. Блѣдный, усталый и измоченный. Стулъ или смерти!... Здравствуй, Роза!... Здорова, душа моя.... *Садится.*

роза. Боже мой! въ какомъ вы видѣ!...
 котильяръ. Хотя съ виду я не очень чистъ, но за то моя душа, душа моя!...

роза. Какъ вы перемокли!

котильяръ. Какъ мокрая курица, а усталъ какъ собака: со вчерашняго утра я еще и не присаживался.

роза. Какъ! всю ночь на ногахъ?....

котильяръ. Да, за то я теперь безъ ногъ.

роза. Вы гѣшкомъ пришли изъ Парижа?

котильяръ, съ чувствомъ. Роза, сердце мое принадлежитъ тебѣ, но я умираю съ голоду: сжался надъ желудкомъ прикащика безъ мѣста!

роза. Бѣдзяка!... я вернусь сію-минуту.... яичница готова совсѣмъ,—остается только ее сдѣлать.

котильяръ, съ восхищеніемъ. Ангелъ небесный!... Да низпадетъ на тебя благословіе небесъ!... Съ ветчиной?

роза. Пожалуй.

котильяръ. Лети! Роза уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Котильяръ, одинъ, отряхиваясь.

Экъ я отдѣлалъ себя!... Видитъ щетку на столѣ. А! вотъ и щетка какъ-будто съ неба упала. Чиститъ. Въ старину оттуда падала манна, а нынче щетки; все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ—однако, надобно сперва заняться фраккомъ. Снимаетъ фракъ, развѣшиваетъ его на стулъ возль стола, и продолжаетъ говорить, со щеткою въ рукахъ, утиралъ время—отъ-времени. И такъ, я здѣсь!... Право, приключеніе, которое привело меня сюда, похоже на волшебство; вчера былъ праздникъ за городомъ, я обѣщалъ Фаншетъ ѣхать туда, ѣхать вмѣстѣ съ нею; премиленькая швея,—я влюбленъ въ нее... былъ влюбленъ по уши... Но, разсудивъ хорошенько, я отправился одинъ по желѣзной дорогѣ—съ быстротою птицы... которая не летаетъ. У меня всегда была страсть къ сельскимъ заба-

вамъ,—и я пустился въ плясъ... да вѣдь какъ? до упаду!... Три раза съ-ряду танцовалъ я съ прелестной женщиной, лѣтъ за двадцать съ небольшимъ, талія какъ рюмочка!... взглядъ—масляница.... рѣчь, какъ рѣка льется!... Немножко худоцава,—это жаль: я не врагъ полныхъ женщинъ и не могу смотрѣть на мраморную Венеру... безъ особеннаго содроганія. Но это дѣло искусства; и такъ возвратимся къ натурѣ: эта красавица была тамъ съ своей сестрицей, и съ какимъ-то пожилымъ человекомъ, должно-быть, съ мужемъ своей сестры!... этотъ ветеранъ былъ украшенъ тремя знаками отличія: бѣлыми волосами, красной ленточкой почетнаго легіона и носомъ того-же ордена, судя по цвѣту. Я даже рѣшился отпустить нѣсколько нѣжностей своей дамѣ, во время танцевъ... какъ вдругъ.... дождь полилъ, словно изъ ведра.... Дождь въ праздничный день!... *Съ видомъ презрѣнія*. Было ужъ часовъ 11 вечера; вѣтеръ задулъ всѣ фонари, семейство моей танцовки исчезло во-время суматохи, и мы очутились въ такой темнотѣ, что хоть глазъ выколи... изъ груди моей танцовки вырывается отчаянный крикъ!—Сударыня! сказалъ я ей, скромно и томно: теперь ужъ поздно, ни одного извозчика не видать, позвольте мнѣ предложить вамъ мою руку!...—«Я очень тронута, сударь, вашими великодушіемъ, отвѣчала она мнѣ, но я не здѣсь живу»....—Э! сударыня, хотя-бы вы жили въ Лапландіи или на Мысѣ Доброй Надежды!...—«О! нѣтъ, сударь, я живу не такъ далеко, но я полагаю!...—Короче, я взялъ ее подъ ручку—и мы пустились въ путь. Говорятъ, что темнота ободряетъ любовниковъ:—можетъ-быть! Но когда промокнешь до костей... скажите, пожалуйста: какъ это рыбы-то плодятся въ водѣ?—Чудеса да и только!—послѣ двухъ-часоваго пути, пришли мы наконецъ въ Бельвю, къ мѣсту ея жительства; я надѣялся-было осушиться немного въ нѣдрахъ ея семейства, какъ вдругъ—хлопъ!... И она чуть не прищемила мнѣ носъ въ дверяхъ!... Во второмъ часу ночи, въ проливной дождь... въ незнакомомъ мнѣ мѣстѣ, и въ такую тьму, что самъ чортъ наступилъ бы себѣ на хвостъ!... Что дѣлать?... Я искалъ повеюду убѣжища, камня, на которой-бы могъ приклонить го-

лову, наконецъ нахожу его, сажусь.... о судьба!.. въ ка-
миѣ была яма: дождь набилъ въ нее воды на-ровнѣ съ
краями: я опустился—и въ ту же минуту вскочилъ, но
уже было поздно!... Наконецъ разсвѣло—и я спѣшилъ
возвратиться въ Парижъ. По-счастію вздумалось мнѣ за-
курить сигарку въ Севрѣ... О восторгъ! въ той бумажкѣ,
которой хотѣлъ я зажечь сигару—я узнаю пригласитель-
ную записку Розы отъ 21-го Августа 1842 года!... Съ то-
щимъ желудкомъ и полнымъ сердцемъ, я направляю
стопы мои сюда.... измученный усталостью и голодомъ,
не сохранивъ на память этой ночи ничего, кромѣ насмор-
ка и носоваго платка, который прелестная моя спутница
дала мнѣ, чтобъ прикрыть мою шляпу и который я за-
былъ возвратитъ ей.... О! я не знаю, чего-бы не далъ я,
чтобъ только узнать имя этой неблагодарной! *Смотритъ
на кончикъ платка.* А. и Д.... кой-чортъ, чтобъ это зна-
чло?...

№ 1.

Вотъ задала она задачу!
Признаться, трудно разгадать!
Что толку, если наудачу
Всѣ имена перебирать? *Обращался къ платку.*
Платокъ душистый, ароматный,
Какъ другъ, мнѣ близокъ къ сердцу ты,
Напоминая такъ пріятно
Ея прелестныя черты...
Скажи мнѣ имя незнакомки,
Кого я страстно такъ люблю...
Въ награду я тебѣ каемки
Всѣ вышить золотомъ вею. *Надвѣваетъ фракъ.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Роза и Котильяръ

роза несетъ яичницу. Вотъ, бѣдненькой Котильяръ, ку-
шай себѣ на здоровье, я заперла подъѣздъ съ улицы,
чтобъ насъ не застали въ распλοхъ.... Но, Боже мой!...
что съ вами случилось?...

котильяръ. Ничего, ничего... елибъ я разсказалъ тебѣ все, ты утонула-бы въ слезахъ, а я терпѣть не могу, если женщина плачетъ... когда мнѣ есть хочется. Беретъ личицу у Розы, пожираетъ ее глазами, и, поставивъ на столъ, располагается съестъ.

роза. Ну, такъ вы разскажите мнѣ объ этомъ за десертомъ.

котильяръ. Да... да... за десертомъ.

роза. Одно только слово, мой ненаглядный другъ... это мѣсто, которое вы надѣялись получить...

котильяръ, идя къ Розѣ. Сего-дня въ три часа я долженъ явиться къ той особѣ, которой я отрекомендованъ нашимъ стариннымъ покровителемъ, г. Бугимелемъ... у меня есть письмо отъ него...

роза. Ахъ! если-бы вы получили это мѣсто!...

котильяръ. Непременно; но теперь не мѣсто объ немъ говорить. Займемся яичницей... Онъ садится за столъ, разкладываетъ салфетку; слышенъ звонокъ.

роза, смѣшавшись. Звонятъ!...

котильяръ. Кажется, что такъ.

роза подбѣгаетъ къ окну. Ахъ! Боже мой!...

котильяръ. Чтó такое?...

роза. Это моя хозяйка! я узнаю ея экипажъ!

котильяръ. Твоя хозяйка, чтобъ чортъ ее взялъ!

роза. Спрячьтесь, или я погибла!

котильяръ. Но куда?...

роза. Туда, въ этотъ кабинетъ!... Скорѣе... скорѣе... Убѣгаетъ.

котильяръ, положивъ въ карманъ салфетку, которую онъ привязалъ въ петлю. Мнѣ спрятаться! И ничего не закутить! О судьба!... судьба!... не ужели ты ни на минуту не оставишь меня въ покоѣ?... *Аппетитно смотря на столъ.* Танталъ! Танталъ—посреди яичницы!... глазъ видить, да зубъ нейметъ. *Прячется въ кабинетъ.*

ЯВЛЕНИЕ V.

Г-жа Дурандасъ, и Роза.

роза. Ахъ, сударыня, какъ я рада, что вы пріѣхали.

г-жа дурандась. Однакожь, ты долго не отпирала мнѣ дверей.

роза. Это отъ того сударыня, что когда я остаюсь одна дома, то запираю его кругомъ: я большая трусиха....

г-жа дурандась. Какъ, и завтракъ ужъ приготовленъ?

роза съ замѣшательствомъ. Точно такъ, сударыня, когда въ субботу вы изволили уѣхать, то баринъ сказалъ мнѣ.... что ни онъ, ни вы.... не вернетесь домой прежде сегодняшняго вечера.

г-жа дурандась. Для того-то ты и приготовила завтракъ?

роза. О! нѣтъ, сударыня... Но баринъ изволили сказать мнѣ: «Роза, ты можешь въ понедѣльникъ идти со двора, но если, паче чаянiя, я возвращусь раньше, ты мнѣ приготовишь холодную дичь».

г-жа дурандась. А! И для того ты приготовила яичницу?

роза. Нѣтъ, сударыня.... но я очень ее люблю, и поэтому....

г-жа дурандась. Я и не браню тебя за это.

роза. Вы такъ добры, сударыня.... не угодно-ли вамъ идти въ свою комнату?

г-жа дурандась. Нѣтъ, я не стану переодѣваться сегодня.... Свари мнѣ шоколаду, я буду завтракать здѣсь.

роза, *въ сторону*. Ахъ, Господи Боже мой! А бѣдненькой Котильяръ сидитъ тамъ. Какъ-бы его выпустить? *Въ слухъ*. Сей-часъ, сударыня. *Уходитъ*. На что это похоже, что хозяйева прѣзжаютъ домой тогда, какъ ихъ вовсе не ожидаешь!... Вѣдь это стыдно!.. бѣдняжка!... *Уходитъ*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

г-жа Дурандась и Котильяръ, *спрятанный*.

г-жа дурандась. Боже мой! что за ночь!... И еслибъ мужъ мой зналъ, какой опасности подвергалась я для этого проклятаго сельскаго праздника... на который именно запрещалъ онъ мнѣ ходить!... Сколько упре-

ковъ!.. И онъ будетъ правъ... ну, не сумасшедшая-ли я женщина!... Я буду въ отчаяніи, если онъ узнаетъ объ этомъ. Съ его брызгливымъ характеромъ, онъ дѣлье полгода станетъ попрекать мнѣ.... Счастье, если я не захвораю послѣ этого приключенія.... Но, надо поскорѣе снять шарфъ и шляпку, которые я взяла у сестры...
Снимаетъ шарфъ и шляпку и идетъ въ глубину сцены, чтобъ положить ихъ на кресла.

— котиляръ, *отворяя двери.* Я ничего болѣе не слышу...
 Вѣрно Роза увела свою хозяйку съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ отсюда убраться. Давай Богъ ноги!...

г-жа дурандасъ, *вскрикивая.* Боже мой!...

— котиляръ, *пораженный.* Моя спутница послѣ бала!

г-жа дурандасъ. Вы здѣсь, сударь?

котиляръ. Точно-такъ, сударыня!

г-жа дурандасъ. Но какимъ образомъ?

котиляръ, *съ стороны.* Не выдамъ бѣдную Розу. Громко. И вы меня спрашиваете, сударыня?... *Въ сторону.* Примемъ за трагедію. *Въ-слухъ.* Неужели тотъ, кто однажды увидѣлъ васъ, провелъ съ вами три часа за танцами, и три часа подъ дождемъ, неужели тотъ, говорю я, можетъ забыть васъ? *Съ силою.* Никогда!

г-жа дурандасъ. Боже мой! Вы меня пугаете, сударь!...

котиляръ. Не бойтесь ничего, сударыня, я прескромный молодой человекъ!

г-жа дурандасъ. Однакожъ....

котиляръ. Да, сударыня, вы зажгли въ сердцѣ моемъ одну изъ тѣхъ страстей.... Я уже говорилъ вамъ объ ней, проходя мимо Севрской фабрики....

г-жа дурандасъ. Я что-то не помню.

котиляръ, *съ досадой.* Гдѣ дѣлаютъ фарфоръ.... Одну изъ тѣхъ страстей, которая уничтожаетъ всю субъективность и индивидуальность человека.

г-жа дурандасъ. Но....

котиляръ. Сударыня!... Когда вы вчера, или, лучше сказать, сего-дня, потому-что ужъ было 35-ть минутъ за

полночь, когда вы захопнули дверь под самый мнѣ ность, я произнесъ клятву.... ужасную клятву....

г-жа дурандась, *со страхомъ*. Какая же-это клятва, сударь?...

котильяръ, *съ жаромъ*. Такая, сударыня... чтобъ приковать себя къ вашимъ слѣдамъ, да!... быть вашей тѣнью, га!... надоѣсть вамъ какъ горькая рѣдка, га!!!

г-жа дурандась. Но, сударь....

котильяръ. Не бойтесь ничего, сударыня, я премилой молодой человекъ.... да, вы вдова, вы сами сказали мнѣ о томъ, проходя мимо стеклянного завода....

г-жа дурандась. Но, я не помню....

котильяръ, *съ досадою*. Гдѣ дѣлаютъ бутылки.... Да, сударыня, вы потеряли вашего мужа, я — свое мѣсто; наше положеніе одинаково; небо сотворило насъ другъ для друга! Я вашъ!... вы моя!... И я самъ не свой.

г-жа дурандась. Это правда, сударь, что вы оказали мнѣ вчера важную услугу, но неужели за эту услугу вы хотите моего безчестія?

котильяръ. Никогда!... Я васъ обожаю! И ничего не получилъ еще отъ васъ, кромѣ этого платка.

г-жа дурандась, *живо стараясь взять его*. Мой платокъ!... Я надѣюсь, что вы возвратите мнѣ его.

котильяръ. Возвратить вещь принадлежащую вамъ, съ вашей мѣткой.... съ вашимъ именемъ!... О! сударыня!... потребуйте у меня руку, ногу, голову.... я брошу ихъ къ ногамъ вашимъ.... Но этотъ драгоценный платокъ.... О! о!

г-жа дурандась, *съ замѣшательствомъ*. И такъ, вы хотите сдѣлать изъ него орудіе противъ меня?

котильяръ, *съ достоинствомъ*. Не способенъ, сударыня....

№ 2. Повѣрьте, я не эгоистъ!

Я вамъ въ любви своей клянуся;

Она чиста какъ вашъ батистъ,

Съ которыми въ вѣкъ не разлучуся.

Осыпаетъ поцѣлуями платокъ, вытирается и прлметъ въ карманъ.

Я не какой-нибудь злодѣй,
 Любить умѣю и жно, робко:
 Для васъ промокъ я до костей —
 Безъ васъ я высохну какъ пробка!
 Смотрите, мнѣ не много ждть,
 Быть-можетъ, выишимъ-же лѣтомъ,
 На балѣ встрѣтитесь опять
 Съ моимъ измученнымъ скелетомъ!
 Я стану съ вами танцовать,
 Въ упрекъ судьбѣ, на зло натурѣ,
 И чтобъ любовь вамъ доказать —
 Разсыплюсь на второй фигурѣ.

г-жа дурандасъ. Но, наконецъ, чего-же вы хотите, сударь?...
 котильяръ, съ жаромъ. Чего я хочу?... Увидя Розу,
 вдругъ останавливается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Роза.

роза, принесъ шоколадъ. Ахъ! Боже мой! Останавливается въ глубинѣ.

котильяръ, въ сторону. Роза!... смѣлѣ!... Въ-слухъ,
 г-жѣ Дурандасъ. Сударыня, какъ старинный знакомецъ
 вашего батюшки, и желая сдѣлать вамъ удобное, — я согласенъ.
 Удивленіе Розы и г-жи Дурандасъ.

г-жа дурандасъ. Что это значитъ, сударь?

котильяръ. Я отклоню подозрѣніе.... Да, я согласенъ,
 изъ угожденія вамъ, позавтракать вмѣстѣ съ вами, и,
 признаюсь, что я чувствую даже сильное расположеніе....

роза, въ сторону. Онъ знакомъ съ нею!...

г-жа дурандасъ, съ замѣшательствомъ. О! сударь!...
 Въ сторону. Его самоувѣренность пугаетъ меня! Въ-слухъ.
 Вы дѣлаете мнѣ большую честь.

котильяръ, въ сторону. А себѣ удовольствіе....

роза, смотря на него. У меня и руки опустились! Тихо
 г-жѣ Дурандасъ. Сударыня, я право не знала, что съ вами
 будетъ завтракать этотъ господинъ.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ, *про себя.* Я и сама не знала, роза. Увѣрю васъ, сударыня... что я вовсе не видала, какъ онъ вошелъ сюда...

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ. Я это знаю, Роза.

РОЗА, *въ сторону, съ удивленіемъ.* Она знаетъ!.. какъ?..

КОТИЛЬЯРЬ. Розъ, отдавая ей шпну и палку, которые она ставитъ въ уголъ. Пожалуйста, душенька, ступай дѣлать свое дѣло... я терпѣть не могу любопытныхъ слугъ...

РОЗА, *въ изумленіи.* Какъ?..

КОТИЛЬЯРЬ, *тихо ей.* Я отклоняю подозрѣніе.

РОЗА, *съ довольнымъ видомъ.* А!

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ. Роза, оставь насъ.... я позвоню, когда тебѣ войди.

РОЗА. Слушаю, сударыня. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, кромѣ Розы.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ, *съ досадой.* Довольны-ли вы, сударь?

КОТИЛЬЯРЬ. Не совсѣмъ, однакожъ.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ. Благодаря деспотизму, съ которымъ вы здѣсь распоряжаетесь, безъ всякой осторожности, безъ малѣйшаго великодушія... потому—что въ этомъ домѣ вы никого не видите, кромѣ двухъ женщинъ... я поставлена въ непріятное положеніе передъ моей служанкой.

КОТИЛЬЯРЬ. Нисколько, сударыня: развѣ я могъ сказать вашей горничной: я обожаю твою госпожу, хотя мы знакомы съ нею только со вчерашняго дня?... Это было бы слишкомъ глупо... но, теперь, не теряя времени, примусь....

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ. За что, сударь?..

КОТИЛЬЯРЬ. Сначала за личицу... она сей часъ со сковороды... и вы согласитесь, что я заслужилъ ее вполне. Сливается.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ, *колеблясь.* Итакъ, садитесь, сударь!..

КОТИЛЬЯРЬ. Сей-часъ.... но послѣ завтрака я хочу, чтобы наше восхитительное свиданіе....

г-жа дурандасъ. Какъ, сударь, вы намѣренны остаться здѣсь?...

котильяръ, *пльжно*. Да, чтобъ выразить всю любовь мою къ вамъ.... но только послѣ завтрака, потому-что на тощакъ я не въ состояннн этого сдѣлать.

г-жа дурандасъ. Въ минуту затруднительнаго положенія, я могла сударь... поступить опрометчиво... но я почитаю васъ слишкомъ благороднымъ человѣкомъ....

котильяръ. Высокоблагороднымъ, сударыня.... я премилой молодой человѣкъ, но вѣдь вы вдова,—и ничему не подвергаетесь.

г-жа дурандасъ. Я.... вдова, это правда, но я не свободна....

котильяръ. Какъ!... *Въ сторону*. Я понимаю, опекунъ, протекторъ....

г-жа дурандасъ. Я имѣю важныя причины скрывать, какимъ образомъ мы познакомились съ вами.

котильяръ. Будьте спокойны, сударыня, онъ никогда не узнаетъ. *Въ сторону*. Наконецъ я буду завтракать. *Подводитъ г-жу Дурандасъ къ столу и самъ садится, развертываетъ салфетку и готовится псть, какъ вдругъ слышенъ чей-то голосъ.*

г-жа дурандасъ, *съ ужасомъ*. Великій Боже!...

котильяръ. Мужской голосъ!

г-жа дурандасъ. Это онъ! Спасайтесь скорѣе!...

котильяръ. Спастись.... но какъ?... Вѣдь я не умѣю летать!

г-жа дурандасъ, *указывая на шкафъ*. Спрячьтесь сюда.

котильяръ, *въ изумленнн*. Какъ?...

г-жа дурандасъ, *растворяя шкафъ*. Ради Бога! не погубите меня!...

котильяръ. Нечего дѣлать!.. И еще на-тощакъ!.. на-тощакъ!..

Кладетъ салфетку въ карманъ и прячется въ шкафъ.

г-жа дурандасъ. Какъ его вышустить отсюда?... Какой ужасъ! Какъ мнѣ скрыть свое смущеннн? оно можетъ измѣнить мнѣ. *Уходитъ въ боковую дверь на право.*

ЯВЛЕНИЕ IX.

Дурандась, *входя съ довольномым видомъ.* Котильяръ, *спрятанный.*

ДУРАНДАСЬ. Она сей-часъ придетъ!... я видѣлъ какъ она выходила изъ омнибуса. Какая адская хитрость! я написалъ къ шведѣ моей жены, чтобъ она прѣехала сегодня сюда, посоветоваться о фасонѣ шляпки, которую она будто-бы хочетъ заказать. Адель гостить у своей сестры... горничную я отпустилъ на весь день со двора, завтракъ приготовленъ на порядкъ, со всѣхъ сторонъ все обдѣлано, какъ нельзя лучше!

КОТИЛЬЯРЪ, *растворяя немного шкафаъ.* Кто этотъ людоѣдъ?

ДУРАНДАСЬ.

№ 3.

Хоть наша молодость прошла,
Однакожъ можемъ похвалиться,
Что, какъ вести свои дѣла
У насъ не худо поучиться.
Умнѣе правиться собой
И нынче нами не забыто;
И здѣсь съ хорошенькой швейей
Все будетъ шито-и прикрыто.

Слышенъ звонокъ. Звонятъ! это вѣрно она! Идетъ къ окну. Слышенъ голосъ, которой спрашиваетъ г-жу Дурандась. Сюда, голубушка! Заверни за уголь, дверь отперта. Съ радостью. Вотъ и она! Идетъ въ глубину для астръши Фаншеты.

КОТИЛЬЯРЪ, *высозывая голову изъ шкафа.* Прошу покорно вырваться отсюда!... Великій Боже! Неужели я осужденъ кончить юные дни мои въ этомъ шкафаъ?... Еслибъ я могъ, по-крайней-мѣрѣ, заpastись провантомъ. Намъ превается взять со стола что-нибудь изъ съестнаго, какъ вдругъ слышитъ голосъ Дурандаса. Невозможно! Этотъ шкафаъ настоящая башня голода. Я умру какъ Уголино! Затираетъ дверцы.

ЯВЛЕНИЕ X.

Дурандась, Фаншета, Котильяръ, спрятавшийся.

ДУРАНДАСЬ. Сюда, душенька, сюда; барыня не замедлит воротиться домой.

ФАНШЕТА. Мочи нѣтъ, какая досада, что ея нѣтъ дома.

ДУРАНДАСЬ. А мнѣ такъ нисколько.... потому-что это заставляетъ тебя дожидаться ее здѣсь.... Хе, хе, хе! *Потираетъ руки.*

ФАНШЕТА. Знаете-ли вы, что это очень любезно.

ДУРАНДАСЬ. И еще болѣе чистосердечно.

ФАНШЕТА. Скажите, пожалуйста.

КОТИЛЬЯРЪ, *растворяя шкафъ.* Фаншета! моя старинная знакома!... *Затворяется.*

ФАНШЕТА. Вы, вѣрно, тятинька этой барынь?

ДУРАНДАСЬ. Ни на булавочную головку.

ФАНШЕТА. Ну, такъ дворецкой ея?

ДУРАНДАСЬ. Какъ? Дворецкій?

ФАНШЕТА. Такъ кто-же васъ разберетъ!

ДУРАНДАСЬ. Я.... двоюродный братецъ этой дамы, которая присылала за тобою... и ты понимаешь, какъ я счастливъ, что могу заступитъ ея мѣсто.... возлѣ такой хорошенькой дѣвушки....

ФАНШЕТА. Какъ, заступитъ ея мѣсто?... Мы не дѣлаемъ мужскихъ шляпъ.

КОТИЛЬЯРЪ, *растворяясь.* И она пришла сюда съ этимъ носорогомъ!... А!... *Затворяется.*

ДУРАНДАСЬ. Знаю, но я говорю, что вы такая хорошенькая!... что ваше личико такое....

ФАНШЕТА. Что такое?...

ДУРАНДАСЬ, *присккивая выраженіе.* Такое... Хорошенькое... что я нахожу васъ... такую....

ФАНШЕТА, *насмѣливо.* Такую...

ДУРАНДАСЬ. Хорошенькою....

ФАНШЕТА. Вы, какъ сорока, затвердили одно слово.

ДУРАНДАСЬ, *самъ себѣ.* Я сорока, — какъ она мила! *Подвѣзшая.* Мы привыкли слушать любезности, не правда-ли, мой жизненочекъ?

ФАНШЕТА. Да, только отъ васъ я вовсе ихъ не ожидала!

ДУРАНДАСЪ. Вы вѣрно проголодались? Не хотите-ли пока чего закусить за-просто?

ФАНШЕТА. Это чтó за новости!... Я никогда не завтракаю съ мужчинами, не узнавши сначала....

ДУРАНДАСЪ. Отъ хлѣба-соли никто не отказывается.... Къ тому-же вѣдь мы старинные знакомые!...

ФАНШЕТА, глядя на него пристально. Та.... та.... та.... постойте-ка!... Мнѣ кажется, что я васъ видала гдѣ-то: не вы-ли гуляете часто мимо нашихъ окошекъ?

ДУРАНДАСЪ. Я самъ! Вы замѣтили меня?

ФАНШЕТА. Еще-бы!... Я тотчасъ-же сказала сама себѣ: вотъ голова, которую я видала на чьихъ-то плечахъ!

ДУРАНДАСЪ. На моихъ. Я могъ-бы отпереться, но.... это было на моихъ!... Но сядемъ за столъ. — Кусочикъ рыбчика не мѣшаетъ.... *Смотря на столъ.* Да это яичница!... а я именно наказывалъ.... *Фаншетъ.* Но все равно На дачѣ.... Кушаете-ли вы яичницу?...

ФАНШЕТА. Нѣтъ, это жирно будетъ.

ДУРАНДАСЪ, въ сторону. Негодная Роза. *Садится за столъ, Дурандасъ очень близко къ Фаншетъ.*

ФАНШЕТА. А знаете-ли, что наши дѣвушки прозвали васъ дѣдушкой домовымъ.

ДУРАНДАСЪ, немножко разстроенный. Шалуныя! Но, что вамъ за охота заниматься шитьемъ?

ФАНШЕТА. Вотъ хорошо! у всякаго свое дѣло; одни шьютъ, другіе порятъ.

ДУРАНДАСЪ. Я увѣренъ, что вамъ не знаютъ цѣны въ этомъ магазинѣ....

ФАНШЕТА. Ахъ, это правда! У насъ мадамъ такая строгая.

ДУРАНДАСЪ. Ну, вотъ видите, вы вѣрно часто бываете на посыткахъ?

ФАНШЕТА. Каждый Божій день.

ДУРАНДАСЬ. Добродѣтель ваша подвергается встрѣчамъ... иногда весьма опаснымъ. Дѣвица съ такимъ скромнымъ видомъ.... вѣдь вы, вѣрно, дочь благородныхъ родителей....

ФАНШЕТА. Какъ-же-съ?... Мой тятенька сторожемъ въ палатѣ депутатовъ.

ДУРАНДАСЬ. Я такъ и думалъ, и ужъ давно сказалъ самъ себѣ: еслибъ эта милая дѣвица, дочь сторожа палаты депутатовъ, имѣла свой собственный магазинъ, она-бы ужъ не была больше на побѣгушкахъ.

ФАНШЕТА, *вздыхая*. Тогда-бы я вышла за мужъ.... но.... но безъ денегъ....

ДУРАНДАСЬ, *съ довѣренностью*. За деньгами не станеть дѣло?

ФАНШЕТА. Какъ такъ?

ДУРАНДАСЬ. Я хочу.... помочь тебѣ, пристроить тебя.

ФАНШЕТА, *удивясь*. Неужели?

КОТИЛЬЯРЬ, *растворяя шкафъ, съ досадою*. Такъ-бы и вѣдѣлся ему въ волоса.

ДУРАНДАСЬ. Да, я хочу, чтобъ ты была счастлива, очень-счастлива!

КОТИЛЬЯРЬ, *затворяясь*. Да, вѣдь онъ, пожалуй, станетъ обороняться, старая обезьяна!

ФАНШЕТА. Какъ? не зная меня, вы хотите помочь мнѣ выйти за мужъ за моего жениха?

ДУРАНДАСЬ. А у тебя есть женихъ?... *Въ сторону*. Чортъ возьми!...

ФАНШЕТА. Какъ-же!... Молодецъ собой, прикащикъ безъ мѣста, но влюбленный въ меня какъ кошка. И вы хотите меня пристроить?... ахъ, какъ я рада!...

ДУРАНДАСЬ. Постой, постой! я хочу пристроить тебя, а не твоего волокиту! Я его не знаю, не люблю, не имѣю никакой причины любить его, напротивъ-того, мнѣ кажется, что я-бы съ удовольствіемъ поколотилъ его, тогда, какъ тебя.... сдѣлавшись хозяйкою, ты можешь надѣяться на партію гораздо лучше, выгодиѣе.

ФАНШЕТА. Вы думаете?

ДУРАНДАСЬ. Увѣренъ въ этомъ.

ФАНШЕТА. И вы купите мнѣ товаровъ?

ДУРАНДАСЪ. Безъ сомнѣнія.

ФАНШЕТА, *вставая*. Вотъ ужъ можно сказать, что вы предоброй старичокъ.... то есть, разпредобрый старичокъ!...

ДУРАНДАСЪ, *съ нетерпѣніемъ*. Старичокъ!... Старичокъ!

ФАНШЕТА. Всѣ другіе старички вамъ въ подметки не годятся.... Я буду любить васъ, какъ отца, какъ дѣдушку, какъ....

ДУРАНДАСЪ. Довольно.... довольно.... этого только мнѣ и надобно; да, душечка, мѣстечко въ твоемъ воспомнаніи.... *Взлвѣ ее за руку*. И въ твоемъ сердчишечкѣ?

ФАНШЕТА, *удивясь*. Вотъ что!

КОТИЛЬЯРЬ, *высовывая голову*. Ахъ, ты, старый бульдогъ!—*Запирается съ сердцемъ*.

ФАНШЕТА. Ваше обѣщаніе такъ мнѣ понравилось, что я....

ДУРАНДАСЪ, *въ сторону*. Вотъ удобная минута: схожука я за пирожнымъ, да за шампанскимъ. *Ей*. Любишь-ли ты шампанское?

ФАНШЕТА. Надѣюсь!... я только разъ въ жизни его пила, но оно до того развеселило меня, что я сдѣлалась мужчиной и перевернула магазинъ вверхъ дномъ.

ДУРАНДАСЪ, *въ сторону*. Счастливая мысль!... я одѣну ее въ мое платье.... и побѣгу за шампанскимъ! *Уходитъ*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Котильяръ и Фаншета.

ФАНШЕТА. Вотъ презабавная исторія.... А еслибъ Котильяръ зналъ объ этомъ.

КОТИЛЬЯРЬ, *выскакивая изъ шкафа*. Онъ все знаетъ!

ФАНШЕТА, *вскрикнувъ отъ удивленія*. Котильяръ!

КОТИЛЬЯРЬ, *въ бѣшенствѣ*. Да, это я!... я самъ!

ФАНШЕТА. Какими судьбами ты здѣсь?

КОТИЛЬЯРЬ. А ты?... Такъ этакъ-то ты ждала меня, чтобъ идти на праздникъ? За чѣмъ-же ты пришла сюда?

ФАНШЕТА. Я... я принесла шляпку.

КОТИЛЬЯРЪ. Лжешь!...

ФАНШЕТА. Ей Богу!... я дожидаюсь здѣсь одной барыни.

КОТИЛЬЯРЪ. И ты, ты смѣешь подпускать мнѣ эти турусы на колесахъ? *Хватаетъ ее за руку.*

ФАНШЕТА, *испугавшись*. Боже мой! Ты пугаешь меня.

КОТИЛЬЯРЪ *трясетъ ей руку*. Ага! Ты наконецъ чувствуешь?...

ФАНШЕТА, *дрожжа*. Чувствую, чувствую.... Но я не узнаю тебя!... Ты всегда былъ такой смирной, словно барашекъ.

КОТИЛЬЯРЪ, *въ изступленіи*. Да я смиренъ какъ баранъ, какъ два бар.... какъ сорокъ.... какъ цѣлое стадо барановъ; но это не резонъ, чтобъ промѣнять меня на старого козла.

ФАНШЕТА. Да съ чего ты это взялъ?...

КОТИЛЬЯРЪ. Ты пришла сюда съ этимъ толстымъ сатиромъ?

ФАНШЕТА. Я не знала его имени, но этотъ г. Сатиръ двоюродный братецъ той барыни, которая присылала за мной.

КОТИЛЬЯРЪ, *съ негодованіемъ*. Братецъ!... Развѣ ты не видишь, несчастная, что затѣваетъ этотъ козерогъ?...

ФАНШЕТА. Неужели? Да за кого-жъ онъ меня принимаетъ!... Неужели?... О! надо его порядкомъ проучить за это.

КОТИЛЬЯРЪ. Непремѣнно, и сію-же минуту.

ФАНШЕТА. Но какъ?

КОТИЛЬЯРЪ. Съѣдимъ его яичницу съ ветчиной.

ФАНШЕТА. Но г. Сатиръ сей-часъ придетъ.

КОТИЛЬЯРЪ. Пускай придетъ. *Въ сторону*. Она думаетъ что это его имя, и на здоровье!... Стану же и я ѣсть себѣ на здоровье! *Садится; въ сторону*. Наконецъ заколдованная яичница моя!... *Сбирается ѣсть*.

ЯВЛЕНИЕ XII.

КОТИЛЬЯРЬ, ФАНШЕТА, г-жа ДУРАНДАСЪ, потомъ РОЗА, наконецъ и г. ДУРАНДАСЪ.

г-жа ДУРАНДАСЪ, *отворяя боковую дверь, видитъ Котильяра и Фаншету за столомъ. О Боже!...*

ДУРАНДАСЪ, *держа въ одной рукѣ бутылку, въ другой блюдо съ пироженнымъ, и морскаго рака подъ мышкой. Мужчина!.. Увидя жену. Адель!...*

РОЗА, *съ тарелкой. Чтó я вижу!*

г-жа ДУРАНДАСЪ. Женщина!

КОТИЛЬЯРЬ. Эта яичница, просто, не приступна!

ДУРАНДАСЪ. Государь мой! я васъ не знаю!

КОТИЛЬЯРЬ, *спокойно. Я васъ тоже: стало быть, мы квиты.*

ДУРАНДАСЪ. Какъ вы здѣсь находитесь?

КОТИЛЬЯРЬ. Довольно плохо.

ДУРАНДАСЪ. Я васъ не спрашиваю, какъ вы находитесь, а спрашиваю только, какъ вы здѣсь находитесь?...

КОТИЛЬЯРЬ. Не хорошо.

ДУРАНДАСЪ, *крича. Какъ вы сюда пришли?*

КОТИЛЬЯРЬ. Черезъ булонскій лѣсъ.

ДУРАНДАСЪ, *въ себя. Это ужъ слишкомъ!...*

КОТИЛЬЯРЬ, *рѣшительно. Такъ и быть; я все скажу.*

г-жа ДУРАНДАСЪ, *въ сторону. Онъ выдастъ меня.*

РОЗА, *въ сторону. Я ищу своего мѣста.*

КОТИЛЬЯРЬ. Я скажу все.—Здѣсь одинъ человекъ затѣялъ славную штуку.

ДУРАНДАСЪ. Государь мой! Ни слова....

КОТИЛЬЯРЬ. Однакожъ, вы меня спрашиваете.

ДУРАНДАСЪ. Ни полслова!... *Въ сторону. Швея все разболтала....*

КОТИЛЬЯРЬ, *въ сторону. Тѣмъ лучше. Громко. И такъ, государь мой!...*

ДУРАНДАСЪ. Безъ объясненій!... Я врагъ всякаго со-
блазна.... особенно при женщинахъ!...

г-жа ДУРАНДАСЪ. Не нужно никакихъ объясненій!...

ДУРАНДАСЪ, *женѣ*. Уйдемъ, душечка, я предчувствую, что онъ насажаетъ какую нибудь небывальщину, сплетню.... у него преступная физиономія. *Котильяру*. Прощайте, сударь: благоразуміе велитъ намъ теперь удалиться, но я надѣюсь скоро съ вами увидѣться.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ, *мужу*. Пожалуйста, безъ ссоры.
ДУРАНДАСЪ. Пойдемъ, душа моя.

Кладетъ на столъ всю провизію, которая у него въ рукахъ, и уходитъ вмѣстѣ съ женою.

Г-ЖА ДУРАНДАСЪ, *Котильяру*. Будьте скромны. *Уходитъ*.
РОЗА, *Котильяру*. Растолкуйте мнѣ все это.

ФАНШЕТА, *Котильяру*. Что она вамъ говорить?

РОЗА, *Котильяру*. Ты мнѣ дорого заплатишь за это.
Уходитъ.

ФАНШЕТА. Онъ знакомъ съ служанкой!!.. Ахъ! противные мужчины!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КОТИЛЬЯРЪ, ФАНШЕТА.

КОТИЛЬЯРЪ, *самъ себя*. Презатруднительное положеніе!

ФАНШЕТА, *глядя на него съ удивленіемъ*. Такъ этакъ-то?... Вы въ дружбѣ съ служанкой? Вотъ отъ чего, прождавши васъ вчера цѣлый день по-напрасну, сегодня нахожу я васъ здѣсь, въ шкафу!

КОТИЛЬЯРЪ. Человѣкъ безъ мѣста помѣщается тамъ, гдѣ можетъ.

ФАНШЕТА. Но что у тебя за разговоры съ служанкой?

КОТИЛЬЯРЪ. Развѣ ты не видишь, что все это сдѣлано для того, чтобъ отклонить подозрѣніе?

ФАНШЕТА. Какъ?

КОТИЛЬЯРЪ. Ну, да! Ступай, сыщи эту служанку, не знаю какъ ее зовутъ: Маргарита, Роза, Фіалка, какое-то цвѣточное имя; скажи ей, чтобъ она была благоразумна; скажи, что ты встрѣтила меня здѣсь случайно.... Скажи, что ты моя тетка....

ФАНШЕТА. Твоя тетка?

КОТИЛЬЯРЪ. Ну, племянница, свояченица, сестра.... Однимъ-словомъ, скажи ей все, что въ голову придетъ, лишь бы она не дѣлала шуму.

ФАНШЕТА. Чтожъ, она ревнива, что-ли?

КОТИЛЬЯРЪ. Ревнивѣ тебя.

ФАНШЕТА, съ угрозою. А!... Теперь я все понимаю! всѣ мужчины лгуны, обманщики. Хорошо, я пойду все узнаю, и если ты меня обмануль, берегись! Ты меня еще не знаешь. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

КОТИЛЬЯРЪ, одинъ. Ну, попался-же я въ порядочные тиски!... Что нужды! Прежде всего нападёмъ на эту личницу! *Садится за столъ.* На эту мечту съ ветчиной, которая преслѣдуетъ меня съ самаго утра.... А! попалась наконецъ, разбойница!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Дурандасъ и Котильяръ.

ДУРАНДАСЪ, про себя. Моя жена ничего не подозрѣваетъ, примемся за этого нахала.

КОТИЛЬЯРЪ, въ отчаяніи. Опять

ДУРАНДАСЪ. Я здѣсь, государь мой!

КОТИЛЬЯРЪ. И я тоже!

ДУРАНДАСЪ. Такъ, стало быть, насъ двое!

КОТИЛЬЯРЪ. Да, это вѣрно, какъ дважды два! Потомъ?

ДУРАНДАСЪ. Какъ, потомъ?... Я начну съ того, что попрошу васъ не ѣсть у меня въ домѣ.

КОТИЛЬЯРЪ. А что, развѣ у васъ со всѣмъ не ѣдятъ?...

ДУРАНДАСЪ, возвыся голосъ и принуждая его встать изъ-за стола. Мой домъ не трактиръ?

КОТИЛЬЯРЪ. Да, я вывѣски не замѣтилъ.

Въ разспянности кладетъ салфетку въ карманъ, также какъ и первая дѣл.

ДУРАНДАСЪ, останавливая его и вырывая салфетку. Позвольте, позвольте.... эта салфетка моя. Вы вкрались! Не-

званнй въ мой домъ, и мнѣ-бы весьма было любопытно узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

котильяръ, *самоуверенно*. Съ корреспондентомъ общества Апполоновыхъ дѣтей!

дурандасъ. Это не есть гражданское званіе, и оно нисколько не объясняетъ мнѣ, за чѣмъ и къ кому вы сюда пришли?

котильяръ. Разумѣется, къ женщинѣ.

дурандасъ. Къ какой?

котильяръ. А вамъ какое дѣло. Фу! Какъ жарко!!

Котильяръ вынимаетъ изъ кармана вмѣсто платка салфетку и утирается ею.

дурандасъ, *схватывая ее*. Еще!

котильяръ, *удивлясь*. Неужели?... Да, сударь, къ женщинѣ; и вы очень дерзки, что сами, волочасъ за швейей, смѣете спрашивать меня о такой щекотливой матеріи?...

дурандасъ, *внѣ себя*. Государь мой!...

котильяръ. Повторяю вамъ въ третій разъ, сударь, что я пришелъ сюда къ женщинѣ, (*вынимая изъ кармана третью салфетку, вмѣсто платка*) которой вы надоѣли до-смерти и которая....

дурандасъ, *схватывая за салфетку*. Третья!... Это что значитъ?

котильяръ, *съ удивленіемъ, про себя*. Рѣшительно всѣ мои карманы набиты салфетками.

дурандасъ. Какая дерзость!... Убирайтесь отсюда, государь мой!

котильяръ. Послѣ васъ, милостивый государь.

дурандасъ. О! послѣ этого. *Кладетъ на столъ салфетки, которыя онъ поочередно вѣшалъ на лѣвую руку*. Выгонять меня изъ собственного моего дома!... Да вы съ ума сошли!...

котильяръ. Самъ ты сумашедшій, старый Сарданапалъ! Ты долженъ дать мнѣ удовлетвореніе.... Вотъ мой адресъ. *Даетъ ему визитный билетъ.*

дурандасъ. А вотъ и мой!... Завтра переѣду отсюда.

Обмѣливаются билетами.

котильяръ. Сего-дня-же переѣмъ квартиру.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТѢЖЕ и г-жа Дурандасъ.

г-жа Дурандасъ. Боже мой! Дуэль!... Какой ужасъ! котильяръ, *г-жѣ Дурандасъ*. Я васъ избавлю отъ него сію-же минуту. *Видь себя, тащитъ Дурандаса.*

Дурандасъ, *отбиваясь*. Жена, бѣги за полиціей... Я прибѣгаю къ защитѣ законовъ!

котильяръ, *сконфуженный*. Его жена!... она надула меня!... Я чисто въ дуракахъ.

Дурандасъ, *настойчиво*. Очистите мою недвижимость.

котильяръ. Позвольте, сударь.... я полагалъ.... я имѣлъ причины предполагать, что ваша супруга—вдова.

Дурандасъ, *живо*. При живомъ мужѣ?... съ чего вы это взяли?

котильяръ. Право, не знаю.... но я знакомъ былъ съ одною брюнеткой... которая была вдовой, и потому....

Дурандасъ. И потому вы заключили, что всѣ брюнетки должны быть вдовы?... вотъ это безподобно!... *Женя*. Ты вдова!... Какъ тебѣ это нравится?...

котильяръ, *съ намекомъ*. Я увѣренъ, что ваша супруга приметъ мою сторону.

г-жа Дурандасъ, *бормоча*. Я.... но.... я васъ не знаю, сударь. *Дурандасъ подаетъ шляпу Котильяру и указываетъ на дверь.*

котильяръ. Какая низость!... я иду, господинъ.... *Приблизитъ имя и печально взглядываетъ на карточку, данную ему Дурандасомъ. Господинъ.... Дурандасъ.... Самъ себя.* Какъ! Дурандасъ!... тотъ самый, кому меня рекомендовали.

Дурандасъ, *настойчиво, указывая на дверь*. Милости просимъ!

КОТИЛЬЯРЪ.

№ 4.

Прощайте, добрый Дурандасъ!

Мы съ вами круто расстаемся,

Но я приду къ вамъ черезъ часъ,

Тогда мы какъ-нибудь сойдемся.

Чтобъ худо выдти не могло,
Мы съ вами на дуэль не выйдемъ.
Итакъ, что было, то прошло,
А тамъ—что будетъ, мы увидимъ.

Иду сударь. *Идетъ на минуточку, потомъ прячется въ кабинетъ на-право.*

ДУРАНДАСЬ. Каковъ?... Вотъ что называется предрезкое животное!...

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ. Я надѣюсь, другъ мой, что ты не увидишься съ нимъ болѣе. *Въ сторону.* Онъ все расскажетъ!...

ДУРАНДАСЬ. И ты не знаешь его?

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ. Ни мало!

ДУРАНДАСЬ. И никогда не видала?

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ. Никогда! Я нашла его здѣсь за столомъ, безъ всякихъ церемоній.

ДУРАНДАСЬ. Это не слыханно?... Однакожъ.... кажется я его гдѣ-то видѣлъ прежде.... да, да.... точно, точно.... два мѣсяца тому назадъ, я прогуливался въ звѣринцѣ.... онъ былъ въ мундирѣ національной гвардіи.... и хотѣлъ увѣрить меня, что хоботъ у слона сбѣланъ изъ слоновой кости.... я его очень-хорошо знаю.... ему нельзя ни на волосъ ни въ чемъ вѣрить.... при томъ эта привычка, которую онъ занялъ отъ дѣтей Аполлона.... вотъ это очень-мило!... Сынъ Аполлона, который укралъ у меня три салфетки!... и, пустяки, Аполлонъ умеръ холостымъ.... стало-быть, это побочный сынъ Аполлона.... а потомъ эта наглость!... говорить мнѣ, что пришелъ сюда для женщины.

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ, *въ волненіи.* Онъ сказалъ это?

ДУРАНДАСЬ. Онъ назначаетъ у меня свиданіе!... Ахъ, онъ карманная выгрузка!

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ. Какая низость!

ДУРАНДАСЬ. Но какъ зовутъ этого негодяя? *Ищетъ карточку.* Юлій Котильяръ, бухгалтеръ. *Съ восхищеніемъ.* Ха! ха! ха! вотъ презабавная шутка! Ха! ха! ха!... я умру со-смѣху!... Ха, ха, ха! *Садится, помирая со-смѣху.*

Г-ЖА ДУРАНДАСЬ. Что съ тобою сбѣчалось?...

дурандасъ. Я не перестану смѣяться до обѣда... Ха, ха, ха! это тотъ самый бухгалтеръ, котораго рекомендовалъ мнѣ Бугимель.... Ха! ха! ха! а я—было думалъ....

г-жа дурандасъ, *въ сторону*. Такъ онъ подшутилъ надо мною.

дурандасъ. Бугимель предупреждалъ меня, что онъ большой проказникъ.... выдумщикъ.... но для чего-же онъ не назвалъ мнѣ себя!

г-жа дурандасъ. Это ужасно!...

дурандасъ. Мнѣ жаль, что я дурно обошелся съ нимъ.... кажется, онъ именно такой человѣкъ, какой мнѣ нуженъ. Бугимель говорилъ мнѣ, что я могу отлучаться безъ опасенія.

г-жа дурандасъ. Все равно, мой другъ.... какія-бы ни были качества этаго молодаго человѣка, но я надѣюсь, что ты не примешь его къ себѣ.

котильяръ, *растворяя дверь, въ сторону*. Чтѣ такое? Она противъ меня.... хорошо....

дурандасъ. Отъ чего-же?

г-жа дурандасъ. Человѣкъ, котораго поведеніе было такъ не прилично....

дурандасъ. Но....

г-жа дурандасъ. Которой употребилъ во зло мою довѣрчивость....

котильяръ, *въ сторону*. Выставимъ непріятельское знамя. *Махаетъ сквозь полурастворенную дверь платкомъ, который онъ привязалъ на палку.*

г-жа дурандасъ, *испугавшись*. Мой платокъ!

дурандасъ. Но вѣдь это предубѣжденіе.

г-жа дурандасъ. Можетъ-быть.... конечно, онъ порядочный молодой человѣкъ. *Платокъ исчезаетъ.* И я читаю его неспособнымъ.... дѣлай, какъ хочешь!

дурандасъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я вижу, что онъ тебѣ не нравится—и я не приму его.... ни за чтѣ не приму. *Платокъ появляется.*

г-жа дурандасъ, *въ сторону*. Это просто насиліе! Онъ угрожаетъ мнѣ!... *Въ-слухъ*. Но если я не противлюсь болѣе.... если тебѣ за него отвѣчаютъ.... если его реко-

мендуютъ тебѣ за скромнаго и способнаго человѣка....
такіе люди нынче очень-рѣдки....

дурандасъ. Постой, постой.... пойдемъ-же мы на-
онецъ другъ друга: ты совѣтуешь мнѣ принять его и не
видаться съ нимъ.... стало-быть, ты хочешь, чтобъ я
взялъ его закрывши глаза?... На первое время пожалуй,
но не могу-же я....

г-жа дурандасъ. Боже мой!... что мнѣ дѣлать?...

дурандасъ. Надо-же чѣмъ-нибудь рѣшить: или протя-
нуть ему руку или вытолкать въ шею!

котильяръ, махалъ изо всей силы платкомъ. Вотъ рѣши-
тельная минута!

г-жа дурандасъ. Прими, прими его, ради самого Бога!

дурандасъ. Такъ и быть! Пусть будетъ по-твоему....
Еслибъ онъ былъ здѣсь, я-бы сказалъ ему: ты нравишь-
ся моей женѣ и конецъ концовъ.

котильяръ, просовывая голову сквозь руку Дурандаса и
очутивъ носъ къ носу съ нимъ. Добродѣтельный Дурандасъ,
позвольте обнять васъ!

дурандасъ. Какъ!... ты былъ здѣсь?

котильяръ, держа его въ объятіяхъ. Здѣсь былъ, здѣсь
и останусь: лучшаго мѣста мнѣ не нужно. Обнимаются.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже; Роза и Фаншета.

роза, Фаншеть. Вотъ теперь онъ обнимается съ хозя-
иномъ.

котильяръ, Дурандасу. У меня было рекомендательное
письмо къ вамъ.... я прихожу сюда.... и встрѣчаю эту
мамзель, которую я прежде и въ глаза не видалъ.

фаншета, съ замѣшательствомъ. А!...

котильяръ, тихо ей. Это для того, чтобъ отклонить
подозрѣніе. Въ-слухъ. Она сказала мнѣ, что она магазин-
щица, и дожидается здѣсь хозяйку дома....

фаншета. Точно такъ, сударыня!... я изъ магазина ма-
дамъ Гоке, которая прислала меня къ вамъ для зака-

зовъ.... я разговаривала здѣсь съ г. Сатиромъ, когда этотъ господинъ....

дурандасъ, *удивясь*. Кто этотъ г. Сатиръ?

котильяръ, *Дурандасу*. Она ошибается.... и не знаетъ вашего имени.

г-жа дурандасъ, *Котильяру*. Такъ вы, вѣрно, помогали этой дѣвицѣ дожидаться меня и завтракали съ нею для компаніи?

котильяръ, *г-жѣ Дурандасъ*. Это для того, чтобъ отклонить подозрѣніе.... когда я узналъ, что вы не вдова....

дурандасъ. Въ самомъ дѣлѣ это что-то не чисто.... вы завтракали здѣсь со швеей?

котильяръ, *тихо Дурандасу*. Я зналъ, что ваша жена здѣсь.... видѣлъ ваши продѣлки съ Фаншетой.... и взялъ все на себя, злополучный Дурандасъ, для того, чтобъ отклонить подозрѣніе.

дурандасъ, *громко*. Я даю вамъ 2000 франковъ жалованья, столъ и квартиру. *Жень*. Мы условились съ нимъ, и съ завтрашняго-же дня, я передамъ ему всѣ книги, кассу, и проч. и проч. Надѣюсь, что мы поймемъ другъ друга, какъ нельзя лучше.

котильяръ, *смотря на г-жу Дурандасъ*. Надѣюсь!

роза, *тихо Котильяру*. Такъ вы не были знакомы ни съ барыней, ни со швеей?

котильяръ. Отъ-роду никогда!

роза. Я понимаю; все это было для того....

котильяръ. Чтобъ отклонить подозрѣніе. *Г-жѣ Дурандасъ*. Сударыня, я очень виноватъ передъ вами....

г-жа дурандасъ, *съ замѣшательствомъ*. Но....

котильяръ, *прерывая его*. Но вы уронили вашъ платокъ, позвольте мнѣ вручить вамъ его.

г-жа дурандасъ. Вы очень-учтивы.

котильяръ, *тихо*. И скромень.

дурандасъ. Сядемте-жъ за столъ.... Скажи, пріятель, любишь-ли ты яичницу?... она еще горяча!

котильяръ, *съ силой*. Люблю-ли я!... кого вы спрашиваете?

дурандасъ. Роза, живо четыре прибора!

роза. Сей-часъ сударь!

котильяръ. Бѣдная Роза! всѣ будутъ завтракать, кромѣ той, которая меня приглашала.... *Садятся за столъ.*

дурандась, выведя Котильяра изъ-за стола на авансцену. Теперь ты не станешь увѣрять меня болѣе, плутишка, что хоботь слона сдѣланъ изъ слоновой кости?

котильяръ. Это были вы?

дурандась. А!... насмѣшникъ.... я нарочно справлялся у звѣринаго пристава.... и узналъ навѣрно, что хоботь слона сдѣланъ изъ резины....

котильяръ, съ изумленіемъ. Э.... Но, пора кончить нашу яичницу. *Садится и ѣсть.*

Оркестръ дѣлаетъ аккорды для послѣдняго куплета; Котильяръ, какъ будто не слышитъ и ѣсть; оркестръ даетъ второй аккордъ, — онъ встаетъ съ нетерпѣніемъ, говоря.

котильяръ. Опять.... и поѣсть не дадутъ! *Подходитъ и ѣсть.*

№ 5.

Я съ охотою моею

Радъ-бы пѣть, да дѣло въ томъ, —

На-тощакъ я не умѣю,

Лучше хоромъ пропоемъ!

хоръ.

Намъ осталось въ заключенье

Дружно къ дѣлу приступить:

Просимъ васъ о снисхожденьи,

Просимъ строго не судить.

СТРАШНАЯ ТАЙНА!

ЕСЛИ НЕ ДРАМА, ТАКЪ КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Семень Ивановичъ Телятевскій, богатый помѣщикъ, лѣтъ 50-ти.

Анна Ивановна, жена его, лѣтъ 20-ти.

Павелъ Яковлевичъ Ягуновъ, помѣщикъ, сосѣдъ Телятевскаго.

Иванъ Тимоѣевичъ Щелкушкинъ, другой сосѣдъ.

Неизвестная особа.

Матвей, слуга Телятевскаго.

Дѣйствіе въ домѣ Телятевскаго. Богато, но безъ толку убранныя комната. Наливо каминъ.

Телятевскій и Анна Ивановна.

Телятевскій, стоя среди комнаты, держитъ въ объятіяхъ Анну Ивановну. Да, полно-же, душа моя, душечка, Анечка! Полно, мой другъ!

Анна Иван., склоняя голову на плечо его. Ахъ! милый другъ!

Телятевскій. Да, будь-же разсудительна! Подумай сама! Анна Иван. Охъ! Сеня!

Телятевскій. Творецъ! Какъ пріятна такая привязанность—то-есть, такъ пріятна, что.... Я тебѣ говорю—не лъзя же!

АННА ИВАН. Почему нельзя?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Потому-что.... Право, нельзя! Это очень ясно!

АННА ИВАН. Ёхать съ этимъ старичишкой, оставить меня одну.... Нельзя, нельзя, да и только!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Хорошо—я тебѣ еще повторю, душа моя. Сядь, сядь — садись, а то мнѣ этакъ не ловко рассказывать....

АННА ИВАН. садится. Ну, что такое?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Видишь.... Хмъ! Во-первыхъ, ёду я всѣмъ не съ старичишкой—ну, какъ это можно! Ёду съ моимъ почтеннымъ сосѣдомъ, Павломъ Яковlichemъ—ну, что за старичишка! А во-вторыхъ, вся-то, поёздка продолжится не болѣе четырехъ.... *Движеніе Анны Ивановны.* Нѣтъ, нѣтъ! трехъ!... *Движеніе Анны Ивановны.* Двухъ, двухъ дней — можетъ-быть, менѣе....

АННА ИВАН. Двухъ дней! О Боже мой!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, да, будь-же разсудительна.... Вотъ, во-вторыхъ.... Нѣтъ, это ужъ въ-третьихъ, да въ-третьихъ.... Маленькая разлука увеличитъ любовь.... Горестъ разставанья, страхъ ожиданія, восторгъ свиданія, трепетъ сердца.... Даже двѣ, три слезки.... Мысль: «что-то онъ», или тамъ, «что-то она, безъ меня дѣлаетъ?» Да, все, все.... Разлука даже немножко необходима, какъ, какъ.... вотъ, какъ муха лѣтомъ.... Ну, а въ дополненіе, я тебѣ въ городъ что-нибудь куплю, привезу.... ангелъ мой! тебѣ....

АННА ИВАН. А чтожъ ты мнѣ привезешь?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Разумѣется—сердце, вѣрное, полное любви самой, самой....

АННА ИВАН. Вотъ.... сердце!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, ну, и еще что-нибудь.... Что-нибудь посолиднѣе.... *сувереникъ* какойнибудь—и бездѣлка мила изъ рукъ того, кого любишь!

АННА ИВАН. Что мнѣ бездѣлки!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. То-есть, не то, что бездѣлка, а этакъ у мадамы посмотрю, и въ модномъ магазинѣ.... Онъ хоть и плуть, мусье Трише....

анна иван. Онъ тебѣ опять продасть московскую дрянъ за парижское....

телятевскій. Нѣтъ, нѣтъ! я вѣдь московское-то ему въ глаза брошу—посмотрю: есть-ли надписи—*Парижъ*, а безъ того мнѣ и не надо! Такъ ты меня отпускаешь? а?

анна иван. *бросаясь къ нему.* Ахъ! другъ мой!

телятевскій. Все напрасно! Ахъ! Творецъ! я готовъ заплакать отъ того, что ужъ черезъ край счастливъ.... Этакая жена, и этакъ любить! Анета моя!

анна иван. Сеня мой!

телятевскій. Ты видишь, Анета, слезы мои! Довольно, довольно! Любовь должна уступить мѣсто благоразумію—я говорилъ, какъ супругъ, какъ любовникъ твой, теперь ты услышишь голосъ мужа.... Ты не дѣвочка!

анна иван. Съ чего вы взяли....

телятевскій. Ну, ну, то-то я и говорю, что ты не дѣвочка, то есть, не молоденькая кака-нибудь....

анна иван. Какъ, не молоденькая? Развѣ я старуха?

телятевскій. Не то.... Эхъ, Боже мой! Ты крошка, миладша, ты.... да, то-есть....

анна иван. И чортъ дернулъ этого Павла Яковлича ѣхать....

телятевскій. Совсѣмъ не чортъ дернулъ, а пренужныя дѣла....

анна иван. Какія дѣла?

телятевскій. Я... не знаю....

анна иван. Никакихъ! Ты выдумалъ....

телятевскій. Вотъ—я выдумалъ! А если точно дѣла, и я знаю....

анна иван. Такъ ты меня обманываешь?

телятевскій. Обманываешь! Чужія тайны.... я не имѣю права открывать ихъ....

анна иван. Мнѣ не открывать?

телятевскій. Нельзя!

анна иван. Опять нельзя! Хорошо, вотъ какъ вы меня любите!

телятевскій. Анета!

анна иван. Считаете меня болтушкой—вътреницей... Заслужила ли я!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Другъ мой! чужія....
 АННА ИВАН. А можетъ-быть, ты и своихъ мнѣ не ска-
 зываешь.... Ахъ! Боже мой!.. Ахъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, ну... я тебѣ все, все открою... По-
 ради Бога... вѣдь Павелъ Яковичъ... человекъ такой
 серьезный... если узнаетъ мою нескромность... Ви-
 дишь... онъ приискалъ жениха своей дочери...

АННА ИВАН. Какой дочери?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Что въ пансіонѣ у мадамы...

АННА ИВАН. Полинкѣ? Ха, ха, ха!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Чтожъ тутъ смѣшнаго?

АННА ИВАН. Еще-бы не смѣшно—она ребенокъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ребенокъ! Да, ребенокъ!

АННА ИВАН. Я ее три года не видала—ей лѣтъ, лѣтъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Сколько-бы ни было, а она не ребенокъ!

АННА ИВАН. Въ куклы, думаю, не перестала играть!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, она затѣяла игру ужъ съ такой кук-
 лой...

АННА ИВАН. Съ какой?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Господи милосердый! Да что тебѣ все
 знать надобно, Анна Ивановна?

АННА ИВАН. А! такъ мнѣ знать не надобно, что мужъ
 мой дѣлаетъ—не надобно?...

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Но, мой другъ....

АННА ИВАН. Наглый обманъ! Ягуновъ выдаетъ дочь, а
 вамъ-то что? Что вы—сваха развѣ?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какая сваха! Сама ты разсуди: прилично-
 ли меня, въ мои лѣта, въ моемъ чинѣ, называть сва-
 хой—тьфу, ты, право, Анна Ивановна! какъ ты словъ
 не разбираешь....

АННА ИВАН. А! я словъ не разбираю? Хорошо—я не
 стану съ вами говорить! *Садится.*

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Анета! ради.... ради.... твоего милаго по-
 сика, твоихъ ангельскихъ ручекъ.... Повѣрь дружочикъ...
 Неужели ты разсердилась? Я... я люблю тебя.... *Ста-*
новится на колѣни. Клянусь.... Ну, Павелъ Яковичъ—
 дѣлай что хочешь—я твою тайну открою—дружбой по-
 жертвую любви! Открою!

АННА ИВАН. Да, ну, открывайте-же!
 ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ты меня прощаешь?

АННА ИВАН. Да, да! Говори!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Павелъ Яковличъ выбралъ жениха, и велѣлъ сказать о томъ своей дочери, а она отвѣчала ему, что она также выбрала, и ни за кого не пойдетъ, кромѣ того, кого тамъ... пишетъ такое письмо длинное—«чувства сердца, папенька... несчастье, бѣдствіе, отчаяніе... судьба»... и Богъ знаетъ что... Видно, что у мадамы училась... Вотъ точно какъ изъ книги... изъ «Похожденій Мирамонда»...

АННА ИВАН. Да, можетъ-быть, она выбрала...

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ужь, разумѣется, какого нибудь франтика—тъфу, такъ!

АННА ИВАН. А отецъ выбралъ урода!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Почемужь урода? Урода! У насъ въ уѣздѣ, кажется, уродовъ нѣтъ—начиная съ меня!

АННА ИВАН. А кого онъ выбралъ?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, ужъ этого, другъ мой—хоть въ обморокъ упади—не скажу! Вотъ тебѣ поклянусь—не знаю—ей Богу, не знаю! Павелъ Яковличъ мнѣ не сказывалъ, ей, ей, не сказывалъ!

АННА ИВАН. Такъ за чѣмъ-же ты съ нимъ ѣдешь?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Дѣло такое, выходитъ, чудное.... Дочь пишетъ, что если онъ станетъ ее принуждать—она... она убѣжитъ съ своимъ другомъ!

АННА ИВАН. Убѣжить! Ахъ! какъ мило!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какъ? Мило?

АННА ИВАН. Вотъ ужъ по-пансіонски!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какъ? Анна Ивановна! Да вѣдь и ты въ пансіонѣ воспитывалась.... Неужели.... *Въ сторону.* У! Морозъ, вотъ такъ, отъ пятокъ, да вотъ сюда, сюда....

АННА ИВАН. Ахъ! душенька! Постарайся, чтобы... Кто бы это такой? Не знаю! Развѣ.... Да, куда ему!... Ну, такъ зачѣмъ-же ѣдешь.... что ты задумался?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ничего, ничего!

АННА ИВАН. Не ѣзди, мой другъ! Пусть Полиньку увезутъ—у насъ еще никого въ уѣздѣ не увозили.... Мнѣ

безъ тебя будетъ скучно, грустно! И что ты тамъ сто-
нешь....

Телятевскій. И въ самомъ дѣлѣ, что я тамъ стану дѣ-
лать? Павелъ Яковичъ говоритъ — совѣты друга, гово-
рить—можетъ-быть, надобно будетъ... тамъ—необхо-
димъ я, говоритъ—сталъ въ томъ, что необходимо, го-
ворить! *Смотритъ на часы.* Онъ скоро будетъ сюда! Онъ
хотѣлъ заѣхать за мной—какъ-же я... Право, не знаю...

Анна Иван. Скажись больнымъ!
Телятевскій. Какъ больнымъ сказаться! Этакъ и въ
самомъ дѣлѣ накличешь болѣзнь!

Анна Иван. Ну, скажи, что я больна — я не боюсь!
Пусть онъ ѣдетъ одинъ — чортъ съ нимъ! — Не правда-ли?
Постой я побѣгу, надѣну шлафорокъ, подвяжу зубы — ста-
ну охать.... Сей часъ, сей часъ!... *Блужитъ вонъ.*

Телятевскій, одинъ.

Ну, можно-ли быть очаровательнѣе — вотъ что назы-
вается, очаровательнѣе.... Вотъ что на вѣрѣ у Агаѣи
Семеновны я видѣлъ, пастушокъ съ пастушкой дѣ-
луются.... Одѣтъ-бы меня пастушкѣ, а ее пастуш-
кой — точь-въ-точь.... Я и думалъ однажды, да на-
ши бараны такіе.... съ рогами — и запачканные.... То
есть, можно сказать, Семень Ивановичъ, долго ты выби-
ралъ, да выбралъ себѣ курочку, цысарочку — голубку....
На два дня разлучиться, и далеко-ли.... и вотъ уже два
дня бьюсь, а толку не добьюсь — не отпускаетъ.... И что
въ-самомъ-дѣлѣ, вздумалось Павлу Яковичу! Я тутъ
что ему помогу? Дочь хочетъ убѣжать — ну, подай въ по-
лицію — побранись тамъ, пошуми немножко: какъ ты
смѣешь, да я тебя проклянута, тамъ.... что-ли.... Охъ! дѣв-
чонки, дѣвчонки! Нелегкая побори васъ съ пансіонами
съ вашими! Отцы плати за васъ, а тамъ вбучать васъ
бѣгать, да.... Пансіоны! Что-жъ? чѣмъ они виноваты? И
моя Анета въ томъ-же пансіонѣ воспитывалась.... А не
понравилось мнѣ, какъ она обрадовалась.... Ну, чему ей
радоваться? Правда.... Да, чему-же она обрадовалась...
Оно и лучше, какъ я не побѣду.... ввяжешься въ исто-
рью....

Телятевскій и Ягуновъ.

ягуновъ, *мрачно*. Здравствуйте, Семень Иваныч!

Телятевскій. А, Павелъ Яковличъ! Да, какъ это вы подѣхали? Я и не слыхалъ....

ягуновъ. Какъ не слыхать, кажется; моя бричка такъ стучить, проклятая....

Телятевскій. Да, я и слышу, что что-то стучить—думалъ, бочка стучить—за водой поѣхали. А вы развѣ въ бричкѣ вашей?

ягуновъ. Да, дорога не близкая—удобнѣе.... И запасъ дорожный съ собой....

Телятевскій. Конечно, конечно, и запасъ съ собой!—Да, кажется, бричка у васъ изломалась въ прошломъ еще году?

ягуновъ. Немножко, да я починилъ ее—у меня свои мастера....

Телятевскій. О, у васъ заведеніе прекраснѣйшее—но если однакожь... Такъ что-жъ теперь, Павелъ Яковличъ?

ягуновъ. Что-жъ? Садитесь и побѣдемъ!

Телятевскій. Такъ ужъ вы ѣдете?

ягуновъ. Разумѣется, и вы со мной.

Телятевскій. Конечно, конечно!

ягуновъ. Чувствую цѣну вашего дружескаго участія въ горести отца, который долженъ употребить власть надъ непослушною дочерью.... Грустно, Семень Иванычъ, тяжело....

Телятевскій. Да, Павелъ Яковличъ, тяжело....

ягуновъ. И вотъ цѣлый-то вѣкъ этакъ я страдаю—и все отъ женщинъ....

Телятевскій. То есть, отъ женщинъ?

ягуновъ. Ты начала рядъ страданій моихъ, мать моя—ты, плакавшая надъ гробомъ отца моего—и черезъ полгода вышла за мужъ, и за кого? за армейскаго поручика, когда ты была капитанша по рангу мужа.... Сколько толчковъ, щелчковъ перенесъ я, сирота, отъ твоего несчастнаго втораго супружества.... Не проклинаю твоей памяти....

телятевскій. Не проклинайте, Павелъ Яковличъ, не хорошо.... все таки мать была, родила васъ....

ягуновъ. На горести! Сколько страдалъ я потомъ, когда вступилъ въ службу....

телятевскій. Такъ онѣ и по службѣ вамъ вредили, женщины?

ягуновъ. О, какъ еще вредили! То, бывало, влюбись-ся, то въ тебя влюбляются.... То у начальника женѣ не угодишь.... То сватаешься самъ, то тебѣ сватаютъ.... то.... Моя карьера погибла отъ женидьбы, а какая была карьера!

телятевскій. Какъ-же погибла, то есть? Вы, кажется, женились выгодно—съ душами—и Федосья Ивановна была красавица — и жили вы счастливо такъ....

ягуновъ. Счастливо!... Любезный другъ! спроси у меня— Счастливо! Съ душами, да за то и моей души досталось— Красавица! А карьера-то моя.... То-ли былъ-бы я! Недавно здѣсь проѣзжалъ Иванъ Ивановичъ Кочерыжкинъ— ужь надворный — въ Петербургѣ чортъ знаетъ чѣмъ, а что онъ былъ? Дрянъ! Какъ теперь помню—меня за-воротъ тянули въ Петербургъ.... Ослѣпленіе—страсть проклятая!

телятевскій. Чтожъ, Павелъ Яковличъ, будто чины и величіе доставляютъ счастье—вотъ, посмотрите—Егоръ Егорычъ—коллежскій, и съ крестомъ, да что—я не промѣняюсь съ нимъ!

ягуновъ. Вы—такъ, а моя жизнь не такъ прошла, пролетѣла.... Федосья Ивановна моя была такая чувствительная—романы, да мигрени, да обмороки.... Бывало, полкъ придетъ — чортъ знаетъ, не спишь ночей.... то на балъ, то къ намъ гости—то романы такіе сама заведетъ.... Мой другъ! не вѣрь женщинамъ! Чуть не остерегись, тотчасъ....

телятевскій. Что-жъ такое вы разумѣете—тотчасъ?

ягуновъ. Ты видишь на мнѣ слѣдствія — вѣришь-ли мнѣ? Если вѣришь, такъ не вѣрь женщинамъ—только!

телятевскій. Вы вспомнили, можетъ-быть, исторію съ капитаномъ Дурьшкинымъ... Да, вѣдь вы сами были причиною....

ягуновъ. Какъ я самъ, что вы? Дѣло было темное—знаете, чему я подвергался? Да, знаете-ли чему я подвергался? Дуели! Только твердость моя спасла меня. «Вы сударь», говоритъ, «должны стрѣляться со мною, или просить прощенія».—И, сударь, стрѣляться не буду»—говорю я—«не буду, и—если вы считаете себя обиженнымъ такъ.... покорнѣйше прошу меня извинить—я васъ оскорблять не думалъ!»

телятевскій. Да, помню, помню! Вы поступили рѣшительно....

ягуновъ. О, въ дѣлахъ до чести я щекотливъ! Помните, когда г-нъ губернаторъ сказалъ мнѣ: «Вы, сударь, глупы?»—«Не могу спорить», отвѣчалъ я, «но позвольте доложить, если я и глупъ, такъ для самого себя!»—Усмѣхнулся—«Передъ вами», говоритъ.... А вѣдь и тутъ была замѣшана женщина—послѣ узнали, что Анисья Ефимовна все насплетничала.... А вотъ еще и дочь теперь.... Мой другъ! не вѣрь женщинамъ—не вѣрь женщинамъ—не вѣрь, не вѣрь, не вѣрь! Будь у меня сынъ, одно твердилъ-бы ему: Не вѣрь женщинамъ! Не женись! Всѣ негодныя обманщицы, всѣ....

телятевскій. За что-жъ вы бранитесь, Павелъ Яковличъ? Если всѣ, такъ стало и моя жена....

ягуновъ. Я объ вашей женѣ не говорю—не мое дѣло, я обо всѣхъ говорю!

телятевскій. Такъ вѣдь и моя жена....

ягуновъ. Что-жъ вы пристааете съ вашей женой!... Еще вѣкъ не прожили вы!

телятевскій. Такъ неужели вы думаете?... Ха, ха, ха! Ну, ужъ это вы отъ огорченія говорите, ей, ей, отъ огорченія! Моя жена души не слышитъ во мнѣ!

ягуновъ. Худо!

телятевскій. Бредитъ мной!

ягуновъ. Еще хуже!

телятевскій. Иногда я просто сижу, такъ вотъ сижу—подойдетъ и говоритъ: «Ангель мой!» Что вы на это скажете?

- ягуновъ. Ничего. Не пора-ли намъ ѣхать?
- телятевскій. Ёхать?... Да, знаете, не закусить-ли намъ?
- ягуновъ. Дорогой закусимъ. Со мной запасъ всего.
- телятевскій. И прекрасно! Но.... но, почему-же вы сегодня непременно хотите ѣхать, именно сегодня, а не завтра?
- ягуновъ. А почему-же не ѣхать сегодня, а завтра?
- телятевскій. Признаться вамъ — я что-то сегодня такъ.... разстроенъ.... боленъ, просто!
- ягуновъ. Это что?
- телятевскій. Видите, я какой желтый—право, я боленъ Павелъ Яковичъ!
- ягуновъ. Дорога вымечитъ васъ.
- телятевскій. Правда... путешествіе маленькое, тамъ.... разнообразіе предметовъ.... кустики.... дерево.... деревня... все такъ, но....
- ягуновъ. Вижу все: жена твоя не хочетъ, чтобы ты ѣхалъ!
- телятевскій. Признаться вамъ, Павелъ Яковичъ....
- ягуновъ. Безразсудный! что ты дѣлаешь? Ты ужасаешь меня!
- телятевскій. Да, вѣдь ея любовь такая....
- ягуновъ. Ёдемъ, непременно ёдемъ! Здѣсь не моя, а ваша польза требуетъ, Семенъ Ивановичъ, чтобы не податься прихоти....
- телятевскій. Но ея слезы....
- ягуновъ. Вода!
- телятевскій. Такъ признаюсь вамъ, какъ другу, право, не могу ѣхать—Аиета моя больна—какъ ее оставить!
- ягуновъ. Что съ ней сдѣлалось?
- телятевскій. Вдругъ что-то такъ—зубы, говорить!
- ягуновъ. Вздоръ! Вы обѣщали.... Зубы!
- телятевскій. Вся больна, говорить....
- ягуновъ. Мужъ слабый! ты долженъ показать характеръ, а безъ того плохо дѣло!
- телятевскій. Что, что такое? Вы все такими загадками говорите....

ягуновъ. Надобно перегнуть, переломить—вотъ этакъ въ бараній рогъ скрутить женскую волю, а безъ того....

телятевскій. Да, для чего-же въ бараній рогъ?... Ну если она больна—я вамъ говорю, такъ больна, что вотъ....

Тѣже и Анна Ивановна.

анна иван., *весело*. Здравствуйте, Павелъ Яковличъ!

ягуновъ. Здравствуйте.... Телятевскому. Да, что-жь, ты, братецъ, наговорилъ, будто она умираетъ? Посмотри—она прыгаетъ, какъ коза!

телятевскій, *изумленный*. Да да.... Душечка! ты говорила, что у тебя зубы....

анна иван. Приложила подушечку—все прошло!

ягуновъ. Подушечку.... хмъ!

анна иван. Вы сей-часъ ѣдете?

телятевскій. Не знаю.... право....

анна иван. Какъ такъ—не знаете?

ягуновъ. Чтó такое—не знаешь?

анна иван. День прекрасный! Вы не увидите, какъ васъ лошади домчатъ!

телятевскій. Но, но....

анна иван. Я велѣла принести твой чемоданъ, твои вещи....

Матеръ и слуги несутъ огромный чемоданъ, постелю, ящики, коробки, мѣшки, ногу съ сапогами.

ягуновъ. Э, э! Да и ты, видно, съ запасомъ ѣдешь!

телятевскій. То-то, любезнѣйшій Павелъ Яковличъ, найдется-ли у тебя въ бричкѣ мѣсто все уложить?....

ягуновъ. Э, братецъ! еще останется—У меня еще кулъ овса и сѣно—все съ собой!

телятевскій. Да не развалится-ли бричка?....

ягуновъ. А тебѣ-то что?

телятевскій. Вотъ—что! Вѣдь голову-то я сломлю—слуга покорный!

ягуновъ. Да, вѣдь ужъ и я съ тобой свою голову сломлю!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Отъ этого мнѣ легче не будетъ!

АННА ИВАН. Душечка! ты обѣщалъ ѣхать—нельзя те-
перь отказаться.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Дѣла.... письма.... Тебѣ будетъ скучно
безъ меня.... жизнечекъ ты мой!

АННА ИВАН. О, я безъ тебя займусь....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. А чѣмъ-же ты займешься?

АННА ИВАН. Музыкакой—проиграю увертюру изъ *Калифа
Бададскаго*—пропою *Вьетъ вътерокъ*....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ, *въ сторону*. Охъ! откуда этотъ вѣтерокъ
вѣетъ?... То уговаривала остаться, а теперь вдругъ....

ЯГУНОВЪ, *въ сторону*. Тутъ что-нибудь кроется—его
смущеніе—ея стараніе прогнать мужа.... Бѣдный другъ!
Телятевскому, тихо. Что ты, братецъ, смутился? Развѣ....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Вздоръ! Вздоръ!

ЯГУНОВЪ, *тихо*. Развѣ и ты подозрѣваешь что-нибудь?
Смотри! Въ такомъ случаѣ я готовъ отказаться....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Неправда! И чтобы только доказать те-
бѣ—ѣдемъ!

ЯГУНОВЪ, *значительно*. Ѣдемъ!

АННА ИВАН., *смотря въ окно*. Вотъ ужъ все укламалъ
Матвѣй! картузъ, шинель барину! Положилъ-ли ты въ
уши канату? Колоши не забыли-ли? *Матвѣй прилоситъ
картузъ, сюртукъ, шинель*.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Не жарко-ли будетъ мнѣ въ сюртукъ и
шinelи?

АННА ИВАН. Что ты, мой другъ! А платочка на шею
нѣтъ? Пстой—возьми мой! *Снимаетъ съ себя и повязы-
ваетъ на шею мужу*.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ, *на котораго кутаютъ сюртукъ, шинель,
платокъ*. Но, душа моя, не задохнуться-бы мнѣ....

АННА ИВАН. Ахъ! Какъ ты милъ! *Вертитъ его*. Про-
щай-же, прощай, душка! *Обнимаются*.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Прощай, прощай!

АННА ИВАН. Я провожу тебя! *Ведетъ его*.

ЯГУНОВЪ, *долго стоявши въ размышленіи, стучитъ пал-
кой въ полъ*. Или я не знаю женщинъ, или—она плу-

туеть! Дорогой обдумаю, распрошу! Несчастный другъ!
А онъ такъ нѣжно, такъ довѣрчиво говорилъ....

Идетъ. Слышенъ стукъ отъѣзжающаго экипажа.

АННА ИВАН., *вбѣгая.* Ахъ! Несносные! Я думала, что они вѣкъ не уѣдутъ! *Подбѣгаетъ къ окну.* Адье, монсеръ, адье! *Прощается знаками.* Уѣхали! Поспѣшимъ перечитать—что это такое? *Читаетъ.*

«Милая Анета! Если только въ сердцѣ твоёмъ есть жалость, если ты, ma chère, знаешь, comme je t'aime, ты позволишь, ангелъ мой, не ошибиться въ твоёмъ сердцѣ, и повѣрь, душа моя, mon ange, que tout ce que я тебѣ скажу....»

Неизвѣстная особа, щегольски одѣтая въ мужское платье, съ шляпою на головѣ и хлыстикомъ въ рукахъ входитъ въ заднія двери.

АННА ИВАН., *продолжая читать.* «Но прежде дозволю мнѣ разцѣловать тебя....»

Неизвѣстная особа тихонько приближается и цѣлуетъ Анну Ивановну.

АННА ИВАН. Ахъ! Боже мой! Кто вы, сударь? Какъ вы смѣли?

НЕИЗВ. ОСОБА, *закрываясь шляпою, становится на колѣни.* Простите, милая Анна Ивановна!

АННА ИВАН. Какая дерзость!

НЕИЗВ. ОСОБА. Ха, ха, ха! Ты не узнаешь меня, Анета?

АННА ИВАН. Полинька!

НЕИЗВ. ОСОБА. Анета!

Бросаются и обнимаютъ другъ друга.

МАТВѢЙ *входитъ и столбенѣетъ.* Это что за франтикъ?

ПОЛИНЬКА. Я едва могла дожидаться, пока провалился твой несносный муженекъ! *Обнимаются еще.*

МАТВѢЙ, *нюхая табакъ.* Выходить, что это барскія дѣла, въ которыя нашему брату мѣшаться нечего!

Уходитъ незамѣтно.

АННА ИВАН. Боже мой! Какъ ты выросла, похорошѣла! Вотъ ужъ я никакъ не воображала—бы тебя видѣть такъ

скоро! Только что получила я твое письмо и хотѣла перечитать его....

полинька. А я и сама здѣсь!

анна иван. И въ какомъ нарядѣ!

полинька. А развѣ онъ не присталъ ко мнѣ?

анна иван. Ты прелестна!

полинька. Ну, такъ влюбляйся поскорѣе!

анна иван. Но ты сумасшедшая вѣтренница, Полинька!

полинька. Это почему?

анна иван. Какое безразсудство!

полинька. Напротивъ, ничего благоразумнѣе сдѣлать невозможно....

анна иван. Но твой отецъ.... Еслибы онъ увидѣлъ... Что теперь онъ заговорить?

полинька. Такъ неужли мнѣ надобно было дожидаться, пока онъ прїѣдетъ и обвиняетъ меня съ какимъ-нибудь уродомъ!

анна иван. Да почему ты думаешь, что съ уродомъ?

полинька. Положись только на отцовскій выборъ — известно, какихъ молодцовъ отцы выбираютъ!

анна иван. Да какъ это ты сдѣлала?

полинька. Мнѣ все наша милая madame такъ устроила....

анна иван. Ахъ, какая добрая!

полинька. А помнишь, mon ange, косолапую вашу гувернантку—ее прогнали!

анна иван. Ахъ! какая была гадкая! А что monsieur Фюре бываетъ еще у мадамы?

полинька. Помнишь — Зиночку Куделицыну? Вѣдь она кривобокая!

анна иван. Что ты? А живѣ-ли тотъ учитель, что вотъ этакъ хромалъ.... *Передразниваетъ.*

полинька. Нѣтъ! вотъ этакъ! *Передразниваетъ.* *Объхохочутъ.* Ахъ! та сѣге, на послѣднемъ балѣ у насъ, какъ одинъ смѣшно танцевалъ кадрили, та сѣге! Вотъ умора-то.... Вотъ какъ прыгалъ.... ноги кривыя! *Хохохочутъ.* Но мнѣ вѣдь некогда, mon ange!

анна иван. Куда-же ты?

полинька. Онъ сейчасъ придетъ!

анна иван. Онъ? Ахъ! Боже мой! Да какъ-же....

полинька. Видишь — мы уговорились, что я приѣду къ тебѣ—Madame достала мнѣ это платье, и послала проводить меня гувернантку.... Онъ хотѣлъ дожидаться меня въ вашемъ саду—у кривой бесѣдки....

анна иван. Ахъ! если его увидятъ!

полинька. Чтѣ-жъ за бѣда! Пошли, пожалуйста, посмотрѣть — онъ ужь, вѣрно, тамъ! Нѣтъ! лучше побѣжимъ вмѣстѣ!...

анна иван. Да погоди—Ахъ! какая ты вѣтренница! Ты все еще мнѣ не сказала, кто онъ такой?

полинька. Неужели не сказала? Ваня Щелкушкинъ.

анна иван. Иванъ Тимошеичъ, нашъ сосѣдъ? Этотъ скромникъ?

полинька. Ахъ, какой онъ милашка! Вѣдь онъ долго не смѣлъ даже сказать мнѣ, что въ меня влюбленъ.... Все будто къ кузинѣ ѣздилъ къ намъ въ пансіонъ—помнишь долговязую Лизу!

анна иван. Да чтѣ-жъ онъ за тебя просто не посватался? Папенька твой согласился-бы!

полинька. Ахъ! мой Жанъ ни за чтѣ не хотѣлъ! Онъ такой милый—такъ говоритъ мило:—«Ma chère Полина! я хотѣлъ узнать ваше сердце — видѣть, согласитесь-ли вы пожертвовать мнѣ гнѣвомъ отца.... хотѣлъ узнать прежде любите-ли вы—отвергнуть глупыя сватовства.... c'est.... c'est....» Да, ужь такъ мило онъ говорилъ, что чудо—и Madame тоже говорила.... О, какіе онъ стишки мнѣ въ альбомѣ написалъ:

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,

При васъ я слушать васъ хочу,

Но молча вы глядите строго,

И я въ смущеніи молчу!

И еще тамъ чтѣ-то такъ мило, премило! — Мы уговорились съѣхаться у тебя, и отсюда поѣхать и обвинять-ся!

анна иван. Съ ума вы оба сошли! Ну если-бы мужъ мой....

полянъка. Мы знали, что онъ убѣдетъ съ паца!

анна иван. Да, какъ-же я....

полянъка. Душечка, ангельчикъ! Сдѣлай милость! Обнимаеъ ее. Мужъ твой такой добрый! Радъ Бога! Становится на колѣни.

анна иван. Я боюсь....

полянъка. Да посмотри, я тебѣ прочитаю письмо моего Жана.... Ищетъ въ карманъ и вынимаетъ старочницу.

анна иван. Чтѣ это у тебя?

полянъка. Это я вышила для него....

анна иван. Какая миленькая! И сигарки въ ней....
Разсматриваетъ.

полянъка. Ахъ! Боже мой! Неужели я письмо его потеряла.... Гдѣ оно? Вотъ я его недавно еще читала.... Вѣрно, я тамъ выронила! Ахъ! Какая досада! Гдѣ, гдѣ оно? Бѣжитъ вонъ.

Анна Ивановна, одна.

Какой хорошенькій узорчикъ! Вынимаетъ сигарку. Я помню, мы въ пансіонѣ однажды шалили — курили! Такъ было смѣшно! Дымъ такъ и летитъ! Счастливыцы мужчины! Они курятъ себѣ и ничего.... Мой Сеня терпѣть не можетъ табаку.... Несносный! А я такъ люблю, когда курятъ—всѣ офицеры курятъ.... Нарочно стала-бы курить, чтобы разсердить его.... А еслибы закурить? Почемужъ не закурить?... Немножко! Матвѣй!... Нѣтъ, нѣтъ!... Да вѣдь онъ не узнаетъ.... Матвѣй входитъ.

матвѣй. Изволили звать.

анна иван. Подай огня.... Но ежели однакожъ.... Не надобно огня, Матвѣй, не надобно.... Нѣтъ! Принеси!... Матвѣй, Матвѣй.... Не надобно!

матвѣй. Изволите приказать?

анна иван. Да, да! Чтѣ въ самомъ-дѣлѣ за преступленіе такое.... Чтѣ у него за капризы!... Нарочно, нарочно стану курить, да, нарочно стану курить! Матвѣй прино-

ситъ огонь и уходитъ. Какъ ее закуриваютъ? Ха, ха, ха! Какъ это смѣшно! Жжетъ сигарку. Какъ хорошо пахнетъ! Точно будто офицеръ гдѣ нибудь близко.... Куритъ и кашляетъ. Ахъ! Какъ это смѣшно! Куритъ. Ха, ха, ха!

Полинька вбѣгаетъ.

ПОЛИНЬКА. Анета, Анета! Гдѣ ты?

АННА ИВАН., *пугаясь.* Ахъ! *Кладетъ сигарку на каминъ и бѣжитъ къ Полинькѣ.* Чтѣ ты?

ПОЛИНЬКА. Онъ тамъ, тамъ! Пойдемъ къ нему!

АННА ИВАН. Какъ-же....

ПОЛИНЬКА. Ангелъ! Душка! Пойдемъ, пойдемъ! Я умоляю тебя! *Обнимаетъ и увлекаетъ ее.*

Матвѣй, смотря въ слѣдъ.

Ну, этакая штука выкинулась — неожиданная оказія! Вотъ чего-бы я не думалъ, чтобы этакая слѣлалась оказія — мужъ со двора, а гость во дворъ.... Да, дивн-бы ужъ молодецъ, а то дрянъ такая, и голосенко-то словно бабій!... Хе, хе, хе! А кажись, съ мужемъ, словно голубки милаются — вотъ тебѣ и милованье!... Видно, ужъ такая у нея натура.... *Нюхаетъ табакъ.* А намъ-то чтѣ за дѣло? Наше дѣло такое, чтѣ хотятъ, то и дѣлай.... И свѣчку погасить забьими.... видно, не до свѣчки ужъ имъ.... *Слышенъ стукъ экипажа.* Чтѣ это? Ахти! Да ужъ не баринъ-ли? Онъ, точно онъ! Вотъ поблагодарить.... А намъ-то чтѣ? Не наше дѣло, а господское!

За дверьми слышны голоса Телятевскаго и Ягунова. «Чтѣ бы васъ чортъ побралъ, Павелъ Яковличъ» — «Да, чтѣ вы, я чѣмъ виноватъ, Семенъ Ивановичъ!» — «Вы, сударь» — «Я вамъ говорю....»

ТЕЛЯТЕВСКІЙ, *входя и хромая.* Чортъ меня дернулъ бѣхать съ вами!

ЯГУНОВЪ. Чѣмъ-же я-то виноватъ!

ТЕЛЯТЕВСКІЙ. На третьей верстѣ ось треснула, а вы прямо на меня и повалились — ну, если я ногу-то вывихнулъ? Амбиціи у васъ нѣтъ!

ягуновъ. Да, помилуйте—у меня у самого такая шишка на головѣ!

телятевскій. Что мнѣ, что у васъ шишка! Матью. Раздѣвай, дуралей! Матью сънимаетъ съ него шинель, сюртукъ, платокъ и уноситъ. Въ уши надуло — всего разбило—мерзкая брочка ваша!

ягуновъ. Что-же мерзкая брочка! Хорошо, что шея не сломилась!

телятевскій. Вотъ-бы еще—шею изъ-за васъ сломить! ягуновъ. Хорошо, что еще близко изломалась....

телятевскій. Изломалась! Теперь бѣдная Авета испугается—провалитесь вы, Павелъ Яковличъ, и съ поѣздой вашей....

ягуновъ. И вотъ дружба людская.... Не подумайте какво мнѣ—дѣла не сдѣлалъ—дочь кто знаетъ что теперь дѣлаетъ, а онъ о женѣ думаетъ!

телятевскій. Разумѣется о женѣ! Она такая, такая.... Поди, сидитъ теперь гдѣ-нибудь да плачетъ....

ягуновъ. Не бойся, утѣшится!

телятевскій. Да, что вы это вздумали, въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Яковличъ—всю дорогу только и твердите.... *Нюхаетъ.* Это что? Что это такое?

ягуновъ. Твердите! Оттого, что я очень хорошо знаю....

телятевскій. Что вы знаете.... *Нюхаетъ.* Что за дьявольщина!... Павелъ Яковличъ! не чувствуете-ли вы?

ягуновъ. Гдѣ мнѣ пересказать, что я чувствую—и горестъ, и гнѣвъ....

телятевскій. Не о горести вашей! Не чувствуете-ли вы, что здѣсь табакомъ пахнетъ.... Вотъ точно какъ будто кто курить....

ягуновъ. Да, да, и я слышу, какъ будто кто курить....

телятевскій. Это, вѣрно, Матюшка изволить безъ меня, бездѣльникъ!

ягуновъ, *нюхаетъ.* Позвольте, позвольте, Семень Иванычъ—тутъ не Матюшкой пахнетъ....

телятевскій. Кто-же еще?...

ягуновъ. Развѣ вы не чувствуете—пахнетъ лучшей сигаркой!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, ну! Сигаркой.... Ну, какой сигаркой....

ЯГУНОВЪ. Странно, странно.... Странно!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Что такое: *странно?*

ЯГУНОВЪ *видитъ на каминѣ сигарку*. Смотри

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Что такое смотришь?

ЯГУНОВЪ. Сигара! *Беретъ ее*. Она еще не погасла—несчастный другъ! Бѣдный другъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Опять! Что такое вы говорите, Павелъ Яковличъ—что у васъ за мысли такія!

ЯГУНОВЪ. Слѣпецъ! или ты не видишь? Или ты хочешь быть слѣпцомъ? Безчестіе, безславіе—

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какое безчестіе?

ЯГУНОВЪ. Несчастный! что это?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, сигарка!

ЯГУНОВЪ. Она—здѣсь—вотъ она еще курится; слѣдовательно—ее здѣсь курили?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, курили! Ну!

ЯГУНОВЪ. А кто, кромѣ мужчины, могъ ее курить? Слѣдовательно, мужчина здѣсь былъ и.... курить!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, былъ и курили! Что-жъ тутъ такое?

ЯГУНОВЪ. Не ты-ли изумился, что жена твоя такъ охотно тебя отпустила—почти въ шею вытолкала? Только ты со двора, а къ тебѣ мужчина и—курить! Не ясно-ли все?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Э, вотъ вы что, Богъ знаетъ что затѣяли, Павелъ Яковличъ! Этакъ вы съ Дурьшкинымъ.... Все на свой аршинъ мѣряете.... Отпуская меня, какъ она меня ласкала, голубила....

ЯГУНОВЪ. О! подозрѣніе переходитъ въ достовѣрность! Если женщина ласкаетъ тебя, знаешь, этакъ, ужъ очень черезъ-чуръ—берегись! Ты погибъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Погибъ! *Вдругъ спохватившись*. Ха, ха, ха!...

ЯГУНОВЪ. Что такое?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. А если это Матвѣй куриль?

ЯГУНОВЪ. Матвѣй! Дорогія-же твой Матвѣй сигарки курить! Смотри—вѣдь это *дозамисось*—для друзей!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, можетъ, кто-нибудь изъ друзей заѣзжалъ.... «Позвольте», говорить, «Анна Ивановна, сига-

рочку закурить!» А вы уж и Богъ знаете что.... Ха, ха, ха!

ягуновъ. Ну, то есть, что мужья дураки, въ этомъ, кажется, никто спорить не станетъ! Ты его за рога ве-ди—бодается, а все таки ничего не видитъ, не понимаетъ!

телятевскій. Вы оскорбляете меня, Павелъ Яковличъ—ей-Богу, оскорбляете! Я вѣдь съ вами, знаете что.... Вотъ я васъ уличу, что вы такую гиль выводите.... Матвѣй!

Тѣже и Матвѣй.

матвѣй. Что прикажете?

ягуновъ, *съ стороны*. Страшная, рѣшительная минута!

телятевскій, *робко*. А что.... Барыня безъ меня плакала, горевала?

матвѣй. Никакъ нѣтъ.

телятевскій. Что-жь? Весела была?

матвѣй. Да, весела.

ягуновъ. Ты самъ не понимаешь, что говоришь.... А, что, братецъ, безъ барина былъ кто? *Матвѣй съ замѣшательствомъ*.

телятевскій, *трепеща*. Былъ кто? А?

матвѣй, *съ стороны*. Скажу, что никого не было—не наше дѣло, а барское! *Громко*. Никакъ нѣтъ—никого не было!

телятевскій, *Ягунову радостно*. Слышите — никого не было!

ягуновъ. Несчастный! *Матвѣю*. А это что?

матвѣй. Цыгарка.

ягуновъ. А кто курилъ ее?

матвѣй. Не знаю-съ.

телятевскій. Стало, ты безъ меня здѣсь изволишь сигарки курить? А? Ракаля ты этакая!

матвѣй. Я не курилъ. Власть ваша!

телятевскій, *запальчиво*. А кто-же курилъ? Вотъ она тутъ лежала, и еще курилась—говори, а не то я....

МАТВЕЙ. Власть ваша. Видно ее тотъ баринъ курилъ....
ТЕЛЯТЕВСКИЙ и ЯГУНОВЪ. Какой баринъ?

МАТВЕЙ. Что у барыни былъ.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ, *столбеня*. У барыни?

ЯГУНОВЪ. Видишь!—Какой баринъ?

МАТВЕЙ. Молодой какой-то, не можемъ знать, какой.

ЯГУНОВЪ. Слышишь?—Для чегожъ ты сначала не сказалъ барину?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, да, для чего ты не сказалъ?

МАТВЕЙ. Не сказалъ-съ.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, для чего.... Такъ ты его не знаешь?

МАТВЕЙ. Не знаю-съ?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. А! Можетъ-быть какой нибудь знакомый, родня!

ЯГУНОВЪ, *Матью*. Любезный другъ! говори прямо—какъ онъ прѣѣхалъ, когда, откуда, что дѣлалъ, куда уѣхалъ, зачѣмъ прѣѣзжалъ?

МАТВЕЙ. Что дѣлалъ и зачѣмъ прѣѣзжалъ, знать не можемъ. Откуда прѣѣхалъ не знаемъ-съ.... Онъ вышелъ оттуда, изъ спальни....

ЯГУНОВЪ. Что?... Ну! Ну!

МАТВЕЙ. Бросился передъ барыней на колѣни....

ЯГУНОВЪ. А?... Ну!

МАТВЕЙ. Барыня бросилась къ нему на шею.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Что? что? что?

МАТВЕЙ. Они начали цѣловаться....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Цѣловаться! Ну, ужъ это неправда, Павелъ Яковичъ! *Дрожитъ*. *Ягуновъ его поддерживаеъ*.

ЯГУНОВЪ. Ну, ну, говори!

МАТВЕЙ. И все этакъ по-французски между собой говорили....

ЯГУНОВЪ. А потомъ?...

МАТВЕЙ. А потомъ обнялись и пошли....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Куда?

МАТВЕЙ. Къ себѣ—вотъ сюда.

Телятевскій вилъ себя. *Ягуновъ сажаетъ его въ кресло*.

ЯГУНОВЪ. Скрывай слабость свою.... *Матью*. Хорошо, братецъ—поди, мы тебя позовемъ. *Матвѣй уходитъ*.

ягуновъ. И вотъ еще одно чудовище—женщина разтерзало благородное сердце мужа своего, и какого мужа!

телятевскій. И какого мужа!

ягуновъ. Невѣрность проклятая! Измѣна адская!

телятевскій. Измѣна адская, невѣрность проклятая!

ягуновъ. О мой другъ! Мой другъ! Приди въ мои объятія — вотъ сердце друга — плачь, и будемъ проклинать вмѣстѣ невѣрныхъ женъ, и анаемскую измѣну, какую отравляютъ они сердца супруговъ!... Ты безмолвенъ? Сильныя чувства всегда выражаются безмолвнымъ отчаяніемъ. Но лицо твое показываетъ, какая бездна ужаса, горести, обманутыхъ надеждъ, ядовитой ревности, кинить тутъ, въ твоемъ сердцѣ—лицо твое, просто, ужасно!

телятевскій. О, негодница Анна Ивановна!

ягуновъ. Чтѣ-жъ теперь ты хочешь дѣлать?

телятевскій. Что дѣлать? Да, я чортъ знаетъ чтѣ сдѣлаю.... я.... я....

ягуновъ. Несчастный! Неужели страшная мысль самоубійства!...

телятевскій. Тѣфу, вы, Павелъ Яковличъ! Да это съ чего мнѣ давиться, либо топиться?...

ягуновъ. А! такъ ты хочешь кровавою местию заплатить за оскорбленіе?

телятевскій. Какъ, то есть, чтѣ такое: кровавою?

ягуновъ. Ты хочешь упиться кровью гнуснаго оболъстителя?

телятевскій. Да чтѣ, я все какъ-то не понимаю, чтѣ вы говорите?

ягуновъ. Ты хочешь зарѣзать — умертвить, уничтожить его!

телятевскій. Это съ чего вы взяли? Чтѣ мнѣ, развѣ въ Сибирь—то охота прогуляться!

ягуновъ. Стрѣляйся съ нимъ—это ужь, братецъ, необходимо, какъ хочешь, необходимо!

телятевскій. Вотъ еще какая гадкая выдумка! Подставить свой лобъ подъ пулю! Изъ чего?

ягуновъ. Нельзя, братецъ!

телятевскій. Да, какъ вась Дурьшкинъ—то звалъ стрѣляться, такъ вы небось не пошли!

ягуновъ. Такъ развѣ я не показалъ тогда, что я не боюсь стрѣляться? Ну, хорошо—да вѣдь что нибудь надобно-же дѣлать?

телятевскій. Да, что-жъ тутъ дѣлать!... О, негодная Анна Ивановна! Нелегкая тебя дернула.... Хоть ужъ я-то не зналъ-бы, такъ ужъ бы и быть, а то, поди те-перь.... Да, послушайте-ка, Павелъ Яковичъ—да полно, правда-ли еще это?

ягуновъ. Правда-ли? Ахъ ты баранъ, овца ты безрогая—нѣтъ, правда, не безрогая!

телятевскій. Можетъ-быть, ему дураку, такъ показалось?...

ягуновъ. Показалось!

телятевскій. Ну, какъ таки станетъ моя Анна Ивановна обнимать, цѣловать....

ягуновъ. Да вѣдь она женщина!

телятевскій. Какъ-же такъ—ну, пусть женщина, да во-первыхъ, это очень ей стыдно дѣлать, а во-вторыхъ, во-вторыхъ....

ягуновъ. Во-вторыхъ, вотъ я тебѣ лучше на лицо улику представлю—это повѣрнѣе будетъ. Смотри-же тогда—поддержи характеръ! Мысль счастливая! Франтикъ этотъ, можетъ-быть, не успѣлъ еще улизнуть.... Окружить домъ, искать, обыскать, сыскать.... Побѣгу, всполошу дворню—пошлю своихъ—схвачу его, приведу сюда!

телятевскій. Да зачѣмъ-же его сюда? Для чего шумѣть....

ягуновъ. Шумѣть? Надобно кричать, реветъ, драться, кусаться—если громы небесные не поражаютъ невѣрной, если.... если.... *Звонитъ и потомъ бѣжитъ.* Матвѣй! Оома! Филипъ! Кто тамъ? Эй, эй! Кто тамъ?

Телятевскій, одинъ.

Да, постойте, постойте, Павелъ Яковичъ! На что же это.... Боже мой! какой человекъ—и что за охота мѣшаться въ чужія дѣла! Еслибы не онъ, разумѣется, я

не поѣхалъ-бы, и этотъ.... проклятый.... кто онъ тамъ такой.... И его чортъ не принесъ-бы.... А теперь—я чуть было шею себѣ не переломилъ, а Анна Ивановна.... Ахъ! Анна Ивановна—срѣзала ты меня, такъ вотъ срѣзала, что вотъ—срѣзала, да и только!

Анна Ивановна вбѣгаетъ.

АННА ИВАН. Сеня! Другъ мой! Мужъ пятится отъ нея. Что съ тобой? Скажи, что такое?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Со мной.... со мной ничего....

АННА ИВАН. Ты воротился такъ нечаянно—мнѣ сказали, что бричка.... Цѣла-ли голова твоя?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Цѣла-то цѣла, а только....

АННА ИВАН. Что такое?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ничего, вѣдь я говорю—ничего!

АННА ИВАН. Что ты такой странный?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Будешь странный!

АННА ИВАН. Сеня, душечка! *Беретъ его за руку.*

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ахъ! Милосердый Создатель!... Да, развѣ, Анна Ивановна—да развѣ.... да развѣ у тебя здѣсь никого не было?

АННА ИВАН. Кому-же у меня быть?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Я почему-же знаю—кому быть!

Ягуновъ постыпно входитъ.

ЯГУНОВЪ. Ну, братецъ, чудеса.... Увидя Анну Ивановну. Что это? Да, ужь онъ опять съ ней рука въ руку! А! человекъ безхарактерный! *Отводитъ Телятевскаю.* Что ты, братецъ, дѣлаешь?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, что я такое дѣлаю?

АННА ИВАН., *въ сторону.* Не узнали-ль они? Надобно скрыть—бѣдная Полинъка! Какая вѣтренность! Что теперь дѣлать!

ЯГУНОВЪ. Поддержи себя—неужели притворныя ласки невѣрной могутъ изгладить обиду....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, какую-же обиду, Павелъ Яковичъ?

ягуновъ. Ну такъ—я этого ожидалъ! Надобно вступиться за тебя....

телятевскій. Да, постой, братецъ.... *Ягуновъ отталкиваетъ его отъ жены.* Какъ ваше здоровье, сударыня?

анна иван. Я не успѣла еще занемочь—да, скажите что такое.... Говорятъ, ваша бричка....

ягуновъ. Бричка, сударыня, бричкой, а скажите, не пріѣзжалъ-ли къ вамъ кто безъ насъ....

анна иван. Не пріѣзжалъ-ли? Да кто-же?

ягуновъ. Ну кто-бы ни было—Петръ, Карпъ, Макаръ....

анна иван. Здѣсь никого не было.

телятевскій, *радостно.* Слышите, Павелъ Яковличъ? Никого не было!

ягуновъ. Убирайся! Такъ здѣсь никого не было?

анна иван. Что за допросы такіе?

телятевскій. Въ самомъ-дѣлѣ, братецъ, что за любовь-бытство? Гаупо—просто, гаупо!

ягуновъ. Не твое дѣло!—А если супругъ вашъ знаетъ, что безъ него кто-нибудь былъ?

анна иван. Тѣмъ—лучше, если онъ знаетъ.

ягуновъ. А! Какое безстыдство, какая закоснѣлость—она даже и не краснѣетъ!

телятевскій. Анета, другъ мой!

ягуновъ. Несчастный! Что ты дѣлаешь!

Отталкиваетъ его.

анна иван. Что это значитъ, Павелъ Яковличъ? Мнѣ кажется, вы....

ягуновъ. Да, сударыня, какъ сосѣдъ и другъ вашего мужа, я долженъ заступиться за честь его....

анна иван. Какъ вы смѣете? Вы съ ума сошли!

ягуновъ. Осмѣльтесь, сударыня, запереться—да, покажи себя мужемъ,—что ты шемъ стоишь—безъ супруга вашего былъ здѣсь мужчина!—Ну, братецъ!

телятевскій. Да, да, безъ меня былъ здѣсь мужчина!

анна иван. Вздоръ! Развѣ ты меня подозрѣваешь?

телятевскій. Нѣтъ.... Нѣтъ.... Но, вотъ Павелъ Яковличъ....

АННА ИВАН. Что тебѣ Павелъ Яковличъ?
 ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Въ самомъ-дѣлѣ—что вы, Павелъ Яковличъ?

ЯГУНОВЪ. О! Я больше не вытерплю.... У васъ былъ здѣсь мужчина.... И вы, вы....

АННА ИВАН. Чтожъ такое если и былъ—Ну, былъ—что вы вѣшиваетесь?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какъ такъ? Былъ? Былъ?

ЯГУНОВЪ. Онъ бросился передъ вами на колѣни!

АННА ИВАН. Если-бы и на колѣни.

ЯГУНОВЪ. А вы къ нему въ объятія!

АННА ИВАН. Ха, ха, ха! Да, да, къ нему въ объятія.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Но, Анна Ивановна, тутъ, право, ничего смѣшнаго нѣтъ—воля ваша, нѣтъ—ей Богу, нѣтъ!

ЯГУНОВЪ. Вы цѣловали его!

АННА ИВАН. Что вы, сударь, вздумали допрашивать меня? Здѣсь былъ мужчина, бросился передо мной на колѣни; я бросилась къ нему; онъ меня цѣловалъ, и я его расцѣловала—что тутъ худаго?

ЯГУНОВЪ. Какъ, сударыня?

АННА ИВАН. И ты, Сеня, мой другъ....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Оно такъ, Анна Ивановна, однакожъ, право, какъ хотите.... Вѣдь если и на половину правда, что вы говорите....

АННА ИВАН. А, такъ вы меня подозрѣваете—Боже мой! возможно-ли!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!

ЯГУНОВЪ. О калпакъ изъ калпаковъ, достойный того, чтобы....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Такъ, стало быть, душенька, здѣсь ничего этакого—вотъ этакого, не было? А?

АННА ИВАН. Можешь-ли ты думать!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Вовсе не думаю, а вотъ все, вотъ Павелъ Яковличъ!

АННА ИВАН. Не стыдно-ли вамъ поселять раздоръ между мужемъ и женою!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, да, не стыдно-ли, братецъ тебѣ? А еще пріятель!

ЯГУНОВЪ. Какъ, какъ....

Матвѣй, *входитъ*.

МАТВѢЙ. Поймали, сударь, его!....

ЯГУНОВЪ. Кого?

МАТВѢЙ. Того барина, что давеча къ барынѣ пріѣзжалъ....

ЯГУНОВЪ и ТЕЛЯТЕВСКІЙ. Что? Что? Поймали?

АННА ИВАН. Кто смѣлъ распорядиться въ моемъ домѣ? Ловить моихъ гостей?

ЯГУНОВЪ. Странные-же у васъ гости, которые пріѣзжаютъ безъ вашего супруга, прячутся и бѣгаютъ отъ него....

АННА ИВАН. Вы, сударь, сплетникъ!

ЯГУНОВЪ. А супругъ вашъ что?

АННА ИВАН. Онъ дуракъ, съ которымъ я и говорить не хочу!

ТЕЛЯТЕВСКІЙ. Дуракъ? Да знаете-ли вы, Анна Ивановна.... знаете-ли.... что очень-нехорошо такъ называть мужа.... Я вамъ говорю—очень-нехорошо!

ЯГУНОВЪ. Называть! Тутъ ужъ не то, что *называютъ*....

ПОЛИНЬКА. *Ее окружаютъ трое служ*

ЯГУНОВЪ. А, вотъ и онъ..... Теперь развязка не далека! *Полинька*. Пожалуйте-ка сюда, скажите-ка, сударь....

ПОЛИНЬКА, *закрывая лицо и перемѣняя голосъ*. Что вамъ угодно?

АННА ИВАН. Милый другъ! Они думаютъ, что я побоюсь при нихъ сказать, какъ я люблю тебя, обожаю! *Бросается обнимать Полиньку*.

ПОЛИНЬКА, *обнимаетъ ее*. Ангелъ мой Анета!

ТЕЛЯТЕВСКІЙ, *выхватывая жену*. Ну, ну... Милостивый государь! Извините—вы при мнѣ что-то слишкомъ похозяйски распорядитесь.... А вы, сударыня, вы.... знаете-ли вы....

ЯГУНОВЪ, *отхватывая Полиньку*. Нѣтъ! ужъ такой наглости, какъ другъ Семена Иваныча, я не стерплю, не допущу.... *Увидя Полиньку въ лицо*. Какъ? Что это?... *Остываетъ, разинувъ ротъ*.

ПОЛИНЬКА, *падая къ ногамъ его*. Папенька!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Эге! на колѣни—струсилъ—вотъ теперь-то напустить на него.... Нѣтъ, сударь, неужодно-ли вамъ сперва со мной раздѣлаться—Какъ, сударь, вы смѣли.... ба, ба, ба! Это что такое? Палагея Павловна? — Анна Ивановна! Что-же это, скажите, пожалуста? Такъ развѣ вы цѣловались и обнимались съ Палагеей Павловной?

АННА ИВАН. Подите, сударь, прочь!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ангель! Душенька!

АННА ИВАН. *Блѣжитъ отъ него.* И говорить съ вами не стану! Мужъ преслѣдуетъ ее. Вы могли повѣрить!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Теперь ничему вѣрить не стану!

АННА ИВАН. Нѣтъ! Нѣтъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Хоть своими глазами что-нибудь увидѣлъ-бы такое.... Ну, хоть-бы чортъ знаетъ что увидѣлъ—не стану вѣрить своимъ глазамъ!

АННА ИВАН. Хорошо—я прошу тебя, но съ условіемъ: ты уговоришь простить Полиньку!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Но, душа моя....

АННА ИВАН. А, сударь, такъ вы не хотите....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Согласенъ, согласенъ!

АННА ИВАН. Ну, такъ на колѣни, и—поцѣлуйте ручку!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ, *на колѣняхъ.* О, великодушная, безцѣнная Анета!

ЯГУНОВЪ. Едва могу опомниться — глазамъ своимъ не вѣрю! *Полинькѣ.* Какъ сударыня—такъ это вы?

ПОЛИНЬКА. Я, папенька.

ЯГУНОВЪ. Здѣсь?

ПОЛИНЬКА. Здѣсь, папенька.

ЯГУНОВЪ. Въ такомъ платьѣ?

ПОЛИНЬКА. Въ такомъ платьѣ, папенька.

ЯГУНОВЪ. Дочь непослушная! сообразила-ли ты весь ужасъ своего поступка, весь, весь.... Ну, ну.... Подумала-ли ты....

ПОЛИНЬКА. Папенька! Простите меня!

ЯГУНОВЪ. Тебя простить? Тебя.... когда у меня кровь, вотъ такъ стынеть и кипить, и кипить и стынеть.... когда.... когда.... гнѣвъ мой, вотъ этакъ всю внутренность переворачиваетъ.... Ужасъ, ужасъ, ужасъ!... Злодѣйство....

анна иван, мужу. Ну поди-же, уговаривай Павла Яковлича!

телятевскій. Какъ-же.... Я, право, боюсь.... Смотри, какъ онъ взбѣшенъ!

анна иван. Такъ вы не хотите?

телятевскій. Нѣтъ, нѣтъ! Сей-часъ.... Идетъ къ Ягунову.

ягуновъ. Презрять мои приказы, осмѣлиться....

телятевскій. Ну, да что, братецъ, Павелъ Яковличъ, дѣлать-то, видно, нечего....

ягуновъ. Ты что?

телятевскій. Надобно, братецъ, простить—ну, что тутъ токовать много!

ягуновъ. Простить? Когда волосы на головѣ моей становятся дыбомъ....

телятевскій. И, братецъ! У тебя парикъ на головѣ—какъ-же волосамъ дыбомъ становится? Что вздоришь!

ягуновъ. Гдѣ онъ — твой другъ сердечный, съ которымъ ты прискакала сюда? Гдѣ это чудовище?

полинъка. Неправда, папенька—я пріѣхала одна съ гувернанткой....

ягуновъ. Я разорву недостойный союзъ—

полинъка. Никогда! Союзъ сердець не разорветъ никто!

ягуновъ. Союзъ сердець? А вотъ я посмотрю, если ты не заговоришь у меня иначе, не выйдешь за жениха, мной избраннаго....

полинъка. О! Ужъ извините! Ни за что въ свѣтѣ!

ягуновъ. Ты осмѣливаешься?

телятевскій. Да, полно, братецъ—ну, что расшумѣлся!

ягуновъ. Ты заступаешься за непослушную дочь, а слышишь-ли? Когда ей надобно-бы теперь кровавыми слезами просить прощенія, слышишь-ли, что она говоритъ?

анна иван. Полноте, Павелъ Яковличъ! Миѣ больше надобно-бы на васъ сердиться....

ягуновъ. Вамъ, сударыня, надобно-бы подумать о себѣ....

анна иван. А что миѣ о себѣ думать? Я простила мужу моему его несправедливость....

ягуновъ. Что? Что?... Такъ ты ужъ и простила — не

узнавши дѣла... Деревянный ты мужичокъ — пробочное ты сердце—голова ты безъ толку!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Что-жъ тутъ узнавать?

ЯГУНОВЪ. Я увѣренъ, что все это была хитрость, плутовство—негодница моя сама по себѣ, а твоя супруга...

АННА ИВАН. Вы еще осмѣливаетесь... Мужу. Ты терпишь такое оскорбленіе? Ты не хочешь за меня заступиться?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. А развѣ надобно?... Сей-часъ, сей-часъ!— Вы, Павелъ Яковличъ, послушайте....

ЯГУНОВЪ. Я ужъ давно Павелъ Яковличъ, а ты братецъ—Семеномъ родился, Семеномъ и останешься... Мое подозрѣніе....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Такъ ты развѣ думаешь, что это не Палагея Павловна была?

ЯГУНОВЪ. Разумѣется, тутъ былъ другой, и видно двѣ подруги стакнулись дѣломъ!

АННА ИВАН. Какъ, сударь, другой?

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какъ, братецъ, другой?

ПОЛИНЬКА. А за вашего жениха я не пойду — дѣлайте что хотите!

ЯГУНОВЪ. Другой, другой! А, ты, сударыня, осмѣливаешься....

МАТВѢЙ, *входитъ.*

МАТВѢЙ. Поймали, сударь, другаго барина.

ЯГУНОВЪ. Другаго?

ПОЛИНЬКА. Боже мой! Это онъ!

АННА ИВАН. Ахъ! Какая досада!

ЯГУНОВЪ. Слышишь-ли? Видишь-ли? Что, не правъ я? Посмотри, какъ онъ обѣ испугались? Ужь-ли таки я ужъ не знаю женщинъ! А! *Третъ руки и торжественуа ходитъ по комнать.* Кажется, было время узнать ихъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Чтожъ это, Анна Ивановна, что-же вы такое мнѣ говорили—вѣдь это выходитъ Богъ знаетъ что!

МАТВѢЙ. Прикажете его отпустить?

ЯГУНОВЪ. Какъ отпустить! Сюда, сюда его! *Матвѣй уходитъ.*

ПОЛИНЬКА. Папенька!

ТАИНА ИВАН. Павелъ Яковличъ!
ягуновъ. Ни слова больше!

Щелкушкинъ. *Его окружають слуги.*

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Это что? Иванъ Тимоеичъ?

ягуновъ. Иванъ Тимоеичъ?

Щелкушкинъ. Это я-съ.

ягуновъ. Миръ ужасный! Вертепъ злодѣевъ, жилище разбойниковъ—хуже чѣмъ разбойниковъ! Какъ, сударь, какъ? Въ то время, когда я.... когда вы.... *Телятевскому.* А мой другъ! Силъ моихъ не достаесть! Ноги подкашиваются.... Упаду, упаду!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Ну, Иванъ Тимоеичъ—признаться, ужъ я отъ васъ этакихъ штукъ не ожидаю...

Щелкушкинъ. Простите! Любовь, всецѣльная любовь!

ягуновъ и ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Любовь?

Щелкушкинъ, беретъ за руку *Полиньку.* Ея руку, Павелъ Яковличъ, и—прощеніе!

ПОЛИНЬКА. Онъ или—никто!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Кой чортъ! Да ужъ я тутъ ничего не разберу? Вы развѣ Палагею Павловну любите?

Щелкушкинъ. Обожаю!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. А жену мою?

Щелкушкинъ. Уважаю!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Только уважаете, а не то чтобы....

ягуновъ, *Полиньку.* Да ты развѣ Ивана Тимоеича любишь?

ПОЛИНЬКА. Умру любя его!

ягуновъ. Да съ чего-жъ вы вздумали увозить ее? Въдья и безъ того былъ согласенъ?

ПОЛИНЬКА. Вы *его* назначали мнѣ?

Щелкушкинъ. Я презиралъ обыкновенныя сватовства—я хотѣлъ прежде увѣриться въ любви Полиньки....

ягуновъ. Тьфу, Иванъ Тимоеичъ! Вы всѣхъ насъ съ толку сбили вашими романическими, нелѣпыми выдумками!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Полю, не ты-ли умничалъ черезъ-чуръ! Съ чего-же ты, братецъ, взялъ, что дочь тебя не слушается?

ягуновъ. Да не она-ли писала?

полянъка. А для чего вы не сказали мнѣ, что хотите отдать меня за Ивана Тимоеича?

ягуновъ. Да не самъ-ли онъ просилъ не говорить тебѣ?

анна иван. А ваши несправедливыя подозрѣнія на меня?

ягуновъ. Моя опытность....

анна иван. Хороша ваша опытность! Ссорить мужа съ женою! Если-бы вы и въ самомъ-дѣлѣ что-нибудь замѣтили....

телятевскій. Разумѣется, молчать-бы тебѣ—не твое дѣло! Ты забылъ пословицу: мужъ да жена одна сатана!

анна ивановна, полянъка, шелкушкинъ, телятевскій. Нечего оправдываться — виноваты, виноваты, кругомъ!

ягуновъ. Вы оглушили меня.... Въ самомъ-дѣлѣ, сатана меня дернулъ съ ними связаться.... А! Позвольте, позвольте! *Отводитъ Телятевскаго къ камину.* Такъ ты увѣренъ, что мои подозрѣнія были несправедливы?

телятевскій. Опять ты!

ягуновъ. Такъ я вотъ тебѣ тотчасъ докажу—*указывая на сгарку.* Это что? *Беретъ сгарку и отдаетъ ему.* Иди и уличь!

телятевскій. Ахъ! въ самомъ-дѣлѣ!... Да, да....

ягуновъ, Анна Ивановна. Сударыня! Такъ мои подозрѣнія на васъ были несправедливы? А если теперь, въ эту самую минуту, въ рукахъ супруга вашего такое доказательство.... *Толкая Телятевскаго.* Ступай! Ступай! *Телятевскій прячетъ сгарку и не знаетъ что дѣлать.* Что-жъ ты сталъ? Да съ тобой и найдя не раздѣлишь—подай сюда! *Вырываетъ сгарку и торжественно показываетъ ее Аннѣ Ивановнѣ.* Что вы, сударыня, объ этомъ скажете? Это что такое?

анна иван. Сигарка.

ягуновъ. Сигарка сигаркѣ рознь—какова сигарка! Эту сигарку нашелъ супругъ вашъ здѣсь, вотъ здѣсь, на каминѣ—она еще курилась.... Ивану Тимоеичу, если онъ и былъ здѣсь, не до сигарокъ, а дочь моя курить не станетъ.... Кто курилъ ее? *Телятевскому.* Видишь, вонъ какъ она испугалась? Слова не вымолвить!

АННА ИВАН., *въ сторону*. Не знаю что сказать!
 ЯГУНОВЪ. Что, братецъ, что! Не знаю я женщинъ? Не проникаю ихъ хитростей? Не уничтожаю моимъ гибкимъ умомъ, дальновиднымъ взглядомъ всего коварства ихъ? Хе, хе, хе!—Ступай—явись въ грозномъ видѣ...
 ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Анна Ивановна! Что-жъ вы опять что-то такое....

АННА ИВАН. Мой другъ! Мнѣ совѣстно глядѣть на тебя!
 ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Какъ? Какъ?

АННА ИВАН. Я скрывала отъ тебя—страшную тайну....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Тайну? Охъ! Худо....

АННА ИВАН. Я—обманывала тебя!
 ПОЛИНЬКА, *Аннѣ Ивановнѣ*. Другъ мой! Что съ тобой сдѣлалось?

АННА ИВАН. Ты мнѣ всегда запрещалъ....

ЯГУНОВЪ. Да кто-же позволить, какой дуракъ мужъ?...

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Да, говорите-же Анна Ивановна—дорѣзываютъ! Вѣдь я на иголкахъ стою—ей, ей, на иголкахъ!

АННА ИВАН. Эту сигарку—курила я!

ЯГУНОВЪ. Вы? Ха, ха, ха! Каковы увертки? Да гдѣ могли вы взять....

АННА ИВАН. У Полинки!

ЯГУНОВЪ. Да развѣ и ты куришь?

ПОЛИНЬКА. Да, что вы, папенька, привязались съ сигаркой къ Анетѣ! *Вынимаетъ сигарочницу*. Я приготовила ее Ивану Тимошеичу—вѣрно, Анета взяла отсюда.... Такъ и есть—одной недостаетъ!

ЯГУНОВЪ. А ты откуда ихъ взяла?

ПОЛИНЬКА. Мнѣ мадамъ купила.

ЯГУНОВЪ. Ее чортъ дергалъ во все вмѣшиваться! Хороща твоя мадамъ: вмѣсто того, чтобы учить дѣвчонокъ, она имъ—сигарки покупаешь!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ., *въ восторгъ*. Такъ вся вина твоя, мой другъ, въ томъ, что ты сигарку курила?

АННА ИВАН. Я знаю, что ты табаку терпѣть не можешь! Прости меня....

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Тебя простить? Сегодня-же примусь курить самъ—куплю тебѣ цѣлый ящикъ сигаръ—станемъ

курить вмѣстѣ, курить, курить, курить, и выкуримъ всякого, кто о женщинахъ осмѣлится подумать что-нибудь, скажетъ одно словечко!

АННА ИВАН. Ты меня прощаешь?
ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Въ мои объятія, Анета, другъ, душа моя! *Обнимаетъ ее.* Люби меня, и—кури, сколько тебѣ угодно!

АННА ИВАН. А! теперь что скажете, Павель Яковичъ? Не стыдно—ли вамъ!

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Не стыдно—ли тебѣ!

АННА ИВАН. Я разсердилась—бы на васъ, еслибы не такъ любила вашу Полиньку, и не знала, что вы за вину вашу немедленно простите ея шалость...

ПОЛИНЬКА. Да развѣ вы, папенька, меня считаете виноватою? Осмѣльтесь—ка только не согласиться...

Щелкушкинъ цѣлуетъ ея руку.

ТЕЛЯТЕВСКИЙ. Проси прощенія у Анеты—безъ того я съ мѣста не спущу!
ЯГУНОВЪ. Виновать, сударыня, виновать!

АННА ИВАН. Хорошо, но когда—же свадьба Полиньки съ Иваномъ Тимоѣевичемъ?

ЯГУНОВЪ, съ досадою. Хоть сей-часъ! Ну, прощаю, цѣлуйтесь, да и.... Благослови васъ Богъ!..

ЩЕЛКУШКИНЪ и ПОЛИНЬКА, *обнимаютъ его!* Ахъ! Папенька!
ТЕЛЯТЕВСКИЙ, *обнимая жену.* Анеточка моя!

ЯГУНОВЪ. Что они ни толкуй, а дѣло темное, и страшная тайна совсѣмъ не въ сигаркѣ состояла... Тутъ скрывается такая сигарка... Ужъли таки я женщинъ не знаю?

Н. ПОДКОВИЧЪ.

МУЗЫКА.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

У всякаго барона своя фантазія.

Музыкальность жителей Петербурга. — Музыка Доницетти. — Необходимость возобновления прежних оперъ. — Состояние оркестровъ и инструментовки. — Музыка «Руслана» и Людмилы.

I.

Нѣкоторые любители музыки часто задають себѣ вопросъ: почему оперы «д'Эвере», «Осада Кале», «Фаворитка», не имѣють на нашей оперной сценѣ успѣха, несмотря на изрядное исполненіе, богатство и великолѣпіе обстановки? Рѣшить вопросъ сей, сколько нибудь удовлетворительно, — довольно-трудно. Однакожъ попытаемся. По нашему мнѣнію, для отвѣта на этотъ вопросъ, надобно рѣшить другой вопросъ: есть-ли у насъ публика, которая исключительно ходила-бы слушать музыку для музыки, а не для развлечения? Сказать по правдѣ, истинныхъ любителей музыки у насъ слишкомъ-мало, и тѣ, вѣроятно, музыку, Доницетти напримѣръ, вовсе не будутъ слушать, потому-что подобная музыка не представитъ имъ никакой пищи для души. Это, такъ сказать, любители самой высшей сферы, знатоки и т. п. За ними слѣдуетъ второй классъ любителей, посѣщающихъ оперу довольно-часто. За сими уже публика, о которой поговоримъ когда-нибудь въ другое время. Обратимся лучше ко второму классу. Любителей сего класса, которые обыкновенно поддерживаютъ оперы въ другихъ странахъ, у

насъ также небольшое число, и притомъ этотъ классъ любителей у насъ имѣеть хотя какія нибудь понятія о музыкѣ; а привыкнувъ слушать хорошую музыку, съ нѣкотораго времени, сдѣлался тоже строгъ и разборчивъ въ музыкѣ. Здѣсь считаемъ нужнымъ обратиться нѣскольکو лѣтъ назадъ. Съ 1833 года у насъ русскою оперною труппою постоянно давались лучшія произведенія новѣйшей музыки: Цампа, Робертъ, Семипрамида, Норма, Вильгельмъ-Тель и проч. Спрашиваемъ, разумеется любителей, привыкшихъ слушать подобную показанной здѣсь музыку:—возможно-ли не только нѣсколько разъ, но даже одинъ разъ, прослушать любую изъ поставленныхъ у насъ оперъ Доницетти: «il Furioso», «Велисарія», «Любовный Нанитокъ», «Люцію» и проч. Неужели музыка Доницетти требуетъ изученія для того, чтобы наслаждаться ею? Кто изъ любителей станетъ изучать музыку, непривычную впечатлѣнію, и въ которой нѣтъ ничего особеннаго? Истинная, глубокая музыка, какъ-бы она трудна и оригинальна ни была, въ любительѣ, знакомомъ хотя съ музыкальною азбукою, постоянно посѣщающемъ оперу, слѣдовательно имѣющемъ порядочное ухо и навыкъ,—разумеется, ненадѣленномъ предубѣжденіемъ въ пользу какого-либо особаго рода музыки,—истинная музыка, думаемъ, и съ перваго разу, оставитъ впечатлѣніе,—конечно смутное, безотчетное, которое принимаетъ наконецъ опредѣленные образы, по мѣрѣ посѣщенія оперы: такова именно музыка «Роберта» Мейербера и «Вильгельма-Теля» Россини. Музыка Доницетти обыкновенно производитъ или скуку или сонъ! Въ этихъ словахъ заключается самый вѣрный ей приговоръ, и это потому, что въ музыкѣ его мало души, мало чувства, еще меньше воображенія; притомъ-же она не представляетъ никакой пищи и для ума, не заключая въ себѣ глубокихъ музыкальныхъ соображеній. Вообще, трудно бываетъ дать себѣ отчетъ, даже послѣ нѣсколькихъ разъ, о музыкѣ, или совершенно оригинальной, или въ которой преобладаютъ большія массы гармоніи и мелодіи, и наконецъ, по преимуществу, о музыкѣ глубоко-драматической. Музыка-же Доницетти, какъ вѣдомо извѣстно, музыка довольно простая, болѣе

мелодическая, пѣвучая; драмы и дѣйствія въ его операхъ весьма и весьма мало.

II.

Постараемся представить въ бѣгломъ очеркѣ, что такое Доницетти и его музыка. Доницетти сначала былъ слѣпой подражатель Россини. Впослѣдствіи, когда Россини замолкъ, Беллини умеръ, а прочіе даровитые послѣдователи Россиніевой школы, кто устарѣлъ, кто также перешелъ въ вѣчность, — для Доницетти представилось обширное поприще, и вотъ онъ совершенно завладѣлъ сценою, и по-сію-пору написалъ оперъ, если не ошибаемся, дюжины пять съ чѣмъ-то! Но что-жъ мы находимъ въ его операхъ? Обветшалыя идеи, старыя мелодіи, перебитыя якобы на новый ладъ. Оглушающую инструментовку, часто вовсе несоотвѣтствующую ни мелодіи, которую сопровождаетъ, ни положенію и характеру лица, обрисовываемому мелодіей, — преимущественно состоящую изъ страшнаго употребленія тяжелой артиллеріи оркестра: изъ тромбоновъ, трубъ, турецкаго барабана, — кстатили то или другое, нѣтъ дѣла, лишь-бы побольше грому, стуку, или, какъ привыкли выражаться въ наше время, эффекта... Если разбирать музыку Доницетти сколько-нибудь дѣльно, то въ ней не встрѣчаемъ ничего новаго, оригинальнаго, — все заимствовано. И потому во всѣхъ его операхъ, непрерывно слышатся отрывки, то à la Россини и Беллини, то à la Паизиелло и Чимарозо, наконецъ даже à la Мейерберъ и проч. и проч. Все это, разумѣется, передѣлано на свой ладъ, все это пересышано и перемѣшано съ обыкновенными формами и фактурою итальянской музыки, съ безчисленнымъ количествомъ фугъ въ октаву, оглушающими и раздражающими кресчендо и всѣмъ этимъ драматическимъ скарбомъ, который, наконецъ, начинается надѣдать и самымъ Итальянцамъ, несмотря на ихъ отвращеніе ко всякой иностранной музыкѣ. Среди всего этого музыкальнаго хаоса Доницеттѣевои музыки, иногда, рѣдко-рѣдко, появится у него какой-либо своеобразный мотивъ, счастливая мелодія, или пролетитъ

какая-либо музыкальная идея, которая, какъ-будто, принадлежит самому Доницетти. Вотъ вамъ въ бѣгломъ очеркѣ музыка Доницетти!

Прибавимъ только, что если музыка Доницетти имѣеть успѣхъ въ Италіи, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ пишетъ оперы свои для извѣстныхъ голосовъ италіянскихъ театровъ. Слѣдовательно, если въ оперѣ найдется два, даже одно мѣсто, сколько-нибудь удачное и исполненное пѣвцами хорошо, то опера имѣеть успѣхъ. Италіянецъ пойдетъ послушать собственно то мѣсто, будетъ имъ восхищаться и ходить въ оперу сряду мѣсяць и даже два; до остальнаго въ оперѣ ему дѣла нѣтъ, онъ его и не слушаетъ, а просто выходитъ изъ театра во время самаго представленія. Вообще Италіянецы не понимаютъ оперы, какъ музыкальной драмы; но и до-сихъ-поръ любятъ слушать безпрерывный концертъ голосовъ. Почему и требуютъ всегда новаго, хотя это новое есть повтореніе тѣхъ-же италіянскихъ мелодій въ новой одеждѣ, а не созданіе само по себѣ. Мы думаемъ, что съ того времени какъ пересталъ писать Россини и умеръ Беллини, Италія не имѣеть композитора, который порадовалъ-бы ее чѣмъ нибудь новымъ!...

III.

Съ нѣкотораго времени у насъ, такъ сказать, вошло въ моду говорить: нѣтъ оперы, нѣтъ пѣвцовъ для исполненія музыки, и потому всѣ оперы падаютъ. Конечно наши пѣвцы и пѣвицы не могутъ идти въ сравненіе съ какими-нибудь: Рубини, Лаблашемъ, Гризи, Персіани и т. п. Однакожъ справедливость требуетъ сказать, что въ прежніе годы, тѣже самыя пѣвцы, которые и теперь существуютъ, пѣли въ трудныхъ операхъ Россини, Мейербергера, Беллини, и оперы имѣли успѣхъ. Отъ чего-же это? Безъ сомнѣнія тому есть много причинъ, о которыхъ говорить было-бы слишкомъ долго.... Присовокупимъ только, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ успѣха тѣхъ оперъ была музыка ихъ,—сама по себѣ пре-

красная; напротивъ того музыка, тѣми-же пѣвцами въ послѣднее время исполняемая (муз. Доницетти), — невыносимо-дурна.

IV.

Въ послѣдніе годы сценою русской оперы совершенно завладѣли Доницетти и Верстовскій (?) Только и ставились ихъ оперы; изрѣдка повторялись «Робертъ», «Семирамида», «Норма», «Жизнь за Царя». Помилуй Богъ, все Доницетти, Верстовскій и снова Доницетти, — по истинѣ есть отъ чего любителямъ музыки придти въ уныніе и отказаться отъ посѣщенія оперы. Словомъ сказать, старое прислушалось, новое, какъ-то не слушается, потому-что дурно. Желательно, чтобы оперы Доницетти, этого музыкальнаго подрядчика, были вовсе изгнаны изъ репертуара русской оперы, и на дальнѣйшую постановку произведеній или, лучше сказать, издѣлій его, слѣдовало-бы наложить секвестръ. Такъ-какъ изъ новѣйшихъ оперъ рѣшительно ни одна, за исключеніемъ «Гугенотовъ» Мейербера, не можетъ имѣть у насъ успѣха, — тѣмъ менѣе оперы Доницетти, какъ это показали уже самый опытъ, — то нехудо-бы, время отъ времени, возобновлять на нашей сценѣ прежнія оперы. Такъ напримѣръ, почему-бы не возобновить «Карла Смѣлаго» Россини, который давался у насъ весною 1838 года и потомъ исчезъ со сцены? При настоящемъ количествѣ голосовъ въ нашей труппѣ, опера эта пошла-бы хорошо. Вѣроятно любители будутъ чрезвычайно благодарны, если услышатъ снова «Донъ-Жуана» и «Волшебную Флейту» Моцарта, «Осаду Коринѳа» Россини, «Ромео и Джульетту» Стейбеля. А сколько есть еще отличныхъ оперъ, которыя во-все не были на сценѣ? Вебера «Оберонъ», Россини «Моисей», «Зельмира» и изъ новѣйшихъ «Гугеноты» Мейербера. Всѣ эти оперы, при блестящей обстановкѣ, имѣли-бы успѣхъ и были-бы исполнены пѣвцами нашими довольно-удовлетворительно. Донъ-Жуанъ, въ особенности, долженъ имѣть успѣхъ, разумѣется, если поставить его великолѣпно съ балетомъ, маскарадомъ и прочими атрибутами, какъ это дѣлается въ Па-

рижѣ и лучшихъ городахъ Германіи. Репертуаръ нашей оперы обогатился-бы геніальными произведеніями, а любители получили-бы много удовольствія и наслажденія, слушая прекрасную музыку. Для самыхъ пѣвцовъ было-бы чрезвычайно полезно исполнять музыку столь трудную, какъ, напримѣръ, музыка Моцарта. Трудности исполненія музыки его совершенно противоположны трудностямъ исполненія италіанской музыки. Въ сей послѣдней, трудность заключается въ томъ, что пѣвецъ долженъ какъ-бы досказывать композитора. Между-тѣмъ—какъ въ музыкѣ Моцарта надобно только совершенно точно передать его, что по видимому легко, но въ самой сущности чрезвычайно трудно. Мелодіи его несутъ на себѣ печать характера гармоническаго, не столько благоприятны для свободнаго и яснаго издаванія голоса, какъ напѣвы италіанскіе, и изъ нихъ видно, что Моцартъ мало былъ знакомъ съ искусствомъ пѣнія. Почему пѣвецъ, при исполненіи музыки Моцарта, и долженъ каждую ноту, кромѣ того, что взять вѣрно, но, такъ сказать, почувствовать, чтобы передать именно такъ, какъ она написана. Потому-то, въ его музыкѣ, самый отчаянный пѣвецъ не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить. Однимъ словомъ Моцартъ—чистый Шекспиръ музыки!

V.

Въ новѣйшее время введено въ оркестръ слишкомъ много мѣдныхъ инструментовъ, отчего нарушены соразмѣрности звучностей между духовыми инструментами и инструментами со смычкомъ, хотя дѣйствія самыя сильныя, блестящія и разнообразныя можно получать только отъ сихъ послѣднихъ инструментовъ; инструменты духовые лишь разцвѣчаютъ музыку.—Потому-то необходимо въ оркестрахъ увеличивать число струнныхъ инструментовъ. Вообще, для равновѣсія съ инструментами духовыми, полагается, чтобы въ оркестрѣ было: 24 скрипки, 8 альтовъ, 10 виолончелей и 8 контробасовъ*.

* Такое число струнныхъ инструментовъ почти постоянно находится въ оркестрѣ Большой Оперы въ Парижѣ.

При меньшемъ количествѣ сихъ инструментовъ piano кажутся сухими и беззвучными послѣ ужасныхъ forte всего оркестра; духовые инструменты ослабляютъ дѣйствія инструментовъ со смычкомъ. * Изъ этого можно видѣть недостатки нашего опернаго оркестра: главный—малое число струнныхъ инструментовъ. Сверхъ-того онъ имѣетъ еще много и другихъ, какъ то: акомпанименты пѣнію идутъ весьма громко и замѣчается небрежность въ отгѣнкахъ. Piano и forte рѣдко бываютъ высшею степенью того, чѣмъ должны быть отгѣнки сіи. Crescendo и decrescendo также оставляютъ желать многого, потому что недовольно постепеннымъ образомъ исполняются.

VI.

Нѣкоторые изъ музыкальныхъ критиковъ нѣмецкихъ и французскихъ давно уже твердятъ, что при настоящемъ состояніи средствъ инструментовки, ощущается большая потребность въ разнообразіи. Гайденъ, Моцартъ и другіе отличные композиторы разнообразили систему инструментовки пьесъ своихъ: изъ духовыхъ инструментовъ иногда употребляли одни только гобои и валторны; иногда гобои замѣнялись флейтами и кларнетами, а иногда всѣ богатства оркестра соединялись вмѣстѣ. Изъ этого разнообразія выходили удачныя противоположныя дѣйствія. Въ новѣйшей драматической музыкѣ, для полученія возможно-большихъ дѣйствій, всегда почти употребляютъ всѣ средства оркестра вмѣстѣ, каковъ-бы ни былъ характеръ пьесы. Каждая партія композиціи, благодаря сей роскоши средствъ, бываетъ весьма богата дѣйствіями; но какая-то монотонія есть неизбѣжное слѣдствіе сей системы. Мѣдные инструменты—валторны, трубы, офеклиды и тромбоны, приобрѣли въ оркестрѣ важность, и злоупотребленіе ихъ дошло до невѣроятной степени. Особенно молодые композиторы, коль скоро нужно произ-

* 4 Виолончелямъ и 4 контробасамъ, при маломъ количествѣ скрипокъ и альтовъ, трудно-бороться съ массою инструментовъ духовыхъ.

весть какой-либо эффект, такъ и обдають раздрающимъ трескомъ сихъ инструментовъ. Средство получить лучшее дѣйствіе оркестра въ музыкѣ драматической состояло-бы въ восстановленіи разнообразія въ инструментовкѣ, вмѣсто того, чтобы для всѣхъ пьесъ вообще принять одну систему. Съ семнадцатаго столѣтія средства оркестра все умножались; но формы оркестровки идутъ рядомъ съ преобладающею системою. Нынѣ рѣдкость встрѣтить арію, дуэтъ, даже романсъ, которые не имѣли-бы акомпаниментомъ цѣлаго оркестра. Отъ непрерывнаго повторенія тѣхъ-же звуковъ, того-же выраженія и тѣхъ-же соединеній, проявляется монотонность. Отъ чего-бы каждой пьесѣ не дать особенной физиономіи, пользуясь различіемъ звучностей инструментовъ? Тогда могли-бы явиться акомпанименты въ аріяхъ, дуэтахъ, даже квартетахъ, изъ однихъ струнныхъ инструментовъ разныхъ родовъ, или даже одного рода, напимѣръ, виолончелей, или скрипокъ и альтовъ; систему струнныхъ инструментовъ можно раздѣлить на двѣ: одна партія производила-бы звуки смычкомъ, другая на-щипокъ. Равнымъ образомъ можно употребить одиѣ флейты и кларнеты, гобои съ английскими рожками и фаготы; соединенія мѣдныхъ инструментовъ, каковы обыкновенныя трубы и трубы съ клапанами, валторны, офекеиды и тромбоны. Это разнообразіе можно-бы допустить не только въ отдѣльныхъ пьесахъ, но и въ продолженіи цѣлаго явленія. Соединеніе всѣхъ средствъ употреблять въ положеніяхъ сильныхъ, въ финалахъ и проч. Отсюда дѣйствіе извлекалось-бы тѣмъ большее, чѣмъ соединеніе всего оркестра было-бы рѣже. Наконецъ пора-бы являться въ операхъ, иногда, пьесамъ безъ акомпанимента, напр. какъ тріо въ Робертѣ. Подобная пьеса, хорошо спѣтая, всегда нравится. При такомъ разнообразіи средствъ инструментровки исчезло-бы пресыщеніе, чувствуемое къ концу представленія какой-либо длинной оперы, какъ-бы она ни была прекрасна. Все это предложено было нѣкогда Фетисомъ старшимъ: но, кажется, композиторы мало обращаютъ на его остроумную мысль вниманія, и до-сихъ-поръ гремятъ въ продолженіи оперы, во всѣхъ пьесахъ, цѣлымъ орке-

стромъ. Оно, знаете, легче. Часто бываетъ мало смыслу и толку въ музыкѣ, да гремитъ и трещитъ, значить есть эффектъ!... Громъ и шумъ опернаго оркестра дошелъ уже до того, что бываютъ заглушаемы не только пѣвцы въ отдѣльныхъ пѣсахъ, но и цѣлые хоры. Наконецъ, кажется, скоро настанетъ совершенный моръ на пѣвцовъ, потому-что нечеловѣческихъ голосовъ нужно, чтобы соперничать постоянно съ оглушающими и огромляющими акомпаниментами драматической музыки нашего времени. Вообще злоупотребленіе средствъ оркестра превосходитъ всякую мѣру и слуховые органы человѣка. Въ новѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ, преимущественно у Нѣмцевъ *, находимъ совершенную скудость пѣнія, гармонію столь утомительную и модуляціи до того размноженныя, что музыка, вмѣсто удовольствія, приводитъ слушателя въ усталость. Кажется, что всѣ композиторы считаютъ безчестіемъ писать просто и естественно. Если кому-нибудь изъ нихъ и случится, нечаянно, написать такимъ образомъ, то все это стараются переобразить и заглушить кучею несообразныхъ аккордовъ и модуляцій. Пора-бы кажется обратиться къ идеямъ болѣе основательнымъ!

VII.

Предлагаемъ нашъ взглядъ на музыку «Руслана и Людмилы», соч. г. Глинки. Начнемъ съ либретто, какъ съ канвы, по которой располагаются композиторомъ звуки и цѣлая музыкальная драма. Признаемся, либретто составлено крайне несообразно, чтобъ не сказать нелѣпо. Въ содержаніи его нѣтъ ни драматическихъ положеній для выраженія страстей, ни поэтическихъ картинъ; нѣтъ дѣйствія, нѣтъ жизни; нѣтъ драмы и ни какой связи. Напротивъ все либретто ведено такъ, что зритель ни въ чемъ не можетъ дать себѣ отчета, все

* За исключеніемъ Мейербера, какъ человѣка гениальнаго и музыка котораго, по преимуществу, заключаетъ въ себѣ элементъ драматическій. Но и то надобно сказать, что весьма трудно быть Мейерберами!...

является и движется по какому-то непонятному велѣнію судьбы, безъ всякой разумности. По этому недостатки либретто отозвались и на самой музыкѣ.

Разбирать музыку «Руслана», какъ музыкально-сценическую драму, не представляется возможности, потому что въ самой музыкѣ нѣтъ цѣлаго, единого и вообще мало связи. Почему музыка оперы, разбираемая сообразно съ условіями музыкально-сценической драмы, которая преподаетъ намъ теорія музыки, и которая оправдана многими произведеніями великихъ композиторовъ прежняго и новѣйшаго времени, не можетъ выдержать строгой музыкальной критики. Слѣдовательно, по необходимости, должно обратить вниманіе только на нѣкоторыя отдѣльныя мѣста оперы. Итакъ:

Увертюра не производитъ рѣшительно никакого эффекта; въ ней даже не замѣтно развитія идей, а только слышится въ самомъ началѣ три перехода изъ тона въ тонъ, потомъ какая-то переключка духовыхъ инструментовъ, отрывистыми звуками, нѣсколько ударовъ литавръ и проч. Что все это выражаетъ, не понимаемъ, хотя и знакомы съ образцовыми увертюрами гениальныхъ композиторовъ: Моцарта, Бетговена, Керубини.

Въ первомъ дѣйствиіи *хоры во время пиршества за столомъ*, поздравительные и заздравные, имѣютъ мало разнообразія въ нацѣвахъ, расположеніи голосовъ и группировкѣ гармоническихъ и вокальных массъ, и вмѣсто характера торжественно-веселаго, какъ-быть должно, отзываются монотонностію. Въ финалѣ, когда встаютъ изъ-за-стола, композиторъ, полагая придать торжественность, ввелъ военный оркестръ, который, не производя эффекта, только дѣлаетъ еще большій шумъ и совершенно заглушаетъ и хоры и настоящій оркестръ. Пора-бы, кажется, давно оставить въ покоѣ оркестры мѣдныхъ инструментовъ; средства большаго оркестра, въ наше время, слишкомъ обширны, для произведенія какого угодно эффекта. *Арія Людмилы*, хотя имѣетъ довольно счастливые мотивы и написана въ блестящемъ стилѣ, съ ругадами, трелями и проч., производитъ, однакожь, мало эффекта, потому-что зритель скучаетъ, видя на сценѣ

толпы народа безмолвующаго, который какъ-бы ожидаетъ, чтобы арія поскорѣе кончилась и ему можно было принять участіе въ общемъ ходѣ пьесы. Въ музыкѣ драматической дѣйствіе бываетъ тѣмъ-слабѣе, чѣмъ число лицъ на сценѣ значительнѣе, если они не принимаютъ тутъ живаго участія. *Хоръ* прощанія съ Людмилою мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ замѣчательнъ. Окончаніе перваго дѣйствія въ самомъ либретто соединяетъ много драматическихъ положеній и противоположныхъ чувствъ, и есть мѣсто весьма благопріятное для музыки. Но что-же, развито-ли оно и выражено-ли музыкою? Не думаю. Напротивъ-того напѣвы, расположеніе голосовъ и инструменталія *Финала*, который начинается квинтетомъ, какъ-то монотонны, растянуты, даже самое окончаніе финала, принимающее ходъ скорый, можно сказать, безжизненно. А все оттого, что голоса расположены однообразно, и изъ сочетанія хода гармоніи съ вокальными массами не возникаетъ никакихъ противоположныхъ дѣйствій. Оркестръ гремитъ, хоровъ какъ-бы нѣтъ. Жаль, весьма-жаль. Это мѣсто могло-бы быть лучшимъ во всей оперѣ; здѣсь есть жизнь, есть дѣйствіе. *Финаль* производилъ-бы наибольшее впечатлѣніе, если-бы композиторъ постарался развить его съ энергіею, лучше расположилъ голоса и не заглушилъ ихъ громомъ и шумомъ оркестра.

Во второмъ дѣйствіи, *Баллада Финна*, сама по-себѣ, отдѣльно взятая, прекрасна,—проникнута драматизмомъ и одушевленіемъ. Финскій мотивъ, речитативы и самые переходы оригинальны и эффектны. Все вмѣстѣ выражаетъ и обрисовываетъ слова баллады. Но въ оперѣ повтореніе нѣсколько разъ одного и того-же мотива и самое пѣніе, идущее скороговоркою, заставляетъ зрителя скучать; пѣса становится растянutoю, потому-что въ ней слишкомъ много словъ. Музыка не терпитъ многословія, она только требуетъ, чтобы слова дѣлали ощутительною выражаемую идею. *Арія-рондо* Фарлафа, по мотиву и расположенію голоса, замѣчательна. Жаль только, что аккомпаниментъ, сопровождаемый цѣлымъ оркестромъ, особенно въ финалѣ арія, слишкомъ громокъ и совершенно заглу-

шаетъ пѣвца. *Арія Руслана* въ пустынь имѣетъ характеръ прекрасный; особенно хорошо адажіо, выражающее унылую тоску лица и его чувства. Но вообще вся *арія* нѣсколько растянута. Вторая часть, принимающая ходъ скорый, тоже имѣетъ недостатокъ въ чрезвычайно сильномъ акомпаниментѣ; особенно сильно дѣйствуютъ тромбоны и трубы, звуки коихъ придаютъ, впрочемъ, напѣву колоритъ разгула и удали.

Въ третьемъ дѣйствіи, *Каватина Гориславы* хороша, имѣетъ эффектный акомпаниментъ фагота; хотя въ напѣвѣ и расположеніи голоса замѣчается однообразіе, ошутительное тѣмъ-болѣе въ піесѣ, которая по своей формѣ имѣетъ ходъ раскрытый. *Арія Ратмира*, въ *Мибемоль-мажорномъ* тонѣ, превосходна; вполне выражаетъ и положеніе и чувства лица; но за-всѣмъ-тѣмъ кажется растянutoю; особенно замѣтно это въ первой части, движеніе которой само-по-себѣ медленное, и гдѣ голосъ повторяетъ все одинъ и тотъ-же напѣвъ и тѣже слова нѣсколько разъ. *Музыка балета* чудесна, по дѣйствіямъ скрипокъ и соламъ флейты и виолончелей. Въ 4-мъ дѣйствіи заслуживаетъ вниманія *адажіо аріи Людмилы*, а въ 5-мъ укажемъ на *арію Ратмира и хоръ*: «Ахъ ты свѣтъ Людмила» и проч. Прочія мѣста оперы имѣютъ отпечаткомъ безжизненность и монотонность. Музыка здѣсь растянута, слаба, холодна, безхарактерна и вообще мало соотвѣтствуетъ сценѣ и положенію лицъ, хотя, впрочемъ, вездѣ видно много труда.

Общее заключеніе о музыкѣ цѣлой оперы выводимъ слѣдующее: Вообще музыка не проникнута драматизмомъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это должно быть; въ ней мало движенія, нѣтъ вдохновенія. Хотя въ мелодіи нѣтъ недостатка, но отъ слишкомъ сильнаго развитія гармоніи, она кажется во многихъ мѣстахъ какъ-бы содръгтою, особенно въ хорныхъ піесахъ. Отсюда является уже нѣкоторое преобладаніе гармоніи надъ мелодіею. Вообще оркестру дано много работы, а голосу мало. Конечно плохо, очень-плохо, когда оркестръ тянется въ почтительномъ разстояніи за пѣвцомъ, какъ въ музыкѣ италянскій; но еще хуже бываетъ, когда въ музыкѣ

драматической, оркестръ сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе гармоническими оборотами, отвлекаетъ зрителя отъ сцены, и чрезъ то совершенно ослабляетъ всякое дѣйствіе. Лучше всего, когда гармоническая часть идетъ рука объ руку съ мелодическою, и, такъ сказать, вмѣстѣ составляютъ цѣлое. Совершенство драматической музыки проявляется именно тамъ, гдѣ мы находимъ полное соединеніе мелодіи и гармоніи, напр. въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта. Словомъ гармонія отнюдь не должна щеголять на-счетъ мелодіи и опутывать ее несообразными аккордами и модуляціями. Скорѣе въ драматической музыкѣ можно допустить нѣкоторое первенство мелодіи предъ гармонією. Далѣе. Мало характерности и разнообразія въ формахъ шѣсъ, въ самыхъ напѣвахъ, въ расположеніи голосовъ вообще. Особенно однообразно расположены голоса въ хорахъ, гдѣ мало замѣтно противоположныхъ дѣйствій изъ сочетанія массъ вокальныхъ съ массами гармоніи, и часто слышатся дѣйствія одного только оркестра, а дѣйствій голосовъ во все не слышать. Басы мало выработаны, мало имѣютъ движенія и только сопровождаютъ прочіе голоса. Въ музыкѣ драматической расположеніе голосовъ вещь важная!

Въ самой инструментовкѣ много ума, учености, есть эффекты. Но много шума, грому, изысканности, и нѣтъ силы, звучности и ясности. Напротивъ того не рѣдко встрѣчаются утомительные аккорды и модуляціи, которыя только растягиваютъ шѣсы, и какъ-бы затемняютъ смыслъ музыкальныхъ фразъ. Сверхъ-сего, слишкомъ много соль для духовыхъ инструментовъ, которымъ, равно и инструментамъ мѣднымъ, дана большая значительность въ оркестрѣ, такъ, что дѣйствія квартета инструментовъ со смычкомъ, за исключеніемъ виолончелей и контробасовъ, кажется, будто подавлены инструментами духовыми *.

* Отчасти это, можетъ-быть, и оттого, что въ нашемъ оркестрѣ число струнныхъ инструментовъ, сравнительно съ духовыми, мало, и потому вообще нѣтъ соразмѣрностей въ звучностяхъ оркестра.

Наконецъ въ музыкѣ «Руслана» пѣніе занимаетъ какъ-бы второе мѣсто; первое принадлежитъ оркестру, и вообще, кажется, что голосу мало дѣла. Кто-то замѣтилъ, что г. Глинка, не надѣясь, чтобы наши пѣвцы могли выполнить съ достоинствомъ его произведеніе, въ томъ видѣ, какъ-бы онъ желалъ написать, будто съ цѣлію старался въ музыкѣ «Руслана» придать больше дѣйствій оркестру и меньше предоставить голосу. Отчасти замѣчаніе это имѣетъ мѣсто: въ его оперѣ даже и нашимъ пѣвцамъ негдѣ развернуться. Мы думаемъ, что композиторъ, какой-бы то ни было страны, если желаетъ наибольшаго успѣха своимъ драматическимъ произведеніямъ, то долженъ писать музыку, преимущественно, для голосовъ обыкновенныхъ размѣровъ, или пользоваться тѣми средствами, которыя у него подъ рукою, по пословицѣ: «дѣло рукъ мастера боится». Странное дѣло: по-видимому голосу дѣлать нечего, а между тѣмъ пѣвцы чрезвычайно затрудняются. Отъ чего-же это? Думаемъ отъ неестественности въ расположеніи голосовъ. * Особенно это замѣтно въ партіи Людмилы, арии которой и выходки приходится, ббольшею частію, на высокой октавѣ, на которой пѣть вообще трудно, потому-что, по самой природѣ голоса, это не возможно. Боже мой, Боже мой! Когда-же достанется намъ услышать оперу, написанную по средствамъ нашихъ пѣвцовъ, чтобы мы могли ихъ лучше оцѣнить? Этакъ, пожалуй, можно порвать и уничтожить и тѣ голоса, которые мы имѣемъ. Потребуйте больше отъ нашихъ пѣвцовъ, нежели сколько имъ дано въ Русланѣ, но и облегчите ихъ. Располагайте партіи такъ, чтобы выходки очень-длинные въ верхнихъ нотахъ или въ нижнихъ встрѣчались лишь изрѣдка и голосъ держался-бы обыкновенно своей середины. Все это, конечно, лучше извѣстно г. Глинкѣ!!! Нѣкоторые утверждаютъ,

* Тоже самое замѣчено было и въ «Жизни за Царя», гдѣ партія тенора и сопрано чрезвычайно высока, партія контраalto приходится на нижней октавѣ. Съ пѣвцами часто встрѣчаются неудачи, въ коихъ они виноваты гораздо меньше, чѣмъ композиторъ, который довелъ ихъ до того!...

что на музыку «Руслана и Людмилы» не должно смотрѣть какъ на оперу, а скорѣе какъ на ораторію, исполненную на сценѣ, въ костюмахъ и съ декорациями. Можетъ-быть, въ этомъ отношеніи, произведеніе г. Глинки составляетъ дѣйствительно новость и оригинальность!!! Только мы, признаемся, не понимаемъ подобнаго рода ораторій, и думаемъ, коль скоро музыка пишется въ видѣ оперы, то и должна быть оперою, а не ораторіею, которая имѣетъ свое особенное значеніе и свои условія. Не понимаемъ также, за чѣмъ-было писать музыку на либретто, которое такъ безтолково составлено? Вообще, мы смотримъ на музыку «Руслана», какъ на оперу, и не находимъ въ ней созданія, творчества; видимъ много ума, знанія, но мало новаго, поразительнаго. «Жизнь за Царя», какъ музыкально драматическое произведеніе, ставимъ выше «Руслана», хотя послѣдній и щеголяетъ передъ нею гармоническою частію и болѣе обширными музыкальными соображеніями.

Присовокупимъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній. По нашему мнѣнію, изъ поэмы Пушкина можно было составить превосходное либретто для оперы. Надобно было взять одну только идею вполне и развить ее въ картинахъ и положеніяхъ, наивозможно разнообразныхъ, которыя по преимуществу заключали-бы въ себѣ дѣйствіе и драму и могли быть обрисованы и выражены разными піэсами драматической музыки: аріями, дуэтами, терцетами, квартетами и хорами. Что за мысль написать музыку на либретто, въ которомъ она могла явиться только въ однихъ аріяхъ и хорныхъ піесахъ? Содержаніе поэмы Руслана и Людмилы наводитъ, скажу болѣе, говорить, гдѣ и какаго рода должна быть музыка, стоитъ только, такъ сказать, проникнуться поэзіею Пушкина. Впрочемъ, вообще, для развитія сюжета поэмы, какъ оперы, музыкою требуется вдохновеніе, слишкомъ много силъ и большая многосторонность. Здѣсь музыка могла-бы явиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и имѣть характеръ чрезвычайно разнообразный—торжественный и воинственный, страстный, наивный и комическій; волшебный, ужасный и фантастическій и проч.

чего конечно нѣтъ въ музыкѣ нашего композитора. Въ ней одно только замѣтно: стремленіе къ нѣкоторой оригинальности стиля, или, лучше сказать, къ соединенію всевозможныхъ стилей. Но въдъ оригинальное, въ поэзи—ли то, въ живописи или музыкѣ, бываетъ тогда только хорошо, когда оно само-по-себѣ и въ отношеніи къ искусству прекрасно, производя вмѣстѣ-съ-тѣмъ впечатлѣніе на массу; въ противномъ случаѣ оригинальность и остается оригинальною, только для художника и для жаркихъ его поклонниковъ, не дѣлая ни какого шага въ искусствѣ. Предоставляемъ другимъ восхищаться музыкою «Руслана» и находить въ ней какія-то не бывалыя красоты; съ своей стороны, думаемъ, что новое произведеніе г. Глинки не можетъ удовлетворить любителя музыки, знакомаго съ произведеніями Моцарта, Вебера, Россини, и Мейербера и съ настоящимъ состояніемъ драматической музыки вообще. Впрочемъ приносимъ искреннюю благодарность ему и за то, что онъ далъ намъ и старается всѣми силами упрочить существованіе русской музыки. Отъ всей души желаемъ, чтобы въ будущихъ произведеніяхъ своихъ, г. Глинка явился сильнымъ и могучимъ, но собственно въ драматическомъ родѣ музыки. Желаемъ также, чтобы поскорѣе появились на сценѣ произведенія другихъ нашихъ композиторовъ. Мы слышали, что оперы: *Эсмеральда* г. Дорогомъжскаго и *Корсаръ* г. Струйскаго, уже приняты Дирекціею и будутъ поставлены. Жаль, весьма-жаль, что опера Струйскаго *Параша Сибирячка* давалась въ самое неблагоприятное для оперъ время, въ періодъ увлеченія Петербурга танцами Таліони, не была оцѣнена по достоинству—и сошла со сцены послѣ нѣсколькихъ представленій. Музыка этой оперы имѣетъ много красотъ, какъ музыка чисто драматическая. Отъ лица многихъ любителей просимъ эту оперу возобновить.

С. К.

ЛУЧШЕ УКРОЙКА, ЧѢМЪ НИ БРОХИ.

ПОСЛОВИЦА ВЪ ЛИЦАХЪ.

«Half a loaf is better than no bread.»

Въ старинномъ южногголандскомъ городѣ Дортъ или Дортдрехтъ, возлѣ набережной Большаго Канала, на родовомъ пенелищѣ своемъ, жилъ-былъ нѣкто Янъ Диркъ Пеэребоомъ. Промысломъ былъ онъ купецъ, а торговалъ лѣсомъ. Онъ скупалъ его изъ огромныхъ гонокъ, ежегодно спускаемыхъ внизъ по Рейну на пилку и корабле-строеніе, двѣ главныя отрасли промышленности города Дорта, окруженнаго множествомъ верфей и пильныхъ мѣльницъ. Скупая и продавая обрывки плотовъ, Янъ Диркъ Пеэребоомъ разжился не на-шутку. Съ патриотическою гордостью величался онъ тѣмъ, что былъ землякомъ многоученаго Фоссія и братьевъ Девиtte. Но при всемъ голландскомъ благоразуміи по торговой части, Яну Дирку Пеэребоому не достало его въ важнѣйшей изъ слѣлокъ жизни—въ свадебномъ договорѣ. вмѣсто того, чтобы жениться на дочери какого-нибудь сосѣдняго купца и соединить барыши двухъ торговыхъ домовъ подъ одну общую фирму, онъ возмутилъ противъ себя всѣхъ ближнихъ своихъ, прямолинейныхъ потомковъ Яна Бохер-

* Полхлѣба лучше безхлѣбья.

мана, Виллема Баударта и Гersona Бусера, тѣхъ древнихъ знаменитостей Дорта, которыхъ трудами переведена была на языкъ Нидерландцовъ латинская Библия. Однажды заѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Амстердамъ, Янъ Диркъ Пеэребоомъ, забравшись случайно въ театръ, влюбился по-уши въ какую-то мадамъ Корали Комифо, первую танцовщицу національной сцены, отъ которой сходила тогда съ ума вся амстердамская публика.

Мадамъ эта была уже вдовою; приобрѣтеніе ея для сцены составило такую эпоху въ ея лѣтописяхъ, что супругъ балетной знаменитости, мосье Комифо, танцовавшій съ ней *pas de deux*, обложилъ дирекцію чѣмъ хотѣлъ, принялся кутить на пропалую, и отъѣввшись прямымъ Голландцомъ, разтолстѣлъ какъ благородный отецъ. Однажды представлялъ онъ Зефира въ какомъ-то новомъ балетѣ, только что вывезенномъ изъ Парижа, и порхая по воздуху, на желѣзной проволоцѣ, прикрѣпленной къ его двумъ подошвамъ и спинѣ, долго и плавно носился въ разныхъ направленіяхъ по воздушнымъ пространствамъ. Но тутъ случилась бѣда: увѣсистый летунъ, слишкомъ понадѣясь на авось и не сообразя тяжести своего тѣла съ ломкостью слабой проволоки, сдѣлалъ такой отчаянный *salto mortale*, что проволока оборвалась и—жалость рассказывать—бѣдный Зефиръ, слетѣвъ новымъ Икаромъ съ своей подоблачной выси, такъ грохнулся оземь, что пробилъ а *jong'* овое сценическое подполье и провалился въ выступившую изъ подъ него грязь; а грязь эта, какъ вамъ извѣстно или нѣтъ, по особой конструкціи зданій болотнаго Амстердама, наполняетъ всѣ промежутки домовыхъ свай и служитъ имъ основаніемъ. Прежде, чѣмъ неповоротливые голландскіе плотники надумались подать ему помощь, бѣдный Зефиръ захлѣбнулся и утонулъ. Это событіе произвело необыкновенный *эфектъ* къ концу вечера. Многіе изъ зрителей, люди расчетливые, приступили къ директорамъ театра, и потребовали назадъ своихъ денегъ. На отказъ дирекціи завязался процессъ; начались розыски, и, какъ случай сей былъ совершенно новъ и безпримѣренъ въ юридическомъ мірѣ, то судьи и адвокаты сдѣлали изъ муки

слона, и дѣло—сначала ничтожное,—пріобрѣло такую важность, что въ него замѣшали многихъ зажиточныхъ бургомистровъ.

Но къ чему останавливаться на столь печальномъ предметѣ. Перепрыгнемъ лучше мѣсяцовъ за шесть вдовства, послѣ котораго неутѣшная и все также очаровательная мадамъ Корали отерла слезы свои, вспрыгнула опять на сцену и запрыгала на ней съ своей обыкновенной граціею и быстротою.

И въ это-то время, Янъ Диркъ Пезребоомъ, какъ нарочно, прибылъ по дѣламъ своимъ въ Амстердамъ. Отебдавъ до сыта и порядочно подпивъ, онъ захотѣлъ кончить день свой стольже весело, какъ его началъ; отправился въ театръ.

Но, ахъ! едва завидѣлъ онъ знаменитую Корали, въ ея роскошномъ миѳологическомъ нарядѣ, онъ остолбенѣлъ, потерялъ дыханіе и—влюбился по-уши въ обворожительную Сильфиду.

Конечно, любовь Голландцевъ не такъ горяча какъ ихъ огненный *іенеферъ* (мозжевеловка); и хотя девизъ Голландца «холодъ»—съ рѣдкою прибавкою «кромѣ», но въ этомъ случаѣ, это «кромѣ» стольже пылко вспыхнуло какъ зажженная бочка спирту; весь Янъ Диркъ превратился въ пламя; вздумалъ-было откуриваться трубкою,—не тутъ-то было! Чѣмъ больше выкуривалъ онъ трубокъ, чѣмъ страстиѣ затягивался, тѣмъ пламениѣе влюблялся; каждый пухъ дыма удваивалъ его любовь. Любовь эта брала свое и до того усилилась, что онъ забылъ для нее всѣ бревенчатыя, дровяныя и пыльныя свои отношенія—

..... И распростился онъ
 Съ связями глупыми и шумомъ свѣта;
 Сказалъ прости безстыднымъ похвамамъ,
 Надеждамъ, подвигамъ... се одну онъ видѣлъ
 Въ струяхъ, въ тѣни, ее одну онъ звалъ—
 Со вздохами—во всѣхъ дарахъ природы!

Мы нарочно выписали эти готовые строки изъ известной пьесы «Ache-inside» (Внутреннее горе) чтобы дать

идею нашимъ читателямъ о трогательномъ положеніи Мейнгера Яна Дирка Пезребоома.

Дортдрехтскіе друзья его не могли никакъ разгадать, что дѣлалось съ ихъ пріятелемъ, что такъ долго задерживало его въ Амстердамѣ? Янъ Диркъ зналъ давно, что деньги и терпѣніе все преодолеваютъ. Онъ приложилъ эту теорію къ практикѣ, и достигъ своей цѣли: завѣтныя двери прекрасной Корали для него открылись и онъ пустился любезничать съ ней на-пропалую: взглянувъ ему въ глаза, ловкой Француженкѣ не мудрено было догадаться, что онъ былъ ея преданнѣйшимъ рабомъ. Она на диво разыгрывала свою роль: не ободряла его, но самымъ безсовѣстнымъ образомъ разсыпалась передъ нимъ на тысячи мелкихъ презестей; они совершенно обворожили его.

Яну Дирку не жилось болѣе безъ прекрасной вдовушки; онъ рѣшился выставить передъ ней на показъ всѣ свои богатства, и объявилъ своей очаровательницѣ, что непременно бросится въ самый глубокий и грязный каналъ, если она не сдѣлается его вѣчной подругой.

У Корали было не каменное сердце и сверхъ-того она ужасно боялась грязной воды каналовъ, поглотившей ея первую любовь—бѣдняжку Зефира. Ей жаль стало утопить въ ней... имѣніе Яна Дирка Пезребоома, въ которомъ проявлялось уже для ней столько будущаго комфорта; она сообразила—что плясать и плясать каждый вечеръ—работа не легкая, да и не вѣкъ-же плясать, а то, пожалуй, до-смерти запляшешься! а плясать на-уморъ ей не приходилось, и какъ ни мастерски изобразилъ знаменитый Гольбеинъ эту потѣху людей въ своей нравственной «Пляскѣ смерти», но мастерская картина ни мало ее не обольстила: наступала пора одуматься! Янъ Диркъ былъ въ восторгѣ; онъ зналъ свѣтъ, развернулся британскимъ лордомъ, и вскорѣ увидѣлъ, что эта пора одуматься уже наступила. Разсудокъ взялъ верхъ. Приступили къ условіямъ. Черезъ полгода кончался контрактъ госпожи Комифо съ театральною дирекціею, и тогда—образумленная артистка могла уже смѣло оставить сцену, выйти за мужъ за Яна Дирка Пезребоома и сдѣлать это по всѣмъ

обрядамъ римскаго католицизма, которой она исповѣдывала, если только она дѣйствительно принадлежала къ какому-нибудь исповѣданію. Какъ-бы то ни было, она согласилась даже, для большей прочности брака, вѣнчаться и въ пресвитеріанской церкви, въ догматахъ которой выросъ ея нарѣченный женихъ, только съ условіемъ, чтобы все благопріобрѣтенное ея имущество осталось за нею съ полнымъ правомъ расточать его, безотчетно, на свои прихоти. Тиранническія ея требованія тѣмъ не ограничились: не-смотря на страсть Яна Дирка Пезребоома къ табаку, она принудила его отказаться отъ своей милой трубки, подъ тѣмъ предлогомъ, что трубочный дымъ былъ несносенъ для слабыхъ нервъ новобрачной. Она предложила еще нѣсколько пунктовъ на счетъ обезпеченія обязанностей своихъ къ дирекціи театра, съ которою она частенько хлопотала; сговорчивый супругъ все уладилъ. Къ такимъ яснымъ и положительнымъ условіямъ присовокупила она еще слѣдующее: чтобы любимый пудель ея *Мутонъ*, (болѣе похожій на бѣрова, чѣмъ на барана), сопутствовалъ ей въ дорогъ, когда она того потребуеть. Особенныхъ причинъ такой прихоти сказать она не благоволила, кромѣ того, что ея бѣлый, понятливый и курчавый пудель былъ всегдашнимъ ея «*compagnon de voyage*» (дорожнымъ спутникомъ), и шелковистая шерсть его согрѣвала ей ноги....

Наконецъ, проскользнули еще шесть мѣсяцовъ, и Янъ Диркъ Пезребоомъ извлеченъ былъ изъ пучины страданій, столь сладостныхъ для влюбленнаго; онъ соединился неразрывными узами брака съ предметомъ своей страсти.—Разумѣется, что онъ не упомянулъ о томъ ни слова въ письмахъ къ своимъ степеннымъ Дортскимъ друзьямъ. И умно слѣлалъ. Трудно было предложить чтобы эти потомки знаменитыхъ членовъ Дордрехтскаго Синода, эти строгіе Кальвинисты, не соблазнились бракомъ земляка своего съ французской оперной плясуньей! Избѣгая ихъ возгласовъ, Янъ Диркъ Пезребоомъ отправился съ супругой своей прямо въ Парижъ.

Не мало удивился Дортскій компаніонъ и агентъ его, Питеръ Бохерманъ, когда Янъ Диркъ Пезребоомъ пору-

чилъ ему распродать всѣ свои дома, верфи, торговыя акціи, корабли, барки и проч. и проч. и прочая.

Такое неожиданное порученіе изумило весь Дортъ: цѣлый мѣсяць—только и рѣчей было, что о Янѣ Диркѣ Пезребоомѣ. Но когда мирные, благоразумные и расчетливые купчики и купцы открыли, что степенный согражданинъ ихъ Янъ Диркъ Пезребоомъ женился на французской плясунѣ Комифѣ, то эта вѣсть возмутила всѣхъ земляковъ его до того, что изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ ихъ пошелъ дымъ коромысломъ, а зрачки ихъ такъ закатились подъ лобъ, что на виду остались одни бѣлки; восклицаніямъ и стомамъ не было конца: земляки никакъ не могли простить Яну Дирку его безразсудства, а дѣвственныя пряли Дортскія, изъ которыхъ не одна прочила себя въ его нарѣченныя, чуть не сошли съ ума.

Но Янъ Диркъ Пезребоомъ мало о томъ заботился; въ полномъ раздольѣ своего медоваго мѣсяца, онъ посмѣивался надъ важничаньемъ своихъ почтенныхъ согражданъ и моталъ себѣ на усъ: «Я женился говорилъ онъ, для собственной потѣхи, а не для прекрасныхъ глазъ моихъ взыскательныхъ друзей и пріятелей», и вскорѣ забылъ о нихъ совершенно; да и кто-бы не позабылъ—закрутятся какъ онъ, въ вихрь забавъ и упоеній волшебнаго Парижа?

Мы сказали выше, что г. Зефиръ Комифѣ получалъ шальное жалованье за свои прыжки и подпрыжки своей смазливенькой подружки,—условіе необходимое при необычайныхъ расходахъ ихъ на наряды, на обувь, на прихоти стола и тому подобныя *необходимости*.

Обувь—въ особенности—обходилась не дешево нашей миленькой попрыгунѣ: что вечеръ, то двухъ паръ башмаковъ—*какъ не бывало!* Тутъ нуженъ былъ башмачникъ *какихъ мало*. И какъ башмачникъ сей будетъ играть довольно важную роль въ нашей повѣсти, то и стоитъ того, чтобы мы обратили на него особенное вниманіе.

Этотъ смѣтливый *индивиду* назывался Схекъ Стальманъ; на вывѣскѣ его нарисованъ былъ самый миниатюрный башмачокъ, а около его огромными буквами, чуть не въ локоть, красовалась самая шарлатанская над-

пись: «Артистъ-башмачникъ первой танцовщицы съ мѣръ, несравненной и единственной Корали Комифо!!!»

Когда Янъ Диркъ Пезребоомъ купилъ себѣ право по-сѣщать балетную фею, онъ поразилъ ее необыкновеннымъ сходствомъ своимъ съ артистомъ башмачникомъ.

Артистъ-башмачникъ дорожилъ практикой артистки танцовщицы, и по признательности и по расчету; эта практика приносила ему порядочные барыши: онъ часто шилъ въ долгъ, когда плясунья красавица была не въ духѣ платить; но она наверстывала ему за то безразсчетной уплатою по счетамъ, когда ей приходила охота бросать деньги. Точно тоже бывало и съ—тяжелой памяти—покойнымъ Зефиромъ, къ счетамъ котораго всегда приписывались жидовскіе проценты. Никто лучше Стальмана не снималъ мѣрки съ прелестной француженки, никто лучше его не зналъ топографіи ея крошечной ножки.

Но артистъ-башмачникъ, занимаясь обуваньемъ людей, упражнялся и въ надуваньи таможенъ. Схекъ Стальманъ былъ плутъ перваго разряда, и хотя мошенничества его довольно долго сходили ему съ рукъ, но думать должно, что эта отрасль народной промышленности была ему не по-плечу и заниматься ею не такъ легко въ Голландіи, какъ въ другихъ земляхъ: при всей своей исправности въ дѣлахъ и точности въ расчетахъ, плутяга Схекъ кончилъ тѣмъ, что продѣлки его вышли наружу. Въ этотъ періодъ нашего разсказа, какъ нарочно, приняты были между Голландією и Францією новыя фискальныя мѣры, и запрещенный торгъ, въ которомъ хитрый проныра подвизался съ такимъ успѣхомъ, вдругъ началъ значительно упадать. Одна неудачная спекуляція разстроила все благосостояніе башмачника-контрбандиста. Послѣ напрасной пощытки возстановить дѣла свои, онъ рѣшился на такой отчаянный подвигъ, что удамца Схека приговорили къ самому странному наказанію, можетъ-быть, обыкновенному въ одной Голландіи и Китаѣ.

Схекъ Стальманъ осужденъ былъ просидѣть семь лѣтъ въ тюрьмѣ и вѣсть глѣбъ печалм своей безъ солм....

Это значило обречь его за-живо—на съѣденіе червль.

Не зная, какъ помочь ему въ такой неминуемой бѣдѣ, мы по-неволѣ должны предоставить его на произволь судьбы и обратиться къ Яну Дирку Пезеребоому и его нарѣченной невѣстѣ.

Дортскій компаньонъ его Питеръ Бохерманъ, исписавъ, безъ всякой пользы, нѣсколько листовъ почтовой бумаги, начиненныхъ самыми логическими увѣщаніями, долженъ былъ приступить къ распродажѣ—съ возможнымъ барышемъ—его разныхъ имуществъ; не менѣе того, и этотъ честный повѣренный и цѣлый городъ Дортъ, не могли не горевать о безразсудной женитьбѣ земляка своего Яна Дирка Пезеребоома, потомка и представителя историческаго рода, съ которымъ связано было одно примѣчательное событіе, сохранившееся въ памяти всѣхъ Дортянъ. О событіи семъ было такъ много разныхъ разсказовъ, что ихъ не перечестъ; дѣло въ томъ, что оно составило эпоху въ городскихъ лѣтописяхъ и, въ свое время, произвело столь сильное впечатлѣніе, что на тогдашнихъ Дортскихъ монетахъ (далдерахъ, стиверахъ и дейтахъ) изъ которыхъ многіе и понынѣ еще обращаются въ народъ, начеканена была *молочница, доившая корову!!!*

Но что-же подало къ тому поводъ? А вотъ что: во времена, кровавой памяти, Герцога Альбы, Испанцы вздумали было врасплохъ овладѣть Дортдрехтомъ; ни шло ни бхало, какъ вдругъ, ночью, очутился въ пяти миляхъ отъ города испанскій отрядъ изъ 3500 воиновъ, подкравшихся туда форсированными маршами; поставленный въ засадѣ, отрядъ сей ждалъ только случая внезапно нагрянуть на беззаботный городъ.

Въ окрестностяхъ Дорта жилъ арендаторъ по имени Боозеръ; все богатство его состояло въ стадѣ рогатаго скота, котораго молокомъ и масломъ снабжалъ онъ горожанъ. Пока поленницы его собирались спозаранку доить коровъ, одна смиреннькая но догадливая дѣвочка, Елисавета Пезеребоомъ, подмѣтила за изгородью нѣсколькихъ солдатъ въ незнакомыхъ ей мундирахъ. Съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа занялась она своимъ

дѣломъ, наравнѣ съ другими подругами, весело распѣвавшими пѣсни, и, подонувъ коровъ, отправилась съ подонникомъ своимъ, въ слѣдъ за ними, на ферму. Пришедъ туда, она рассказала хозяину, что видѣла. Опечаленный и испуганный, онъ посадилъ ее съ собой на лошадь, увезъ въ Дортъ, отыскавъ тамъ перваго попавшаго ему Бургомистра, а тотъ, не теряя времени, послалъ гонца за вооруженной помощью въ Роттердамъ. Правительство велѣло тотчасъ-же отпереть шлюзы, и затопить всю полосу земли, на которой находилась засада. Говорятъ, что при такомъ насильственномъ купаньи потонула большая часть сихъ незванныхъ гостей. И такъ-то своевременно поданная вѣсть и присутствіе духа Елисаветы Пезребоомъ спасли отъ разоренія родной ея городъ, и этотъ городъ не остался у ней въ долгу: онъ наградилъ избавительницу свою ежегодною пенсіею, перешедшею по прямой линіи къ ея потомкамъ.

Мы нарочно сдѣлали здѣсь небольшое отступленіе, чтобы объяснить читателямъ, по какому праву и случаю Янъ Диркъ Пезребоомъ, законный потомокъ сей умной и благородной молочницы, воспользовался ея наследственной пенсіею, и при пособіи *оной*, такъ блистательно раторговался дѣсомъ.

Сначала дѣла новобрачныхъ шли весело; потомъ, супругъ сталъ скучать, находилъ, что его слишкомъ часто таскаютъ по вечерамъ въ театры; у него завертѣлось въ глазахъ отъ безконечныхъ *пируэтовъ коръ-де-балета*; наконецъ, ему начало дѣлаться дурно, когда супруга его, строго критикуя каждаго танцовщика и танцовщицу, не переставала ими любоваться. Утро, проведенное имъ за счетами своего дѣснаго торга начинало утомлять его. Онъ бросилъ свои занятія; онъ позабылъ слова поэта:

... Бездѣлье вовсе не покой;
Мы гибнемъ въ праздности; въ ней духъ нашъ самъ не свой.

Такъ погибалъ и Янъ Диркъ Пезребоомъ; онъ облылся; кровообращеніе его сдѣлалось медленнѣе, онъ упалъ духомъ, сталъ грустить и сердиться, ворчать за каждую бездѣлку; малѣйшая досада или непорядокъ

приводили его въ отчаяніе; онъ не только преувеличивалъ настоящія, но и накликалъ на себя вымышленныя бѣды; ни съ кѣмъ не могъ онъ ужиться; лучшею забавою его юности была трубка табаку, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ нея по свадебному контракту; кто курить—тотъ одинъ можетъ чувствовать, какъ грустно было ему лишиться своей послѣдней отрады.

Увы! такова сила привычекъ! Онъ предпочиталъ простой дымокъ послѣдней выкуренной имъ трубки всѣмъ благовоннымъ парижскимъ куревамъ, которыми такъ восхищалась жена его.

Желая, во чтобы ни стало, проложить дорогу къ своему любимому занятію, разумѣется, не иначе какъ съ позволенія своей прихотливой хозяйки,—Янъ Диркъ Пезребоомъ ломалъ себѣ голову, какъ-бы ему довести рѣчь до вождельннаго предмета—до *табаку*, о которомъ она и слышать не хотѣла; и вотъ онъ однажды, сидя противъ своей супруги, заводитъ слѣдующую рѣчь:

— Не рассказывалъ-ли я тебѣ, душечка, одной прелюбопытной исторіи о томъ, что случилось съ моимъ племянникомъ, когда я отправилъ его Суперкаргомъ въ Батавію, а оттуда съ фрахтомъ въ Японію?

— Никогда, мой дружочикъ, отвѣчала, зѣвая, мадамъ Корали Пезребоомъ.

— Ну! такъ я расскажу тебѣ» продолжалъ Янъ Диркъ: это тебя позабавитъ.

— Не слишкомъ-ли длинна твоя исторія, mon choux? возразила бывшая Комифо.

Такое начало бесѣды казалось вовсе не утѣшительнымъ; но какъ Янъ Диркъ былъ кровный Голландецъ, человѣкъ по природѣ—упрямый, то онъ полагалъ на-вѣрняка, что упавъ даже въ яму, можно и изъ нея вылезти: стоить только подняться на ноги.

— Если повѣсть моя наскучитъ тебѣ, Корали, сказалъ онъ, то останови меня.

— А что это за повѣсть?

— Племянникъ мой Инкъ Пезребоомъ, продолжалъ Голландецъ, былъ человѣкъ степенный, благочести-

вѣй, покорный властямъ, и сознававшій, какъ долгъ велить не одному Нидерландцу, но и честному человѣку, исполнять всѣ обязанности свои къ ближнему. Въ числѣ груза, непосредственно повѣреннаго этому добряку, между разными произведеніями нашей промышленности, находилась и одна тонна.... курительнаго *табаку*.

— Ah! fi-donc! почти вскрикнула Француженка: не говори ты мнѣ объ этой вонючей гадости, этой заразѣ комнаты и чувствъ, которой противный запахъ отравляетъ наше бѣлье, нашу пищу и, что хуже всего, такъ не навистенъ моему бѣдненькому пуделю Мутону! Отвратительный ея дымъ выжимаетъ всегда изъ глазъ его слезы.

— Плохо! подумалъ Янъ Диркъ, замѣтивъ неудачность своего намека. Не теряя однакожъ бодрости, онъ продолжалъ съ стоическимъ постоянствомъ:

— И такъ, Инксъ Пеэребоомъ....

— Кудажъ онъ дѣвался? томно спросила слушательница.

— Мой племянникъ? Онъ былъ молодець хоть куда; заслужилъ всеобщую довѣренность, и прибылъ въ Самарангъ....

— А гдѣ это? милый другъ, не въ Африкѣ-ли?

— Нѣтъ, душа моя, въ Азіи.

— А гдѣ эта Азія? спросила жена, ужасно зѣвая: вѣроятно въ Америкѣ?

Такой странный вопросъ заставилъ и степеннаго Голландца нашего улыбнуться: онъ въ первый разъ еще почувствовалъ нѣкоторое преимущество свое передъ женою, но только.... въ географическихъ познаніяхъ. Онъ не считалъ, однакожъ, за-нужное измѣнять ея доброе мнѣніе о самой-себѣ какой-нибудь неумѣстной остротой насчетъ ея глубокаго невѣжества; онъ продолжалъ свой рассказъ безъ комментариевъ.

— Когда Инксъ Пеэребоомъ сдалъ грузъ свой въ Батавіи, корабль былъ снова зафрахтованъ голландскими произведеніями и *табакомъ* въ Японіи.

— Опять ты заговорилъ о *табакѣ*! Къ чему это, милый другъ?

— Къ тому, возразилъ Янъ Диркъ, что я почитаю его самымъ лекарственнымъ, самымъ пріятнымъ и драго-

цѣннымъ растеніемъ, какое только могла произвести природа. Я знаю навѣрное, что Инксъ Пеэребоомъ обязанъ ему спасеніемъ своей жизни. Я сказалъ уже, что корабль былъ до-полна нагруженъ. Племянникъ мой слышался, что Японцы народъ чрезвычайно образованный, вѣжливый и церемонный, и когда корабль его прибылъ къ О. Дезимъ, на которомъ заведена голландская факторія, Инксъ Пеэребоомъ вскорѣ удостовѣрился, что всѣ жители ожидали его прибытія. Двое изъ нихъ въ длинныхъ мѣшковатыхъ одеждахъ, встрѣтили его съ бѣлыми жезлами въ рукахъ. Такая встрѣча преисполнила его благоговѣнія къ туземцамъ; за особый знакъ уваженія къ себѣ счелъ онъ привѣтствія этихъ двухъ господъ, которыхъ принялъ онъ, по важности ихъ, за какихънибудь камергеровъ или комнатныхъ дворянъ, обязательно высланныхъ ему на встрѣчу.

При высадкѣ его на берегъ, два японскихъ камергера, отвѣсили ему по пренизкому поклону, но нѣсколько спустя, къ не малому удивленію Инкса, примѣтилъ онъ, осмотрясь кругомъ, что одинъ изъ этихъ господъ, занеся бѣлую палку свою за его спину, переважно уперъ ею въ землю. Онъ не сказалъ имъ однако-же ни слова, пока не дошелъ до дому голландскаго Оперъ-Гоофта, или правителя конторы. Правитель этотъ былъ грубый Нидерландецъ, записной врагъ всякихъ церемоній, и когда Инксъ, отобѣдавъ у него, началъ ему хвалиться знаками уваженія, которыми почтили его при высадкѣ камергеры съ ихъ должностными жезлами, Оперъ-Гоофтъ, человекъ вовсе несмѣшливый, заревѣлъ ему въ лицо:

— Ха, ха, ха! вотъ нашелъ камергеровъ! ахъ! ты проstackъ молодчикъ! ха, ха, ха!

Инксъ не могъ никакъ понять, что сдѣлалось съ Оперъ-Гоофтомъ, но тотъ не замедлилъ объясниться.

— И ты не догадался еще? Ха, ха, ха! что здѣшній край свѣта, по климату своему, есть самый убійственный для Европейца, что никакой здоровякъ не можетъ къ нему привыкнутьъ, а Японцы народъ дѣльный, звать не любятъ? Узнай-же, что эти мнимые камергеры, какъ ты называлъ ихъ, ха, ха, ха! не иное что, какъ гробов-

пики. Не успѣемъ пріѣхать сюда, какъ они, при первой возможности, берутъ съ насъ мѣрку для будущаго гроба. Ха, ха, ха! нашелъ камергеровъ! ха, ха, ха!

Инксъ Пеэребоомъ не на шутку перепугался, но ему отдало немного отъ сердца, когда правитель спросилъ его, вдоволь-ли онъ привезъ съ собой табаку. Инксъ отвѣчалъ утвердительно.

— Итакъ, сказалъ правитель: для тебя одно спасеніе: кури, такъ какъ я, и деио и ноцио!

Воючая гадость! вскричала Корали. Здѣсь кстати замѣтить еще разъ, что французская наша нѣженка почти также приходила въ отчаяніе отъ американскаго зелья, какъ анти-дымной памяти, король Іаковъ первый и мудрый.

Въ эту пору, Янъ Диркъ Пеэребоомъ жилъ безъ табаку, какъ на иглокахъ. Цѣлые мѣсяцы провелъ онъ не выкуривъ ни одной трубки, терпѣть долѣе стало ему невмочь. Однажды затѣялся родъ пикника: нѣсколькимъ артистамъ большой оперы вздумалось, вмѣсто отдыха, прокатиться въ Сен-Клу. Пригласили туда-же и Меингеэра Пеэребоома съ дорогой его половиной. Янъ Диркъ, которому, за нѣсколько времени назадъ, сдѣлалось дурно въ обществѣ этихъ танцоровъ, притворился больнымъ въ самое утро пикника, — не такъ больнымъ, однакоже, что-бы помѣшать своей милой Корали отправиться въ путь съ пріятелями, передъ которыми просилъ себя извинить. Ему не трудно было убѣдить жену свою ѣхать повеселиться на свѣжемъ воздухѣ съ легкомысленными ея товарищами. Но едва экипажи, нагруженные веселыми собесѣдниками съ примичнымъ запасомъ питейныхъ снабдѣній, отѣхали отъ его воротъ, обрадованный Голландецъ, такъ давно уже отчужденный отъ былыхъ своихъ наслажденій, невольно воскликнулъ:

— Распотѣшусь-же сего-дни и я!

Онъ обѣщался не курить дома, но изъ этого не слѣдовало, чтобы онъ не вправѣ былъ затянута въ гостяхъ. Отправясь по сосѣдству въ Пале-рояль, онъ скоро добрался, *по духу*, до такъ называемой голландской харчевни (Estaminet d'Hollande), и едва вошелъ въ нее,

какъ ему тотчасъ-же предложили предметъ его желаній— трубку табаку и Амстердамскій *Коурантъ* (газету). Густой туманъ наполнялъ всю залу: она казалась какимъ-то очарованнымъ облачнымъ чертогомъ; всѣ губы и трубки собесѣдниковъ дымились, какъ раскаленные печи; теплый паръ поднимался столбомъ изъ пуншевыхъ чашъ; не видать было свѣта Божьяго, такъ, что свѣжему человѣку гораздо легче было наткнуться на кого-нибудь изъ этого общества, чѣмъ въ него всмотрѣться. И при всемъ томъ, веселая братія курильщиковъ была въ такомъ упоеніи, что все это ей было ни-по-чемъ.

Здѣсь Янъ Диркъ Пеэребоомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, отвелъ душу, набивая себѣ трубку за трубкой, запивая ихъ истиннымъ схидамскимъ іенеферомъ и выкуривая безъ устали одна за другою; онъ напился и накурился, что называется, до-сыта, за все время, протекшее со дня его свадьбы. Онъ снова ожилъ и, обращаясь къ прежнимъ своимъ занятіямъ, прочелъ въ Амстердамскомъ Коурантѣ, сколько то позволяли ему клубы носившагося дыма, слѣдующее «*Advertentie*» (объявленіе):

— «Ингсъ Пеэребоомъ имѣетъ честь извѣстить друзей своихъ и почтеннѣйшую публику, что онъ открылъ на иждивеніи своемъ, въ городѣ Дортѣ, всеобщій магазинъ разной *ветчины* и смѣетъ завѣрить всѣхъ, кому о томъ *вѣдать надлежитъ*, что долгая опытность его въ этомъ дѣлѣ, во время нахождения его въ домѣ Гг. Кловенбаха и Фоуте, а равно и прежняя служба *публиканта* у дяди своего Яна Дирка Пеэребоомъ заслужить ему полную довѣренность тѣхъ особъ, которыя удостоятъ его своихъ заказовъ. Магазинъ его открытъ подъ № 14, на западномъ берегу улицы Большаго Канала, куда и благоволятъ обращаться съ своими требованіями.»

Читая строки сія, Янъ Диркъ не могъ не отдать справедливости скромному объявленію своего племянника и не пожалѣть о томъ, что объявленіе было сдѣлано не отъ него лично.

Нѣсколько подагѣ, на томъ-же столѣ лежала другая голландская газета, около которой сидѣли три купца, испускавшіе дымъ не легче трехъ паровозовъ. Въ этой газетѣ повторялось объявленіе молодого Инкса. Янъ Диркъ сидѣлъ къ нимъ спиною; но въ облакахъ дыма, клубившагося надъ собесѣдниками, разслушалъ слѣдующій разговоръ:

1-й *Курильщикъ*. Изъ газетъ видно, что молодой Пеэребоомъ принимается за дѣло (пуфъ, пуфъ).

2-й *Курильщикъ*. Чтò за глупой осель этотъ Янъ Диркъ! кой чортъ его дернулъ жениться на своей французской плясунѣ? Еще годика два, три, и у него не останется ни стивера за душою. (Продолжительный пуфъ).

3-й *Курильщикъ*. Однакожъ, какъ ни глупъ этотъ Янъ Диркъ, а зналъ, гдѣ раки зимуютъ: въ свое время и онъ умѣлъ копить денежки! (Пуфъ).

2-й *Курильщикъ*. Хорошъ скопидомъ! Не далѣе какъ сего-дня поутру случилось мнѣ видѣть, что мотовка, жена его, съ цѣлымъ грузомъ подобныхъ ей транжиръ, отправилась куда-то въ трехъ каретахъ, вѣроятно, на какой-нибудь загородный праздникъ.

1-й *Курильщикъ*. Это не даромъ. (Пуфъ, пуфъ, пуфъ.)

2-й *Курильщикъ*. Говорятъ, что кредитъ Яна Дирка совсѣмъ пропалъ въ Дортѣ; однакожъ онъ все таки богатъ: у него осталась еще родовая пенсія *молочницы*, и, какъ я слышалъ, лежитъ не одинъ гульденъ въ амстердамскомъ банкѣ.

Отъ этихъ замѣчаній Яну Дирку Пеэребоому сдѣлалось еще тошнѣе: онъ готовъ былъ въ отчаяніи своемъ, называть себя, — заклеименнаго почетными титулами «осла и дурака; а можетъ-быть, сознавая ихъ справедливость, но желая скрыть свое униженіе, пустилъ нѣсколько пуфовъ, сдѣлавшихъ его невидимкою. Онъ началъ догадываться, что женившись на французской плясунѣ, онъ очно сдѣлалъ величайшую глупость.

Нѣсколько минутъ спустя, когда голландскіе купцы вышли изъ харчевни, Янъ Диркъ, погруженный въ тяжкую думу, отправился домой; ему было какъ-то не ловко, онъ присѣлъ на софу, раза два потеръ себѣ лобъ, протянулъ

ся, улегся во всю длину тѣла на эластическій тюфякъ и, укачиваемый горемъ своимъ, заснулъ. Между-тѣмъ, мадамъ Корали Пезребоомъ возвратилась тоже домой, и надыхавшись свѣжаго деревенскаго воздуха въ Сен-Клу, съ ужасомъ и отвращеніемъ почувствовала ненавистный для нервъ ея табачный запахъ. Здѣсь кстати примолвить, что табакъ парижскій, составляющій монополию тамошняго правительства, есть самый гадкій табакъ въ цѣломъ мірѣ.

— Oh, mon Dieu! вскрикнула она на порогъ своей гостиной: эта вонь задушитъ меня! Что произошло здѣсь во время моего отсутствія?

И тутъ только открылось ей, что Янъ Диркъ спалъ мертвымъ сномъ, какъ колода; но колода эта была жива, она храпѣла такъ, что въ третьей горницѣ было слышно. Наша нѣженка принялась-было растакивать своего соннаго дружка, — ни слуху, ни послушанія! Накурившись американскаго зелья и окативъ его нѣсколькими рюмками двойной схидамской эссенціи, онъ не двигался ни рукой ни ногой. Взбѣшенная Француженка схватила за ухо своего *благая ляненка* и до того дотрясла его, что онъ взревѣлъ и проснулся *львомъ*. Еще подъ влияніемъ вышитой имъ мозжевелевки, онъ вскочилъ съ просонья, какъ чистый Голландецъ, выведенный изъ терпѣнія, и въ первый разъ со дня свадьбы своей, показался ей въ своемъ видѣ: флегматическое упрямство заступило мѣсто покорности, онъ рѣшился доказать ей, какое дѣйствіе производитъ спиртъ на нидерландское тѣло и душу. Бойко схвативъ его за руку, бывшая танцовщица, пронзительнымъ голосомъ спросила его, гдѣ онъ былъ.

— А тебѣ что за нужда?

— Я тебя спрашиваю, Янъ Диркъ, гдѣ ты былъ?

Мейнгеаръ Пезребоомъ заикнулся вмѣсто отвѣта, и, съ разстановками продолжалъ: А я почему знаю.

Прекрасно, сударь! возразила нетерпѣливая Корали. А если я хочу знать, гдѣ вы были?»

— Много будешь знать, скоро состарѣешься, проворчалъ Голландецъ: хорошъ-бы былъ свѣтъ, еслибы ему пришлось плясать по бабей дудкѣ!

— Какъ! это что значить? вскрикнула мадамъ Корали удивленнымъ тономъ; развѣ ты женился на мнѣ не по любви?

— Разумѣется; а ты не вышла развѣ за мой деньги? такъ мы и квиты!

— Но на кого-жъ ты сердисься? спросила Корали нѣсколько помягче.

— На двухъ поповъ, отвѣчалъ ей грубо Янъ Диркъ.

— Но ради Бога, скажи мнѣ за что?

— За то, что они повѣнчали меня, сковали меня съ тобою въ двухъ церквахъ—католической и протестантской; вывели меня въ чистые дураки.

— Очень-рада, что вы въ этомъ сознались, съострила насмѣшливо Корали, и ушла съ досадою въ свою спальню; потомъ позвонила свою горничную и объявила ей торжественно, что такъ какъ баринъ воротился домой въ пьяномъ видѣ, то она не пускала-бы его къ ней и замкнула двери.

Предосторожность эта была, однакоже, вовсе не нужна; Янъ Диркъ, растянувшись на софѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ и храпѣлъ цуце прежняго.

Такимъ-то образомъ началась первая семейственная распри.

Корали едва вѣрила ушамъ своимъ; съ порядочнымъ запасомъ французской самонадѣянности, она полагала, что, никогда не любивъ своего мужа, она умѣла заставить его полюбить себя безусловно.

Упрямая натура Яна Дирка не допустила его сдѣлать ни малѣйшей уступки во все слѣдующее утро, какъ ни старалась привести его къ тому кокетливая Француженка. Свѣжая рана, нанесенная ихъ взаимному согласію, рана, которую бы слѣдовало перевязать биндажемъ здраваго смысла и добронравія, безпрестанно болѣе и болѣе воспалялась, отъ возраставшей строптивости жены и странной грубости мужа.

Въ такомъ-то бѣдственномъ положеніи прожили они еще восемь лѣтъ, слоняясь изъ города въ городъ, съ мѣста на мѣсто; только случайно пріѣзжали они въ Парижъ для разсѣянья своихъ мыслей. Мадамъ Пезеребоомъ расто-

чала повсюду деньги и кончила тѣмъ, что промотала все свое имущество, на которое, какъ вамъ извѣстно, по свадебному контракту—Янъ Диркъ не имѣлъ ни какого вліянія. Между — тѣмъ и Мейнгеэръ Пеэребоомъ поступалъ не умнѣе своей жены: при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ топилъ горе свое въ волнахъ схидамской водки и коньяку, и трубка съ табакомъ почти не выходила у него изъ зубовъ, разумѣется не дома.

Жалкая эта чета заѣхала однажды, впервые отъ роду, въ достопамятнѣйшій Ахенъ, куда призывали Яна Дирка Пеэребоомъ тамошнія минеральныя воды; онъ до того докурилъ, и въ настоящемъ, и въ переносномъ смыслѣ, что здоровье его начало видимо растроняться и тѣмъ опаснѣе, что онъ былъ пятнадцатью годами старше своей сунруги. Но, ни купанья его въ струяхъ Императорскаго источника, ни цѣлыя ведры вышитой имъ горячей сѣрной воды (во сто сорокъ три градуса теплоты по Фаренгейту) не могли возстановить расточенныхъ силъ бѣднаго Яна Дирка.

Однажды, катаясь съ мужемъ своимъ въ коляскѣ, Корали Пеэребоомъ проѣзжала черезъ сосѣдственный городокъ Бурдшейдъ, восточное предмѣстіе Ахена, и увидѣла, подъ окошкомъ, лицо ей довольно знакомое, съ которымъ она не видалась уже болѣе семи лѣтъ.

Знакомецъ этотъ стоялъ у дверей ничтожной лавочки, увѣшанной какими-то старинными орнаментами. Товары, разложенные у окошка лавочки плохо соотвѣтствовали вышнимъ украшеніямъ дома—превосходной отдѣлки. Мадамъ Корали узнала тотчасъ Схека Стальмана, но въ какомъ измѣненномъ видѣ! Въмѣсто плотнаго, молодцоватаго, щеголевататаго башмашника, въ долговыхъ книгахъ котораго красовались имена первѣйшихъ модницъ Амстердама, передъ ней стояло какое-то мертвенное привидѣніе, изнуренное страданіями и горемъ; казалось Схекъ Стальманъ глоталъ съ жадностію свѣжій воздухъ, съ которымъ, вѣроятно, раззнакомился онъ во время своего тюремнаго заключенія, гдѣ онъ — по приговору уголовного трибунала—осужденъ былъ *и не солоно псть и не солоно хлпбать*. Мадамъ Корали не могла не замѣтить до

какой степени это изнуреніе ея бывшаго башмашника усиливало извѣстное его сходство съ большимъ ея мужемъ; сходство это сдѣлалось гораздо поразительнѣе чѣмъ прежде, въ счастливѣйшія времена ихъ жизни, когда они оба пользовались вожделеннымъ здоровьемъ. Нѣсколько спустя, она нашла случай зайти одна въ его лавочку, и къ удивленію Стальмана, заказала ему новую обувь. Онъ не зналъ какъ благодарить ее за такой заказъ и милостивую память объ его прежнихъ услугахъ. Мадамъ Корали этимъ не ограничилась и сдѣлала ему много добра въ его стѣсненномъ положеніи, отрекомендовала его даже нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ.

Янъ Диркъ Пеэребоомъ примѣтно хирѣлъ, и какъ человекъ мнительный, усиливаль тѣлесную болѣзнь свою разными фантастическими бреднями. Такъ напримѣръ, подозревалъ къ постели жену свою, онъ увѣрялъ ее, что во всю прошлую ночь ему безпрестанно слышался погребальный звонъ. Энтомологическія понятія того времени были довольно ограничены, а ужасъ, наводимый разными грезами на ипохондрикковъ, нерѣдко приготавливалъ ихъ къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ они мечтали. Мадамъ Пеэребоомъ не могла безъ смѣха слушать завиральныя бредни своего достопочтеннаго супруга, который, лежа на одрѣ болѣзни, тревожно прислушивался къ біенію своего сердца.

Нѣсколько дней спустя, больной Янъ Диркъ началъ еще быстрѣе хирѣть. Между-тѣмъ, онъ проговорился женѣ своей, что еще не приступалъ къ составленію духовнаго завѣщанія.

Тогдашній модный докторъ на ахенскихъ водахъ былъ иностранецъ и, навѣщая посѣтителей водъ, менѣе думалъ объ излеченіи своихъ пациентовъ, чѣмъ о деньгахъ, слѣдовавшихъ ему за визиты.

Мадамъ Пеэребоомъ чрезвычайно перепугалась, когда узнала, что мужъ ее былъ безнадеженъ и съ часу на часъ могъ умереть—безъ завѣщанія; ей извѣстно было, что послѣ смерти его, ежегодная пенсія молочницы должна была перейти на имя ближайшаго его родственника мужескаго пола, и какъ она знала тоже, что умира-

ющій, по обычаю своему, уже нѣсколько лѣтъ ежегодно откладывалъ эту пенсію въ Амстердамскій банкъ, то судьба такихъ вкладовъ крайне ее озаботила. Ей не съ кѣмъ было посоветоваться, какъ-бы прибрать эти деньги къ рукамъ: друзья ея, плясуны, были отъ нея далеко, и она трепетала при мысли, что будетъ съ ней, когда ангель смерти наложитъ внезапное эмбарго на душу и тѣло ея супруга. Опасенія ея скоро оправдались. Янъ Диркъ Неаребоомъ умеръ — *безъ завѣщанія*... Можно вообразить себѣ, что случилось съ женою! Она сама — чуть не умерла отъ досады, — лишилась ума и памяти.

Послѣ перваго потрясенія, она, однакожь, опомнилась, собралась съ духомъ; всѣмъ надеждамъ и предположеніямъ ея нанесенъ былъ погибельный ударъ; Янъ Диркъ умеръ не оставивъ послѣдней письменной воли своей въ ея пользу. — Долго ломала она себѣ голову; истощала всѣ силы своего изворотливаго театральнаго ума, съ помощію котораго не разъ выручала изъ бѣды своего перваго мужа; перебирала всѣ хитрости женскихъ уловокъ и, наконецъ, придумала средство завладѣть казной своего втораго супруга. Впослѣдствіи оказалось, что выдумка ея была если не изъ самыхъ честныхъ, то довольно удачна.

Корали была женщина предприимчивая, и съ юныхъ лѣтъ своихъ привыкла бороться съ затрудненіями всякаго рода. Первымъ дѣломъ ея было не пускать въ огласку положенія своего въ томъ домѣ, гдѣ жила. Съ наступленіемъ вечера, замкнула она дверь комнаты, въ которой лежалъ покойникъ; потомъ, накинувъ на себя широкую шелковую мантилью, вышла она изъ половины своей прогуляться въ садъ; потомъ, черезъ садовую калитку, не примѣченная ни кѣмъ изъ служителей, пустилась безъ оглядки въ небольшой городокъ Бурдшейдъ и, прибѣжавъ къ дверямъ смиренной лавочки Схека Стальмана, позвонила. Можно вообразить себѣ изумленіе лавочника при видѣ мадамъ Корали, удостоившей его посѣщенія своего въ столь необыкновенную пору. «Неужели, подумалъ онъ, охорашиваясь, (гдѣ самолюбіе не гнѣздится!) неужели щеголева-тая эта модница могла придти ко мнѣ ночью, одна оди-нешенька за тѣмъ только, чтобъ освѣдомиться, готовы-ли

ея голубья шелковыя башмаки? гмъ! гмъ! тутъ что-нибудь да есть! и проч. и проч. и проч.» И кто знаетъ—чѣмъ-бы кончилисъ его предположенія, есшбы Корали не объяснила ему въ чемъ дѣло.

— Ты увѣрялъ меня въ готовности отслужить мнѣ за оказанное тебѣ добро?

— Не только не отрираюсь, отвѣчалъ башмачникъ, но признаю себя вашимъ неоплатнымъ должникомъ: готовъ на все, что прикажете.

— Если такъ,—приказываю тебѣ немедленно и безъ всякихъ распросовъ идти за мною въ Ахенъ.

— Готовъ, возразилъ онъ, не запинаясь. И оба они, въ темнотѣ ночи, оставивъ лавку, сѣвшили далѣе; дорогою, Корали рассказала Стальману, что случилось съ ея мужемъ, какъ онъ внезапно умеръ безъ завѣщанія; замѣтила ему необыкновенное сходство его съ покойникомъ, и съ свойственнымъ ей безстыдствомъ предложила Схеку Стальману—занявъ мѣсто покойника на его кровати, продиктовать отъ имени его духовную, въ ея пользу,—обѣщаясь за то наградить его съ такою щедростью, что ему станетъ этой награды на весь его вѣкъ.

Выдумка казалась тѣмъ удачнѣе, что заговорщики были чужестранцы, мало знакомые въ Ахенѣ.

Главное затрудненіе состояло въ томъ,—какъ ввести Стальмана невидимкой въ домъ? Бывшая балетная фея отперла тихонько калитку, и впустивъ сообщника своего въ садъ, спрятала его въ бесѣдку и запретила выходить оттуда, пока сама не придетъ за нимъ.

Потомъ, войдя въ дѣвичью, гдѣ оставила служанку свою за работой, она спросила ее съ притворнымъ безпокойствомъ, не кликалъ-ли ее баринъ и каковъ онъ?

— Совершенно покоенъ, отвѣчала равнодушно служанка, которой не разъ уже надоѣдали прежнія пьяныя выходки Яна Дирка.

— *Покой* этотъ мнѣ что-то не нравится, замѣтила Корали: сходи-ка ты, голубушка за докторомъ: ты знаешь гдѣ онъ живетъ; скажи ему—чтобы пришолъ сюда какъ можно скорѣе.»

Горничная повиновалась, оставался еще поваръ; но заботливая хозяйка нашла и ему работу: она послала его къ птичнику достать на жаркое самого мякотькаго цыпленка.

Разославъ такимъ образомъ слугъ, она выпустила гостя своего тайкомъ изъ бесѣдки и ввела его черезъ садовую дверь въ свою спальню, а когда одѣла его въ халатъ и колпакъ покойника, и уложила въ постель, то Схекъ Стальманъ, изнуренный долговременнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, превратился въ живаго мертвеца. Немало тому способствовали извѣстное его сходство съ Яномъ Диркомъ и множество банокъ съ лекарствами, наставленныхъ въ комнатѣ мнимаго больного.

Поваръ вернулся домой первый, и принялся стряпать для больного своего барина жаркое; просаливая его, хитрая хозяйка не преминула уронить нѣсколько слезинъ состраданія.... въ кастрюльку!

Когда, вслѣдъ за тѣмъ явились горничная и лекаръ, — наступила минута, въ которую г-жѣ Пееэрбеоомъ слѣдовало показаться настоящей актрисой!

Она рассказала доктору, что супругъ ея, которому слѣдалось лучше, только-что вставалъ съ постели, самъ перелегъ на свѣжую кровать и тихо заснулъ; что она не смѣетъ теперь будить его и т. п.. Послѣ этого, она выпроводила доктора, заплатила ему за визитъ и, выславъ, не безъ умысла, свою горничную, сказала медику: «Мужу моему хочется написать духовную, но мы съ нимъ здѣсь оба чужестранцы; не знаемъ никого въ городѣ; не можете-ли вы рекомендовать ему какого-нибудь нотаріуса и двухъ свидѣтелей для составленія завѣщанія?»

Докторъ не замедлилъ указать на одну почтенную особу, занимавшуюся этимъ дѣломъ. Особа эта была родной его братъ; тутъ-же кстати онъ рекомендовалъ ей и честнаго могильщика, своего двоюроднаго брата. Это было цѣлое племя честнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ людей, въ объемъ котораго, какъ въ водоворотѣ, крутились болѣзни, завѣщанія, медицина и гробъ. Докторъ спѣшилъ отправиться за порученнымъ ему дѣломъ, обѣщая тотчасъ же прислать своего роднаго брата, законника, все еще не

терлякрѣ авой надежды, что больному, передъ смертію понадобится его собственная помощь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его двоюродный братецъ, гробовщикъ не останется безъ поживы.

При всемъ успѣхѣ первой попытки своей, мадамъ Пеэребоомъ нетерпѣливо и безпокойно ждала прибытія законовѣда—нотаріуса; наконецъ явился и онъ съ двумя писарями—свидѣтелями; дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, ввела она всѣхъ этихъ господъ въ комнату, въ которой лежалъ подложный Янъ Диркъ; только попросила ихъ не шумѣть и не развлекать умирающаго, когда онъ будетъ выражать имъ свою послѣднюю волю. Законовѣдъ и два писаря, подошли на цыпочкахъ къ смертному одру мнимаго завѣщателя.

— Онъ проснулся, сказала мадамъ Пеэребоомъ и, съ видомъ живѣйшаго участія, что-то прошептала своему соумышленнику. Когда тотъ приподнялъ голову свою съ подушки, мутные глаза его такъ ужасно засверкали, что перепугали писарей; потомъ, какъ-бы съ величайшимъ усиліемъ, онъ спросилъ:

— Это что за люди?

Корали кротко замѣтила: «Не ты-ли самъ, милый другъ, приказалъ послать за ними? не самъ-ли желалъ передать имъ послѣднюю волю твою, распорядиться остающимся послѣ тебя имуществомъ?»

Завѣщатель вздохнулъ. «Кто знаетъ, когда настанетъ часъ смертный! Увы! онъ не далеко! Онъ скоро пробьетъ для меня!»

Тутъ замѣшался въ разговоръ и законовѣдецъ: «Возложите упованіе свое на Бога, прибавилъ онъ, не отчайвайтесь: мнѣ сдается еще что вы оправитесь. Это и по лицу у васъ видно». А лицомъ-то и былъ онъ похожъ на покойника!

Два писаря взаимно перемигнулись, а хозяинъ ихъ, нотаріусъ, не теряя золотого времени, тотчасъ-же принялся писать свой духовный актъ.

— И такъ мой безцѣнный страдалецъ, завела съ притворной горестью Корали: кому-же ты завѣщаешь свое имущество?

У нотариуса уже написанъ былъ обыкновенный приступъ къ такового рода домовому акту, и онъ ждалъ только приказа умирающаго, чтобы изложить всю сущность его воли. Тутъ подложный Янъ Диркъ, которому что-то подсказывала его мнимая супруга, устремивъ на законника одинъ изъ взглядовъ, которые обличаютъ въ чловѣкѣ близость его послѣдняго издыханія, явственно и торжественно произнесъ:

— Завѣщаю тебѣ, моя милая, безцѣнная, иѣжно любимая Корали *всю... половину* моей собственности; всю—половину моего имѣнія движимаго и недвижимаго....

— *Половину?* шепнула ему со вздохомъ наслѣдница.

— *Половину*, повторилъ мнимый завѣщатель, ударяя на это слово: другую половину, продолжалъ онъ, завѣщаю другу моему.... Схеку Стальману, башмашнику въ Бурдшейдѣ, твоему старому амстердамскому знакомцу.

Какъ громомъ пораженная, ни жива, ни мертва, стояла вдова настоящаго Яна Дирка Пеэребоома; слова мужа *на прокатѣ*, разбили въ прахъ всѣ ея надежды; половина добычи такъ оскорбительно ускользнула изъ ея рукъ, что она сама задушила-бы ими оберъ-плута, столь искусно ее перехитрившаго, но она была въ такихъ тискахъ, что не смѣла и пикнуть; одно необдуманное слово могло открыть всю ея продѣлку: она боялась разсердить завѣщателя, чтобы онъ не превратился при дѣлежѣ наслѣдства въ настоящаго басеннаго льва. Въ довершеніе ея бѣшенства, она уловила улыбку на устахъ хитреца, поддѣвшаго у ней половину поживы, а ее по всѣмъ чловѣческимъ расчетамъ—такъ ловко обезначивала ея мастерская выдумка! Одно обстоятельство утѣшило ее въ этомъ горѣ: на долю ей оставалась безраздѣльная «пенсія молочницы», въ которую, при всемъ корыстолюбіи своемъ, басенному льву нельзя было запустить своихъ лапъ: по волѣ учредителей пенсіи, она могла только быть упрочена лицу, облеченному фамильнымъ именемъ Пеэребоома. Къ сожалѣнію наслѣдницы, пенсія эта была назначена со всею голландскою бережливостью, или, какъ говорится, *не пястью, а кулакомъ*.

Дѣлать было нечего. Съ кислой миной обманутыхъ

надеждѣ, довольно-похожей на выраженіе супружеской грусти, должна была неутѣшная вдова сносить молча всю ѣдкость этой мистификаціи и, что всего обиднѣе—сама водить дрожавшую отъ внутренняго смѣха руку мошенника, скрѣпявшую подписью мужа жесточайшій пасквиль на жену! Подъ именемъ Яна Дирка Пеэребоома подписались нотаріусъ и два клерка, свидѣтельствуя, *на законномъ основаніи*, что завѣщатель, во время подписанія духовной, былъ такъ отчаянно плохъ, что съ трудомъ можно было разобрать его почеркъ, и вотъ почему онъ оказался такъ мало похожимъ на прежніе, когда сличили его съ конторской фирмой Яна Дирка Пеэребоома и Компаніи.

Едва успѣлъ выйти изъ покоя нотаріусъ и два подставные свидѣтеля, мадамъ Пеэребоомъ, какъ разъяренная тигрица, у которой похитили ея дѣтище, напала на Схека Стальмана. Не въ силахъ скрывать дольше досады своей и осылая его ругательствами, принялась она высчитывать ему всю низость его поступка, всю неблагодарность его—за полученныя отъ нея благодѣнія. Но всѣ ея выходы были *къ стѣнъ горохъ*: съ хладнокровіемъ и кротостію опытнаго мошенника, Схекъ Стальманъ посовѣтывалъ ей прикусить свой язычокъ и не кричать такъ громко, чтобы слуги и сосѣди не подслушали: иначе, могла она лишиться и послѣдняго стивера своей половины. Совѣтъ былъ впору и кстати; башмачникъ, ни кѣмъ не замѣченный, по добру убрался изъ дому, какъ пришелъ, по старой дорогѣ, и прислалъ рекомендованнаго докторомъ гробовщика. А этотъ честнѣйшій и безкорыстный человѣкъ, руководимый приличіями свѣта, вогналъ похороны Яна Дирка Пеэребоома въ такую значительную сумму, что чувствительное сердце вдовы его облилось кровію при расплатѣ.

Послѣ нѣсколькихъ официальныхъ обмороковъ, Корали Пеэребоомъ принуждена была сознаться въ истинѣ одной простой англійской поговорки:

«Лучше укройка, чѣмъ ни крохи!»

(Пер. съ англ. изъ «Fraser's Magazine».)

ВТОРОЙ МУЖЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Какъ много молодыхъ людей, счастливыхъ своею свободою, кричатъ: «Не говорите намъ о женитьбѣ: мы не хотимъ думать о ней прежде сорока лѣтъ; мы желаемъ насладиться вдоволь, покутимъ въ нашу молодость, а какъ постарѣемъ, тогда успѣемъ жениться».—Къ счастью общества, эти прекрасныя предположенія остаются предположеніями и рѣдко приводятся въ исполненіе.—Надо замѣтить еще и то, что тѣ, которые такъ сильно проповѣдаютъ противъ супружества, первые попадають въ западню и не знаютъ сами, какимъ чуднымъ образомъ становятся семьянинами.

Молодой, богатый, ловкій, хорошо принятый въ свѣтъ, Юлій Мерсень, хотѣлъ до сѣдыхъ волосъ остаться холостякомъ и потому храбро отдѣлывался отъ всѣхъ нападеній женскаго притворства и хитрости.—Напрасно матушки, обремененныя любезными дебѣлыми дочерьми, осьпали его ласками: Юлій принималъ ихъ весьма холодно; напрасно дѣвицы истощали передъ нимъ свое невинное кокетство: юный левъ смѣялся надъ этимъ; но вдругъ встрѣчаетъ онъ одну вдовушку, и дѣло принимаетъ другой оборотъ. — Вдовушку можно сравнить съ обоюдо-острымъ оружіемъ, съ которымъ нужно обращаться осторожно, не то какъ разъ себя ранишь.—Юлій хо-

тѣлъ пошутить, поиграть этимъ оружіемъ, но дѣло приняли не въ-шутку.—Когда онъ попалъ въ западню такъ нечаянно и безъ намѣренія, г-жа Долиньи подала ему руку, въ знакъ согласія.—«Ваши чувства, ваша привязанность меня трогаютъ,» сказала она ему: «для васъ рѣшаюсь я отказаться отъ вдовства и сдѣлаться вашею женою.»—Побѣдитель такъ далеко завелъ дѣло, что отступить, то-есть, отказаться было не возможно.—Къ тому-же онъ подумалъ; «За чѣмъ отказываться, почему и не жениться? г-жа Долиньи хороша собой, молода, богата, вездѣ отзываются о ней съ прекрасной стороны: это очень выгодная партія....»

Рѣшительность остаться холостякомъ уступила прежнимъ отвращеніямъ къ женитьбѣ.

Черезъ нѣсколько времени не было уже въ свѣтѣ вдовы г-жи Долиньи: вмѣсто ея явилась г-жа Мерсенъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ сватъбы, къ Юлію приходитъ лучший другъ его Фредерикъ Дервиль, только-что пріѣхавшій съ водъ изъ Бадена.

—Чтожь ты меня не поздравляешь? сказалъ новобрачный.

— Съ чѣмъ, отвѣчалъ Фредерикъ, съ женитьбой?—Никогда!—Ты знаешь мою откровенность, я не буду теперь дѣлать тебѣ бесполезныхъ упрековъ, а скажу только, что ты сдѣлалъ величайшую глупость!

— Какъ! вскричалъ встревоженный Юлій: развѣ тебѣ наговорили что-нибудь про мою жену?

— Нѣтъ, возразилъ Дервиль: твоя жена, будучи за мужемъ за г. Долиньи, жила почти все въ деревнѣ; ея не было видно въ Парижѣ; потерявъ мужа, она всѣ три года своего вдовства провела въ большомъ свѣтѣ, но никому не подала малѣйшаго повода къ злословію; въ этомъ всѣ согласны. Я знаю въ ней одинъ только недостатокъ—она уже была за мужемъ. Ты сдѣлалъ глупость не потому, что сталъ мужемъ, а потому, что женился на вдовѣ.

— Э, другъ мой, сказалъ улыбаясь Юлій: я думалъ, что ты разсудительнѣе, я почиталъ тебя философомъ.... И

ты вѣришь предрассудкамъ? И ты занимаешься такими бездѣлицами?»

— Какъ, бездѣлицами?—нѣтъ, братъ, ты, видно, не понимаешь въ чемъ дѣло.—Ты зналъ покойнаго г. Долинскаго?

— Нѣтъ!

— Стало быть ты не понимаешь своей жены, ты не знаешь, на комъ ты женился?

— На комъ! На двадцатишести-лѣтней премоилой женщицѣ, которая понравится тебѣ, я въ этомъ увѣренъ, несмотря на твой образъ мыслей и на четырехлѣтнее ея вдовство.

— Удивляюсь твоему легкомысленному отвѣту и скажу тебѣ прямо, что тотъ сумашедшій, кто женится на вдовѣ, не зная совершенно воспитанія, которое далъ ей первый мужъ, не заботясь или, лучше сказать, не тревожась горестями, ожидающими его, и которыя суть слѣдствіе перваго брака.

— Э, другъ мой, я не боюсь прошедшаго.

— Ну да ты, по-крайней-мѣрѣ, слышалъ хоть что-нибудь о твоёмъ предшественникѣ? Тебѣ извѣстны характеръ, привычки, умъ г. Долинскаго?

— Нѣтъ! Я не знаю никого изъ короткихъ его знакомыхъ.... но вотъ у окна, въ этой прекрасной рамѣ виситъ его портретъ, посмотри на него.

— Я согласенъ, что покойный не былъ красавецъ, и въ этомъ отношеніи преимущество на твоей сторонѣ; впрочемъ этого еще мало: есть люди, которымъ все прощается, все служить въ пользу, даже самое безобразіе.... Это лицо налагаетъ на тебя, можетъ-быть, такія обязанности, которыя заставятъ тебя трепетать: отъ тебя требуютъ продолженія того-же вниманія, тѣхъ-же заботъ, жертвованій, къ которымъ приучилъ покойникъ свою супругу.

— Я буду хорошимъ мужемъ, стану стараться угождать своей женѣ, — чегожъ болѣе?

— Какъ знать!... Но къ чему этотъ портретъ оставленъ здѣсь? Знаешь-ли, что ты поступаешь очень не осторожно, позволяя женѣ своей имѣть всегда передъ глазами

портретъ челоѣка, умѣвшаго заслужить ея первую любовь?

— Э, мой милый! этотъ портретъ написанъ Дювалемъ; мы хранимъ его какъ образецъ искусства, какъ рѣдкость въ живописи, а не по сходству съ оригиналомъ, который совершенно умеръ въ нашей памяти....

— Отъ души желалъ-бы этого!

— А ты вѣришь появленію мертвецовъ?

— Да, я вѣрю тѣнямъ: онѣ являютя, когда ихъ вызываютъ; я вѣрю призраку перваго мужа, который прилетаетъ прямо къ брачному ложу, и за ноги стаскиваетъ съ него своего безразсуднаго наслѣдника.

На другой день два друга отправились верхомъ гулять.—Выѣхавъ изъ Булонскаго лѣса, Фредерикъ пригласилъ Юлія заѣхать на Монмартрское кладбище.

— Умершіе, сказалъ онъ, должны поучать живыхъ!

Проѣхавъ нѣсколько аллей, украшенныхъ мраморомъ и кипарисами, они остановились у одной могилы.

— Знаешь-ли, кто тутъ покойся? спросилъ Фредерикъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Юлій.

— Смотри и читай.

Юлій прочиталъ слѣдующія слова, золотыми буквами начертанныя на мраморѣ.

«Здѣсь погребенъ Андрей Аристидъ Долины.»

«Онъ былъ рѣдкій супругъ. Неутѣшная вдова его воздвигла ему сей памятникъ.»

— *Неутѣшная*.... Это похвала тебѣ, продолжалъ Фредерикъ: ты побѣдилъ печаль, которая должна была быть вѣчною. Но мой урокъ тебѣ заключается въ слѣдующей строчкѣ: «Онъ былъ рѣдкій супругъ.» Вспомни все то, что я тебѣ говорилъ недавно. — Ты встрѣтишь эту эпитафію въ своемъ домашнемъ быту; эта погребальная похвала наложитъ на тебя священную обязанность, которую ты долженъ исполнять, если не захочешь слышать оскорбительнаго ропота и видѣть жену неутѣшно-оплакивающую счастливое вдовство.

Юлій пожалъ плечами, и ничего не отвѣчалъ на слова своего друга.

— Ты не вѣришь мнѣ? спросилъ Фредерикъ.

— Могу-ли я тебѣ повѣрить? Я самый счастливый мужъ!

— Да, твой свадебный контрактъ выгоденъ; ты наслаждаешься теперь медовымъ мѣсяцемъ.

— Безъ-сомнѣнія.

— Только, братецъ, этотъ мѣсяцъ укорачивается, когда женятся на вдовушкѣ: иногда онъ бываетъ всего недѣльки съ двѣ.

— Если-бы я не любилъ тебя, Фредерикъ, то не вѣшутку поссорился-бы съ тобою за это.

— Въ-самомъ-дѣль?

Въ этотъ день Юлій обѣдалъ вдвоемъ съ своею молодою супругою; постороннихъ никого не было. Любуясь ею, слушая ее, онъ смѣялся надъ странными опасеніями своего друга. Бѣдный Фредерикъ, подумалъ онъ: конечно онъ любитъ меня и желаетъ мнѣ добра, но очень ошибается.

— Юлій, ты ѣздилъ сегодня гулять верхомъ?

— Да, мой другъ, покуда ты была у своей маменьки.

— Съ тобою былъ одинъ изъ твоихъ друзей?

— Со мной вмѣстѣ ѣздилъ Фредерикъ, пречудесный малый.

— Чудесный, я не спору, но, между нами сказать, я слышала о немъ съ невыгодной стороны, послѣ чего теперь тебѣ неприлично продолжать съ нимъ знакомство.

— Отчего такъ?

— Развѣ ты не знаешь, что холостые друзья не всегда подѣ-стать женатому?

— Но Фредерикъ....

— Необыкновенный человѣкъ, чудо.... къ тому-же онъ искатель приключеній: онъ скомпроментировалъ не одну женщину.

— То-есть многія женщины, которымъ нечего было терять, сами хотѣли этого, сами хотѣли огласить себя.— Фредерикъ человѣкъ отмѣнно честный, благородный и вполне мнѣ преданный.

— Свѣтъ не цѣнитъ внутреннихъ качествъ: наружные пороки бросаются въ глаза, — на нихъ онъ основываетъ свой приговоръ. Г. Фредерикъ Дервильи не будетъ нашимъ другомъ, я это объявляю вамъ, я хочу, я требую этого, и надѣюсь, что вы не будете продолжать знакомства съ тѣмъ, кого я не хочу видѣть у себя въ домѣ.

— Но ты увидишь Фредерика и, узнавъ его короче, оставишь свое жестокое предубѣжденіе.

— Я его не увижу, не увижу, говорю вамъ.

— Но твоя Амалія, другъ дѣтства?...

— Называйте его этимъ именемъ, продолжайте съ нимъ дружбу, я не могу этому противиться; по-крайней-мѣрѣ не представляйте его мнѣ, я не хочу видѣть чловѣка, о которомъ говорятъ дурно.

— Какъ! Мы ссоримся?...

— Кто виноватъ? Откровенно скажу вамъ—я не ожидала такого упорства. Я отъ васъ требовала не Богъ знаетъ чего, вещи очень обыкновенной.... прошедшее меня обмануло.

— Чтѣ это значить?

— То, что женясь на мнѣ, г-нъ Долинъи, при первомъ моемъ замѣчаніи, соглашался на все безпрекословно, отказывался отъ своихъ прежнихъ товарищей, удовольствій, разставался съ тѣми, кто мнѣ не нравился, кого я не хотѣла принять въ число друзей.

Юліи не имѣлъ духа сдѣлать возраженіе. Имя Долинъи придаю вѣсь словамъ Фредерика, а медовой мѣсяцъ былъ еще въ половинѣ. Правда, это облако скоро разсѣялось отъ вліянія благотворнаго свѣтила. Не много погода, все было забыто и супругъ былъ въ восхищеніи отъ пріятныхъ мечтаній, какъ вдругъ жена говоритъ ему.

— Вотъ ужъ и зима приходитъ: подумалъ-ли ты о ложѣ въ Италіанской Оперѣ?

— Какой ложѣ, милый другъ?

— Ты знаешь, что я люблю музыку.

— Ты поешь какъ ангелъ.

— Такъ ангелъ будетъ-ли имѣть ложу два раза въ недѣлю въ Италіанской Оперѣ?

— Но... я не знаю, наше состояніе позволить ли намъ такой расходъ?

— Г-нъ Долинья имѣлъ почти такое-же состояніе, какъ и вы, а онъ каждый понедѣльникъ и субботу возилъ меня въ театръ.

Вотъ какимъ образомъ тѣнь перваго мужа вторично поссерила молодыхъ супруговъ и поселилась между ними.

Юлій не хотѣлъ уступить своему предмѣстнику; онъ абонировалъ ложу въ Итальянскомъ Театрѣ. Съ Фредерикомъ онъ видался рѣдко и то тихонько отъ жены, а все по примѣру Долинья.

— Я не приглашаю тебя къ намъ, говорилъ онъ другу: у насъ мало удовольствія, знакомыхъ мы принимаемъ рѣдко, живемъ такъ скромно. Ты у насъ соскучишься.

Г-жа Мерсенъ была одна изъ первыхъ модницъ Парижа; она дѣлала ужасныя издержки для своего туалета.

— Вѣчно новые наряды, сказалъ ей однажды мужъ, полудовольнымъ видомъ.

— Привѣтствіе это или урокъ? спросила г-жа Мерсенъ.

Мужъ ничего не отвѣчалъ, а жена сказала:

Мой покойникъ всегда восхищался, когда я своимъ нарядомъ затмѣвала нашихъ красавицъ. Ему все казалось, что его божество не довольно пышно одѣвается.

Въ скоромъ времени появились счеты, по которымъ надо было уплачивать.

Счеты огромные, — модистка вывела страшный итогъ. Юлій былъ удивленъ.

— Какъ, сказалъ онъ, столько денегъ за цвѣты, перья и ленты?

— Вы находите, что это дорого? отвѣчала она ему.

— Конечно, посуди сама.

— Я не знаю: мой покойникъ никогда не входилъ въ такія мелочи: онъ только и зналъ, что платить, вотъ и все!

«Ея покойникъ»: это привидѣніе тотчасъ являлось при непріятностяхъ; послѣ оно чаще и чаще стало дѣлать свои посѣщенія и наконецъ совершенно поселилось въ

ихъ домѣ безвыходно. Его заставляли мѣшаться во все, оно рѣшало всѣ затрудненія, было посредникомъ во всѣхъ спорахъ, дѣлало изъ своего преемника раба, заставляло его быть послушнымъ и услужливымъ, разоряло его, и, сверхъ-того, ввело въ дружбу обоихъ супруговъ еще особу, четвертую—гусарскаго капитана, двоюроднаго брата г-жи Мерсенъ.

— Я надѣюсь, говорила она мужу, что вы сдѣлаете брату моему Эдуарду такой-же пріемъ, къ какому покойникъ мой пріучилъ его: Эдуардъ все время своихъ отпусковъ жилъ у насъ.

Тиранство покойника дѣлалось нестерпимымъ. Одно утѣшеніе оставалось Юлію—изрѣдка и то тайкомъ видаться съ другомъ своимъ Фредерикомъ.

— Да, говорилъ ему Юлій: ты былъ правъ, — ея покойникъ преслѣдуетъ меня непонятнымъ образомъ; надгробная надпись надъ его могилою есть вѣрная программа моей жизни; нѣтъ, я, можетъ-быть, не вынесу болѣе этихъ мученій.

— Ты, братецъ, не будешь первый. Я зналъ многихъ бѣдняковъ, которые, какъ ты, безразсудно женились на вдовахъ, не подумавъ о прежней жизни своихъ женъ; нѣкоторые изъ нихъ покоятся вѣчнымъ сномъ: они всѣ почти проклинали судьбу свою.

Когда Юлій пробовалъ иногда поставить на своемъ, то жена его обращала взоры свои на портретъ своего покойника и говорила:

— О мой милый другъ, ты никогда не огорчалъ такъ жены своей. Ты былъ добръ, ты любилъ меня и заботился о моемъ счастьи.

Что было дѣлать Юлію при подобныхъ воззваніяхъ къ покойнику?

Однажды Юлій, на какомъ-то балѣ, сошелся съ почтеннымъ старичкомъ, который хорошо зналъ семейную жизнь г-жи Мерсенъ, во-время перваго ея замужства. Новый знакомецъ сказалъ Юлію: Судьба справедлива къ вашей супругѣ: ей должно было найти во второмъ мужѣ такого человѣка, какъ вы, въ награду за всѣ горести, ея перетерпѣнныя.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Юлій: покойный Долиный былъ примѣрнымъ мужемъ: прочтите-ка надгробную надпись на его памятникѣ; я стараюсь замѣнить его; но, признаюсь, это очень-трудно. Онъ черезъ чуръ много баловалъ свою супругу, и тѣмъ испортилъ все дѣло.

— Повторяю вамъ, продолжалъ старикъ: я нѣсколько разъ бывалъ у г-на и г-жи Долины въ ихъ помѣстьѣ.

— Прекрасное имѣніе, чудесный домъ.

— Вы тамъ были когда-нибудь?

— Нѣтъ, никогда.

— Я сей-часъ догадался.

Завѣса распалась. Новый міръ открылся передъ глазами втораго мужа; чѣмъ-далѣе, тѣмъ становилось яснѣе. Черезъ нѣсколько времени Юлій вздумалъ сдѣлать поездку въ провинцію, по одному важному дѣлу.

— У васъ есть дѣло, и оно мнѣ не извѣстно, сказала г-жа Мерсенъ: это не мой покойникъ—у того никогда не было отъ жены секретовъ.

По возвращеніи своемъ Юлій нашелъ свою жену въ дурномъ расположеніи духа.

— Хотите помириться, сказала она ему.

— На какомъ условіи.

— Повезите меня на баденскія воды; мой покойникъ нѣсколько разъ возилъ меня туда.

— Это, вѣрно, было тогда, когда вы жили въ вашемъ очаровательномъ помѣстьѣ.

— О, я также очень люблю деревню.

— И такъ я повезу тебя туда. Я хотѣлъ тебѣ сдѣлать сюрпризъ. Сядемъ въ карету и поѣдемъ.

— Чтѣжь, мы поѣдемъ далеко?

— Ты увидишь.

Какъ удивилась г-жа Мерсенъ, когда пріѣхала въ свое помѣстье и вошла въ развалившійся старый домъ!

— Я купилъ это помѣстье, сказалъ ей Юлій, и съ удовольствіемъ хочу поселиться здѣсь съ тобою; ты знаешь, какъ я забочусь о твоёмъ счастіи: я постараюсь, чтобы твоя жизнь была продолженіемъ той веселой жизни,

которую ты вела здѣсь съ твоимъ покойникомъ; ты сама указала мнѣ мои обязанности въ этой бумагѣ.

— Въ бумагѣ, какой?

— Въ этой. Она вся написана твоею рукою. Посмотри, вотъ просьба о разводѣ; причины къ нему ты приводишь: дурное обхожденіе съ тобою, несправедливость и грубости твоего добраго покойника, почтеннаго твоего супруга. Его смерть прекратила процессъ, въ то самое время, какъ въ судѣ стали его разсматривать. Я вчера видѣлся съ вашимъ адвокатомъ; отъ него-то я и получилъ эту бумагу.

Г-жа Мерсенъ опустила голову, и тѣнь покойника исчезла навсегда.

Возвратившись въ Парижъ, Юлій сталъ принимать Фредерика, который однажды сказалъ ему:

«Любезный другъ, когда женятся на вдовѣ, то надо знать, каковъ былъ первый мужъ, обязанности котораго на себя принимаютъ».

Мученья снося неземныя,
Миръ горя на сердцѣ онъ несъ;
Но горе на очи сухія
Не выжало атома слезъ.

Онъ вѣчно былъ тотъ-же; угрюмый,
Онъ бѣгалъ всегда отъ людей,
И вѣчно какія-то думы
Сдвигали изгибы бровей.

Онъ могъ-бы прославить державу,
Гдѣ рокъ ему жизнь подарилъ,
Онъ вѣрно-бъ безсмертную славу,
Какъ геній, въ вѣкахъ получилъ.

Но скрылъ онъ далеко, глубоко
Идеи, познанья, мечты;
И мертвый къ соблазнамъ порока,
Онъ мертвъ былъ на зовъ красоты.

И умеръ онъ въ пыткѣ у муки,
Съ завѣтною думой своей,
Безъ пользы для міра, науки,
Не живши, не зная людей.

Въ минуту кончины страдальца,
Онъ сердце руками славилъ,
И стиснувъ костлявые пальцы,
Вопль сердца въ груди задушилъ.

Въ то время она танцевала
Съ весельемъ въ очахъ и въ крови....
О смерти его не узнала,
Не зная о тайной любви.

В. ЗОТОВЪ.

«Какъ твоя завидна доля!
 Ты, высокая сосна,
 Цѣлый вѣкъ растешь на волѣ,
 Также въ рошѣ, также въ полѣ—
 Молода и зелена.

Ты мятелей, вьюгъ не знаешь,
 И безъ горя, безъ заботъ,
 Не старѣя, жизнь кончаешь,
 Безмятежно расцвѣтаешь,
 Зеленѣешь круглый годъ.

Вкругъ тебя березъ скелеты
 Все тоскуютъ по веснѣ;
 Въ сѣтку листьевъ не одѣты,
 Зимнимъ солнцемъ не согрѣты....
 Нѣтъ зимы — одной соснѣ!

Не страшатъ тебя морозы;
 Вьюги, бури — по-нутри!
 И не такъ какъ у березы—
 Пробиваютъ рѣдко слезы
 Затвердѣлую кору.»

— «Путникъ! радости не много
 Въ грустной участи моей!
 Я въ немилости у Бога,
 Наказалъ меня онъ строго
 Вѣчной зеленою вѣтвей.

Посмотри, настанетъ лѣто
 Всѣ деревья оживутъ,
 Теплымъ солнышкомъ пригрѣты,
 Яркой зеленою одѣты,
 Заблестятъ и расцвѣтутъ.

А сосна не знаетъ счастья—
Ждать прихода лучшихъ дней!
Ей въ удѣлъ дано безстрастье....
Что день ясный, что ненастье—
Все равно на свѣтъ ей.

Въ жесткихъ иглахъ не свивала
Птицъ семья весной гнѣзда;
Иглъ моихъ страшася жала,
Тѣни путникъ запоздалый
Въ нихъ не ищетъ никогда.

Хоть колюча, но скучаетъ
Вѣкъ угрюмая сосна!
Вѣкъ *цѣтитъ*, не *расцвѣтаетъ*,
Вѣкъ зимы она не знаетъ....
Безъ зимы, что за весна!...»

В. ЗОТОВЪ.

МОЕМУ КРИТИКУ.

Браниться вамъ вошло въ забаву,—
Смѣлѣй, мой критикъ удалой!
Браните вы меня на—славу,
Но — не безславьте похвалою!

ЗАКУЛИСНЫЕ ПРАВЫ.

ОПЕРНАЯ КРЫСА.

(СТАТЬЯ ТЕОФИЛА ГОТЪЕ.)

— Это что?—спроситъ читатель, непривыкшій къ парижскимъ терминамъ. — Вотъ вопросъ! какъ говорить Гамлетъ, Принцъ Датскій.—Ужь не хотите-ли вы намъ рассказывать о крысахъ натуральной исторіи, такъ превосходно описанныхъ Бюффономъ? Не хотите-ли намъ рассказывать о крысахъ подвальныхъ, крысахъ сточныхъ канавъ, крысахъ провіантскихъ магазиновъ, и проч. и проч.? — Нисколько. Моя крыса также женскаго рода, хотя вы и не сыщете ее ни въ подвалахъ, ни въ житницахъ, ни въ сточныхъ канавахъ. Мою крысу вы можете найти около улицы Лепельтье (Lepelletier) въ Королевской Музыкальной Академіи, въ улицѣ Рише (Richer), или въ танцъ-классѣ;—въ другомъ мѣстѣ вы ее нигдѣ не найдете, хоть-бы вы рѣшились отыскивать ее по всему свѣту. Въ Парижѣ есть три вещи, которымъ завидуютъ всѣ другія столицы: гамин, гризетка и крыса.—Крыса — это ничто иное какъ гамин театральнй, который хоть и не имѣетъ всѣхъ добрыхъ качествъ личнаго гамин, за то ужъ, навѣрное, превзойдетъ его въ дурныхъ. И тотъ и другая—порожденіе іюльской революціи. Крысами называютъ молодыхъ дѣвочекъ Парижской Большой Оперы, которыя готовятся быть танцовщицами, а покуда участвуютъ въ коръ-де-балетѣ, на заднемъ

фонъ картины, въ туманной дали,—въ апоэозахъ и другихъ живописныхъ положеніяхъ, которыхъ вся прелесть заключена въ отдаленности. Возрастъ крысы измѣняется отъ восьми и до тринадцати или четырнадцати лѣтъ; крыса шестнадцати лѣтъ есть уже крыса старая,—бѣлая крыса; это уже послѣдній предѣлъ, до котораго можетъ дойти ея старость. Въ этомъ возрастѣ она уже почти оканчиваетъ свое ученье; она уже дебютируетъ и танцуетъ solo; изъ крысы она преобразуется въ *тигра* и становится первымъ, вторымъ или третьимъ сюжетомъ, даже корифеемъ, смотря по ея заслугамъ или протекціи.

Крыса?... Откуда могло взятъ такое странное, нелѣпое, даже обидное названіе,—названіе, которое, по видимому, не имѣетъ никакого отношенія къ обозначаемому имъ предмету?—Этимологи затрудняются объяснить его происхожденіе: одни производятъ его отъ санскритскаго, другіе отъ коптскаго, третьи отъ сирійскаго, а нѣкоторые отъ манчжурскаго и даже древне-германскаго нарѣчія — каждый отъ того языка, на которомъ онъ не смыслить ни бельмеса.

По нашему разумѣнію, названіе крысы дано «вышеизъясненнымъ» нами «индивидуумамъ», по поводу ихъ малорослости и разрушительныхъ, всенстребляющихъ наклонностей. Подойдите къ крысѣ и вы увидите, что она непремѣнно что-нибудь жуетъ. Маленькія ея челюсти точно въ такомъ-же движеніи, какъ у бѣлки, когда она грызетъ миндаль или орѣхъ; вы не пройдете мимо крысы, не услышавши неизбежнаго хрустѣнья обсахареннаго миндаля, сухаго пряника, даже хлѣбной корки, которую она грызетъ своими бѣленькими зубками, какъ настоящая крыса. Подобно своей соменницѣ, она любитъ продыривать занавѣсъ или обдирать декорации, подъ предлогомъ заглянуть на сцену, или въ залу, но въ-самомъ-дѣлѣ изъ страсти все портить и приводить въ разрушеніе. Она вѣчно въ движеніи—приходить, уходитъ, снова приходитъ, бѣгаетъ по лѣстницамъ, взлѣзаетъ на все проходимое и даже непроходимое; весь театральнѣй лабиринтъ корридоровъ, всѣ театральныя подземелья и поднебесья знакомы ей, какъ свои пять пальцевъ; изъ цар-

ства тѣней, она взлетаетъ до самыхъ *фризовъ*, которые зовутся *райкомъ* или *славою* (*paradis et gloire*);—она, какъ Ариадна, не заблудится въ мрачныхъ и подземныхъ ущельяхъ и переходахъ огромнаго театральнаго улья, въ которомъ каждая ячейка составляетъ ложу, и которыхъ механизмъ и сложность недостижима для публики.

Только въ Королевской Музыкальной Академіи крыса считаетъ себя совершенно въ своей тарелкѣ: тутъ ея настоящая жизнь, тутъ она движется съ легкостію китайской золотой рыбки въ хрустальной вазѣ; тутъ она развертываетъ свои крылушки, свои плавательныя перья и снуетъ, расцѣвая, между тѣсно-сдвинутыми толпами, какъ настоящая рыбка; тутъ ея ничто не тревожитъ. Опускается-ли половица, встаетъ-ли темный лѣсъ декораций, спускается-ли съ фризовъ потолка великолѣпный дворецъ, проходитъ-ли ламповицкъ съ кенкетами, машиниствъ съ готическимъ порталемъ и стрѣльчатыми окошками—крыса не беспокоится, не сворачиваетъ съ дороги: она презираетъ такими препятствіями. Не опасайтесь за нее; ей ничего не сбѣзается. Оперный театръ для нее безопасенъ, какъ собственный домъ; кажется, что тѣлосложение ея чудесно приаровлено къ исходящимъ и острымъ угламъ кулисъ;—театръ—это ея раковина, какъ у черепахи: она въ немъ живетъ (безобразіе въ сторону) какъ Казимодо на колокольнѣ Notre-Dame.

Мать крысы—или фигурантка въ отставкѣ, на пенсіи, или привратница. Последнее, впрочемъ, случается рѣже, потому что дочери привратницъ обыкновенно посвящаютъ себя трагедіи, пѣнію и другимъ героическимъ занятіямъ; они предпочитаютъ быть принцессами! Что касается до отца, то онъ отличается равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ правила изчисленія вѣроятностей. — Можетъ-быть, онъ маркизь; можетъ-быть, онъ служитель пожарной команды.

Какая странная судьба этихъ бѣдненькихъ дѣвочекъ, слабыхъ твореній, предаваемыхъ на жертву парижскому Минотаврѣ—чудовищу сто разъ страшнѣйшему Минотавра греческаго, который пожираетъ ежегодно невинныхъ дѣвушекъ цѣлыми сотнями и пожираетъ безнаказанно: на-

прасно ждали-бы онъ своего Тезея-избавителя — его нѣтъ и не будетъ!

Для нихъ свѣтъ не существуетъ. Говорите имъ о самыхъ простыхъ вещахъ—онѣ не поймутъ ихъ. Онѣ знаютъ только театръ и танцъ-классъ. Зрѣлище природы закрыто для нихъ: онѣ едва знаютъ о существованіи солнца, на которое имъ изрѣдка удается посмотретьъ. Онѣ проводятъ цѣлое утро на репетиціяхъ въ полусвѣтѣ, въ сумеркахъ, при красноватомъ мерцаніи нѣсколькихъ дымящихся кенкетъ; онѣ знаютъ о дневномъ свѣтѣ столько, сколько позволяютъ имъ скважины въ потолкѣ и въ дверяхъ ложъ. Когда онѣ возвращаются домой въ два или въ три часа пополудни, улицы представляются имъ утопающими въ этомъ голубомъ, утреннемъ свѣтѣ, въ этомъ лазоревомъ отблескѣ, котораго контрастъ такъ рѣзокъ послѣ почей баловъ и оргій. Онѣ не различатъ вамъ дуба отъ свеклы; бѣдненькія, онѣ знаютъ только одни памалеванныя деревья декораціи! Ихъ окружаетъ фальшивая природа: солнце изъ масляной бумаги, звѣзды изъ газа, небо изъ прусской лазури, лѣса изъ картона, дворцы изъ полотна. Онѣ знаютъ только тѣ каскады, которые ворочаютъ рукояткою; онѣ живутъ въ туманныхъ странахъ, въ свѣтѣ условій, куда не проникаетъ ничто существенное, гдѣ виденъ всегда одинъ человѣкъ и гдѣ не слышать о Богѣ!

Всѣ ихъ познанія, какъ-бы мало ихъ ни было, относятся-къ-операмъ и къ балетамъ репертуара.—Ахъ, да!... точь-въ-точь какъ въ «*Жидовкѣ*» или въ «*Возстаніи въ Серали*» — вотъ обыкновенный отвѣтъ ихъ. Отсюда только узнали онѣ, что на свѣтѣ есть Италіянки, Турки, Испанцы, и что Парижъ, Лондонъ и Вѣна не суть единственные города въ свѣтѣ. Эрудиція ихъ не велика; много-много если онѣ умѣютъ читать! что-же касается до ихъ іероглифическаго почерка, то его не разобралъ бы и самъ Шамполльонъ: онѣ гораздо лучше пишутъ ногами. Ихъ ноги болѣе образованны и болѣе умны, чѣмъ руки. Объ орфографіи ихъ и говорить нечего: ящичъ съ литерами Гаварни подастъ вамъ объ ней самое слабое понятіе. Но если онѣ пишутъ, то всегда на прелестной,

раздушенной бумажкѣ, на бумажкѣ съ золотыми оттисками и бордюрами, которой великолѣпіе замѣняетъ блѣдность слога; онѣ запечатываютъ ее превосходнымъ разноцвѣтнымъ сургучомъ и посылаютъ золоченымъ пекскомъ. Впрочемъ бываютъ и исключенія: нерѣдко бумажка запечатывается жеванымъ бѣлымъ хлѣбомъ или взятою въ долгъ у овощнаго продавца облаткою.

Актрисы или пѣвицы поступаютъ обыкновенно въ театрѣ шестнадцати или осмнадцати лѣтъ. До этой поры онѣ живутъ обыкновенною жизнію; онѣ бывали въ деревнѣ; онѣ выходили днемъ, видѣли мужчинъ, женщинъ, кунцовъ и мѣщанъ; имъ понятна идея общественной машины и отношенія различныхъ классовъ общества: съ крысами совѣтъ иначе. Театральная мышеловка захватила ихъ такъ рано, что имъ нѣкогда было и подозрѣвать о существованіи жизни общественной. Въ тѣхъ лѣтахъ, когда майскія розы, весьма натурально, увядаютъ на свѣженькихъ щечкахъ, бѣдная жертва уже блѣдна, даже подъ румянами; ея члены уже разбиты муками и пытками танцъ-класса; наивная грація юности замѣнена изученною граціею хореографіи. Въмѣсто Географіи и Грамматикки мать преподаетъ ей науку дѣлать глазки и соблазнительныя улыбки. На этомъ бѣдномъ, изчахшемъ созданіи, съ изхудальми руками, съ глазами, запечатлѣнными трудомъ,—покоятся надежды цѣлаго семейства и—Боже мой!—какія надежды!

По странному случаю, крыса соединяетъ въ себѣ контрастъ, по-видимому, неизяснимый. Она вмѣстѣ и хитра, какъ старій дипломатъ, и наивна, какъ дикая. Двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, она въ состояніи привести въ краску любого драгунскаго капитана, превзойти въ циннизмъ любую вакханку Палеройаля и въ тоже время ангелы возрадовались-бы на небѣ, еслибъ увидѣли ея орошенную слезами улыбку, еслибъ услышали дѣтскую наивность нѣкоторыхъ фразъ ея!

Добожъ и любовь, порокъ и жизнь въ глазахъ ея синонимы. Для назиданія публики, мы представимъ весь день крысы, передъ которымъ, въ отношеніи къ трудностямъ, ничтѣ день извоицъей лошади или сосланнаго

на галеры каторжника. Нельзя представить себѣ, какими ужасными трудами выкупается то наслажденіе, какое доставляетъ намъ балетъ на сценѣ.

Въ восемь часовъ и никакъ не позже, крыса вскакиваетъ съ постели, надѣваетъ утренній пеньюаръ, чешется, одѣвается, приготовляетъ обувь для танцевъ и кушаетъ свой скудный фриштикъ, состоящій изъ жиденькаго кофе съ сомнительнымъ молокомъ, горькой рѣдски и бретаньскаго масла. Надобно сказать, что кухня крысы отличается совершенною діетою, потому-что ея годовое жалованье не превышаетъ семи или восьми сотъ франковъ. Позавтракавши, крыса отправляется на репетицію или въ танцъ-классъ. Ее всегда сопровождаетъ ея маменька, настоящая или наемная, — отвратительная мегера, въ уродливой шляпкѣ, въ изорванномъ платьѣ, въ заштопанной косынкѣ и съ огромнымъ ридикюлемъ въ рукѣ, набитымъ всякою дрянью. Для выходовъ наша Терпсихора надѣваетъ или шелковое платье съ перьями и бриліанты, или простенькое платьице изъ индѣйской кисеи. Крыса не можетъ похвалиться многочисленностію своего гардероба, потому-что маменька не упуститъ случая пропихнуть немножко-изношенное платьице своей дочкѣ съ какимъ нибудь машинистомъ или солдатомъ муниципальной стражи. По приходѣ въ классъ, крыса раздѣвается съ головы до ногъ и надѣваетъ свой граціозный танцовальный костюмъ. Костюмъ этотъ составляютъ — коротенькая юбочка изъ бѣлаго муселина или чернаго атласа, корсетъ изъ тафты, бѣлые шелковые чулки и коротенькіе калесоны. Атласныя башмаки, бѣлые или тѣлеснаго цвѣта, которые на закулисномъ языкѣ называются *chausson*, оканчиваютъ туалетъ.

Мы вооружили крысу и привели ее на мѣсто сраженія. Опишемъ теперь это мѣсто. Огромная зала со сводами, выкрашенная шоколаднымъ цвѣтомъ, съ бѣлыми разводами, имѣетъ самую мрачную фізіономію. Покатый полъ, начинаясь отъ задней стѣны, постепенно спускается къ кресламъ балетмейстера, за которыми виднѣтся тусклое зеркало. Огромная фаянсовая печь, которую не заботятся много топить, потому-что Сильфиды и безъ

нея согрѣются, какъ нельзя лучше, занимаетъ одинъ изъ угловъ залы. По правую и по лѣвую стороны маленькія узенькія двери ведутъ въ уборныя. Вѣтхія ширмы заслоняютъ дверь въ сѣни и препятствуютъ измѣнчивому вѣтру врыватья въ залу и щекотать обнаженныя плеча труженицъ. Два окошка освѣщаютъ эту темную и печальную залу, которую скорѣе можно принять за залу Земскаго Суда, чѣмъ за школу *шрз* и *смыховъ*. Посторонній зритель никакъ-бы не отгадалъ настоящее ея назначеніе, и его обдало-бы холодомъ при видѣ желѣзныхъ и деревянныхъ станковъ и перекладинъ, устроенныхъ по длинѣ стѣны и похожихъ на орудія пытки среднихъ вѣковъ. Онъ-бы непременно и принялъ ее за залу тайнаго судилища, еслибъ не стояла передъ нимъ добрая и почтенная фигура танцмейстера съ его скрипкою.

Урокъ начинается. Каждая крыса обязана непременно полить полъ изъ маленькой лейки, окрашенной зеленымъ цвѣтомъ. Это дѣлается во избѣжаніе пыли. Заемныя или натуральныя матушки усаживаются на скамейкахъ по обѣимъ сторонамъ зеркала. Отсюда онѣ будутъ любоваться на своихъ дочекъ. По сигналу смычка, крыса скидываетъ косынку или платокъ, прикрывавшій ея плеча и бросаетъ его своей дуэниѣ.

Урокъ начинается съ *assemblés*, съ *jetés*, съ *ronds de jambes*, и постепенно переходитъ къ труднѣйшимъ *glissades*, *changemens de pieds*, *taquetés*, *pirouettes*, *ballons*, *pointes*, *petits battemens*, *développés*, *grandes fouettés*, *élévations* и другимъ премудростямъ хореографіи, смотря по силѣ танцовщицъ. Сначала онѣ танцуютъ вѣ въ вмѣстѣ, потомъ каждая повторяетъ передъ учителемъ тоже самое, по одиначкѣ. Профессоръ усаживается преважно между двумя креслами, изъ которыхъ, на одномъ помѣщаются его перчатки и платокъ, а на другомъ табакерка. Въ интервалахъ танцовщицы вѣшаются на подпорки и дѣлаютъ *plie*, или кладутъ ноги на деревянныя перекладины, о которыхъ мы говорили. Онѣ остаются въ такомъ положеніи съ ногами, поднятыми до высоты плечъ, состояніе, немножко похожее на колесованье или четвертованье. Въ старыя годы едва-ли не также пытали пре-

ступниковъ. Такія позы даютъ гибкость членамъ и вытягиваютъ мускулы. Танцы начинаются гимнастикой и будущая Сильфида заключаетъ свои ножки въ деревянные станки. Часть такой работы право стоилъ-бы шести-мильного пути по грязи и въ ботфортахъ.

И все это исполняется въ глубокомъ молчаніи, бодро и съ самымъ серьёзнымъ видомъ. Танцовщицы, которымъ необходимо удерживать дыханіе до самой крайней степени, не теряютъ его на пустые разговоры, и общее молчаніе прерывается только замѣчаніями учителя: «Al-lons donc, кричитъ онъ: согнуть колѣна, вытянуть носки-легче, тише, въ кадансъ, не укорочивать шагу!... Улыбку, улыбку, Аглая!—не стыдись показывать свои зубки: они бѣленькіе! А ты—тамъ!... не забудь немножко сгибать пальцы, когда вытягиваешь руку: это граціозно, классически!—Помните, сударыни, главное правило: вездѣ округлости,—нигдѣ угловъ! углы насъ погубятъ!—На что это похоже, Эмилія? Какъ мы съ тобой сегодня тяжелы, неловки! А все оттого, что вчера не позволила пожаловать въ классъ, лѣнвица!—Теперь—чортъ возьми!—отстала на цѣлую недѣлю!»—Учитель всегда говоритъ своимъ ученицамъ: ты. Это уже такъ принято.

Nulla dies, sine lineâ—вотъ правило танцовщицы. Если она пропуститъ хоть одинъ день, то члены ея теряютъ гибкость, движенія становятся тяжелыми; ей непременно надобенъ двойной урокъ для того, чтобъ поправиться. Съ семи или осьми лѣтняго возраста она ежедневно повторяетъ одни и тѣже правила. Дознано опытомъ, что даже для порядочной танцовщицы нужно десять лѣтъ непрерывныхъ усилій.]

Окончивъ урокъ, крыса садится на лавочку, надѣваетъ салопъ, чтобъ не простудиться, и смотритъ на подругъ, которыя еще продолжаютъ учиться. Изрѣдка бросаетъ она взглядъ въ садъ, который видѣнъ изъ окошка. Горшки алоэ и другія фруктовыя деревья, блестящія гераніи и вьющіяся пурпуровыя и шафрановыя ліаны, все это должно веселить взоръ своею свѣжею зеленью, новы! цвѣты эти намалеванныя:—это декорации, которыя оставили тамъ для того, чтобъ представить, садъ. Этотъ

садикъ, который, кажется такимъ свѣжимъ и цвѣтущимъ сквозь стекла окна, есть ничто иное, какъ оперная кулиса. Безжалостная проница!

Усталая, облитая потомъ, танцовщица выходитъ въ уборную, снимаетъ костюмъ, перебѣгаетъ бѣлье, переодевается. Можно сказать, что вся жизнь ея заключается въ этихъ трехъ словахъ: она раздѣвается, одѣвается и раздѣвается снова. Сущая правда въ отношеніи къ жизни оперной танцовщицы.

Но вотъ наступаетъ часъ репетиціи. Надобно снова раздѣваться, снова надѣть тунику танцовщицы. Репетиція продолжается до трехъ или до четырехъ часовъ, но нельзя-же возвратиться домой въ юбочкѣ по колѣна. Опять надобно надѣть муслиновое платье, прюнесывые башмачки и черненькую мантилью. Пришедши домой, бѣдненькая страдальца надѣваетъ широкій пенюаръ и просторныя туфли, садится въ глубокія кресла и въ то время, какъ мать ея или кухарка накрываетъ на столъ, она старается припомнить всѣ замѣчанія балетмейстера и режиссера и повторяетъ мысленно свою роль. Наконецъ она обѣдаетъ, но даже и тутъ, бѣдненькая, не можетъ вполнѣ удовлетворить аппетитъ свой. Вечеромъ она должна танцовать, а для легкости въ танцахъ ей необходима діета.

Бьетъ шесть часовъ,—пора въ театръ. Опять новый туалетъ, съ добавкою мѣховаго салона для возвращенія домой послѣ спектакля.

Въ театрѣ крысы раздѣляются на *гнезда*: гнездомъ называется маленькая кучка танцовщицъ или фигурантокъ, числомъ отъ четырехъ и до шести, вмѣстѣ съ старою прислужницею для одѣванья,—для которыхъ назначается отдѣльная каморка. Чтобы имѣть право на отдѣльную каморку, надобно быть *сюжетомъ*, надобно протанцовать solo передъ публикою хоть однажды.

Тутъ надобно подвигаться скорости, съ какою одѣвается крыса: часто, въ одинъ и тотъ-же вечеръ она должна быть одѣта цыганкою, крестьянкою, водною нимфою, бабдеркою, сальфидою—костюмы, которые требуютъ со-

вершеннаго переобразованія, начиная съ обуви и оканчивая головнымъ уборомъ. Не забудьте къ этимъ безпре-
станнымъ переодѣваньямъ добавить весьма утомительныя
эволюціи новѣйшей хореографіи, многосложныя и стро-
гія, какъ прусская стратегія.

Если на долю танцевъ выпадаютъ какіе нибудь воздуш-
ные полеты, какъ на-примѣръ въ Сильфидѣ, то она по-
лучаетъ 10 франковъ гратификаціи. Для такихъ подвиг-
говъ выбираются обыкновенно самыя легкія и красивыя
крысы. Случается однакожь, что страхъ висѣть на воз-
духѣ и опасеніе сломить себѣ шею, заставляютъ ихъ от-
казываться отъ гратификаціи. Одна изъ маленькихъ
крысъ, которыхъ правильнѣе слѣдовало-бы назвать мы-
шами, сказала одинъ разъ г. Дюпоншело: «Не думайте
обо мнѣ дурно: я не изъ тѣхъ, которыя отказываются
летать по воздуху, потому-что онѣ тяжелы и нево-
ротливы.» По поводу одной изъ этѣхъ крысъ, занута-
вшейся въ веревкахъ, на воздухѣ, къ великому ужасу
зрителей, божественная Тальйони рѣшилась сказать пу-
бликѣ эти памятные слова: «Не безпокойтесь, господа, —
ничего не случилось.» Таковы были первыя слова этой
идеальной нимфы, которая до тѣхъ поръ говорила толь-
ко ногами и которую считали нѣмою, подобно греческой
статуѣ.

Во время представленія и если онѣ въ немъ не участву-
ютъ, крысы толпятся около отдушника, потому-что лег-
кая одежда ихъ, изъ газа или другихъ подобныхъ мате-
рій, не способствуетъ къ сохраненію теплотвора. Нѣко-
торыя прогуливаются по залѣ или любезничаютъ съ ка-
кимъ нибудь дипломатомъ или секретаремъ посольства;
другія повторяютъ на въ танцевальномъ фойе, огромной
залѣ, украшенной мраморнымъ бюстомъ Гимара, освѣ-
щенной китайскими фонарями изъ «Кошки, превращен-
ной въ женщину». Эта зала, раздѣленная на двѣ полови-
ны, была некогда салономъ въ отелѣ Шуазелла, и тогда
въ нее входили съ непокрытою головою. Если крыса уча-
ствуетъ только въ первомъ актѣ, то, по окончаніи, она
отправляется въ ту часть театральнаго зала, которую на-
зываютъ печью (*le four*), въ эти ложи подъ сводами.

Злые языки утверждаютъ, что тамъ крыса всего меньше занимается тѣмъ, что происходитъ на сценѣ.

По окончаніи спектакля, крыса переодѣвается и выходитъ изъ театра черезъ корридоры, гдѣ уже дожидаются ея франты и львы разнаго покроя, которымъ не дозволяется входить за кулисы—привилегія весьма рѣдкая, доступная только избраннымъ членамъ дипломатическаго корпуса, фешенебельнымъ львамъ и моднымъ журналистамъ. Тутъ танцовщица предлагаетъ руку своему избранному, который ведетъ ее ужинать и потомъ провожаетъ домой, или увозитъ къ себѣ, смотря по обстоятельствамъ.

До сихъ поръ мы говорили только о публичной, театральной жизни крысы. Чтобъ описать ея внутреннюю жизнь, надобно раздвинуть предѣлы стыдливости. Крыса любитъ покутить, хорошо поѣсть и выпить. Шампанское она пьетъ—какъ водевильистъ.—Нравы ея—если можно назвать нравами совершенную безнравственность—отличаются необузданною вольностію и безчинствомъ.—Она не пойдетъ въ карманъ за эвивокомъ, за циническимъ *quiproquo*, и ея шуточки въ одной рубашечкѣ и словца, неприкрытые даже миеологическимъ винограднымъ листкомъ, въ состояніи смутить самаго Диогена. Эта непрерывная смѣна нищеты и роскоши, лишеній всякаго рода и оргій; это забвеніе настоящаго, прошедшаго и будущаго; эти привычки, вмѣстѣ изящныя и отвратительныя; и языкъ ея, смѣсь языка хорошихъ обществъ съ жаргономъ гаеровъ и шарлатановъ—все это образуетъ ея оригинальный характеръ, отличающійся какимъ-то вакхическимъ изяществомъ, какимъ-то цыганскимъ тактомъ, который черѣдко очаровываетъ разочарованныхъ денди и въ состояніи даже пробудить уснувшую фантазію маменькиныхъ сынковъ и внушить любовь въ какомъ-нибудь богатомъ провинціалѣ. Физиономія крысы, по большей части отличается красотою, вопреки общему мнѣнію публики, которая представляетъ себѣ ихъ не иначе, какъ съ вставленными зубами, съ стеклянными глазами, съ ваточными формами, съ угриватымъ лицомъ,—худымъ и желтымъ,—заимствующимъ весь свѣтъ и всю красоту свою

отъ театральныхъ замѣтъ и отдаленія. — Свѣтскія женщины имѣютъ полное право распускать подобныя слухи, но тѣмъ не менѣе справедливо, что на театрѣ вы найдете самыя нѣжныя, тонкія, атласистыя кожицы и самыя бѣленькія зубки. И это нисколько не должно показаться удивительнымъ, если вспомнимъ, что танцовщицы съ самыхъ молодыхъ лѣтъ заботятся о сохраненіи красоты своей, что имъ извѣстны самыя утонченныя средства для сохраненія ея, и что лишняя морщинка или пятнышко на лицѣ убавляютъ иногда цѣлыя 1000 франковъ изъ ихъ годоваго бюджета. Не надобно вѣрить театальному обаянію: случается, что милая женщина кажется на сценѣ дурною, но нѣтъ примѣра, чтобы безобразная женщина показала на сценѣ красавицею. Безпрерывная гимнастика танцовщицъ, это безпрерывно-измѣняющееся движеніе ихъ, оета, такъ сказать, безумная жизнь, много способствуетъ ихъ здоровью и развитію формъ. Мы увѣрены, что не одна невинная дѣвушка, воспитанная подъ материнскимъ кровомъ, позавидуетъ свѣжести и красотѣ самой порочной крысы. — Скажемъ въ заключеніе, что нынѣ обнаруживается совершенно новое направленіе въ закулисныхъ нравахъ. Прежде крыса приходила въ театръ и возвращалась домой одна, безъ сопровожденія заенной или настоящей матери; теперь и мать и дочь убѣждены, что благоразуміе принесетъ гораздо болѣе выгодъ чѣмъ порокъ, и что невинность 16-ти лѣтней дѣвушки цѣнится гораздо дороже безстыдства 13-ти лѣтней дѣвочки. Въ наше время рынки невольницъ существуютъ не въ одной Турціи: и здѣсь, въ Парижѣ, подъ покровительствомъ конституціонной хартии, продается гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ въ Константинополѣ. Чѣмъ болѣе благоразумна и осторожна дѣвушка, тѣмъ болѣе возвышается на нее цѣна. Есть и такія, которыя цѣнятся не меньше 60,000 франковъ, — сумма, на которую можно было-бы купить цѣлую дюжину, если не больше, Черкешенокъ, жолтыхъ Голкондокъ или Негритянокъ изъ Дамангура.

Прежде 4 или 5 лудоровъ склоняли добродѣтельныхъ мамзельекъ ссужать своихъ дочекъ на заказныя ужины, на

parties de plaisir, — на маскарады и театральныя оргіи; — теперь этѣ-же самыя маменьки внушаютъ своимъ дочкамъ идеи порядка и экономіи, которыя сдѣлали-бы честь матери семейства изъ Сентъ-Денисской улицы или улицы Magais. «Тебѣ надобно устроить судьбу свою, моя милая; и ты, вѣрно, не забудешь въ счастьи о своей матери.» — Эту фразу безпрерывно повторяетъ мать танцовщицы. — Нынче крысы кладутъ свои деньги въ сберегательную кассу, — вѣрный признакъ скорого представленія свѣта, что, какъ увѣряютъ, должно воспослѣдовать въ 1846 году неперемѣнно. За беззаботною и безразсудною жизнію наступила жизнь хозяйственная, экономическая, — жизнь водлѣ очага, — жизнь съ жиденькимъ бульйономъ, безъ петрушки. Напрасно искалъ-бы неопытной свободной женщины въ оперѣ: все населеніе ея живетъ попарно, какъ животныя въ Ноевомъ ковчегѣ; — живетъ замужнею жизнію. Эти модныя, хотѣ и неровныя браки, въ большой модѣ, и мы должны сказать откровенно, что, за маленькимъ исключеніемъ, супружеская вѣрность сохраняется тутъ также строго, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Одни только продавицы (les marcheuses), которыхъ уже одно названіе служить печальнымъ доказательствомъ того, что ихъ мѣсто гораздо приличнѣе было-бы на асфальтѣ тротуаровъ, откуда онѣ были взяты, чѣмъ на театральныхъ подмосткахъ, однѣ эти женщины, говоримъ, сохраняютъ прежнее безстыдство. По-крайней-мѣрѣ, крыса считаетъ себя артисткою; у нея не одно денежное честолюбіе; — ей доступна и гордость, — эта благородная страсть, которую только низкія души могутъ порочить. — Дайте крысѣ на выборъ сто мушкетовъ или новое на первой солистки — и будьте увѣрены, что она предпочтетъ послѣднее: она любитъ славу наравнѣ съ кашемирскими шальми и роскошными ужинами.

СЕРГЕЙ ПОБЕДОНОСЦЕВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНІ ТЕАТРИ ВЪ РОССІИ.

§ 1.

ХАРЬКОВСКИЙ ТЕАТРЪ, ЕГО ТРУППА, РЕПЕРТУАРЪ И САМОЕ ЗДАНІЕ.

(Письмо въ редакцію.)

Будучи ревностнымъ подписчикомъ «Репертуара и Пантеона», я, къ крайнему моему прискорбію, до сей поры не встрѣтилъ въ немъ еще ни слова о театрѣ нашемъ, провинціальномъ, бѣдномъ, но все-таки театрѣ, споспѣшествующемъ образованію народному, все-таки одномъ изъ лучшихъ, изъ первыхъ театровъ провинціальныхъ. Да! смѣло скажу: дай Богъ побольше такихъ театровъ по губерціямъ, и необтесанный провинціалецъ не ахнетъ на спектакль столицы... Но ужъ не самолюбіемъ это? ужъ не желаніемъ похвастаться своимъ, роднымъ? О, нисколько! Да это и не хвастовство: развѣ осмѣлюсь я равнять, при всемъ желаніи не унижить труппы харьковской, равнять ее съ артистами столицы: нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать — я говорю, что посмотрѣвшись

* Удивляемся этому замѣчанію: въ прошедшемъ году «Репертуаръ и Пантеонъ» представилъ своимъ читателямъ двѣ статьи о Харьковскомъ Театрѣ, и въ вышедшей книжкѣ кромѣ статьи г-на А. Д. петатаетъ статью г-на Семеноворскаго.

Редакторъ

здѣсь на представленіа, провинціалъ, по-крайней-мѣрѣ, не разинетъ рта, когда ему удастся видѣть вашу драму, вашу трагедію, вашъ водевилъ.... Но я отбился отъ матеріи: я сказалъ, что искренно жалѣю и дивлюсь на совершенное молчаніе о харьковскомъ театрѣ: въ этомъ, разумѣется, я нисколько не виню собственно редакцію «Репертуара и Пантеона»; да и кто могъ-бы требовать, чтобы журналъ, издаваемый въ одной изъ столицъ, заключалъ въ себѣ извѣстія о всѣхъ провинціальныхъ театрахъ?... Нѣтъ! упрекъ мой падаетъ скорѣе на моихъ согражданъ, за ихъ убійственное равнодушіе къ Мельпоменѣ, или, да извинять меня, за ихъ безотчетную лѣнь. Взявши на себя пріятный трудъ — познакомить многочисленныхъ читателей «Репертуара и Пантеона» съ нашимъ харьковскимъ театромъ, я нисколько однакожъ не думаю тѣмъ какъ-бы выставить свои заслуги, и, укоряя другихъ въ молчаніи — тѣмъ самымъ обратить вниманіе на себя. Нѣтъ! дѣлаю это изъ одной благодарности къ святилищу искусствъ, гдѣ такъ часто проводилъ и провожу, и краткіе вечера свѣжей весны, и долгіе ненастные вечера скучной осени, и нашего знойнаго полуденнаго лѣта, и нашей быстрой скоропреходящей зимы.... Пріятные вечера! сколько воспоминаній они оставили въ душѣ моей, въ моемъ сердцѣ.... Но я опять отбился отъ разсказа. Прежде нежели приступлю къ обесуживанію артистовъ нашихъ, прошу предварительно замѣтить, что цѣль труда моего состоитъ не въ желаніи кого-либо изъ нихъ унижить, обидѣть, осмѣять. Хотя не всѣ они равны и дарованіемъ, и игрою; хотя находятся между ними и такіе, которыхъ имена съ неудовольствіемъ встрѣчаешь на афишкѣ—ну, о тѣхъ и помолчимъ; когда ужъ нечего сказать хорошаго, не скажемъ и дурнаго....

Но съ чего начать?

Посѣщая исправно театръ, постоянно, болѣе года, я

Редакція съ своей стороны охотно открываетъ страницы «Репертуара и Пантеона» для извѣстій о провинціальныхъ русскихъ театрахъ, и всегда приметъ таковыя съ благодарностію.

хотя и успѣлъ изучить каждого и каждую изъ моихъ героевъ и героинь, но тѣмъ то самымъ и затруднилъ себѣ выходъ на это обширное поле. Шутка вымошнить: прошу припомнить всѣ подробности, чтобы отчетливо и вѣрно сказать о каждомъ что-нибудь. Въ одной пьесѣ тотъ хорошъ, а этотъ дурень, въ другой—на-оборотъ.... Въ одной онъ трагикъ, здѣсь высокій драматизмъ одушевляетъ игру его — и что-же? вслѣдъ за тѣмъ, этотъ-же самый трагикъ кривляется: площадной комизмъ достается ему въ удѣлъ.... Вотъ выступаетъ благородный комикъ, — но что это съ нимъ вдругъ за перемѣна? на немъ препостная рожа, онъ старается ужь не смѣяться, а самому-бъ не разразиться смѣхомъ, припомнивъ важную свою фигуру.... А вотъ и вошпощенный водевиль, съ ужимочками, улыбочками, намеками.... какъ хорошъ онъ въ этомъ цвѣтномъ фракѣ, съ этими свѣтлыми пуговочками, съ прическою à la poujik.... Ба, ба! и его обуреваютъ драматизмъ, и его заставили порывомъ сильныхъ страстей ужасать бѣдную публику, а она? а она, неблагодарная, забывая всѣ заслуги водевиля, хохочетъ, отъ души хохочетъ; да и какъ-же не смѣяться, посудите сами: водевиль, вмѣсто прекрасной, уютной шляпы, надѣлъ тяжелый, неуклюжій шлемъ; на мѣсть моднаго жилета—блестятъ латы, и вмѣсто перчатокъ à la Paganini —рукавицы, вмѣсто фрака—небывалый рыцарскій костюмъ.... Да! ужь улыбочку отгнѣяетъ лицо волокиты, а ужась, ужасный ужась, грозную грозу.... вмѣсто пріятнаго голоса водевиля, вы слышите престудный, хриплый голосъ, и.... и.... и смѣтесъ.... что-же? и-и-и

Теперь войдите-же въ мое положеніе: какую систему долженъ я принять при разборѣ артистовъ? Осмѣлюсь ли ихъ раздѣлить на драматическіе, комическіе или водевильные таланты, когда, какъ я сказалъ уже выше, каждый изъ нихъ за все берется, хотя и не всегда съ равной удачею.... Нѣтъ! лучше исчислю всѣхъ въ порядкѣ ихъ достоинства, и о каждомъ порознь скажу что-нибудь немного, чтобы не обременить читателей и самого себя подробною характеристикой; выставлю главные роли, въ которыхъ особенно хорошъ тотъ или другой

артистъ; скажу, для какого рода истинно созданъ каждый; замѣчу, можетъ-быть, и главные промахи, но постараюсь сохранить притомъ всевозможную умѣренность въ сужденіяхъ: боюсь, какъ говорить Крымовъ, чтобы «гусей не раздражить» и, при самомъ искреннемъ желаніи добра, не сдѣлать-бы только худого.... И такъ, приступаю:

— Безспорно первыхъ двухъ артистовъ—одного и единственнаго драматическаго, и одного комика, лишилась харьковская труппа въ 1841 году. Первый изъ нихъ—г. Рыбаковъ—талантъ замѣчательный, артистъ, который могъ-бы обратить вниманіе на себя и болѣе взыскательной столичной публики, покинулъ насъ—и вотъ уже два года мы не знаемъ, какихъ счастливыхъ онъ намъ предпочелъ. Другой—г. Соленикъ, талантъ первоклассный въ своемъ родѣ; комизмъ олицетворенный, возвышенный до благородства и понимающій истинное свое назначеніе, не пустыми кривляньями исторгающій смѣхъ публики.... И его лишились мы и, кажется, навсегда: женившись на одной изъ лучшихъ артистокъ нашихъ, (Д-цѣ Протасовой 1-й), онъ переехалъ въ Курскъ, и заставилъ вдвойнѣ оплакивать утрату эту: утрату очаровательнаго комика, утрату юной подруги егог....

Третье мѣсто, по порядку, нами принятому, принадлежитъ самому содержателю труппы—г. Млотковскому. Озабоченный хозяйственною частью по дѣламъ двухъ труппъ, (Курская также его), Млотковскій рѣдко даритъ публику собственной игрою. Не болѣе 4-хъ, 5-ти и много 6-ти разъ онъ, въ продолженіе года, появится на сценѣ. Роли, занимаемыя имъ, суть слѣдующія: въ «Сумасшедшемъ отъ любви» онъ играетъ безумнаго; въ «Отцѣ и Дочери» также безумнаго отца; въ «Жизни широка» этого несчастнаго; въ «Уголино» Графа Руджиро; въ «Горе отъ ума» Скалозуба, и въ «Мандриинъ, атаманъ разбойниковъ» ужаснаго Мандриина.... Всѣ эти роли, выкачая Скалозуба, выполняются имъ превосходно, и это-то исключеніе и доказываетъ, что комизмъ не данъ въ удѣлъ ему. Замѣтимъ, что иностранный выговоръ артиста много ему вредитъ: но мимика, мимика его за

все съ нимъ примирять. Какъ хорошъ онъ, какъ истинно-хорошъ въ ролю несчастнаго, безумнаго отца... Какъ очаровательно-преlestна и дочь его (Д-ца Протасова)! Но о ней въ своемъ мѣстѣ.

Четвертымъ, по достоинству, наименуемъ г. Соколова, режиссера нашей труппы. Не будучи, исключительно, комикомъ или драматическимъ актерамъ, онъ хорошъ однакоже въ томъ и другомъ родѣ. Распредѣляя роли для другихъ, онъ никогда себя не задѣляетъ: берется лишь за то, что можетъ выполнить, и, должно сказать правду, выполняетъ превосходно. Кто, напримѣръ, изъ постоянныхъ харьковскихъ жителей, особенно не замѣтилъ Соколова, въ приѣздѣ Щепкина *, когда этотъ гениальный артистъ обворожалъ насъ въ «Матросѣ»? Соколовъ съ достоинствомъ гармонировалъ ему своей игрою, и даже удостоился вслѣдъ за нимъ лестнаго вызова. Какъ неподдѣльно-хороша была и дочь матроса въ объятіяхъ несчастнаго отца! Были мгновенія, когда она могла поспорить въ первенствѣ съ своимъ родителемъ... но я ужъ разъ замѣтилъ, что о ней въ свое время. — Хорошъ и въ «Руджіеро» артистъ нашъ, но роли водевильныхъ старичковъ-мужей всего удачѣе къ нему пристаи.

Г. Бобровъ, любимецъ публики, харьковскій Живокинн. Этимъ сравненіемъ — если дозволить его намъ знаменитый артистъ — я, кажется, достаточно опредѣлилъ характеристику игры Боброва. Во всемъ, въ чемъ хорошъ Живокинн, хорошъ и Бобровъ, хотя съ значительной уступкою въ талантѣ. Но избави Богъ васъ видѣть его

* Щепкинъ подарилъ насъ своимъ посѣщеніемъ въ іюнь, въ самый развалъ Троицкой ярмарки: 8 представленій дано было къ ряду, въ которыхъ онъ участвовалъ, и каждый разъ театръ былъ полонъ. Главныя пьесы, игранныя при немъ: 1. Матросъ. 2. Москаль-Чаривникъ. 3. Ревизоръ. 4. Мирандолина. 5. Горе отъ ума. 6. Кремневъ. 7. Иванъ Суcанинъ и нѣкот. др. Первые двѣ пьесы были повторены. Изъ Харькова отправился онъ въ Коренную, а съ нимъ и лучшіе изъ нашей труппы. Я также не отказалъ себѣ въ наслажденіи видѣть еще разъ знаменитаго артиста, и пустился вслѣдъ за нимъ. Тѣже самыя пьесы были играны и въ Коренной. Сов.

въ драмѣ.... не только въ драмѣ, но во всякой серьезной роля, которая къ нему, ей-Богу, ужъ нисколько не пристанетъ!

Г. Ленскій, молодой, ловкій, красивый собою мужчи-на—и только, скажете вы?—Нѣтъ: необходимое лицо волевиля, и лицо въ немъ замѣчательное. Артистъ не ге-ниальный, но и не дюжинный; не изъ числа первыхъ, да и не въ ряду-жъ послѣднихъ: а такъ-себѣ, середка на половинкѣ, какъ говорить пословица. Выше посредствен-ности онъ въ роляхъ обманутыхъ любовниковъ, воло-китъ,—ниже во всемъ прочемъ. Но, изображая свѣтскихъ львовъ, г. Ленскій, вамъ надобно-бъ поближе было раз-смотрѣть ихъ, получше изучить приемы ихъ, манеры.... У васъ, г. Ленскій, на сценѣ есть привычки, отъ кото-рыхъ лучше-бъ вамъ отстать: къ чему это, безъ всякой причины, и притомъ ежеминутно, смотрѣть на ногти, грызть ихъ, почесывать затылокъ, подщелкивать паль-цами каждую фразу, потрясать предлинною *à la moujik* прическою, ловить, кто первый попадется вамъ, за руку—ваша-ль любезная, вашъ другъ-ли, или даже слуга или горничная—и съ такимъ убійственнымъ вниманіемъ раз-сматривать эту попавшуюся руку, какъ будто вы собирае-тесь по ней гадать.... Но я сказалъ, въ моемъ вступле-ніи, что буду говорить о главныхъ только промахахъ, а это все такія бездѣлки; я сказалъ также, что такъ боюсь дразнить гусей, а чуть-ли этими замѣтками порядкомъ ихъ не раздражилъ.... Будьте-жъ снисходительны, ми-лый артистъ; это говоритъ вамъ человекъ, который ис-кренно желаетъ вамъ добра и притомъ говоритъ это не отъ одного себя. Не вѣрите? Стоитъ прислушаться къ сужденіямъ публики: вѣдь она, смотря на васъ, о фар-сахъ вашихъ только и толкуетъ! Прошу-же васъ, обратит-е болѣе вниманія на замѣчанія мои.

Осмѣлюсь-ли еще вамъ посовѣтовать? Не берите ролей Мандрина, Нино и другихъ подобныхъ: онѣ нисколько къ вамъ не идутъ. Вы созданы для сцены любезникомъ и волокитой; созданы разыгрывать людей съ страстишка-ми обыкновенными, съ характерцомъ посредственнымъ, съ душовкой меленькой, и все мной сказанное не тру-

дно осуществить.... Но замыслы высокіе, — желанія, которыми нѣтъ предѣловъ, — страсти все заглушающія, — воля безграничная, — духъ, борющійся со всѣми препятствіями.... о! все это незнакомо, непонятно вамъ, потому-что не по мѣркѣ, не по силамъ. Вы не можете изобразить сильныхъ страстныхъ чувствъ, потому-что онѣ васъ задавили-бъ, уничтожили—потому-что, еслибы вы сами въ натурѣ имѣли ихъ—онѣ вамъ были-бъ въ тягость. Однимъ словомъ, вы не можете быть ни на минуту тѣмъ, чѣмъ не созданы быть; вамъ недоступно то, что непонятно и неродно.

— Къ числу промашекъ вашихъ, милый артистъ, позвольте присовокупить и нѣкоторую вольность, которую вы позволяете себѣ на сценѣ. Если признательная публика ужъ удостоиваетъ васъ воззваніемъ «фюга»! вы безъ всякой оговорки должны исполнить ея волю. Конечно, къ роль «Филатки», по-чести исполняемой вами превосходно, идетъ отвѣтъ вашъ публикѣ на ея «фюга» «довольно! будетъ съ васъ!» я говорю «идеть», и идетъ единственно потому, что дураку или невѣжѣ, какъ Филатка, все простительно.... но свѣтскому и образованному человѣку — характеръ, который занимаете вы по большей части, подобныя выходки неприличны!

Въ заключеніе скажу: артистъ нашъ всего лучше, какъ выше я уже замѣтилъ, въ роль «Филатки»: какъ мило и наивно онъ грызеть орѣхи, какъ кстати похихатываетъ, какъ естественны его движенія руками, какъ замысловато бьетъ онъ нога объ ногу, когда твердить свои склады.... Увидите Ленскаго разъ «Филаткой» и вы ужъ никогда ни въ чемъ другомъ не захотите его видѣть: такъ съумѣетъ отцвѣтить онъ, разукрасить и самый площадной комизмъ. Роль эта примиряетъ съ нимъ за всѣ другіе недостатки.

За Ленскимъ слѣдуетъ г. *Александръ*, какъ слѣдуетъ за нимъ онъ и во всемъ. «Артистъ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ С.-Петербургскихъ Театровъ!**» такъ величаютъ его каждый разъ наши афиши, какъ будто артиста уже просла-

вншагося на столичной сценѣ, какъ будто артиста привлекающаго однимъ именемъ толпу!!! Молоденькій мальчикъ, немного изъ себя общающій, но при всемъ томъ не лишній для труппы харьковской по многимъ причинамъ. Покуда замѣняетъ намъ онъ Ленскаго, принявши отъ него роль водевильнаго жениха, и въ этомъ случаѣ отдадимъ честь Г. Алексѣеву: онъ также любезенъ на сценѣ, также услужливъ съ своей невѣстою, какъ прежде въжливъ и любезенъ былъ его предшественникъ. Завбота, съ которою онъ хранитъ доставшееся ему на долю, какъ-бы въ наслѣдство отъ г. Ленскаго, — боязнь, что кто-нибудь замѣнитъ и его при первомъ случаѣ, — неуверенность въ самомъ себѣ, что наконецъ достигнуть желанной цѣли — занимать одно изъ первыхъ *водевильныхъ мѣстъ* харьковской труппы: все это заставляетъ его не щадить трудовъ и усилій, хотя не при изученіи, но при заучиваніи своей роли; и должно сказать правду — артистъ нашъ не бросаетъ чуждыхъ взоровъ на суфлера... Единственнымъ-же, но главнымъ промахомъ его, можно почитать то, что, не обдумавъ хорошенько, взялся онъ не за свое: принялъ званіе водевильныхъ жениховъ, которое ему и не по лѣтамъ, и не по фигурѣ; для роли жениха нужно быть болѣе чѣмъ ребенкомъ. — Въ роляхъ-же дурачковъ, (характеръ, болѣею частью имъ занимаемый), онъ такъ натураленъ, что много лучше обоихъ соперниковъ своихъ: гг. Ленскаго и Домбровскаго; какъ-то кажется еще простоватѣе, еще глуповатѣе и ихъ.

Г. Домбровский — любимецъ посѣтителей верхняго яруса, галлерей и райка; Филатка и Мирошка — герой подобныхъ пьесъ. Роли, занимаемыя имъ преимущественно, суть роли дурачковъ, простачковъ, деревенскихъ неучей, жидовъ, подъячихъ и всевозможныхъ кривлякъ всякаго рода, возраста и званія. Самая фигура, позиція, наружность, выговоръ артиста — все возбуждаетъ въ зрителяхъ непритворный смѣхъ: жаль только, что г. Домбровский не знаетъ уже никакихъ предѣловъ, такъ сказать, увлекается своею ролей... но — увлекаетъ тѣмъ и громъ аплодисмановъ бородатой публики. За то спросите у любого сидѣльца, изъ любой лавки, который, изъ всѣхъ арти-

стовъ, больше ему нравится? вѣдь онъ не назоветъ вамъ Соколова, Рыбакова, или Млотковскаго, или Соленика, нѣтъ! ему по сердцу всего болѣе Домбровскій. «То-то мастеръ», скажетъ онъ: «распотѣшилъ душечку, надорвалъ животики!» и г. Домбровскій, довольный этой похвалою, еще неутомимѣе старается понадорвать животики своихъ поклонниковъ—бородачей....

Что-же? скажу я, подумавъ хорошенько: каждый избираетъ себѣ путь; артистъ нашъ избралъ вышесказанный: смѣшнить всеми возможными средствами нисшій, но многочислѣннѣйшій классъ театральной публики — и успѣваетъ.... Чего-же хотѣть еще? Взгляните, какъ набитъ раекъ и задніе ряды партера въ бенефисъ Домбровскаго: чего-же ему больше? онъ доволенъ! вѣдь онъ не Донъ Кихоть—за славою пустой не гонится, пустыхъ похвалъ не требуетъ!...

Г. Бабанинъ. Какъ, на «десятомъ» мѣстѣ Бабанинъ? Какъ! ниже Домбровскаго, Ленскаго, Алексѣева? ниже ихъ всѣхъ? Нѣтъ, вы ошиблись, вѣрно, любезный авторъ! воскликнуть многіе изъ харьковскихъ читателей: можетъ-ли быть, чтобы вы предпочли пошлые фарсы, площадной комизмъ Домбровскаго, хотя и незавидному, но все таки таланту драматическому Бабанина, артиста неутомимаго, артиста, который ежедневно, ежедневно трудится, который всего себя, всю жизнь, всѣ помысленія, всѣ желанія посвятилъ одной сценѣ.... Нѣтъ! вы ошиблись!

Нѣтъ, къ сожалѣнію, не ошибся, отвѣчу я. Всѣ замѣчанія ваши справедливы, истинны: Бабанинъ трудится — но одного старанія недостаточно. Ему недостаетъ бездѣлицы: таланта!

Вспомните, господа, слова Петра Великаго о Тредьяковскомъ: «О! этотъ малый труженикъ, но мастеромъ онъ никогда не будетъ!» (*Ледяной домъ, томъ I-й, стр. 140-я.*) Эти слова осмѣлюсь повторить и про Бабанина: «онъ труженикъ, но мастеромъ не будетъ!» Какъ это характеризуетъ и неутомимые труды, и бесплодность ихъ въ нашемъ артистѣ!...

Но ужь полно, драматизмъ—ли дань на долю ему? Намъ помнится, мы его видѣли «Прудіусомъ», въ водевилѣ Кн. А. А. Шаховскаго: *Козакъ Стихотворецъ*, въ роляхъ вовсе, кажется, недраматической, хотя, правда, и тутъ артистъ нашъ не талантливъ былъ, потому-что былъ опять—таки не на своемъ мѣстѣ. Истинное-же назначеніе г. Бабанина, какъ мнѣ кажется, занимать роли нейтральныя, среднія между драматизмомъ и комизмомъ, словомъ, роли, гдѣ не приходилось-бы ему поразойтись со своимъ талантомъ: ни покричать и порубить руками воздуха—какъ актеру въ Гамлетѣ, ни поковыряться и поломаться—какъ Прудіусу; а такъ-себѣ, говорить тихо и чинно, какъ говорятъ добрые люди: не ударяя поминутно себя въ грудь, не закидывая головы назадъ, не выворачивая бѣдныхъ глазъ смѣшнымъ и вмѣстѣ жалкимъ образомъ.... Такъ напримѣръ, онъ очень сносенъ въ роляхъ: надсмотрщика больницы, (въ «Сумасшедшемъ отъ любви»), Почтмейстера, (въ «Ревизорѣ»), Режиссера (въ «Синичкинѣ»), и др. подобныхъ. Коротче сказать, г. Бабанинъ таковъ-же Гамлетъ, таковъ-же Нино, таковъ-же Оболенскій, Ромео, Сусанинъ, Мандринъ — каковъ и Ленскій въ этихъ роляхъ, какими были-бы и Алексѣевъ, и Домбровский, и Корытный, когда-бъ взяли за то.... Вы захотите знать, за чѣмъ-же нашъ артистъ берется не по силамъ? Но, вѣдь я сказалъ уже, что Рыбакова нѣтъ, Млотковскій-же занять хозяйственной частью труппы, такъ кому-же?... и г. Бабанинъ, на этотъ разъ, является какъ будто на подставу: скидаетъ перефигуренный костюмъ Прудіуса, его смѣшной парикъ, и облачается въ мантию Мельпомены. А публика? она съ такою-же убійственной улыбкой смотритъ на бѣднаго артиста и въ новой роли, какъ смотрѣла на него за часъ въ характерѣ совсѣмъ-противуположномъ.

Г. Глушковъ, актеръ не даровитый, хорошъ однако-же въ роляхъ честныхъ повѣренныхъ, управителей, старыхъ преданныхъ слугъ, усердныхъ, вѣрныхъ дядекъ, менторовъ, и тому подобное. Такимъ-то, напримѣръ, является онъ преданнымъ слугою, усерднымъ дядкою и

вмѣстѣ честнымъ повѣреннымъ Петра Степановича, — (въ комедіи: «Похожденія Столбикова,» передѣланной изъ повѣсти г. Основьяненки,) такимъ является и въ другихъ пьесахъ.

Гг. Бокаревъ, Корытнѣй, Ивановъ, Жолкевскій, Максимовъ, Харькѣвъ, и пр. и пр. и пр.... Объ этихъ господахъ, по обѣщанію, помолчимъ.

Перейдемъ къ артисткамъ:

Первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежить *Д-цѣ Протасовой*. Кто видѣлъ ее и г-жу Млотковскую на сценѣ рядомъ, въ одной пьесѣ, или лучше въ одной и той-же роли, тотъ ни на минуту не замедлитъ отдать ей преимущества предъ знаменитой ветеранкой. Кто видѣлъ ее въ «Отцѣ и дочери» несчастною причиною безумія отца,—въ «Матросѣ», дочерью матроса,—въ «Ромео»; Юліей,—въ «Еленѣ Глинской,» супругой Оболенскаго,—въ «Мандринѣ»,—въ «Жизни Игрока»—тотъ вѣрно согласится съ нами, что драматическій характеръ юной артистки выше всякаго сравненія и сравненія съ кѣмъ-бы то ни было.... Сцена, когда дочь узнаетъ отца—матроса, когда тотъ душитъ ее въ объятіяхъ, когда она падаетъ въ обморокъ, и потомъ, приходя постепенно изъ него, смутно припоминаетъ, что съ ней случилось за мгновеніе: вся эта сцена выполняется артисткой нашей превосходно! Сцена ее съ Варнеромъ (во II-мъ актѣ «Жизни игрока») когда несчастная хватаетъ колокольчикъ, чтобы позвать на помощь, но язычекъ, предусмотрительной рукою осторожнаго злодѣя вынуть, и колокольчикъ не звенитъ.... Какъ хороша она въ это мгновеніе! отчаяніе, презрѣніе къ злодѣю, страхъ, все, все это такъ ярко, такъ сильно отражается въ каждомъ движеніи несчастной, въ каждомъ звукѣ голоса ея.... А сцена, предшествующая похищенію (въ «Мандринѣ,») или потомъ въ темницѣ съ этимъ злодѣемъ; а пѣсня «Дочери», приводящая въ разсудокъ безумнаго «Отца;» а сцены съ «Ромео,» «Оболенскимъ,» «Глинской....» но нѣтъ! чтобъ только исчислить, когда и гдѣ чаруетъ насъ артистка, нужно удвоить, утроить, удесятерить объемъ статьи.... Кто-же видѣлъ Протасову въ «Москаль—Ча-

ривникъ», въ «Мирандолинѣ», въ «Новичкахъ въ любви», или въ «Узкихъ башмакахъ», тотъ еще болѣе подивится разнообразію, обширности ея таланта. Какой кокеткою является она въ «Мирандолинѣ», какой невинностію въ «Новичкахъ въ любви»!...

... А если къ этому присовокуишь описаніе наружности соперницъ: какая безконечная, безмѣрная граница ихъ раздѣлить—стройный ростъ, гибкій станъ, семнадцатилѣтній возрастъ, глаза...

Быль бенефисъ г-жи Млотковской; театръ былъ полонъ; давали «Елену Глинскую.» Главную роль взяла на себя бенефициантка; несчастной-же супруги Оболенскаго, Д-ца Протасова... Ничто не помогло: ни пышный костюмъ царскій, ни выполненіе главной роли, ни двадцатилѣтній авторитетъ, ни толпа приверженцевъ... Два дѣйствія тянулись сухо, вяло... появилась Протасова—и все въ театрѣ загремѣло, зарукопескало...

Глядя на прелестную артистку нашу невольно вспомнишь Синичкина:

«Не харьковскій театръ — московскій

Собой могла-бы украшать:

Она повыше Млотковской....

Да! съ позволенія сказать.»

Г-жа Млотковская — супруга содержателя труппы, знаменитая и прославленная на всѣхъ провинціальныхъ театрахъ. Очаровательная игра этой артистки заставляетъ забывать лета ея: она равно хороша и въ роляхъ шестнадцатилѣтнихъ невинныхъ дѣвочекъ, какъ хороша всегда и во всемъ.

Г-жа Соленикъ—(бывшая дѣвица Протасова 1-я)—нынѣ принадлежитъ къ курской труппѣ. Мимоходомъ замѣтимъ, что не далеко отстаетъ отъ образца своего—г-жи Млотковской, съ которою сходна игрою такъ, какъ только можетъ копія быть сходной съ своимъ оригиналомъ.

Д-ца Пирожкова—великимъ постомъ оставившая насъ; молоденькая, хорошенькая артистка, обѣщавшая изъ себя завидное амплуа для водевиля.

Г-жа Боброва—даровитая и опытная артистка. Характеръ, занимаемый ею, по большей части, въ трагедіяхъ и драмахъ—надзирательницъ, какъ напримѣръ, въ «Ромео и Юлія» и «Уголио», въ комедіяхъ и водевиляхъ—иногда старыхъ модницъ, какъ въ водевилѣ: «Моя жена выходитъ за мужъ», иногда-же кухарокъ или другую домашнюю прислугу, какъ въ «Похожденіяхъ Столбикова», въ «Искусствѣ не платить за квартиру», и нѣкоторыхъ другихъ. Особенно хороша г-жа Боброва въ роли, «Соломонида», въ драмѣ: «Иванъ Сусанинъ», — и особенно плоховата была женой «Матроса»—г. Щепкина, въ послѣдній приѣздъ къ намъ знаменитаго артиста.

Г-жа Протасова (мать,) весьма-удачно изображаетъ торговку, сваху, сосѣдокъ, съ ихъ суетнями и пересудами. Всего лучше и натуральнѣе она въ роли погребщицы, въ драмѣ г. Полеваго: «Честь или Смерть!»

Д-ца Балабанова—четырнадцати, много-пятнадцатилѣтняя дѣвочка, съ очель-хорошенькимъ личикомъ, глазами и голоскомъ. Робость и неразвязность юной артистки, по молодости и по недавнему явленію ея на сценѣ, отъ-души извиняемъ, ожидая отъ нея въ будущемъ много хорошаго. Въ дивертисманахъ ловко и мило танцуетъ.

Г-жа Бордакова—непремѣнная королева всѣхъ тѣхъ мѣсѣвъ, гдѣ только королевы, по-несчастью, появляются на сцену.

Д-цы Нарышкина и Чертова, спосныя танцовки, но плохія актрисы.

Д-цы Емзлянова, Иванова, Крылова, Фениксъ—прекрасно изображаютъ народъ.

==

Окончивъ исчисленіе артистовъ и артистокъ харьковской труппы, съ краткими замѣчаніями о игрѣ ихъ, я переиду теперь къ маленькому репертуару нашей сцены:

назову пьесы, которыя удачнѣе у насъ идутъ, (обыкновенно же лучше идутъ у насъ тѣ пьесы, въ которыхъ главные роли заняты лучшими артистами: гдѣ не Бабанинъ и Млотковская, но гдѣ Млотковскій и Протасова на сценѣ,) или любимы болѣе публикою—(а это буду заключать изъ большаго или меньшаго стеченія ея).

Изъ трагедій, и драмъ слѣдующія:

1. *Отецъ и Дочь.*
2. *Жизнь Ирока.*
3. *Мандринъ, разбойничій атаманъ.* (Во всѣхъ трехъ пьесахъ главные роли занимаютъ Млотковскій и Протасова.) Далѣе:
4. *Ромео и Юлія.* (Бабанинъ, и Д-ца Протас.)
5. *Елена Глисская.* (Елену—Млотков., Оболенскаго—Бабанинъ, супругу его—Протасова).
6. *Венеціанская актриса.* (Соколовъ — Дожа; невѣсту его—Д-ца Протасова; Тизбу—Млотковская).
7. *Честь или Смерть!* (Гюга—Бабанинъ; сестру его—д-ца Балабанова; Оливію—г-жа Млотковская).
8. *Гамлетъ.*
9. *Угошко.*
10. *Гризельда.*
11. *Мойка.*
12. *Иванъ Сусанинъ,* (г. Бабанинъ) и нѣкоторыя другія.

Изъ Комедій и Водевелей назовемъ сперва данныя при Щепкинѣ.

1. *Горе отъ ума.* (Фамусова—Щепкинъ, дочь—Млотков., Чацкаго—Бабанинъ, Скалозуба—Млотковскій, Лизу—Протасова.)
2. *Мирандолина* (Д-ца Протасова.)
3. *Матросъ* (Щепкинъ, дочь—Протасова.)
4. *Москаль-Чаривникъ.* Титяну — д-ца Протасова, мужа ея—Щепкинъ.)
5. *Ревизоръ.* (Городничаго — Щепкинъ, Хлестакова — Ленскій.)

О прочихъ пьесахъ, данныхъ при Щепкинѣ, не скажемъ ничего, ибо я исчисляю только тѣ, которыя уда-

что идутъ — «Кремневъ» сюда не подлежитъ по этому условію)....

6. *Скупой* (г. Соколовъ.)
7. *Новички въ любви* (Протас. и Млотков., новичковъ—Бобровъ и Ленскій.)
8. *Узкіе башмаки* (Протас. и Млотков.)
9. *Жизнь или Смерть* (Протас. и Ленскій.)
10. *Кеттли* (Протасова.)
11. *Капризы влюбленныхъ* (Протас. и Ленскій.)
12. *Задумевные друзья* (Соколовъ, Бобровъ, Ленскій.)
13. *Петербургскія квартиры.*
14. *Харьковскій женихъ* (Д-цы: Протасова и Пирожкова.)
15. *Девятиженецъ* (Ленскій, Мекенканку—Д-ца Протасова.)
16. *Одного провели, а другаго вывели* (Протасова и Млотковская, Ленскій.)
17. *Искусство не платитъ за квартиру* (Г. Ленскій, Протасова.)
18. *Моя жена выходитъ за мужъ.*
19. *Жена ай—ай! Мужъ—увы!*
20. *Мужъ въ каминъ, а жена въ гостяхъ* (Д-ца Протасова.)
21. *Балъ у банкира.*
22. *Маскарадъ при Людовикъ XIV* (Млотковская, Ленскій, Алексѣевъ.)
23. *Левъ Гурьичъ и Ульяна Осиповна, или онъ у нея 1-й, а она у него 2-я.* (Бобровъ, Боброва, Протасова.)
24. *Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису!* (Г-жа Дюмениль—Д-ца Протасова,—влюбленный въ нее и ею одураченный—г. Ленскій) и многіе другіе.

Въ заключеніе статьи нѣсколько словъ скажу и о самомъ зданіи, каменномъ, огромномъ, выходящемъ на обширную и видную площадь; Большая и Малая Сумскія улицы тянутся вправо и влѣво отъ самаго подъѣзда его. Отстроенный въ августъ 1841 года, неусыпными трудами Губернскаго Архитектора А. А. Тона, те-

агръ нашъ вмѣстительнъ, опрятенъ, красивъ. Внутри отдѣланъ онъ совершенно на образецъ большаго Петровскаго театра, хотя снаружи и нисколько не походитъ на него. Три яруса ложъ и сверху галлерей для низшаго сословія; въ центрѣ бель-этажа директорская ложа, богато-убранная; по сторонамъ, въ томъ-же ряду, литерныя, выходящія на сцену, и занимаемыя одна Генераль-Губернаторомъ, другая Военнымъ города Харькова. Подъ ними, въ ряду бенеуара, также выходящія на сцену: одна Губернскаго Предводителя Дворянства, другая семейства содержателя трушны; по двадцати съ небольшимъ ложъ въ каждомъ ярусѣ, до полутора ста кресель, до сотни мѣсть на лавкахъ за ними, и до трехъ сотъ въ райкѣ: вотъ сколько можетъ помѣстить въ себѣ зала театра; полный и возможный сборъ, по цѣнѣ обыкновенной на мѣста, не превышаетъ двухъ съ половиной тысячъ, а сборъ обыкновенный, ежедневный, не превышаетъ и двухъ-сотъ. Спектакль дается три и четыре раза въ недѣлю; на масляницѣ дважды въ день. Театръ всегда прекрасно отопленъ и освѣщенъ; музыка, костюмы и декорации, въ сравненіи съ видными мною при другихъ театрахъ провинціальныхъ, (въ сравненіи съ воронежскимъ, орловскимъ, курскимъ и коренскимъ,) много лучше, также, какъ и самое зданіе—наружность и внутренность его.

1842 г. ноября 25.

Харьковъ.

§ 2.

Еще нѣсколько словъ о Харьковскомъ театрѣ.

Въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» за прошедшій годъ, мы имѣли удовольствіе представить вниманію публики нѣсколько краткихъ очерковъ,

изображающихъ настоящее положеніе харьковскаго театра и опредѣляющихъ степень сценическихъ талантовъ и достоинства игры лучшихъ актеровъ. Въ этомъ году мы также намѣрены чаще и подробнѣе прежняго знакомить любителей сценическаго искусства со всѣми достойными ихъ вниманія новостями въ репертуарѣ харьковскаго театра, присоединяя къ тому вѣрныя замѣчанія объ игрѣ актеровъ и вообще о всемъ, касающемся постановки пьесъ на сценѣ.

На этотъ разъ, мы начнемъ съ спектакля, даннаго 10 января.

Тихо, безъ громкихъ, многократныхъ предувѣдомленій, (какъ это обыкновенно дѣлается, когда въ театрѣ будутъ давать какую-либо пьесу, заслуживающую особеннаго вниманія), афиши сказали намъ, что 10-го января мы увидимъ на сценѣ знаменитую трагедію геніальнаго Шекспира — *Король Лиръ*, пер. Каратыгинымъ, а за тѣмъ: *Привѣздъ жениха* или *Святочный Венеръ въ купеческомъ домѣ*.

Камъ не быть въ театрѣ, когда даютъ пьесу Шекспира! Конечно, думали мы, всякій знающій, что это—произведеніе не какого-нибудь доморощеннаго генія, поспѣшить занять мѣсто въ театрѣ; но ничего не бывало! Не помогло громкое вѣковое имя Шекспира: театръ былъ почти пустъ, мало нашлось любителей видѣть трагедію; конечно они заранѣе предугадали, каково пойдетъ трагедія Шекспира на харьковскомъ театрѣ: замѣтимъ, что она дается не въ первый уже разъ....

Поднялся занавѣсъ; на правой сторонѣ сцены закрашилось что-то въ родѣ балдахина, подъ которымъ, на возвышеніи, покрытомъ маленькимъ, простенькимъ коврикомъ, поставлено было кресло. На сценѣ дочери короля: Гонерила (Бардакова), Регана (Протасова) и Корделія (Балабанова), Графъ Глостеръ (Соколовъ) и другіе дѣйствующие. Входитъ Лиръ (Мютковский), съ полагаю въ ногахъ, опираясь на модную тросточку, садится на тронъ и начинаеть дѣлить королевство между дочерьми.

Считаемъ излишнимъ разсказывать дальнѣйшее содер-

жане этой пьесы: конечно всемъ читателямъ нашимъ оно хорошо извѣстно.

Что, подумали мы, когда кончилась трагедія, что если бы Шекспиръ всталъ изъ гроба и явился въ харьковскій театръ поглядѣть на своего *Король Лира*?!! Конечно, оскорбленный тѣмъ, что увидѣлъ такую страшную пародію на его гениальное произведеніе, онъ стремглавъ бѣжалъ-бы изъ театра въ отчаяніи, не помня свѣта, людей, самого себя... А между-тѣмъ наши актеры при такой, ужасающей вкусъ образованнаго зрителя игрѣ, были какъ нельзя болѣе покойны: что имъ за дѣло до того, какъ идетъ пьеса?! Главное въ томъ, чтобы шла, чтобы дотянуть ее до конца — и они кончили ее...

Не буду подробно описывать хода трагедіи; скажу только, что изъ трагедіи, эта пьеса превратилась на нашей сценѣ въ комедію; партеръ и галерея хохотали искренно, радушно, и этотъ грубый, безсознательный смѣхъ былъ, въ отношеніи игры актеровъ, какъ нельзя болѣе кстати. — Лучше прочихъ выполнили роли свои д-цы Протасова и Балабанова и г. Бобровъ (шутъ); объ игрѣ другихъ не скажемъ ни слова, помня стихъ поэта:

Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы,
Тамъ скажемъ все молчаньемъ.

Но при этомъ не можемъ и не должны умолчать о странности и несообразности костюмовъ дѣйствующихъ лицъ: короли, герцоги и графы въ этомъ спектаклѣ гораздо-болѣе походили на бандитовъ, по своимъ костюмамъ, нежели на владѣтельныхъ особъ, какими являются они у Шекспира. Декораціи были довольно-удачны.

Еще прежде говорили мы о томъ, что при настоящемъ составѣ дѣйственной труппы, невозможно давать трагедій; если водевили идутъ порядочно, иногда даже очень-хорошо, то все таки это не даетъ еще права оскорблять безсмертную тѣнь Шекспира плохимъ исполненіемъ его гениальныхъ произведеній. Много уже разъ г. Млотковскій пытался обогатить репертуаръ харьковскаго театра трагедіями разныхъ авторовъ: но эти попытки всегда окан-

чивались неудачно; пора, наконецъ, понять, что трагедіи можно давать только на сценахъ столичныхъ театровъ, гдѣ мало актеровъ, а болѣе умныхъ, образованныхъ артистовъ.

За трагедіей послѣдовалъ водевиль: *Святочный Вечеръ въ купеческомъ домѣ*. Переходъ отъ *Короля Лиры* къ этой пьесѣ, конечно, немного чувствителенъ; но за то здѣсь роли всѣхъ актеровъ были сообразны ихъ сценическимъ талантамъ. *Святочный Вечеръ* не въ первый разъ является на нашей сценѣ; этотъ водевиль дается нѣсколько разъ въ теченіи года, преимущественно во время четырехъ бывающихъ здѣсь ярмарокъ, и всегда съ успѣхомъ.... Такъ и теперь: зрители, находившіе что-то комическое въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ трагедіи, еще радушиѣе, искреннѣе смѣялись во второй пьесѣ: разгулъ Комкова, пѣсни и пляски молодыхъ купчиковъ затронули не одно ретивое, скрывавшееся подъ лисьею или волчьею шубою. Подобныя произведенія, доставляющія полное удовольствіе только нѣкоторой части публики, выходятъ изъ круга произведеній изящнаго вкуса, а потому мы, ограничась этими общими замѣчаніями, не будемъ входить въ болѣе подробный разборъ ни самой пьесы, ни игры въ ней актеровъ.

Въ спектаклѣ 10 января всего отраднѣе было услышать, что на-завтра назначенъ бенефисъ д-цы Протасовой.

Д-ца Протасова не имѣетъ соперницы на нашей сценѣ; когда-то, но это очень-давно, съ нею могла спорить г-жа Млотковская; теперь-же г-жа Млотковская, къ общему сожалѣнію, очень и очень-рѣдко является на сценѣ и, надобно сказать правду, не можетъ и думать о томъ, чтобы похитить пальму первенства у д-цы Протасовой.

Въ бенефисъ Протасовой театръ былъ полонъ; почитатели прекраснаго таланта ея поспѣшили быть свидѣтелями новыхъ успѣховъ ея въ драмѣ Н. А. Полеваго: *Мать Испанка*, въ первый еще разъ данной на нашей сценѣ.

Занавѣсъ взвился; идетъ пьеса и точно Андалузская Роза (д-ца Протасова),—цвѣтегъ красотою восхититель-

вою, неподдѣльную, цвѣтетъ чудно, очаровательно. Надѣмся, слова наши не покажутся преувеличенными, если скажемъ, что игра д-цы Протасовой заслужила-бы полное одобреніе и на сценѣ столичнаго театра; благородство манеры, голосъ, прекрасная дикція, всегда твердое знаніе ролей, глубокое изученіе ихъ—вотъ чѣмъ она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ лицъ харьковской труппы; если къ этому прибавимъ еще прекрасную наружность, то скажемъ все.... Не забудемъ при этомъ и того, что въ Харьковѣ д-ца Протасова не имѣетъ для себя достойнаго образца; а конечно всякъ согласится, что для драматическаго артиста также необходимо разумное изученіе образцовъ—геніевъ сценическаго искусства, какъ для живописца—изученіе великихъ твореній италіянскихъ художниковъ.

Роль Эльвиры, герцогини Медина-Сидонія, которую занимала г-жа Бардакова, была вышолнена также совершенно удовлетворительно. Г. Ленскій—графъ Альваро Медино-Селли игралъ прекрасно; также, по обыкновенію, хорошъ былъ г. Соколовъ въ роли низкопоклоннаго министра—герцога Оливареца. Не можемъ сказать этого-же объ исполненіи ролей: Филиппа IV (Бабанингъ): король этотъ на сценѣ являлся очень похожимъ на странствующаго рыцаря, сражавшагося съ мельницами; донъ Діего (Домбровскій), донъ Грегорио (Шегаревъ) и маркизь де-Кобро (Кучеровъ), составляли приличную свиту странствующаго рыцаря; роли ихъ, и безъ того блѣдныя, вышолнены были плохо. Но при всемъ этомъ, говоря вообще, *Мать-Испанка* была разыграна гораздо лучше, чѣмъ бываетъ это съ другими драмами и трагедіями.

За драмой г. Полеваго, данъ былъ: *Дьдушка Назаръ Андреевичъ*, водевилъ передѣланный съ французскаго г. Оедоровымъ. Водевиль илутъ на здѣшнемъ театрѣ вообще хорошо; *Дьдушка Назаръ Андреевичъ*, являющійся также въ первый разъ на нашей сценѣ, былъ разыгранъ недурно. Бенефициантка была очень хорошка въ роли Катеньки, сестры Сумскаго; тоже должны мы повторить и объ игрѣ гг. Соколова и Боброва; намъ только показалась не совѣтъ согласною съ содержаніемъ водевиля—игра

маменькаго сына г. Соколова: не понимаемъ, съ какою цѣлью ему отдана была роль Васи, вовсе несообразная даже съ его лѣтами.

Оканчивая замѣчанія наши о бенефисѣ д-цы Протасовой, не можемъ не замѣтить, что выборъ пьесъ для бенефиса ея былъ не вполне удаченъ. Не знаемъ, кто посоветовалъ бенефицианткѣ къ двумъ первымъ пьесамъ прибавить еще и *Сей* и *Опый*, водевиль, имѣющій, можетъ быть, свое значеніе на петербургской сценѣ, но лишенный всякой занимательности на нашей, хотя д-ца Протасова была и здѣсь, какъ всегда, очень мила въ роли Олиньки.

И. СЕМЕНОГОРСКІЙ.

1843 г. 13 января.

Харьковъ.

§ 5.

Нѣсколько словъ объ одномъ изъ провинціальныхъ театровъ.

— Въ послѣднемъ номерѣ «Репертуара рускаго и Пантеона всѣхъ европейскихъ театровъ», за прошедшій годъ напечатана, между прочимъ, статья И. Н. . . ва: «Осташковскій театръ.» Эта статья, рѣшительно, можетъ привести въ изумленіе всякаго. Что это такое? Какія понятія, какое сужденіе! Мы, жители города Осташкова, никакъ не можемъ понять, о какомъ театрѣ говоритъ г. И. Н. . . въ? Ужъ нѣтъ-ли осташковского театра въ какомъ-нибудь другомъ городѣ? Скажите, сдѣлайте одолженіе, неужели можно рѣшиться просить редакцію журнала, который публетъ огромное число читателей, о помѣщеніи статейки, написанной совершенно наобумъ? неужели можно такъ явно измѣнять довѣренности редак-

цій, которой не посылають-же дѣлать справки по городамъ, по случаю присылки статей о провинціальныхъ театрахъ. Помѣщеніе этихъ немногихъ строкъ въ столь уважаемомъ всею читающею публикою въ цѣлой Россіи изданіи, вѣроятно, заставитъ иныхъ господъ, такъ часто пишущихъ о провинціальныхъ театрахъ, составлять свои статьи поаккуратнѣе и подобротовѣстнѣе, и не дѣлать страшныхъ промаховъ, явно показывающихъ незнаніе того, о чемъ хотятъ говорить.

Осташковскій театръ, говоритъ И. Н...въ, рѣшительно новость, потому-что прежняго театра не существуетъ, а на мѣстѣ его новый чудо—театръ. Правда, прибавляетъ И. Н...въ, нѣкоторые актеры тѣже, но актрисы всѣ новыя. Послѣ статьи нижеподписавшагося объ осташковскомъ театрѣ въ 11-мъ номерѣ того-же журнала, этотъ театръ сталъ новостью развѣ только для г. И. Н...ва: онъ въ томъ-же самомъ изданіи, или, яснѣе говоря, сараѣ, и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Въ труппу его поступило нѣсколько новыхъ актеровъ, а бывшія актрисы выбыли, и только! Чтѣ-же это за новость такая!!! Эти новости бывають на всѣхъ возможныхъ театрахъ всего свѣта. Вотъ, что актрисы *всѣ* новыя, такъ это правда, потому-что всѣхъ актрисъ на осташковскомъ театрѣ только *одна*. Неужели-же не примѣтилъ этого И. Н...въ, который совѣтуетъ быть снисходительнымъ въ особенности къ актрисамъ, то есть, къ актрисѣ, прибавляя, что ихъ, то есть, ее *поощряютъ* разными подарками. «Въ труппѣ изъ 16 человекъ, трое обращаютъ вниманіе публики; но вѣдь и въ столицахъ немного Каратыгиныхъ и Мочаловыхъ». Очень справедливое замѣчаніе; но скажите, какимъ-же образомъ оно можетъ относиться къ актерамъ, которые, съ горемъ пополамъ, разыгрываютъ комедіи и водевили, только безъ куплетовъ, за немѣнѣемъ потъ для пѣнія? Почему-бы не написать, много-ли-де въ столицахъ: Мартыновыхъ, Сосеницкихъ или Щепкиныхъ. По этому, говоря о какомъ-нибудь портномъ въ уѣздномъ городѣ, который хорошо умѣетъ ра-

* Sic! Red.

бстать, можно прибавить, да много-ли и въ столицахъ Брюловыхъ и Бруни? Вѣдь тѣ-же художники!

Говоря о достоинствахъ, г. И. П. . . въ говорить и о недостаткахъ, съ условіемъ, чтобы актеры слушали хладнокровно его замѣчанія, (которыя будутъ ниже) и позаботились искоренить безпорядки, опасаясь, что оставшійся театръ уронитъ драматическое искусство до крайней степени, до кукольной комедіи. Большая нужда оставшескому театру до драматическаго искусства, и драматическому искусству до оставшескаго театра! Признаюсь, хорошо было-бы драматическое искусство, если-бы его уронилъ оставшескій театръ! И въ примѣръ упадка драматическаго искусства по поводу оставшескаго театра приводить: 1, что актеръ Каратыгинъ (оставшескій) уходитъ съ барышнею въ садъ во фракъ, а возвращается на сцену въ сюртукъ; 2, что актриса, вышедъ на сцену, прехладнокровно произноситъ слово: *онъ*, не взглянувъ на жениха своего; и 3, что Брустверовъ съ племянницею и ея женихомъ, въ комедіи: «Ссера», вмѣсто указанной комнаты, скрываются *просто* за кулисы,—значитъ смотрѣть слишкомъ односторонно, и однимъ только глазомъ. Гораздо хуже, если какой-нибудь артистъ играетъ Архивариуса, въ водевилѣ того-же имени, въ сюртукъ, который носятъ полицейскіе офицеры. Что за бѣда, если актриса говоритъ, не смотря на жениха: это изъ скромности. Она играетъ еще недавно, стыдится, а стыдливость — дѣло похвальное; и если-бы даже она сказала слово: «онъ» съ трагическимъ увлеченіемъ, то все-таки и отъ этого ни на вершокъ не поднялось-бы драматическое искусство. Если актеры, вмѣсто указанной комнаты, скрываются *просто* за кулисы, то, скажите пожалуйста, гдѣ-же просто имъ скрыться въ указанной комнатѣ, которая и должна быть не иначе, какъ за кулисами. Вѣроятно, здѣсь тонкій намекъ на то, что нѣтъ проваловъ на сценѣ: очень-мило придумано!

И если-бы даже какой-то Зитюковъ вышелъ на сцену, выпачканный не сажею, а самыми лучшими румянами; и если-бы онъ испугалъ свою роль не на ухо другому актеру, а кричалъ во всеуслышаніе цѣлаго города,

чо и тутъ не уронить и не поднять оставшковскому театру драматическаго искусства. Очень любопытно было-бы узнать, какимъ образомъ это можетъ случиться?

Г. И. Н.—въ совѣтуеть учить реплики, имѣть дирижера, то есть, вѣроятно режиссера, и тогда-бы вы, восклицаетъ онъ актерамъ, для сравненія съ которыми понадобились и Каратыгины, и Мочаловы, и тогда-бы вы съ вашимъ театромъ, сдѣлали большой шагъ отъ кочующихъ труппъ. Хорошъ шагъ!... Для этого шага лучше вовсе разучиться ходить, или переломать себѣ ноги. Хороши-же понятія о драматическомъ искусствѣ, театрахъ, и о Каратыгиныхъ съ Мочаловыми!

Не странно-ли представить въ примѣръ неумѣнія одѣваться, актера, въ роли Сутягина (комедія: «Ссора или два сосѣда») слѣдующимъ образомъ: на немъ-де былъ фракъ чернаго сукна, видно надобно зеленаго или краснаго, потому-что онъ приказный; хорошій жилетъ, какъ будто ему, помѣщику Сутягину, нужно явиться въ оборваномъ жилетѣ; изрядная шляпа, (опять намекъ: онъ изъ приказныхъ, слѣдовательно, долженъ былъ надѣть трехуголку), и плащъ, который, вѣроятно, надлежало замѣнить чѣмъ.... и придумать не возможно. Положимъ Сутягинъ въ дорогѣ, но онъ носпѣшно уѣхалъ за сыномъ, котораго увезла барышня, и въ чемъ былъ, въ томъ и отправился, даже позабылъ взять свой дорожный погребецъ съ винами, что для него необходимѣе всѣхъ возможныхъ костюмовъ. Да къ тому же все это такія мелочи!

И теперь, вѣроятно, появятся цѣлыя томы, не говоря о брошюрахъ, объ оставшковскомъ театрѣ; да какъ-же иначе? Писать, писать объ немъ непремѣнно! Вы вѣрите г. И. Н.—ву, что здѣшній театръ можетъ уронить драматическое искусство до кукольной комедіи, и я вѣрю тоже. О, любители театра въ Петербургѣ, Москвѣ, Франціи, Англии, во всемъ мірѣ, что будетъ съ вами? Какая ужасная будущность готовится вамъ. Упадетъ оставшковскій театръ, съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ драматическое искусство! И когда погибнетъ оно, что тогда скажетъ цѣ-

ый свѣтъ, что скажетъ само погибшее искусство о здѣшнемъ театрѣ? Какая бѣдственная доля нисходитъ на нашъ театръ!... Гг. актеры!... г. Зитюковъ! г. Карповъ!... и прочіе, и прочіе!... всего 16 человѣкъ!... г-жи всѣ актрисы!... то есть, одна актриса!... прошу васъ убѣдительнѣе... вы видите мои слезы!... сердце мое обливается кровью!... рыдая, прошу васъ!... играйте хорошо, старайтесь, трудитесь, а то!... горе! горе!... если вы не станете играть хорошо, то вспомните слова И. Н—ва: «Погибнетъ драматическое искусство!» Не погубите, не уроните! Спросите у учителя исторіи: какимъ проклятіямъ потомства подвергся какой-то Калифъ, (вѣдь вы знаете, что такое Калифъ), за то, что сжегъ какую-то библіотеку (вы знаете, что такое библіотека), а какимъ-же именемъ исторія назоветъ васъ, погубителей драматическаго искусства, уронившихъ его до кукольной комедіи? А это событіе, если точно оstashковский театръ уронить драматическое искусство, непременно будетъ занесено въ исторію, хотя того-же самаго искусства, котораго послѣдняя глава, какъ должно думать, будетъ напечатана подъ заглавіемъ: *Ostashковский театръ*.

Шутки въ сторону, но можно-ли-же и говорить серьезно о сужденіяхъ рецензента нашего театра? Не представляю страннаго мнѣнія о здѣшнихъ актерахъ, въ слѣдствіе котораго послѣдніе стали первыми, за исключеніемъ одного Митина: это было-бы не любопытно для читателей, и могу имѣть видъ полемики, отъ которой избави меня Боже! но никакъ не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что повѣствуетъ г. И. Н—въ. Какой-то гражданинъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на образованность, объявилъ ему, что будто-бы ostashковский театръ есть нѣкоторое подобіе столичныхъ, и, какъ замѣтно, онъ повѣрилъ на слово этому гражданину. Неужели девять ложъ, называемыхъ изъ учтивости ложами, два ряда креселъ и нѣсколько стульевъ, даютъ провинціальному театру право на сравненіе съ столичными? Забавно было-бы! Чтѣ-бы спросить г. И. Н—ву у людей истинно просвѣщенныхъ ихъ мнѣніе о здѣшнемъ театрѣ, тѣмъ-болѣе, что въ городѣ, хотя и не много, но

есть граждане, получившіе блистательное образованіе и выдавшіе театры почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ, и они вѣрно-бы сказали ему: «нашъ театръ ни подобіе, ни предметъ для сравненія со столичными театрами; онъ *просто* пріятное развлеченіе въ длинныя зимніе вечера. Сыграютъ актеры хорошо, благодарны; сыграютъ худо, что-же дѣлать!... мы и не думаемъ видѣть въ нихъ столичныхъ актеровъ... они просто: Зитюковъ, Карповъ, и прочіе... всего 16 человекъ... и *всѣ* наши актрисы; только *одна* актриса».

Е. ЗИМНІЙ.

Остатки сев.

ФИЗИОНОМІЯ МАСЛЯНИЧНЫХЪ БАЛАГАНОВЪ.

Наконецъ-то сѣверное небо наше перестало хмуриться; солнышко встало свѣтлое на чистомъ, голубомъ небѣ, бросая блѣдно-желтый свѣтъ на снѣгъ, выпавшій за-ночь. Весело и шумно тянутся двѣ пестрыя, движущіяся полосы по Невскому проспекту, потерявшему отличительный характеръ свой, образуемый двумя противоположными сторонами его, изъ которыхъ ту, на которой находится Гостинный Дворъ можно назвать *дѣловою*, а другую, усыпанную заманчивыми кондитерскими и роскошными магазинами, *праздною*. Теперь-же всѣ гуляющіе, и по той и по другой сторонѣ, праздно или, лучше сказать, всѣ заняты однимъ дѣломъ, всѣ стремятся къ одной цѣли, къ *балаганамъ!*

Вотъ виднѣются уже огромные деревянные шалаши... Холодный, пронизательный вѣтеръ, поднимающій воротники шубъ и шинелей и румянищій (за недостаткомъ добраго мороза) пухленькія и непухленькія щечки сѣверныхъ красавицъ, наноситъ отрывистые звуки трубъ, мѣдныхъ тарелокъ и бой барабановъ. Но вотъ мы на площади. Красные и голубые флаги весело развѣваются на балаганахъ, около которыхъ тянутся красивыя сани, національная роскошь русскихъ богачей. Крики кучеровъ и жандармовъ, зазывы сбитеньщиковъ, пряничниковъ и комедіантовъ, громкіе выстрѣлы, раздающіеся въ *разбой-*

ническихъ балаганахъ, скрипъ страшныхъ вертикальныхъ качелей, на которыя, по словамъ иностранцевъ «только русскій можетъ сѣсть для своего удовольствія, безъ всякаго принужденія», сопровождаемый рѣзкими варіаціями свирѣли и русскою, чисто-деревенскою пѣснею—все это вмѣстѣ составляетъ самую шумную, разнообразную, веселую картину, исполненную жизни и національности. Привистывая и размахивая руками, молодой парень летить на крошечныхъ саночкахъ съ горъ; у него занимается духъ, на самомъ крутомъ скатѣ что-то неизъяснимое обхватываетъ душу его.... славно! Этого-то ему и надобно «чтобы за душу хватало»!

Подойдемте поближе къ балаганамъ. Паяцъ, съ важностью, неприличной званію его, прохаживается взад и впередъ по балкону, закинувъ руки на спину, и по временамъ бросаетъ гордый взглядъ на народъ. Мальчишка, въ старой сѣрой шинели съ истертымъ бархатнымъ откиднымъ воротникомъ, стоитъ у дверей и кричитъ рѣзкимъ голосомъ: «Прррворнэ, господа, сячасъ начивайсѣ! Прррворна!»!

На вывѣскѣ, на которой представлены обезьяны въ разныхъ забавныхъ положеніяхъ, написано:

№ 4-й Дѣтскій театръ и представленіе съ Аблизіаннами
Ботъ онъ и Автоматъ.

Зайдемте съ дѣтьми, вѣдь это для нихъ. Внутренность балагана самая неблагоприятная. Стѣны à jour, потолокъ тожъ; только надъ креслами, на перекладныхъ бревнахъ наложенъ потолокъ, сквозь который медленно и рѣже просачиваются капли таящаго на крышѣ снѣга. Нѣсколько нечищенныхъ, разнокалиберныхъ кенкетокъ и еще какая-то странная люстра слабо освѣщаютъ внутренность балагана. Музыканты, съ чрезвычайнымъ *laisser-aller* что-то наигрываютъ. Только громкія восклицанія дирижера въ нагольномъ тулупѣ и бараньей шапкѣ даютъ знать публикѣ, что это какой-то 48-й номеръ. Наконецъ звонъ колокольчика возвѣщаетъ начало представленія, несмотря на то, что публики собралось только 27 человекъ,

считая въ томъ числѣ музыкантовъ и полицейскихъ слу-
жителей. Сердца милыхъ малютокъ начинаютъ биться
сильнѣе: одни хлопаютъ въ ладоши, съ веселымъ личи-
комъ; другіе гордо посматриваютъ на присутствующихъ,
какъ-бы говоря: «Это для насъ будутъ играть!» — Они
правы, потому-что одна уже вывѣска наобѣщала имъ
столько чудныхъ, дивныхъ вещей. Занавѣсъ взвился.
Можно-бъ даже сказать, что настала всеобщая тишина,
еслибъ несносный шумъ мѣдныхъ инструментовъ не раз-
диралъ зрителямъ ушей. Черезъ сцену протянуть тол-
стый канатъ; къ нему прикрѣплена кукла, которая начи-
наетъ вертѣться и кривляться. Но этого дѣтямъ не до-
вольно; это ихъ не забавляетъ: имъ нужны театръ, пан-
томима, обезьяны!... Услужливый хозяинъ угадываетъ
желаніе ихъ и вотъ на сцену является мужчина высока-
го роста, въ длинномъ сюртукѣ, съ страшными бакен-
бардами, небритый, грязный, нехорошій. Дѣти невольно
жмутся къ маменькамъ или нянюшкамъ. Бѣдняжечки!
они пришли повеселиться, посмѣяться, а ихъ пугаютъ
какимъ-то *stoupe-mitaine*. Но страхъ скоро проходитъ:
они увидѣли обезьяну, маленькую саблю, обручъ и ящи-
чекъ въ рукахъ у небритаго великана. Бѣдное жи-
вотное, дрожа отъ холоду, скалить зубы на зрите-
лей, попрыгиваетъ и по временамъ испускаетъ жало-
бный пискъ. Но грознымъ восклицаніемъ: «*Allons
done! Voyons*» и проч. неумолимый хозяинъ заста-
вляетъ свою *Аблизіану* плясать; потомъ, послѣ дуэли,
состоящей въ томъ, что онъ бьетъ маленькой палочкой
о саблю, которая у обезьяны въ рукахъ, онъ приказыва-
етъ ей вложить саблю въ ножны. Отъ холоду-ли или
по другимъ причинамъ она никакъ не можетъ этого сдѣ-
лать и хозяинъ сердито.... самъ вкладываетъ саблю въ
ножны. Этимъ оканчивается *представленіе съ Аблизіа-
нами*.

Полуразочарованные дѣти поглядываютъ другъ на дру-
га. Но занавѣсъ опять поднялся. Новая декорация. Являет-
ся полишинель. А! наконецъ театръ, кукольная комедія!
Сколько радостей въ этихъ словахъ!... Опять разочаро-
ваніе и уже полное, совершенное, окончательное. Вся

комедія, весь сюжетъ ея состоитъ въ томъ, что является полишинель и уходитъ. Потомъ приходитъ Испанецъ и уходитъ; за нимъ приходитъ и уходитъ русская крестьянка; потомъ карликъ дѣлается великаномъ; далѣе кустанъ *хочетъ* превратиться въ хижину и... конецъ.

Вотъ чѣмъ забавляютъ бѣдныхъ дѣтей! Неужели не найдется человѣкъ, который наконецъ пойметъ, что всѣ эти пошлые, ничего не значащіе *дѣтскіе театры*, должны получить другое направленіе? Мы даже готовы отказаться пока отъ существенной пользы въ подобныхъ дѣтскихъ увеселеніяхъ, мы самую забаву уже будемъ считать пользой; такъ, по-крайней-мѣрѣ, забавляйте!... Неужели страданія бѣднаго животнаго могутъ доставить какое нибудь удовольствіе дѣтямъ? Не можетъ-ли, напротивъ, повторенное зрѣніе этихъ страданій ожесточить невинное сердце и произвести на него самыя вредныя впечатлѣнія, для искорененія которыхъ не достаточно будетъ потомъ нѣсколькихъ лѣтъ?

Мы сами слышали, какъ нѣкоторые дѣти, тронутыя мученіемъ бѣдной обезьяны обращались къ родителямъ прося ихъ, чтобы они не велѣли мучить ее. Это еще слава Богу!

№ 2-й. Колл. Велле.

Мы помнимъ, что еще въ прошломъ году эта самая компанія являлась подъ фирмой: *лошадиная компанія Велле*; это нѣсколько похоже на *козскую статую Карла Великаго*. Но не въ имени дѣло. Въ компаніи Велле есть одна преумная лошадка, которая по приказанію хозяина вальсируетъ и носитъ поноску не хуже любого пуделя. Все-же прочее въ этой компаніи, и лошади и люди, тяжелы, не поворотливы и стары.

Все это совершенно справедливо, но зачѣмъ водить дѣтей въ такіе балаганы? Здѣсь они могутъ только простудиться и ничего болѣе. Для нихъ есть прекрасный *дѣтскій театр* въ Большой Морской, гдѣ они могутъ провести время съ удовольствіемъ и съ пользою. Ред.

Впрочемъ *Сулме*, котораго балаганъ выстроятъ нѣсколько подагѣ, совершенно затмѣваетъ и ввергаетъ въ ничтожество бѣднаго *Велле*, не смотря на то, что послѣдній хотѣлъ перещегоолять *Султанскаго Штальмейстера пантомимнымъ представленіемъ*, говоря языкомъ вывѣски «дѣтскаго театра». Дѣйствующія лица въ этой пантомимѣ какіе-то разбойники, въ греческихъ костюмахъ; принцъ съ супругой въ грязномъ платьѣ и съ ухватками, по которымъ ее можно принять за переодѣтаго мужчину, чего, однакоже, бѣдный принцъ, съ ухватками волтижера, не примѣчаетъ; онъ такъ ослѣпленъ страстію, что даже рѣшается защищать дрожащую половину свою противъ 7 или 8 разбойниковъ. Спектакль оканчивается громкой стрѣльбой. Мораль этой пантомимы та, что отъ разбойниковъ можно отблаться жандармами.

№ 5-й. Фантастическое представленіе или разбойники на море.

Опять разбойники!—Балаганъ этотъ почище и поаккуратнѣе двухъ предшествовавшихъ, но увы! по внутреннему достоинству ни сколько не превосходить ихъ. Въ этомъ *фантастическомъ* представленіи рѣшительно нѣтъ ничего фантастическаго. Это опять разбойники, но уже не въ греческихъ костюмахъ, а въ трехъ-угольныхъ шляпахъ; они поютъ русскія пѣсни. Занавѣсъ подымается. Нѣсколько картонныхъ лошадей, коровъ и козловъ разставлены въ симметрическомъ порядкѣ и покачиваютъ головами. Пастушокъ играетъ въ рожокъ. Зрѣлище самое умиленное! Раздается свистъ и шумъ. Вы уже думаете, что сей-часъ явятся разбойники, разгонятъ стадо, убьютъ пастуха.... ничего не бывало! Вы не знаете, что за коровами проведена желѣзная дорога, по которой мчится паровозъ безъ дыму. Сорока-копѣечныя мѣста рукоплещутъ. Эта мысль (скрыть желѣзную дорогу за коровами) имъ понравилась. Передъ стадомъ опускается декорация, которая должна представлять *богатую залу*. Входитъ принцъ съ тремя принцессами и не знаютъ, что имъ дѣлать, а потому, для препровожденія времени, на-

-чиваютъ махать руками. Но вотъ разбойники. Начальникъ ихъ съ страшными усами и въ костюмѣ, взятомъ на прокатъ изъ табачной лавочки, поражаетъ васъ ужасомъ!... Рукоплесканія *свыше* усиливаются. Въ рукахъ атамана ножъ... Но онъ вамъ уже болѣе не страшенъ, потому, что всмотрѣвшись пристальнѣе въ черты грознаго Ринальдини, вы узнаете въ немъ того, который сегодня, вчера или на прошлой недѣлѣ преклонялъ предъ вами колѣни.—«Какъ! Помилуйте! Что вы горите?» восклицаете вы: «да развѣ мы городовые, будочники или квартальные, чтобы однимъ взглядомъ могли заставлятъ разбойниковъ падать предъ нами на колѣни»?...—Нѣтъ; вы, можетъ-быть, и не будочникъ, и не городской, и не квартальный,—это не мое дѣло!—но вы навѣрное носите сапоги, которые вамъ болѣе или менѣе въ-пору?... Сапожники, снимая мѣрку, имѣютъ привычку становиться на колѣни, а такъ-какъ нашъ Ринальдини ни кто иной, какъ сапожный подмастерье, то ужъ онъ, вѣрно, предъ кѣмъ-нибудь изъ васъ стоялъ на колѣняхъ. Силлогизмъ вѣрный.

Вотъ гдѣ кстати можно сказать:

«Schuster, bleib' bei deinem Feißen!»

Бѣда козь пироги начнеть печи сапожникъ,

—И А сапоги точать пирожникъ!

№ 4-й. Сулье.

Это что такое?—Это Сулье.—Да что такое Сулье?—Какъ! Неужели вы не знаете Сулье? Не можетъ быть! Помилуйте, это тотъ *великій* Сулье, который носитъ званіе штабмейстера турецкаго Султана и который, какъ говорятъ, украшенъ двумя турецкими орденами.

«Благороднѣйшая побѣда, какую только когда-либо одержалъ человекъ, есть побѣда его надъ конемъ, этимъ гордымъ и неукротимымъ животнымъ, раздѣляющимъ съ нимъ военныя опасности и славу битвъ: столь-же не-

«устрашимый, какъ и хозяинъ его, конь видитъ опасность и идетъ ей на встрѣчу; онъ привыкаетъ къ «бранному шуму и любить его. Столько-же покорный, сколько и храбрый, конь *умѣетъ удерживать порывъ пылкой природы своей*; онъ не только подчиняется волѣ того, кто имъ управляетъ, но даже *старается предупредить его желанія*; это удивительное существо отсказывается отъ собственнаго бытія своего, чтобы существовать и дѣйствовать по волѣ челоуѣка» и пр. и пр.

Чрезвычайно-дѣтское, но не совсѣмъ вѣрное описаніе коня, сдѣланное знаменитымъ Бюффономъ. Лошадь повинуется *волѣ челоуѣка по неволѣ*, а не по благородному, своевольному признанію преимущества челоуѣка надъ нимъ. Тѣмъ-болѣе должно удивляться терпѣнію и искусству, съ которыми челоуѣкъ *дрессируетъ* лошадь, заставляетъ ее выполнять труднѣйшія маневры, и между тѣмъ самъ стоитъ или сидитъ на ней, какъ на чемъ-нибудь твердомъ, неколебимомъ. Не смотря на то, что лошадѣй представляютъ намъ животными чуть ли не разумными, для дрессировки ихъ употребляютъ самыя жестокія средства. Въ доказательство словъ нашихъ, мы представимъ нѣкоторые примѣры. Поговорите съ любымъ волтижеромъ или берейтеромъ, и въ минуту откровенности, онъ скажетъ вамъ:

— Вы не повѣрите, какое упрямое животное лошадь и какъ трудно *сдѣлать что-нибудь изъ нея*; во первыхъ, надобно кричать на нее самымъ громкимъ, *грозымымъ* голосомъ, (это доказываетъ Велле: онъ такъ отчаянно кричитъ на маленькую лошадку свою, когда она вальсируетъ, что заглушаетъ даже музыкантовъ); должно бить ее толстымъ ремнемъ по головѣ, чтобы оглушить ее; накидывать въ минуту бѣшенства темное покрывало на глаза; заставлять бѣгать, безпрестанно прищоривая, до тѣхъ-поръ, пока она упадетъ, изнуренная усталостію и болью; загонять ее въ какую нибудь яму, чтобы научить останавливаться на краю пропасти и т. п. Другіе доводятъ жестокость до того, что вырываютъ у лошади четыре зуба, чтобы удобнѣе было вкладывать удила!

— Какъ послѣ этого не подчиняться волѣ и не стараться предупредить желаній хозяина!

Но послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мученій и страданій, лошадь имѣетъ свое вознагражденіе.... кусокъ сахару. Это средство имѣетъ на конскую натуру самое благотворное дѣйствіе: чего нельзя сдѣлать кнутомъ и шпорами, до того вѣрно можно достигнуть кускомъ сахару.

Впрочемъ есть еще другія средства: такъ наприимѣръ у *Турньера* * мы видѣли пантомиму, въ которой благородный рыцарь, у котораго похитили возлюбленную, возвращается на родину, къ замку предковъ своихъ, исполненный горести и отчаянія. Передъ самымъ замкомъ, подъ тѣнію густой листвы, для него накрытъ столъ, съ самыми вкусными, картонными плодами. Но ему не до нихъ: онъ отъ всего отказывается и велитъ подать вѣрному коню своему овса. Конь, привязанный къ листвѣ, печально смотритъ на господина; онъ раздѣляетъ горестъ его, готовъ плакать съ нимъ. Но вотъ является конюшій съ корзиной овса; при одномъ видѣ этой корзины, лошадь уже начинаетъ беспокоиться, пскоса поглядываетъ на овесъ, и, не смотря на всѣ приглашенія конюшаго, съ грустію отворачиваетъ голову! Можетъ-ли она ѣсть, когда хозяинъ ея не-веселъ? Публика въ восторгѣ; всѣ съ изумленіемъ смотрятъ на это чувствительное животное, отказывающееся даже отъ овса!... За то конюшій нисколько не удивляется; онъ очень хорошо знаетъ, что все дно корзины покрыто иглами, острыми вверхъ, на которыхъ лошадь не разъ уже накалывалась. Очень-естественно, что эти иглы до крайности усиливали горестъ лошади!

Мы нисколько не хотимъ унижить собственныхъ достоинствъ лошади, дарованныхъ ей природою, мы только желаемъ разрушить тотъ поэтическій предразсудокъ, по которому лошадь равняется человѣку.... Въ природѣ нѣтъ плеоназмовъ. Лошадь можетъ понимать, сравнивать и помнить, но въ весьма-ограниченной степени. Слѣдательно всадникъ не долженъ забывать, что каждое дви-

* Въ Симіоновскомъ Олимпійскомъ Циркѣ.

женіе его дѣйствуетъ не только на чувственность лошади, но и на память ея; она очень-хорошо помнитъ дурное или хорошее съ нею обращеніе и тотчасъ понамасть неловкость или непривычку къ верховой ѣздѣ всадника.

Какъ-же не удивляться искусству людей, столько ознакомившихся съ натурой лошадей, что они дѣлаютъ съ ними и на нихъ что хотятъ! Изъ небольшихъ примѣровъ искусства труппы Сулье, нельзя еще опредѣлять съ точностію достоинствъ ея, но намъ кажется, что едва-ли было у насъ въ Петербургѣ что-нибудь подобное, не исключая даже Турньера и Готье.

Мы не могли довольно надивиться ловкости Сулье, когда онъ одинъ управлялъ четырьмя неосѣданными лошадьми. Онъ пустилъ ихъ во весь галопъ, легко переступалъ съ одной на другую, летѣлъ съ ними, пересѣкая воздухъ, и останавливалъ ихъ всѣхъ вдругъ, однимъ движеніемъ руки. Еще удивительнѣе то, когда Сулье съ однимъ молодымъ человѣкомъ показываетъ свою ловкость и силу, на двухъ лошадяхъ. Онъ подымалъ молодаго человѣка надъ головой, ставилъ его къ себѣ на плеча, подымалъ одною рукою за поясъ и держалъ на воздухѣ, между-тѣмъ какъ лошади не переставали бѣжать ровнымъ галопомъ. Большая часть этихъ самыхъ штукъ повторяется двумя дѣтьми, которыя, сверхъ-того, принимали на двухъ лошадяхъ самыя милыя граціозныя позы. Молодая дѣвушка съ такою ловкостью, твердостью и смѣлостью отличается на красивомъ бѣломъ конѣ, что не уступитъ любому берейтору. Искусство труппы Сулье непостижимо; право, можно вѣрить въ волшебство.

Кстати о волшебствѣ. То, что ведетъ теперь къ обогащенію, встарину вело прямо на висѣлицу или на костеръ. Вотъ тому примѣръ:

Въ 1664 году, Неаполитанецъ, по имени *Піетро*, имѣлъ маленькую лошадку, которую онъ звалъ *Моракко*. Піетро умѣлъ воспользоваться природными способностями лошадки и дрессировалъ ее такъ, что могъ управлять ею безъ сѣдла и уздечки; она повиновалась одному слову

его: ложилаь, становилась на колѣни и кланялась публикѣ столько разъ, сколько хозяинъ приказывалъ. Она носила платокъ, перчатку или другую какую либо вещь, по приказанію хозяина. Обойдя большую часть Европы съ своей лошадкой, Піетро накопилъ себѣ небольшое состояніе и рѣшился воротиться домой на покой. Прѣзжая чрезъ одинъ французскій городъ, (Arles), онъ поспорилъ съ хозяиномъ постоялаго двора, который никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы лошадка могла дѣлать тѣ чудеса, о которыхъ Піетро рассказывалъ. Въ оправданіе словъ своихъ, Неаполитанецъ вывелъ лошадку на площадь. Весь народъ пришелъ въ величайшее изумленіе, въ слѣдствіе котораго всѣ, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, отступали отъ Піетро, принимая его за колдуня, а лошадку за самого чорта.

Тутъ-же несчастнаго обвинили въ чародѣйствѣ, а въ то время подобное обвиненіе равнялось смертному приговору, и точно, нѣсколько дней спустя и Піетро и Моракко были сожжены на площади, въ присутствіи всего собравшагося народа!...

№ 5-й. Бомбовъ и Компанія, будутъ пѣть и плясать по Цыгански.

Жалкая, хотя неумышленная народія на цыганъ! Бомбовъ и компанія вполне постигли, для какой публички и для какихъ зрителей они играютъ, потому что болѣе двухъ третей балагана отдѣлены для сорока-копѣчныхъ мѣсть, откуда безпрестанно раздастся громкій смѣхъ и сильныя рукоплесканія при шуточкахъ паяцца, въ родѣ слѣдующихъ:

— Поставь сперва правую ногу, говоритъ паяццу прислужникъ, въ красномъ французскомъ кафтанѣ, уча его взобраться на канатъ.

— Ну, поставилъ! отвѣчаетъ паяцъ, исполняя приказаніе красного кафтана.

— Теперь лѣвую; да держись за палку.

— И лѣвую поставилъ, и за палку держусь.

— Теперь опять правую.

Паяцъ съ недоумѣніемъ оборачивается къ красному кафтану и спрашиваетъ:

— Что ты говоришь?

— Поставь правую; развѣ не понимаешь?

— Какъ не понимать! отвѣчаетъ паяцъ, сердито отходя отъ каната: да гдѣ мнѣ ее взять? Вѣдь у меня только двѣ ноги, а ты говоришь: поставь правую, лѣвую, еще правую.... ты насчиталъ цѣлыхъ три!

Всеобщее удовольствіе въ верхнихъ слояхъ.

Для любителей подобныхъ балагановъ, остроты Бомова и *кони Велле* сущій кладъ! Особенно послѣдній, потому-что тамъ представляютъ и *верхами*, и *пшыками*.

О *Цыганскихъ* пѣсняхъ и пляскахъ, которыя также хорошо, даже еще вѣрнѣе можно назвать *рускими*, и которыми предводительствуетъ какой-то цирюльникъ, мы и говорить не станемъ. Это слишкомъ непріятно.

Наконецъ дошла очередь до царя балагановъ, до наслѣдника прославившихся у насъ *Кіарини* и *Лемана*. Вмѣшаемъ въ толпу, тѣснящуюся у входа въ балаганъ, который по огромности и внутреннему достоинству первенствуетъ надъ всѣми прочими. Войдемте-же въ этотъ балаганъ балагановъ.

№ 6-й. Братья Леманъ.

У всѣхъ насъ еще свѣжъ на памяти Леманъ; Кіарини же мало кто помнитъ. Память о немъ, какъ о чемъ-то чудномъ, дивномъ, свѣжа еще во мнѣ, какъ одно изъ воспоминаній пѣжныхъ, дѣтскихъ лѣтъ, а потому я не могу сравнивать прошедшаго съ настоящимъ, ибо, невольно повинуюсь пріятному впечатлѣнію, произведенному на ребенка, отдамъ преимущество первому. А между-тѣмъ Леманъ удивительно хорошъ! Хотя общее въ пантомимныхъ представленіяхъ его и не имѣетъ полнаго смысла, за то частности, отдѣльныя сцены носятъ на себѣ отпечатокъ чистаго комизма, смѣшаннаго часто съ веселой насмѣшкой, забавной и тонкой. Игра актеровъ труппы

Легата почти безъ исключенія хороша и выразительна; костюмовка опрятна и даже красива; большая часть декораций превосходна — особенно одна зеленая компата; превращенія забавны, остроумны и всегда прекрасно выполнены. Окончательная картина великолѣпна. Про Легата рассказывать нельзя, его надобно видѣть. Идите-жь, господа, вы отъ-души посмѣйтесь!

Но....

Неужели это несносное *по* должно быть всегда, вездѣ и во всемъ? Неужели оно должно бросать каплю горечи во всѣ удовольствія наши?... Что дѣлать!

Но.... балаганъ Легата и великъ, и хорошъ, но порядку въ немъ нѣтъ!...

Во-первыхъ лѣстницы чрезвычайно узки и неудобно расположены, такъ, что давка нестерпимая; во-вторыхъ покатость пола не довольно-сильна, такъ-что люди, которымъ приходится сидѣть на заднихъ скамьяхъ, ничего не видятъ и по-неволѣ должны вставать на скамьи, послѣ чего заднимъ уже рѣшительно ничего не видно; отъ того происходятъ ссоры, шумъ, а главное неудобство то, что скамьи не выдерживаютъ усиленной тяжести и подламываются.... При насъ *вынесли* двухъ человѣкъ, которымъ переломившаяся скамья и повалившійся народъ сильно повредили ноги.

Полагаемъ, что братья Легатъ сами замѣтили эти неудобства и избѣгнуть ихъ въ балаганѣ, который выстроить къ Святой-недѣлѣ; тогда удовольствіе зрителей будетъ совершенно.

«Пуганая ворона и куста боится» — мы приводимъ эту поговорку, въ слѣдствіе комическаго приключенія, чуть не сдѣлавшагося трагическимъ, въ балаганѣ Легата. Декорация представляла кабинетъ стараго доктора. Слуга приноситъ скелетъ и хочетъ поставить его въ шкафъ — но скелетъ не повинуется, движеніемъ руки отводитъ онъ отъ себя слугу, и сначала медленно, потомъ уже скорыми шагами приближается къ аванъ сценѣ. Одно изъ стеколъ кенкетокъ въ рамѣ лопнуло и что-то загорѣлось. Небольшое пламя вспыхнуло и холодный остова старался, вмѣстѣ съ прочими дѣйствующими лицами, затушить

огонь. Приключеніе это, само-по-себѣ незначительное, внезапно пробудило во всѣхъ зрителяхъ воспоминаніе о страшномъ несчастіи... Масса публики заколыхалась, часть бросилась къ выходу. Однакожъ, благодаря забавнымъ шуткамъ Пьеро, мало-по-малу все пришло въ прежній порядокъ. Только въ то время, когда на сцену спустились облака, образуя небо, и когда появлялись кушдоички, какой-то мужчина въ полу-пряткулярномъ, полу-балаганномъ костюмѣ явился между облаками, съ мокрымъ тулупомъ, которымъ совершенно затушилъ огонь.

№ 7-й. Звѣринецъ.

— Исполте слушать, господа! Я будетъ имѣть шесть вамъ рассказывать натуральна исторія отъ всѣ звѣри, который ви здѣсь видить.

Этъ *Американскій дикобразъ*. У него есть шесть годовъ отъ роду. Онъ очень сердится и защищается своимъ игламъ. *Ja, will er wohl aufstecken!*

Исполте посмотрѣть! Этъ полосатая *Гіэппа*. У него есть тесять годовъ отъ роду. Онъ больше этого расту не биваетъ. (Гіэппа скалитъ зубы).

Исполте посмотрѣть! Этъ *барсъ, пантеръ или леопардъ*. Ему три годовъ отъ роду. Совершеннаго ростъ онъ биваетъ одинъ аршинъ въ вышину и два аршинъ въ длину. Онъ очень сердится и кусаетъ. Его кормятъ съ *живымъ мясо*. (И новыій фанъ Амбургъ просовываетъ руку между шестами желѣзной рѣшетки и треплетъ *барса, пантера или леопарда*, который рычитъ и валяется на спинѣ, какъ собака).

— Вотъ этъ *казуаръ*. Онъ родомъ изъ *Аустралиенъ*. У него нѣтъ перья, *за то* онъ покрытъ съ лошадиный волосъ, *отчего* бѣжитъ скорѣй какъ лошадь, *почему Аустралианцы* ѣдутъ на немъ верхомъ, и проч. и проч. и проч.

Презанимательныій курсъ Естественной Исторіи, особенно надъ полуживыми, тощими животными!...

№ 8-й.

Этотъ балаганъ раздѣленъ на двѣ части; въ меньшей помѣщается *Пальтрама*. Въ этомъ скромномъ, мало по-

сѣщаемомъ уголкѣ, заключается едва-ли не самое замѣчательнѣйшее на всей площади. Пальярама не что иное, какъ косморамъ различныхъ видовъ, съ изумительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ сплетенныхъ изъ соломы, и вполне заслуживающихъ вниманія, между-тѣмъ какъ только одни школьники или добрые мужички, пользуясь тѣмъ, что привходѣ можно торговаться и что, не-смотря на выставленную цѣну, ихъ выпускаютъ за 5 или 10 коп. серебромъ, посѣщаютъ этотъ уголокъ и выходятъ изъ него разочарованные, не зная даже, на что смотрѣли и полюбовавшись только представленными на картинахъ лошадами или человѣчками....

Въ другой половинѣ этого балагана дается *блестательное ориентальное представленіе съ индійскими плясками, костюмами и обычаями*. Хозяинъ этого балагана тотъ самый *Индіалецъ Медуа Самме*, котораго проворству и ловкости мы уже удивлялись въ Дѣтскомъ Театрѣ, слѣдовательно, мы не станемъ здѣсь распространяться на-счетъ Самме, тѣмъ-болѣе, что въ январской книжкѣ *Пантеона и Репертуара* заключается очень-интересная статья, до него касающаяся.

№ 9-й. Пантомимное представленіе. Двѣнадцатилѣтній Геркулесъ будетъ показывать удивительно-сильныя штуки. Съ девизомъ: зайдите, посмотрите и судите!

Такой девизъ, вѣроятно, напомнитъ вамъ эпитафія «Литературной газеты»: «Сдѣлайте одолженіе, читайте». Очень-плохо, когда мы подобныя балаганы должны считать лучшими и забавнѣйшими для дѣтей, а подобныя газеты—достоинными чтенія газетами. *Удивительно-сильныя штуки* 12-ти лѣтняго Геркулеса точно удивительны и могутъ быть объяснены только постоянными упражненіями; но мы не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ подобныя кривлянья и ненатуральныя положенія могутъ забавлять. Изъ одного любопытства ходили мы смотрѣть на *Людей-диво*, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣщали огромными афишками объ изумительныхъ положеніяхъ, которыя они въ состояніи принять. Но скажите, ради-Бога, что можетъ быть пріятнаго въ томъ, если человѣкъ, изкривившись до нельзя, можетъ получить нѣ-

которое сходство съ лягушкой? Жаль и неприятно было смотреть на этихъ людей, которые послѣ всѣхъ экаровъ и кривляній, съ улыбающимся и самодовольнымъ лицомъ обращались къ публикѣ, какъ-бы говоря, что это для нихъ бездѣлица! А еще неприятнѣе было смотреть на публику, которая, вѣроятно, по возбужденію наемныхъ клакеровъ, и не вникнувъ въ сущность дѣла, аплодировала, сама не зная чему. Неужели всѣ эти кривлянья прибавятъ что-нибудь къ достоинствамъ, дарованнымъ природою человѣку? Неужели человѣкъ, которому, можетъ-быть, уже въ пеленкахъ, закидывали ноги на спину, достигъ этимъ цѣли существованія своего?... Да, если цѣль это ни что иное, какъ зарабатываніе денегъ. Однакоже, слава Богу, вкусъ нашъ еще не такъ испорченъ, чтобы подобныя *штуки*, поразившія насъ сначала новизной, могли долго нравиться намъ! Вскорѣ французское названіе этихъ людей — *Les hommes-monstres* — стало вѣрнѣе переводиться на русскій языкъ — *Люди-чудовища* или еще вѣрнѣе *Люди-уроды*! А такъ какъ человѣкъ, произвольно уродующій себя также отвратителенъ, какъ и человѣкъ дѣлающій гримасы, то *люди-уроды*, послѣ тщетныхъ *повторенныхъ* объявленій о *последнемъ* представленіи по *востребованію*, удалились во свояси. Однако пребываніе ихъ въ нашей столицѣ имѣло вліяніе на балаганы. Мало-по-малу въ низшихъ слояхъ общества стали разводиться уроды-самоучки. Намъ перѣдко случалось видѣть мальчишекъ, игравшихъ въ бабки на задворкѣ и дѣлавшихъ знаменитый *grand écart*. Этому вліянію не избѣгъ и Вейнертъ, хозяинъ и отецъ 12-ти лѣтняго Геркулеса-урода, который кривляется и коверкается самымъ неприятнымъ образомъ. Но отведемте глаза отъ этого неприятнаго зрѣлища и посмотримте на пантомимное представленіе.

Въ балаганѣ Вейнерта играютъ дѣти, и играютъ не совсѣмъ дурно. Превращенія довольно-хороши, не смотря на то, что зрители ясно видятъ вездѣ протянутыя веревки и шнурки; впрочемъ и это обстоятельство имѣетъ свои выгоды: по этимъ веревкамъ удобнѣе объяснять дѣтямъ весь механизмъ этихъ метаморфозъ.

Вейнертъ постоянный житель Петербурга и живетъ

тѣмъ, что зарабатываетъ, представляя лѣтомъ на дачахъ, а зимой въ городѣ, куда его потребуютъ. Главное искусство его состоитъ въ фокусахъ. Какъ новый Пинетти превращаетъ онъ воду въ вино, уноситъ изъ кармана вашего часы, табакерки, деньги и т. п. Намъ случилось видѣть его въ частныхъ домахъ, куда онъ обыкновенно является со всѣмъ домомъ своимъ; жена пляшетъ съ нимъ на ходуляхъ и помогаетъ въ фокусахъ; дѣти показываютъ Геркулесовскую силу и представляютъ пантомимы; даже канарейки, собака, зайчики, голуби и козель его не даромъ ѣдятъ хозяйскіи хлѣбъ!...

Но мы обошли всѣ балаганы. Много вывѣсокъ, много зазывовъ, много громкихъ объявленій, а мало, очень мало интереснаго. Куда-же теперь идти? Домой?... Неужели разстаться съ балаганами, унеся то непріятное впечатлѣніе, которое они въ насъ оставили? Нѣтъ, пройдемте еще разъ по площади, посмотримте на вѣшнюю сторону площадныхъ удовольствій.

Куда дѣвались эти русскіе Дебюрó, которые съ балкона бросали зѣвающей толпѣ остроты и шуточки, не всегда изящныя, но всегда радушно принятыя этимъ добрымъ русскимъ народомъ, который помнитъ и чтитъ пословицу «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» Мы прошли съ конца на конецъ и не слышали ни одной шуточки, ни одного остраго слова... съ балконовъ, разумѣется. У однихъ выѣзжаютъ на лошадяхъ какіе-то *индивидуумы* въ странныхъ костюмахъ; у другихъ разбойники, въ трехъ-угольныхъ и петрехъ-угольныхъ шляпахъ, выходятъ на балконъ и перекликаются съ внизу-стоящими знаковыми, просящими у нихъ билетовъ; у третьихъ ничего нѣтъ, только музыканты выходятъ въ промежуткахъ между представленіями и тѣшатъ проходящихъ; у Легата-же на балконѣ нѣтъ! Это верхъ *площадной* аристократіи. Помните, что за важничанье, развѣ вы забыли, что балаганъ безъ балкона все равно, что масляница безъ блиновъ? Воля ваша, а, по-моему, балаганъ безъ балкона, и балконъ безъ насмѣшнаго балагура теряютъ типическій характеръ свой!

Но подалѣе собралась толпа; раздается громкій смѣхъ.

Такъ точно, тамъ есть балконъ, на балконѣ медвѣдь, котораго заставляетъ плясать какой-то старшій Индѣецъ. Но этотъ Индѣецъ молчитъ: онъ видно не русскій. Несмотря однакожь на всѣ его прыжки и кривлянья, Индѣецъ что-то не спокоенъ; онъ хочетъ говорить, но его что-то удерживаетъ; некоса и съ боязнію поглядываетъ онъ на хозяина, который стоитъ тутъ-же въ великолѣпномъ костюмѣ индѣйскаго Кацика. Наконецъ хозяинъ удаляется, лицо стараго Индѣйца проясняется, онъ дышетъ свободнѣе.... хозяинъ ушелъ. Старикъ выпрямился, сдѣлалъ страшную гримасу, и указывая на кого-то въ толпѣ, закричалъ хриплымъ голосомъ: *Э—э—э! Рыжая борода!*... И какъ-бы боясь выговора отъ хозяина, старшій Индѣецъ, открывшій передъ народомъ настоящее происхожденіе свое, пустился бѣжать.... Но русское слово, составлявшее всегдашнюю радость и удовольствіе мужичка, произвело настоящее дѣйствіе свое. Шумный, необузданный смѣхъ пробѣжалъ по толпѣ....

Еще одна, доселѣ почти незамѣченная, собственно русская забава, это *райки*. Ихъ было нынѣ множество. Остановитесь и послушайте какую рифмованную прозу, чрезвычайно вольной (въ отношеніи къ рифмамъ), русская бородка объясняетъ незатѣйливые лубочные виды своей подвижной косморамы:

— «Посмотрите, поглядите, вотъ большой городъ *Парижъ*, въ него въѣдешь *угоршъ*, большая въ немъ *колола*, куда поставили *Напаліона*; въ двѣнадцатомъ *году* наши солдатики были въ *ходу*, на Парижъ идти *уладились*, а Французы *взбадаражались*. Трррръ! Другая штука! Поглядите, посмотрите, вотъ сидитъ турецкій султанъ *Селимъ*, и возлюбленный сынъ его *съ нимъ*, оба въ трубки *курятъ* и про-межь собой *говорятъ*.

И много другихъ подобныхъ шуточекъ, которыя, право, забавнѣе большей части всѣхъ этихъ балагановъ, въ которыхъ продуваетъ васъ сквознымъ вѣтромъ.

Кромѣ райковъ, замѣтили мы еще мельницу, крылья которой повертывалъ блѣдный мужичекъ. Онъ зазывалъ приходящихъ такимъ простодушнымъ тономъ и такъ заманчиво, что около него безпрестанно толпился народъ.

Въ нижней части мельницы были устроены маленькія окошечки, закрывавшіяся жестяными ставеньками. Я подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ показываетъ. Лицо блѣднаго мужичка обратилось ко мнѣ и я могъ хорошенько разсмотрѣть его. Въ его, по-видимому, простодушной физиономіи была тонкая черта той ироніи, которую претерпѣнныя горести и лишенія рисуютъ на лицѣ челоуѣка, рѣшившагося воспользоваться легкомысліемъ и любопытствомъ толпы въ свою пользу.

— Посмотрите, баринъ, отвѣчалъ: онъ сами увидите. Не дорого стоитъ. Всего два грошика.

— Да что у тебя тамъ такое?

— Такъ себѣ ничего; повертывается, да и все тутъ.

Я далъ ему мелкую серебряную монету, онъ взялъ ее съ благодарностію и, открывъ окошечко, попросилъ меня, чтобы я туда смотрѣлъ. Потомъ сталъ вертѣть крылья мельницы, прихвывая заунывнымъ голосомъ:

— Ой, верти, верти, верти! Жжжж! Ой, мели себѣ что хочешь, пустяковъ не намели! Скажутъ тебѣ мелешь вздоръ, скажи: люди то же мелютъ!

Какъ я не напрягалъ зрѣніе, но видѣлъ во внутренности этой подвижной мельницы только два вертящіеся горизонтальные жернова. Я посмотрѣлъ съ изумленіемъ на мужичка и хотѣлъ уже спросить, не будетъ ли чего другаго. Но онъ не далъ мнѣ выговорить слова, захопнулъ ставеньку и спросилъ:

— Ну что, баринъ, хорошо-ли? Да смотрите, не говорите никому что видѣли!

Я невольно засмѣялся и, удаляясь, увидѣлъ, какъ ко всѣмъ ставенькамъ приложились любопытные, между тѣмъ какъ блѣдный мужичокъ также монотонно напѣвалъ:

— Ой, верти, верти, верти! Жжжж!

Но уже пять часовъ. Пора обѣдать. Прощайте горы, качели райки и балаганы, до свиданія. Дай Богъ, что-бы къ Пасхѣ вы представили намъ что-нибудь поинтереснѣе!

П. ФУРМАННЪ.

СМЪСЪ.

ИСТОРИЯ ПЪСНИ: «МАЛЬБРУГЪ ВЪ ПОХОДЪ ПОУХАЛЬ». Кто не пѣвалъ старинной пѣсни или баллады, назовите какъ хотите, въ которой описывается какъ «*Мальбругъ въ походъ поухаль*»? Эта пѣсня переведена съ французскаго почти на всѣ европейскіе языки. Но кто возьмется проникнуть историческій или поэтический смыслъ ея? Библиофилъ П. А. Жакобъ полагаетъ, что это эпитаграмматическая бивуачная импровизація какого-нибудь весельчака-офицера послѣ Мальплакетской битвы, во время которой побѣдитель Мальбругъ едва не погибъ. Послѣ этого неволь-но спросишь, что такое слава? Потому-что и въ самомъ дѣлѣ слава или извѣстность, которой достигла эта пѣсня, чуть-ли не безпричѣрна! Но вотъ что непонятно: почему она вошла въ моду шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти героя, котораго она насмѣшливо воспѣваетъ? Она прослави-лась въ 1781 году, при дворѣ Маріи Антоанетты. Королева Франціи родила Дофина: крестьянка Поатринъ была сдѣла-на кормилицей августѣйшаго ребенка. Эта-то мадамъ Поа-тринъ убаюкивала ребенка, напѣвая ему: «*Мальбругъ въ по-ходъ поухаль*». Эта пѣсня, вѣроятно, лучше другихъ усыпля-ла ребенка, почему обратила на себя вниманіе королевны: «Ахъ, Боже мой! что это ты, кормилица, поешь? Какой странный припѣвъ!... Какой наивный слогъ!... Какъ это ми-ло! Повтори, повтори еще!» И мадамъ Поатринъ столько разъ повторяла эту пѣсню, что королева выучила ее наизусть и сама принялась пѣть ее. За королевой пустились

всѣ придворныя дамы: всѣ наперерывъ одна переть другою затверживали напѣвъ, и вскорѣ восторгъ сдѣлался общій; при дворѣ только что и слышно было «*Мальбругъ въ погонѣ погнался*», такъ что и самъ король волей или неволей долженъ былъ запомнить этотъ странный напѣвъ. Изъ Версаля пѣснь эта перешла въ Парижъ; изъ Парижа распространилась по всей Франціи, откуда перескочила въ Англію, Германію и наконецъ къ намъ, въ Россію.

Около этого-же времени Бомарше написалъ *Свадьбу Филаро* и не замедлилъ включить въ комедію свою любимую модную арію и замѣнилъ французскій ничего незначащій напѣвъ «*mironton, mironton, mirontaine*» милымъ стихомъ:

Que mon coeur, que mon coeur a de peine!

Моцартъ на эту-же тему написалъ прелестную арію свою: *Voi che sapete*. Чтоже? Ни романсъ Бомарше, ни арія Моцарта не достигли и сотой доли извѣстности «*Мальбруга*». Рассказываютъ на-счетъ этой пѣсни удивительнѣйшія вещи.

Одинъ французскій дворянинъ, будучи въ Лондонѣ, не зная какъ объяснить извозчику, чтобы онъ везъ его въ Malborough-street, сталъ напѣвать арію «*Мальбруга*». Извозикъ въ то-же мгновеніе понялъ его.

Гете, путешествуя по Франціи, былъ оглушенъ безпрестаннымъ повтореніемъ припѣва «*mironton, mironton, mirontaine*». Явились матеріи, прически, кареты и соусы à la Malbrough. Въ послѣдствіи эта эпидемія нѣсколько поутихла, но все-таки и по-сію-пору, малъ и великъ, бѣдный и богатый, всѣ наизусть знаютъ мелодію, даже слова «*Мальбруга*».

Пѣснь эта прославилась 60 лѣтъ спустя послѣ того, какъ была сложена; прошло еще 60 лѣтъ и вотъ она явилась въ роскошнѣйшемъ изданіи, съ прекрасными полиграфическими виньетками, въ книгѣ, подъ заглавіемъ: *Chants et chansons populaires de la France. Paroles, musique et illustrations.*

ПАРТІЯ НА БИЛЛЯРДѢ. Водевильный анекдотъ. Въ время правленія Мюрата, M-me de N., отличавшаяся прекраснымъ голосомъ и высокимъ музыкальнымъ талантомъ, была представлена къ неаполитанскому двору. Мужъ-же ея, мужчина красивой наружности, но разоренный революціей, не имѣлъ никакихъ личныхъ достоинствъ, кромѣ искусной игры на биллярдѣ, а потому не могъ добиться чести быть представленнымъ къ блестящему двору новаго короля. Однажды, когда Іоахимъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, M-me de N., рѣши-

гась испросить для мужа ту-же милость, которой сама удостоилась. Король согласился, особенно когда узналъ, что de N. принадлежалъ ко двору французскаго короля и имѣлъ крестъ святаго Людовика. Когда Иоахимъ увидѣлъ виднаго, высокаго ростомъ кавалера de N., его важная, умная физиономія, и благородныя, свѣтскія манеры объяснили ему, что онъ видитъ передъ собою одного изъ красивѣйшихъ мужчинъ своего времени, и взглядъ, брошенный королемъ въ зеркало, не совсѣмъ удовлетворилъ его, не смотря на то, что онъ самъ былъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ.

Кавалеръ не совсѣмъ понравился королю, хотя онъ мало-по-малу и сталъ привыкать къ нему, какъ къ человѣку чрезвычайно почтительному и осторожному. De N. особенно старался всегда находиться въ биллиардной, когда король игралъ, и слѣдилъ за игрой съ величайшимъ вниманіемъ. Однажды особы, съ которыми Мюратъ обыкновенно игралъ, не собрались еще и онъ одинъ пробовалъ сдѣлать нѣкоторые трудные удары. Кавалеръ, смотрѣвшій на него съ обыкновеннымъ своимъ спокойствіемъ, выразилъ двумя, тремя замѣчаніями нѣкоторое знаніе биллиардной игры.

— Развѣ вы играете на биллиардѣ? спросилъ король.

— Играю, Ваше Высочество; но рѣдко, хотя знаю довольно хорошо эту прекрасную игру.

— Не угодно-ли вамъ взять кій? мы посмотримъ, кто изъ насъ искуснѣе.

— Ваше Высочество, я не осмѣлюсь помѣряться съ вами.

Однако игра началась и, благодаря удивительной ловкости кавалера, король никогда не игралъ съ такимъ удовольствіемъ и искусствомъ, поднимавшими ропотъ изумленія между присутствовавшими.

— Мы съиграемъ съ вами не одну партію, сказалъ Мюратъ сопернику своему, выходя изъ биллиардной; вы прекрасно защищаетесь.

Кавалеръ сдѣлался любимѣйшимъ игрокомъ Иоахима, потому-что очень искусно умѣлъ подготавливать королю чудеснѣйшія игры, между тѣмъ, какъ самъ выигрывалъ иногда, но съ большимъ трудомъ. Мюратъ былъ, безспорно, лучший биллиардный игрокъ во всемъ королевствѣ своемъ, слѣдовательно придворнымъ его не нужно было проигрывать изъ угожденія; они выигрывали только тогда, когда король ошибался, и это стало ему надоедать. Съ кавалеромъ

же король видѣлъ, что они почти равносильны, хотя de N... былъ нѣсколько слабѣе его.

Однажды въ загородномъ увеселительномъ дворцѣ, въ 3-хъ лье отъ столицы, Иоахимъ былъ чрезвычайно веселъ и предложилъ кавалеру de N... сыграть съ нимъ партію.

— Я намѣренъ васъ сегодня обиграть, сказалъ Мюратъ.

Минута эта показалась кавалеру удобною для достиженія цѣли, къ которой онъ стремился, послѣ долгаго и тягостнаго притворства. Онъ сбросилъ маску и выказалъ изумленному противнику все искусство игры своей.

— Вы сегодня счастливы, кавалеръ, сказалъ король.

— Игра Вашего Высочества воодушевила меня.

Король сначала спокойно проигрывалъ партію за партіей, но вскорѣ разгорячился; онъ удвоивалъ ставку и продолжалъ проигрывать. Кавалеръ сдѣлался страшнымъ атлетомъ, каждый ударъ котораго достигалъ назначенія своего. Наконецъ король пришелъ въ себя изъ забывчивости, въ которую ввергли его безпрестанные проигрыши; поставилъ кий на мѣсто, скрестилъ на груди руки и, смотря пристально на кавалера, сказалъ:

— Очень-хорошо, сударь, вы получите вашъ выигрышъ.

Этотъ выигрышъ состоялъ изъ 80,000 франковъ. Нѣсколько часовъ спустя, побѣдитель, давно уже принявшій мѣры свои, находился съ женою на кораблѣ, съ которымъ воротился во Францію, гдѣ спокойно наслаждался плодами хитрости и ловкости своей.

ТЕОРІЯ АФИШКИ. Для людей дѣловыхъ, проходящихъ близъ театровъ или подъ арками гостинаго двора, выставлены въ простыхъ рамкахъ листы сѣрожелтой или сѣро-синей бумаги, на которыхъ напечатано публичное приглашеніе на праздникъ, на который могутъ являться во фракахъ, сюртукахъ, пальто или шубахъ всѣ, оставляющіе извѣстную сумму за маленькимъ окошечкомъ, откуда человекъ въ очкахъ выдаетъ имъ въ замѣнъ лоскутокъ бумаги—талисмана, передъ которымъ открываются театральныя двери.

Для молодаго и немолодаго автора афишка есть первый шагъ къ безсмертію. Съ какимъ радостнымъ трепетомъ бьется сердце молодаго человека, когда впервые имя его появляется на этой вывѣскѣ, вызывающей его изъ ничтожества, выставяющей его на-показъ и доставляющей ему славу... или стыдъ! Афишка для автора—тронъ или плаха!—Есть впрочемъ авторы, которымъ все равно; было-бы имя выставлено—

прочее-жь вздоръ! Девизъ ихъ: *лучше страдать, чѣмъ умереть* и въ-сѣдствіе этого девиза нѣвые спокойно ходятъ смотрѣть на пьесы свои, на которыя публика уже не смотритъ; другіе просятъ пріятелей *похлопать*; третьи наконецъ—это самая замысловатая порода—возвратившись изъ театра, берутся за перо... шиканье публики раздается еще въ ушахъ ихъ... они все пишутъ! И вотъ на слѣдующій день благо-славляютъ дѣтище свое и съ этимъ *благословеніемъ* отправляются къ покровителю, чтобы онъ, изъ угожденія къ *индивидууму*, помогъ возвестъ произведеніе *онаго въ перль созданія*.

Пуфъ есть чисто англійское изобрѣтеніе, но онъ вошелъ у насъ въ большое употребленіе и совершенствуется со дня на день.

Кстати о *пуфѣ*. Афишка есть самый ловкій, самый вѣрный *пуфъ*: тѣмъ-болѣе, что она имѣетъ чрезвычайно простодушную и невинную наружность.

Для актера афишка почти то-же, что и для автора; но для актера-бенефицианта она сущее мученіе, пытка! Онъ никому не уступить права составить афишку для бенефиса своего; онъ самъ облумываетъ ее, какъ методическую диссертацію; съ подраздѣленіями и категоріями; ему знакома слабая сторона публики и онъ старается ею воспользоваться. Когда спектакль состоитъ изъ одной пьесы (вещь почти неслыханная въ бенефисахъ!), то афишку не трудно составить; при двухъ пьесахъ начинаются трудности; при трехъ они растутъ, при четырехъ умножаются до того, что бѣдный бенефициантъ совершенно терается.

Бѣдный бенефициантъ!

Прошу покорно угодить всѣмъ требованіямъ! День представленія въ пользу кармана его, наноситъ сильный вредъ его здоровью!...

И такъ не смотрите хладнокровно на афишку, не считайте ее невиннымъ лоскуткомъ бумаги, но почитайте и уважайте въ ней сильнаго двигателя театральнаго промышленности!

Вспомните, сколько разъ вы сами, прочитавъ одно заглавіе пьесы, говорили: «Надобно посмотрѣть! Это должно быть хорошо»!

Почему?

Потому, что афишка была искусно составлена.

ЖЕНА ЗНАМЕНИТАГО АКТЕРА ТАЛЬМЫ ЕЩЕ ЖИВА. Г-жа Тальма урожденная дѣв. Фанховъ (Vanhove), жена знаменитаго трагика, еще жива; она часто является въ ложахъ Королевскаго Французскаго Театра (aux Français) и апплодируетъ молодымъ актрисамъ, замѣнившимъ ее.

Четырнадцати лѣтъ, 8-го октября 1785 года, она въ первый разъ явилась на сценѣ въ роли Ифигеніи въ *Ифигеніи въ Авлидѣ*. Доказательства восторга, возбужденнаго превосходной игрой ея, можно найдти во всѣхъ журналахъ того времени. Самъ Ла-Гарпъ сравнилъ Мlle Фанховъ съ знаменитою Мlle Госсэнъ.

Игра ея особенно отличалась наивностью и неподдѣльнымъ чувствомъ; дикція ея была чиста; органъ гибкій и звучный. Выраженіе «слезы въ голосъ» (des larmes dans la voix) изобрѣтено, какъ увѣряютъ журналисты того времени, для Мlle Фанховъ; и точно, эта фраза, вошедшая во всеобщее употребленіе въ наше время, прекрасно выражала дѣйствіе чистаго и трогательнаго голоса молодой актрисы. Въ X году Французской Республики она вышла за Тальму и продолжала играть вмѣстѣ съ нимъ; но это страшное сосѣдство ей нисколько не повредило. Они помогали другъ другу совѣтами и вмѣстѣ изучали искусство свое. Однакожъ, послѣ 20-ти лѣтней службы, г-жа Тальма оставила театръ въ слѣдствіе нѣкоторыхъ неприятностей, за долго еще до смерти мужа.

КАКЪ ПРОВОДИТЬ ДЕНЬ СВОЙ РОССИНИ. Вотъ вѣрный очеркъ ежедневной жизни великаго композитора.

Зимой Россини живетъ въ Болоньѣ, а лѣтомъ нанимаетъ виллу въ окрестностяхъ этого города. Онъ встаетъ въ 11-ть часовъ и отправляется въ кофейный домъ читать журналы и газеты. Потомъ онъ идетъ къ рыбакамъ, бранить ихъ за лѣность и подаетъ совѣты, достойные ловкаго и хитраго купца. Въ два часа возвращается домой и въ бездѣйствіи проводитъ время во ожиданіи обѣда. Потомъ обѣдаетъ. Это время посвящено дружеской бесѣдѣ.

Сидя напротивъ гобониста Цобболи, обыкновеннаго собесѣдника своего, Россини вступаетъ съ нимъ въ жаркія прѣнія на счетъ достоинства макаронъ, которыя Цобболи часто приготовляетъ своими собственными музыкальными руками. Цобболи очень расточителенъ; онъ уже въ четвертый разъ составляетъ себѣ состояніе, но вскорѣ долженъ будетъ снова приняться за то же въ пятый разъ; между тѣмъ онъ живетъ на-счетъ великаго маэстро; но истративъ имущество

свое съ друзьями, онъ думаетъ, что за то можетъ теперь получать отъ нихъ нѣкоторые проценты.

Къ тому-же, какъ мы уже выше сказали, Побболи мастерь готовить макароны, а съ-тѣхъ-поръ какъ Россини отказался отъ музыки, онъ ставитъ макароны выше всего въ свѣтѣ. Можно-бъ даже сказать, что во вкусѣ его, макароны рѣшительно не имѣютъ соперницъ, если-бъ не существовали болонскія колбасы, къ которымъ Россини также питаетъ не малое уваженіе.

Обѣдъ длится долго, по причинѣ ученыхъ изслѣдованій по вышеозначеннымъ предметамъ. Въ половинѣ девятого, маэстро ложится спать.

Послѣ этого нельзя болѣе ожидать отъ Россини какой-нибудь новой оперы. Послѣдніе романы, изданные имъ, прелестны, но, говорятъ, составленіе ихъ стоило ему неимовернаго труда.

Сочиненіе оперы выше теперешнихъ физическихъ силъ его. Но за то въ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ столько безсмертныхъ партитуръ, что этого доста-бъ на цѣлую жизнь и славу трехъ композиторовъ!

СЮЖЕТЪ ДЛЯ ВОДЕВИЯ. На послѣднемъ маскаралѣ въ парижскомъ оперномъ театрѣ, стояло черное домино у оркестра. Изъ подъ небрежно-накинутаго капишона вились густые, бѣлокурые локоны и по временамъ, какъ-бы ненаочно, откидывалась пелеринка, выказывая прелестную талию, заключенную въ бѣлый шелковый лифъ. Томный взглядъ просвѣчивалъ чрезъ подубархатную маску и встрѣтился со взоромъ денди, небрежно прислонившагося къ галереѣ. Искра томнаго взгляда проникла въ душу молодого человѣка. Онъ подошелъ къ черному домино.

— Кто ты, прелестная маска? Я тебя не знаю, прелестная маска. Знаешь-ли ты меня, прелестная маска? Однимъ изъ этихъ вопросовъ, столь-же обыкновенныхъ въ маскаралѣ для вступленія въ разговоръ, какъ замѣчаніе о погодѣ въ обществѣ, молодой человѣкъ обратился къ бархатной маскѣ.

Хорошенькій ротикъ чернаго домино улыбнулся и знакомство было заключено. Они поужинали, но не съ глазу-на-глазъ, по настоящему требованію бархатной маски. Ужинъ былъ отличный и стоялъ очень дорого. Но домино не сняло маски. Изъ разговора, завязавшагося между ними, молодой человѣкъ узналъ, что прелестная блондинка коротко

знаетъ его; она знаетъ квартиру его, число комнатъ и выходовъ; она даже знала про долги его, сумму ихъ и число всѣхъ кредиторовъ его.

Голубое пламя пунша еще болѣе развеселило и оживило двухъ собесѣдниковъ и, когда стало свѣтать, оба сѣли въ наемную карету.

— Въ Тиволи, къ маленькимъ воротамъ! говорить домино дрожащимъ голосомъ.

Нѣсколько минутъ спустя, карета останавливается. Мужчина, довольно небрежно одѣтый, приказываетъ кучеру остановиться.

— Ахъ, мой мужъ! вскрикиваетъ черное домино, снимая маску.

— Хорошо! говорить денди съ философическимъ спокойствіемъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Тиволи, мы, вѣроятно, отправимся прямо въ Булонскій лѣсъ или въ Вэнсенъ. Вмѣсто любви я пойду на встрѣчу смерти—очень эффектно!

Дверцы кареты отворены; супругъ садится съ ними, и денди, приготовившійся защищать бѣдную жертву, замѣчаетъ съ удивленіемъ, что мужъ разговариваетъ съ нею очень спокойно и ласково.

— Экая добрая душа! подумалъ денди и обратился къ мужу: Я, сударь, къ услугамъ вашимъ.

— Знаю, отвѣчалъ супругъ, открылъ дверцы и сдѣлалъ знакъ. Два человѣка явились.

— Это ваши секунданты?

— Точно такъ.

— Позвольте-жъ мнѣ сходить за своими.

— Не за-чѣмъ.

— Какъ угодно! отвѣчалъ денди; но мнѣ все равно.

— Мнѣ-же очень не равно.

— Эй извозчикъ, въ Булонскій лѣсъ! вскрикнулъ денди.

— Не за-чѣмъ, отвѣчалъ супругъ; извозчикъ, въ Клиши, къ тюрьмѣ за долги!

— Куда? вскрикнулъ со страхомъ молодой человѣкъ; но, позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло?

— Я приказный служитель, а жена моя, мой маленькій писаринка. Онъ по вашему дѣлу получить 10 процентовъ. Вотъ въ нынѣшнюю масляницу онъ ловить уже пятого и ловко, надобно отдать ему справедливость.

— Удивительно, какъ нынѣ все совершенствуется! сказалъ денди, входя въ тюрьму за долги.

ПРОСТОДУШІЕ ПРОВИНЦІАЛКИ. Молодая дама, прибавшая съ мужемъ изъ провинціи въ Парижъ, пошла съ однимъ изъ родственниковъ своихъ въ театръ. Давали «Дома Дьявола» оперетку, которая теперь въ большой модѣ въ Парижѣ.

По окончаніи спектакля родственникъ спросилъ провинціалку:

— Нравится-ли вамъ нашъ театръ?

— Очень!

— А хороша-ли опера?

— Прелестна! отвѣчалъ мужъ.

— Это просто чудо! сказала разсвѣяно жена.

— Чудо, не чудо, сказалъ родственникъ, однакожь....

— Подобныя вещи можно видѣть только въ Парижѣ! прибавила провинціалка: вы должны мнѣ непременно дать адресъ магазина.

— Какого магазина?... Ахъ, вы, можетъ-быть, желаете купить либретто или партитуру этой оперы, но она, кажется, еще не напечатана.

— Какую оперу! Я говорю не объ музыкѣ.

— О чемъ-же?

— Который теперь часъ? спросила молодая провинціалка.

— Половина двѣнадцатаго,

— А въ которомъ часу пришли мы сюда?

— Въ три четверти седьмого.

— Помилуй Богъ! почти пять часовъ! Посмотрите на эти свѣчи, сказала она, показывая на люстру: я не переставала смотрѣть на нихъ, и могу васъ увѣрить, что во все эти пять часовъ они не убавились ни на волосъ! Вотъ что чудо, такъ чудо! Я говорю, что подобныя вещи можно видѣть только въ Парижѣ. Если-бъ я не видала этого собственными глазами, то не повѣрила-бъ. У васъ въ провинціи свѣчи и тѣкутъ и скоро горятъ—просто, ни на что не похоже! А вѣдь это просто владъ. Ужь, пожалуйста, скажите, гдѣ ихъ достать можно?

Родственникъ объяснилъ молодой провинціалкѣ, что то, что она принимала за свѣчи есть ничто иное, какъ трубочки, чрезъ которыя выходитъ газъ.

Провинціалы простодушны не въ одной Россіи!

КОМЕДИЯ ВЪ ПОЛИЦІИ. Молодой человекъ завитой, на-помаженный, надушенный, въ широкомъ пальто, принесъ въ парижскій исправительный судъ жалобу, и требовалъ 100

Франковъ проторей-убытковъ за зубъ, выбитый ему г. Вантюре.

Г. Вантюре, тогда спокойно табаке. Неужели вы, молодой человекъ, все еще сердитесь на меня?

Молодой человекъ, г. Сезаръ. Да, сержусь; подайте мнѣ назадъ зубъ мой.

Г. Вантюре. Во-первыхъ, это дѣло невозможное; а во-вторыхъ, я полагаю, что извиненія мои обезоружили васъ; вѣдь говорятъ вамъ, что это ошибка, мой почтеннѣйшій. Ударъ, которымъ я васъ попотчивалъ, воспослѣдовалъ изъ несчастнаго *quiproquo*; мнѣ очень жаль, что я такъ грубо ошибся и женѣ моей то-же очень жаль. Чего-жъ вамъ бо-лѣе?

Г. Сезаръ. Зубъ или 100 франковъ!

Г. Вантюре, обращаясь къ судьямъ. Посудите сами, милостивые государи, вотъ въ чемъ дѣло: Однажды вечеромъ, воротившись изъ должности—я чиновникъ,—я спокойно вхожу домой, гдѣ надѣюсь, какъ по обыкновенію, застать жену свою. Жены моей не было дома, милостивые государи... (*Повысивъ голосъ.*) Милостивые государи, это показалось мнѣ подозрительнымъ... и исполнило сердце мое безпокойствами разнаго рода... я даже немножко задрожалъ отъ досады и ревности... (*Наивно.*) Милостивые государи, вы должны знать что такое ревность, если въ груди вашей есть сердце!... Я вышелъ въ снѣгъ и слушалъ, не плетъ-ли жена... Полчаса спустя я узналъ шаги ея... она остановилась.—«Прощайте, сказала жена моя кому-то... я еще зайду къ вамъ. Сезаръ мнѣ очень нравится, онъ очень милъ; мнѣ особенно нравятся глаза и усы его, и мы слѣдаемъ. Попѣлуйте его отъ меня».—Эти слова объяснили мнѣ все дѣло; глубоко огорченный вошелъ я въ комнату, но умѣлъ скрыть то, что происходило въ душѣ моей. Я притворился спокойнымъ. Воротившись домой, жена сказала мнѣ, что была у тетки... Она ггага, но я все притворялся спокойнымъ. На слѣдующій день я пошелъ отыскать по кварталу нашему какого-нибудь Сезара... мнѣ указали парикмахерскаго ученика. Я сходилъ выбраться къ хозяину его, чтобы имѣть случай разсмотрѣть поближе этого мосье Сезара. У него были глаза и усы очень не дурны: этого было достаточно. Когда меня выбрили, я заплатилъ и попросилъ г. Сезара, чтобы онъ пошелъ со мною. На улицѣ я попотчивалъ его такъ вѣрѣкко кулакомъ, что выпавъ зубъ, потомъ воротился домой и все еще

притворялся спокойнымъ. Но на слѣдующій день были мои имянины и жена подарила мнѣ хорошенькаго пуделя, по кличкѣ Сезарь, съ прелестными умными глазами и усами: она говорила объ немъ. Но г. Сезарь принесъ на меня жалобу и вотъ я явился.

Судьи приговорили г. Вантуре заплатить 25 франковъ штрафъ и 30 франковъ проторей-убытковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОЩЕЧИНЫ. Знаете-ли, отчего пощечина считается оскорбленіемъ? Въ средніе вѣка только люди низкаго происхожденія сражались съ открытымъ лицомъ, только у нихъ были шлемы безъ забрала, а по этому только ихъ можно было ударить въ лицо. Слѣдовательно, между благородными людьми пощечина считалась и считается обидой, потому-что получившій ее поставленъ этимъ какъ-бы на одну линію съ рабомъ. Довольны-ли вы этимъ объясненіемъ? Нѣтъ? Я другаго не знаю.

Императоръ Іосифъ II узналъ однажды, что одинъ изъ офицеровъ его далъ пощечину товарищу своему. Государь желалъ узнать всѣ подробности этого дѣла; потомъ приказалъ немедленно собраться всему полку, и при всѣхъ вызвалъ обоихъ офицеровъ. Обидчикъ разжалованъ; съ него снимаютъ мундиръ, палачъ возвращаетъ ему пощечину и выгоняетъ изъ лагеря. Потомъ Императоръ публично обнялъ и поцѣловалъ обиженного, посадилъ его съ собою за столъ и сказалъ: «Надѣюсь, что честь ваша восстановлена приличнымъ образомъ».

Папа Бонифаціи VIII умеръ съ горя, мѣсяць спустя послѣ пощечины, полученной имъ отъ Скаріа Колонна, въ присутствіи Погарета, посланника Филиппа-Прекраснаго.

Графъ Эсексъ получилъ отъ Королевы Елизаветы пощечину за то, что въ минуту неудовольствія презрительно обратился къ ней спиной. Любимецъ Королевы вспыхнулъ и схватился за шпагу... но тотчасъ-же остановился: «Я не правъ, сказалъ онъ: женщинѣ все позволительно; но клянусь, что я не простилъ-бы Генриху VIII такого оскорбленія».

ПО СКОЛЬКУ ЗА СТРОКУ? Въ слогѣ проявляется чело-вѣкъ, сказала знаменитѣйшая манжетка 18-го столѣтія—Бюффонъ.

Въ деньгахъ проявляется чело-вѣкъ, сказалъ знаменитѣйшій бѣлый галстухъ 19-го столѣтія—Талэйранъ.

Оба эти афоризмы очень-вѣрны: первый прошелъ, а второй еще существуетъ.

Плата за труды производится по достоинству; достоинство же опредѣляется по платѣ.

Извѣстнѣйшимъ писателямъ платятъ за строку. Строка есть масштабъ ихъ достоинства. Теперь уже не спрашиваютъ о познаніяхъ, умѣ, слогѣ или учености писателя, а просто спрашиваютъ: почему онъ получаетъ за строку? Больше или меньше законическій отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣляетъ степень знаменитости и достоинства литератора.

Во Франціи теперь самая драгоценная строка выходитъ изъ подъ пера Бальзака. Она стоитъ одинъ франкъ и двадцать сантимовъ (около тридцати копѣекъ сер.)

Дюма получаетъ за строку 75 сантимовъ; Ежэнъ Сю, отъ 75 сантимовъ до 1 франка; Жэ, отъ 50 сантимовъ до 1 франка, смотря по обстоятельствамъ и по журналамъ.

Наконецъ на низшей степени стоятъ 10-ти, 5-ти, 3-хъ сантимные строчки; есть даже такія, которыя ничего не стоятъ.

Говорятъ, что цари литературы замѣнили простонародное слово «деньги» болѣе литературнымъ, поэтическимъ — «строчья». Не говорятъ уже: «Этотъ обѣдъ стоялъ мнѣ 300 франковъ», но «300 строкъ»; «Я заплатилъ за свою коляску около 700 строкъ и 16 буквъ»; «Поварь мой получаетъ 40 строкъ въ мѣсяцъ» и пр. и пр.

Но —

Повидялось перо на бумагѣ скользить, тамъ ему и кончикъ иступить...

НЕ УГОДНО-ЛИ КОМУ СЮЖЕТЪ ДЛЯ ВОДЕВИИ?
Старый пастухъ, холостякъ, изъ окрестностей Льежа, получаетъ извѣстіе изъ Дорка, въ Трансильваніи, что ему досталось богатое наслѣдство. Братъ этого пастуха, послѣ многихъ шалостей и проступковъ, бывшихъ даже причиною ускоренія смерти его родителей, скрылся тихонько изъ своей деревни и никто не зналъ, куда онъ дѣвался; обладая хорошими способностями и наскучивъ безпутною жизнью, онъ опредѣлился въ приказники къ одному богатому купцу; по пророчествію двадцати лѣтъ онъ сдѣлался товарищемъ своего хозяина, и умирая, оставилъ послѣ себя 1,500,000 франковъ. Но вотъ неслыханная вещь: пастухъ отказывается отъ этого наслѣдства, которое, по его мнѣнію, должно быть роздано бѣднымъ города Дорка. Онъ рѣшительно не хочетъ принимать богатствъ человѣка, который былъ причиною смерти свихъ родителей. Довольный своею участію, старикъ не

хочетъ на сельномъ десяткѣ дѣтъ промѣнять ее на заботы и безпокойства богача. Однако родня его смотритъ на это совѣтъ съ другой точки зрѣнія; послѣ многихъ тщетныхъ стараній уговорить старика переимѣнить свое рѣшеніе, она нашлась вынужденною прибѣгнуть къ правительству, и просить учредить надъ безкорыстнымъ старцемъ опеку, какъ надъ человѣкомъ слабоумнымъ. Процессъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе Льежскаго магистрата.

А вотъ кстати и другой!

На дняхъ одинъ парижскій волокита получилъ чудесное наказаніе за свой жестокосердый поступокъ съ бѣдною, имъ же доведенною до проступка, дѣвушкою. Въ одинъ вечеръ, несчастная, чувствуя приближеніе минуты, въ которую она должна сдѣлаться матерью, приходитъ къ своему соблазнителью просить на это время убѣжища. Жестокосердый отказываетъ ей въ этомъ и она остается на улицѣ. Какой-то незнакомецъ принимаетъ въ ней участіе и беретъ ее подъ свое покровительство. Черезъ четверть часа, бѣдная преступница была прилично помѣщена у повивальной бабки. На другой день г-нъ X (соблазнитель), проведя ночь на бабѣ, возвращается домой въ шестомъ часу утра, и къ величайшему своему удивленію, находитъ двери своей квартиры отворенными. Столовые часы исчезли, мебели переломаны, серебро и значительная сумма денегъ похищены. На каминѣ оставленъ былъ большой листъ бумаги, на которомъ огромными буквами написаны были слѣдующія слова: «Счетъ г-ну X, отъ вора Жобино: За необходимыя издержки при разрѣшеніи отъ бремени дѣвицы N. 150 фр.; за бѣлье для ребенка 60 франк.; за содержаніе, за 6-тъ мѣсяцовъ, заплачено впередъ 120 фр.; за прочія мелочныя издержки, какъ то за подѣлку ключей и т. п. 100 франк. Итого 430 франк.

«Вышесказанную сумму получилъ разными вещами сполна. Жобино, воръ».

ЖЕНЩИНА ЗА ПЕЧАТЬЮ. (Сюжетъ для водевиля). Г. Д. нѣсколько лѣтъ уже занимался ремесломъ аптекаря въ одномъ изъ маленькихъ французскихъ городковъ. Вдругъ умираетъ у него обожаемая имъ супруга. Огорченный супругъ рѣшается покинуть навсегда мѣста, напоминающія ему его потерю, и уѣзжаетъ, передавъ свое заведеніе бывшему своему помощнику, красивому двадцати-пяти-лѣтнему мужчинѣ.

У помощника этого было чувствительное сердце, и онъ нашелъ для него превыгодное помѣщеніе у одной хорошенькой

ламы, жившей съ намъ по сосѣдству. Великій день, подъ хитро-придуманнѣйшѣмъ предлогомъ нужды въ порѣшкахъ или пилюляхъ, хорошенъкая сосѣдка посѣщала аптеку и заставляла чувствительнаго ученика Эскулана забывать на нѣсколько минутъ, и науку, и всѣ свои фармацевтическія занятія.

Однажды, въ ту самую минуту, какъ наши влюбленные, по обыкновенію, бесѣдовали съ-глазу-на-глазъ въ скромной комнаткѣ молодаго аптекаря, входитъ въ аптеку правосудіе, въ лицѣ мирнаго судьи и его помощника! Можно представить себѣ ужасъ и смущеніе нашихъ голубковъ. Вдругъ юному фармацевтику приходитъ въ голову мысль: онъ отворяетъ находившійся въ комнаткѣ шкафъ, выпускаетъ туда почти погумертвую отъ страха красавицу, запираетъ ее на ключъ и выходитъ къ судѣ. Оказалось, что эти блюстители правосудія явились за тѣмъ, чтобы по просьбѣ наследниковъ покойной супруги аптекаря, опечатать движимость, принадлежащую къ числу оставшагося послѣ нея наследства. И вотъ сначала приступаютъ къ описи всей наличности, потомъ отбираютъ отъ всѣхъ мебели ключи и накладываютъ на всѣ замки казенныя печати.

Дойдя до роковаго шкафа, помощникъ судьи хочетъ отворить его. Смущенный аптекарь съ ужасомъ бросается къ шкафу, чтобы не допустить его до этого.— «А, безъ сомнѣнія тутъ хранится у васъ ваша собственность; будьте покойны, вы все свое получите въ цѣлости», говоритъ судья, принимаясь за ключъ.— «Нѣтъ! нѣтъ! вскрикиваетъ несчастный, едва не лишаясь чувствъ: тутъ нѣтъ ничего моего». Сказавши это, онъ вынимаетъ ключъ изъ замка и вручаетъ его судѣ. Судья беретъ ключъ и нацѣпляетъ на замокъ огромную печать. Кончивъ свою обязанность, судья и помощникъ его удаляются, уполномочивая несчастнаго молодаго человѣка быть хранителемъ вещей, принадлежащихъ уже теперь правосудію, доведя при томъ до свѣдѣнія его 232 статью кодекса уголовныхъ правъ, которая гласитъ такъ:

«Винновныя въ сорваніи казенной печати наказываются тюремнымъ заключеніемъ, срокомъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ; если-же это будетъ самъ хранитель, то отъ двухъ до пяти лѣтъ».

Оставшись наединѣ, наши любовники приходятъ въ отчаяніе. На мольбы запертой красавицы аптекарь отвѣчаетъ 232-ю статью «Кодекса». Плакаиваютъ свое положеніе и не

взвоятъ на что рѣшиться. Наступаетъ вечеръ. Дама не можетъ провести ночь внѣ своего семейства: это-бы на вѣки погубило ея репутацію. Любезному ея остается одно средство, идти и открыть все судья. Онъ рѣшается и бѣжить къ нему; ему говорятъ, что судья ужинаетъ въ гостяхъ. Новая остановка! Наконецъ ему удается отыскать его.

Судья, самъ еще человекъ довольно-молодой, лукаво улыбнулся, выслушавъ исповѣдь юнаго фармацевтика, и обѣщаль помочь его горю. Но по-несчастью, всѣ ключи у его помощника, а помощникъ отправился на рыбную ловлю, и возвратится не ранѣе, какъ въ слѣдующее утро. Новая бѣда, новая помѣха, а между тѣмъ чувствительная вдовушка страдаетъ въ своемъ ужасномъ заключеніи. Наконецъ, въ отчаяніи, прибѣгаютъ къ помощи слесаря, швафъ отпертъ и плѣнница свободна...

Прекрасный сюжетъ для водевиля!

ТЕРНИСТОЕ ПОПРИЩЕ АКТРИССЫ РАШЕЛЬ Одинъ изъ ревностѣйшихъ поклонниковъ актриссы Рашель сказалъ однажды, что по его мнѣнію, въ новѣйшее время — два величайшихъ генія — Наполеонъ и Рашель. Остроумная артистка съ улыбкою выслушала этотъ переслащенный комплиментъ и отвѣчала, что между ею и Наполеоновъ точно есть большое сходство, потому-что и она, подобно ему, изъ самаго ничтожнаго состоянія достигла до завиднаго для многихъ положенія театральнаго царицы. Послѣ этого шутиватаго отвѣта она задумалась и потомъ въ нѣсколькихъ словахъ очертила всю жизнь свою. Хотя, конечно, біографія ея довольно извѣстна, но все-таки интересно узнать нѣкоторыя подробности ея, тѣмъ-болѣе, что они разсказаны самою артисткою. «Я помню, сказала она, что будучи еще ребенкомъ, напивала я себѣ изъ тряпочекъ и лоскуточковъ куколь и играла съ ними комедіи. По тринадцатому году я должна была уже заниматься хозяйствомъ. Мы жили въ шестомъ этажѣ какого-то грязнаго стараго дома, въ узкой улицѣ. Когда, бывало, мать моя, торговавшая въ разноску по улицамъ, придетъ домой, а у меня не убрано еще въ кухнѣ, она строго наказывала меня за это. Толстыми деревянными башмаками я до крови стирала свои босыя ноги, а все таки разъ по десяти въ день должна была бѣгать на Сену и таскать воду въ шестой этажъ. Въ пятнадцать лѣтъ я, послѣ многихъ бессонныхъ ночей, выступила наконецъ на сцену театра *Gymnase Dramatique* и была-освистана. Я дебютиро-

была въ комедіи, и сама бѣдная, худая, голодная, была настоящею трагическою фигурою. Всякій разъ, когда я играла, отецъ мой стоялъ за кулисами и встрѣчалъ меня побоями; если публика вмѣсто аплодисментовъ награждала меня свистками. Наконецъ, счастье помогло мнѣ познакомиться съ знаменитымъ Сансономъ. Онъ усердно занялся мною, училъ меня, открылъ мнѣ напоследокъ двери Французскаго Театра et voilà comment je suis parvenue.

ЕЩЕ СЮЖЕТЪ ДЛЯ ВОДЕВИЯ. Къ одному богатому еврейскому семейству въ Позенѣ поступила въ услуженіе дѣвушка, рекомендованная ему изъ Варшавы. Дѣвушка была бѣдна, но чрезвычайно хороша собою, и эта красота скоро возбудила противъ нея ненависть и гоненіе хозяйки и дочерей ея, вѣроятно, обиженныхъ въ этомъ отношеніи матерью-природою. И вотъ наша красавица сначала была разжалована изъ горничныхъ въ няньки; потомъ, такъ-какъ и въ этой должности красота ея все еще бросалась въ глаза гостямъ, посѣщавшимъ это семейство, ее опредѣлили въ должность кухарки; однажды бѣдняжка получила даже отъ своей хозяйки двѣ пощечины, за то, что будто-бы она румянится. Спустя нѣсколько времени, вступилъ въ этотъ домъ, подъ видомъ конторщика, сынъ одного богатаго еврейскаго банкира изъ Кенигсберга. Этотъ молодой банкиръ долженъ былъ жениться на одной изъ дочерей позенскаго едновѣрца; но отецъ его предложилъ ему прежде испытать свою будущую, чтобы послѣ не раскаяваться въ поспѣшности. Молодой женихъ скоро разгадалъ, что за сокровища были его невѣста и ея роденка; особенно отвратительна показалась ему матушка; обращеніе ея съ бѣдною служанкою взбѣсило его, и онъ вознамѣрился вмѣстѣ съ окончаніемъ своего инкогнито, подшутить наъ этими жестокосердыми людьми. Онъ такъ и сдѣлалъ. Открывши, кто онъ и съ какою цѣлю вступилъ къ нимъ въ домъ, онъ объявилъ, что отдастъ свою руку ихъ служанкѣ—и женился на ней. Такая неожиданная развязка не совсѣмъ-то понравилась хозяевамъ нашей красавицы.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Въ Брюсселѣ есть обычай, что дамы на балахъ танцуютъ только до-тѣхъ-поръ, пока букетъ, приводемый къ груди

ихъ, не завянетъ. У насъ напротивъ. Балъ разгорается большею частію только къ тому времени, когда цвѣты уже завянутъ. Къ-несчастью между ними и владѣтельницами ихъ бываетъ часто тѣсная связь. Свѣжесть оставляетъ и тѣхъ и другихъ въ одно время.

— Удивительно, что у насъ нѣтъ еще китайскихъ баловъ! Манера танцованія, (сирѣчь хожденія), развязность молодыхъ людей, блѣдныя лица, литература, однимъ словомъ—все китайское! Только *маленькихъ пожжекъ* нѣтъ, — всѣ хотятъ жить на *большой пот!* Впрочемъ и это по-китайски.

— Нѣкто замѣтилъ, что въ вальсахъ *Ланнера* и *Штрауса* есть два различныя условія; у перваго: «Не противься, ты долженъ танцовать!» у втораго: «Противься сколько хочешь, ты все-таки будешь танцовать!»

— *Записки дьявола* (*Les mémoires du diable*) явились сперва романомъ, потомъ водевилемъ, и наконецъ *Мюзаръ*, знаменитый содержатель знаменитаго оркестра въ Парижѣ, сочинилъ на эту-же знаменитую тему *Галопадъ*.

— Лейпцигъ можно назвать теперь центромъ Германской классической музыки. Всѣ тамошніе концерты отличаются прекраснымъ устройствомъ и выполнениемъ. Тамъ нѣтъ недостатка въ средствахъ для дальнѣйшаго образованія начинающихъ музыкантовъ; къ тому-же Лейпцигъ можно также назвать центромъ литературной дѣятельности. Слѣдовательно, городъ этотъ вполне удобенъ для основанія музыкальной консерваторіи, которая теперь и основывается, какъ великолѣпное учебное заведеніе для высшаго музыкальнаго образованія, и находится подъ особымъ покровительствомъ Короля.

— Драматическіе писатели во Франціи, отдающіе піесы свои на сцену, имѣютъ отъ cadaго представленія проценты, которые бываютъ различны, смотря по достоинству піесы или по степени знаменитости автора, пользующагося ими однако-жъ во всякомъ случаѣ, въ продолженіи 20 лѣтъ. Годовая сумма этихъ процентовъ, со всѣхъ театровъ Франціи, состояла изъ 793,590 франковъ. Въ послѣдніе два года она возрасла до 3,967,950 франковъ, что приписываютъ частію возрастающей плодовитости драматическихъ писателей, и частію умножающейся любви къ театрамъ въ низшихъ сословіяхъ.

— Недавно въ Лондонѣ мальчишка нашелъ на улицѣ грязную бумажку. Изъ шадости привѣсилъ онъ ее къ дверямъ лавки и закричалъ: «Этотъ домъ продается!» Купецъ, разсердился, выбѣжалъ изъ лавки, чтобы наказать мальчишку, который однакожь успѣлъ уже убѣжать; купецъ снялъ бумажку, развернулъ ее и увидѣлъ, что это былъ—банковскій билетъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ!

— Въ Парижѣ готовятъ теперь съ великолѣпнѣйшей обстановкой «Орлеанскую дѣву» Шиллера; одна церемонія коронаціи стоитъ 50,000 франковъ. Рашель играетъ Дѣву.

— Танцовщица *Мерзиль* въ Лионѣ, замѣтивъ, что дѣвица *Водре* старалась завлечь возлюбленного ея въ свои сѣти, немедленно отправилась къ соперницѣ съ двумя шпагами и вызвала ее на дуэль. И вотъ началась битва жестокая—даже кровавая! Предестная *Водре* осталась побѣдительницею! Мопсьеуръ-же ихъ, присутствовавшій при этой странной дуэли, не имѣлъ ни довольно присутствія духа, ни довольно мужества, чтобы остановить соперницъ и за то получилъ отъ каждой нѣсколько ударовъ шпагой, которою онѣ дѣйствовали въ этомъ случаѣ не какъ смертоноснымъ орудіемъ, но какъ доброй тростью, и запретили ему впредь являться къ нимъ. «Трусъ», сказали онѣ, помирившись между собою, и обнявшись, «не достоинъ благороднаго поединка». Мосье этотъ былъ нѣкто *Дерикаръ*, сынъ кондитера въ Руанѣ, празднотлюбецъ, мотающій достояніе отца.

— Одинъ Американецъ сдѣлалъ недавно чрезвычайно-странную духовную, по которой онъ завѣщалъ голову свою директору театра, съ тѣмъ, чтобы черепъ его всегда являлся въ «Гамлетѣ» въ сценѣ могильщиковъ!

— При пробахъ въ Théâtre Français всегда выставляется доска, на которой написано: «Говорить смѣютъ только суфлеръ, актеры, режиссеръ и сочинитель пьесы; всѣ-же прочіе, какъ-то: декораторы, машинисты, бутафоры, даже директоръ и секретарь могутъ изъясняться не иначе, какъ письменно».

— Въ послѣднемъ номерѣ мы говорили о смѣшномъ процессѣ, по поводу идеальнаго историческаго лица *дъвицы-дела-Фаль*; теперь спѣшимъ прибавить, что ко всѣмъ сочинителямъ ея присоединился еще *Жюль Жанэнъ*, который *выдумалъ* ее ровно годъ спустя послѣ *Фредерика Сулье*.

— Въ теченіе января мѣсяца нынѣшняго года на парижскихъ театрахъ явилось 20 новыхъ пьесъ, 33 авторовъ; между ними 2 комедіи, 2 оперы, 1 пантомима и 16 водевилей.

— Говорятъ, что Паганини еще не похороненъ. Епископъ Никкій отказывается отпѣвать знаменитаго скрипача. Жители Ницы, гордящіеся соотечественникомъ своимъ, затѣяли съ Епископомъ процессъ и собрали 500,000 фравковъ на расходы, которые этотъ процессъ повлечетъ за собою. Между-тѣмъ тѣло Паганини покоится на великолѣпной кровати въ совершенно отдѣльномъ домѣ. Оно бальзамировано и, слѣдовательно, спокойно можетъ ждать окончанія процесса.

— Марія-Марта Ледюкъ, внучка Корнеля, умерла въ Парижѣ прошлаго года. Добрая и трудолюбивая женщина эта до послѣдней минуты своей гордилась славнымъ именемъ предка своего. Внучка Корнеля была — кухаркой!

— Въ Пестскомъ театрѣ привлекаетъ всеобщее вниманіе прекрасно убранная и освѣщенная ложа. Въ этой ложѣ, во время каждаго спектакля сидятъ два молодыхъ человека, передъ каждымъ изъ нихъ поставленъ пультъ со всѣмъ письменнымъ приборомъ. Какъ скоро кончается актъ пьесы, оба молодые люди (редакторы издаваемой въ Пестѣ, венгерской газеты модъ «Honderii») принимаются за перья и пишутъ, не взирая на шумъ и говоръ толпы, наполняющей театръ, лучшія театральныя рецензіи. Рецензіи эти прямо изъ театра отсылаются въ типографію и на другое утро, чѣмъ свѣтъ, ихъ уже читаютъ по всѣмъ кофейнямъ.

— Фанни Эльслеръ получала при Берлинскомъ придворномъ театрѣ за всякій спектакль по 50 фридрихедоровъ. Какой-то театральнѣй энтузіастъ разсчиталъ, что ей приходится по четыре гроша за каждое па.

— Замѣчательное сходство не только по имени, но и по судьбѣ жизни, встрѣчается у вѣнскаго комика и поэта Раймунда съ соименникомъ его любимымъ комикомъ Олимпійскаго Театра въ Парижѣ. Оба они самымъ плачевнымъ образомъ кончили вѣчно-шутящую жизнь свою: вѣнскій Раймундъ застрѣлился, а парижскій закололся книжаломъ.

— Въ «Мюнхенской ежедневной газетѣ» напечатаны слѣдующія забавныя штуки: Въ нынѣшнемъ году, въ Россіи морозы были такъ велики, что два знакомца, ѣхавшіе въ одной повозкѣ и хотѣвшіе при разставаньи поцѣловаться, смерзлись

губами, и принуждены были въ этомъ положеніи сѣсть опять вмѣстѣ въ повозку и поспѣшить какъ можно скорѣе въ Италію, чтобы оттаять на тамошнемъ солнцѣ свои примерзнувшія губы.—Въ Лондонѣ привлекаетъ теперь вниманіе публики крысиный театръ; роли молодыхъ особъ занимаютъ въ этой труппѣ мыши, а оркестръ состоитъ изъ оглушительной кошачьей музыки. Директоры этого театра намѣрены дать нѣкоторыя классическія пьесы, если только между тѣмъ члены этой труппы не сожрутъ другъ друга.—Нынѣшній балъ «Мюнхенскихъ дворниковъ» будетъ, какъ говорятъ, самый блистательный. Испанскій балетный танцоръ принимаетъ на себя распоряженіе танцами.—Одинъ Англичанинъ изобрѣлъ паровую машинку—для доенія коровъ. Посредствомъ другой, тоже недавно изобрѣтенной машины, коровы будутъ дѣлать не молоко, а прямо уже масло и сыръ.

—Одинъ ростовщикъ ссудилъ молодому человѣку изъ хорошей фамиліи, на годъ 400 рублей, по 50 процентовъ, съ вычетомъ процентовъ впередъ, такъ что бѣдная жертва этого лихоимства, молодой человѣкъ, давши вексель въ 400 рублей, самъ получилъ только 200. Довольный своей продажною ростовщицкѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда воротится его жена, отправившаяся куда-то въ гости, чтобы порадовать ее этою удачною спекуляціею; но та, выслушавъ эту вѣсть, презрительно сказала: Ты далъ въ займы 400 рублей на годъ и вычелъ только двѣсти. Ахъ ты дуралецъ, дуралецъ! Чтобы тебѣ дать ихъ на два года и вычестъ проценты, тогда-бы тебѣ не надобно было выдавать денегъ ни одного гроша.

—Въ новой драмѣ Гюгана «Les Mystères de Paris», привлекающей теперь постоянно парижскую публику въ Одеонъ, актеръ Бокажъ напивается дорогимъ виномъ и приходитъ отъ него въ восторгъ. Это должно быть, въ самомъ дѣлѣ чудесное вино, когда оно производитъ такое дѣйствіе, подумаешь одинъ охотникъ до рюмочки, у котораго текли слюнки при видѣ, какъ артистъ наслаждается этимъ театральнымъ нектаромъ. И вотъ онъ рѣшается подкупить лицо, завѣдывающее погребомъ Одеона: пяти франковая монета, думаетъ онъ, не можетъ не подѣйствовать на главнаго инспектора театральнаго бутылокъ. Этотъ инспекторъ такъ изумился такой неслыханной щедрости, что прежде внимательно разсматривалъ предлагаемую ему монету, не фальшивая-ли она, и потомъ сознался, что этотъ благородный, искрящійся

нектаръ есть ничто иное какъ—декоктъ! Загадка эта состояла вотъ въ чемъ: Бокажъ былъ уже давно не такъ здоровъ и докторъ прописалъ ему лекарство. Но во время такого колоссальнаго успѣха пьесы есть-ли когда артисту заботиться о здоровьи. Докторъ, напрасно уговаривавшій артиста отказаться на время отъ его роли, придумалъ наконецъ чудесное средство не мѣшать ходу леченія: онъ приказалъ подавать своему пациенту вмѣсто слѣдующаго по пьесѣ вина, прописанное имъ лекарство, и черезъ эту выдумку Бокажъ вмѣстѣ игралъ и лечился.

— Что актеры анлодируютъ сами себя—это не рѣдкость; они таки понаучились этому искусству у литераторовъ; но вотъ неслыханная рѣдкость: одинъ актеръ—освисталъ самъ себя, то есть, говоря яснѣе, заставилъ освистать себя! Этотъ актеръ есть нѣкто Грунертъ, который, рѣшившись во что-бы то не стало разорвать контрактъ свой съ дирекціею мангеймскаго театра, подговорилъ своихъ приятелей хорошенько освистать его, дабы имѣть полное право сказать, что онъ не нравится мангеймской публикѣ. Друзья исполнили желаніе г. Грунерта (хотя, конечно, ему еще-бы легче достигнуть предположенной цѣли самому своею игрою) и нашъ освистанный артистъ отправился изъ Мангейма въ ГанOVERъ.

— Въ одной пьесѣ, представленной Краковскою группою въ Позенѣ, молодой актеръ, игравшій героя 13 столѣтія вышелъ на сцену—въ очкахъ!

— Остроумный парламентскій ораторъ, отличный писатель и знаменитый мастеръ дѣлать долги—Шериданъ пришелъ однажды въ общество друзей своихъ въ новыхъ сапогахъ. Кто-то изъ общества замѣтилъ эту обновку. «Угадайте, сказалъ Шериданъ, какъ мнѣ достались эти сапоги?» Одинъ говорилъ то, другой другое.—«Нѣтъ», сказалъ онъ, «пари держу, что никто изъ васъ не отгадаетъ этого: я купилъ ихъ—на чистыя деньги.

— Лондонская газета «Sun» рассказываетъ слѣдующій замѣчательный фактъ для исторіи Лондонскихъ нравовъ: Недавно на кладбищѣ Св. Павла двѣ очень опрятно одѣтыя дамы напали на одного маленькаго худенькаго джентлемена и отняли у него дорогую брилліантовую булавку. Напрасно нашъ джентлемень просилъ грабительницъ возвратить ему его собственность, предлагая имъ за нее цѣлый суверенъ—онѣ еще смѣялись надъ нимъ. По-счастью, случай привелъ

туда полицейскаго и объ воровки были задержаны и отвезены къ Лорду-Меру. У Лорда Мера тотчасъ-же узнали въ нихъ двухъ искусницъ, которыя уже нѣсколько разъ попадались и были наказаны за подобныя проделки. Ихъ объихъ отослали на мѣсяць въ смиренительный домъ.

— Хористы Брауншвейгскаго театра, занимая недавно роли гостей, въ пьесѣ «Новая Фаншона», явились на сцену какъ слѣдуетъ по пьесѣ, въ костюмахъ рококо, но съ новѣйшими бородками и усами, которыя они отрастили себѣ изъ любви къ владычицѣ моды. Публика такъ дурно встрѣтила эту выходку, что тотчасъ-же заставила безразсудныхъ удалиться со сцены, и дирекція на другой же день объявила имъ, чтобы они сбрили эти украшения или оставили театръ.

— Въ Германіи случилось недавно слѣдующее трагическое происшествіе: капельмейстеръ одного нѣмецкаго театра, узнавъ, что супруга его, молодая, хорошенькая собою актриса, измѣнила своимъ обязанностямъ, рѣшился жестоко отомстить за свое безчестіе. Дирижируя оркестромъ во время представленія какой-то оперы, онъ выждалъ минуту, когда жена его пѣла большую арію, выхватилъ пистолеть, застрѣлилъ несчастную, и снова спокойно принялся за свою должность!

— Въ Нью-Йоркѣ явилась уже новая Фанни Эльслеръ, по крайней мѣрѣ она такъ называетъ себя. Американцамъ нравится она по сходству своему съ настоящей Фанни. Только ножки-то у нея, какъ говорятъ, не à la Fanni.

— Англичане даютъ своимъ клубамъ большею частію самыя странныя названія, напримѣръ: «Клубъ безобразныхъ», «Клубъ ворчуновъ», «Биштексъ-клубъ», «Клубъ любителей глухихъ», «Клубъ большой бутылки», «Клубъ пустаго кошелка», «Клубъ пилигримовъ», «Клубъ забубенныхъ головъ», «Клубъ «не знаю-что».—Послѣдній существуетъ уже съ 1785 года.

— Паицу лондонскихъ балаганныхъ театровъ, за всякое поврежденіе руки или ноги выдается по 6 фунт. стерлинговъ, а за поврежденіе головы—ничего!

— Въ Ульмѣ одинъ новопривышій геркулесъ напечаталъ слѣдующее объявленіе: «Я обладаю доселѣ неслыханною человѣческою силою. Я позволяю нападать на себя ста человекамъ съ толстыми дубинами, и всѣхъ ихъ побѣждаю;

домаю огромѣйшія башни на двое въ каждомъ мѣстѣ; останавливаю за заднія колеса, на всемъ скаку, карету, запряженную шестью лошадыми; пробиваю безъ всякихъ инструментовъ насквозь стѣны, въ три фута толщиною; мало этого, я могъ-бы удержать ядро, вылетающее изъ пушки и заставить его вылетѣть изъ другого конца!—Жаль только, что полиція запрещаетъ мнѣ показывать эти штуки. И потому я показываю теперь только обыкновенныя и прошу публику не оставить меня своимъ посѣщеніемъ. Цѣна мѣстамъ четыре ре гроша.

— Зедлеръ, актеръ Ашафенбургскаго театра, принадлежитъ также и къ числу драматурговъ. Недавно онъ давалъ въ свой бенефисъ пѣсу собственного своего произведенія, подъ названіемъ: «Коварство и любовь на другой манеръ, или въ лимонадѣ не было яду», комедія въ 3-ти дѣйствіяхъ. Потому супруга его г-жа Зедлеръ-Гремихъ-Дункеръ-Пфеймимъ-Эбелтъ (у доброй женщины было уже виано четыре мужа) дада въ свой бенефисъ пѣсу: «Исправленный Персиваль или она помирится съ нимъ» продолженіе Гальмовой Гризельды, также сочиненія своего остроумнаго супруга.

— Въ одной швейцарской газетѣ, при разборѣ новой пантомимы, представленной въ Арау, сказано: Не лучше-ли бы автору дѣлать на сценѣ ночь въ то время, когда танцуютъ танцорки старухи, потому что онъ ужъ черезъ-чуръ отвратительны и скверно танцуютъ. Ночь! ночь! г-нъ авторъ: и вы увидите, что танецъ понравится.

— Въ нѣмецкихъ газетахъ разсказываютъ слѣдующее происшествіе, которое если и не истинно, то хоть хорошо придумано, и годится для какого-нибудь водевиля. На дняхъ, одинъ вѣнскій житель шелъ, часу въ десятомъ вечера, по крѣпостному валу. Плащъ его, вѣроятно, былъ только слегка накинута на плеча, потому-что онъ на посиѣшномъ ходу уронилъ его. Вдругъ изъ боковой аллеи выскакиваетъ чело-вѣкъ, поднимаетъ оброненный плащъ и пречутиво подаетъ его потерявшему. Тотъ, разумѣется, поблагодарилъ его и услужливый человекъ пошелъ своею дорогою. Вдругъ хозяину плаща показалась подозрительною такая услужливость; онъ хватается за часы—часовъ какъ не бывало! Стремглавъ бросается онъ за незнакомцемъ, догоняетъ его, хватается за воротъ и кричитъ: часы! или я удушю тебя, проклятый мошенникъ!—Незнакомецъ, дрожа отъ страху, отдаетъ часы и

нашъ господинъ отправляется домой. Но какъ представить себѣ его изумленіе, когда, вошедъ въ свою комнату, онъ находитъ часы свои у себя на столѣ!—Онъ забылъ ихъ дома, и слѣдовательно, отнялъ у незнакомца его собственность. Рано поутру онъ поспѣшилъ въ полицію, отдалъ часы и рассказалъ о своемъ приключеніи: какъ вдругъ является тудаже и мнимый воръ. Это былъ учтивый, но чрезвычайно робкій портной, который счелъ нашего господина за разбойника и согласился лучше разстаться съ часами, чѣмъ вступить съ нимъ въ борьбу. Разумѣется, дѣло объяснилось и мнимый воръ съ мнимымъ разбойникомъ сдѣлались добрыми знакомыми.

— Китайцы, варвары! вовсе не имѣютъ даже и понятія о поцѣлуѣ. Англичане не надивятся этому. Ни одна женщина, ни одна дѣвушка не знаетъ наслажденія поцѣлуя; одинъ хорошенькій англійской юнга, осмѣлившійся было на подобную дерзость съ дочерью купца Тзи-Тзокъ, чуть-чуть не былъ прибитъ ею. Передаемъ это къ свѣдѣнію водевильстовъ и комиковъ, которые захотѣли-бы выводить на сцену китайскіе нравы.

— Суфлеръ Лагницкаго театра называется Мопсъ. Недавно въ тамошнихъ газетахъ напечатано было объявленіе: «У суфлера Мопса пропалъ пудель; доставившему его въ гостиницу «Собаки» дано будетъ причинное награжденіе.

— Въ Бродахъ явился великій артистъ совершенно въ новомъ родѣ. Это нѣкто Бавецкій, который, какъ говорятъ, давно играетъ на *вольткѣ*. Слышавшіе его утверждаютъ, что дѣйствительно нельзя повѣрить, чтобы это была вольтка: такую гармонию извлекаетъ онъ изъ этаго ничтожнаго инструмента. Бавецкій съ большимъ успѣхомъ игралъ уже и въ Варшавѣ.

— Во время прощальнаго спектакля Тальйони, въ Парижѣ, какой-то энтузіастъ въ партерѣ сорвалъ вдругъ у сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамы съ головы искусственные цвѣты и бросилъ ихъ на сцену. Но, какъ видно, дама эта не слишкомъ уважала талантъ великой танцовщицы, потому что тотчасъ-же прибѣгла къ помощи полиціи и передала въ ея руки похитителя своихъ цвѣтовъ, при чемъ оказалось, что энтузіастъ вмѣстѣ съ искусственными цвѣтами вытащилъ у дамы изъ головы еще довольно драгоценную булавку, кото-

рую онъ, разумѣется, не бросилъ къ ногамъ Тальйони, но съ ловкостію и быстротою, достойными Боско и Деблера, спустилъ къ себѣ въ карманъ.

— Г. Х., франтъ, промотавшій значительное состояніе и, не имѣя средствъ ни за какіе проценты достать денегъ, обратился къ одному богатому пріятелю съ просьбою ссудить ему 100 червонцевъ. «Мнѣ надобно» сказалъ онъ, «сдѣлать подарокъ танцовщицѣ N. Въ моихъ отношеніяхъ съ нею, я не могу обойтись безъ этого.» Пріятель долго отиѣкивался и наконецъ сказалъ: «Ладно, дѣло авось еще устроится. Такъ какъ тебѣ деньги нужны только для подарка танцовщицѣ N., то ты обойдешься и безъ нихъ, если я тебѣ вмѣсто этого дамъ самый подарокъ:» Сказавши это онъ отворяетъ свое бюро, и Г. Х. готовится получить какую нибудь драгоценную вещь, но онъ жестоко ошибся.—«На, вотъ, сказалъ ему пріятель, подари дѣвицѣ N. эту вещь и тебѣ больше ничего не надобно.» Съ этими словами онъ вручилъ ему связку любовныхъ писемъ, полученныхъ имъ отъ танцовщицы N. —Однакожъ вѣдь это ужасная измѣна! вскричалъ Х.—Ни-чуть не бывало, возразилъ пріятель: это только избавленіе отъ сотни червонцевъ убытку.

ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(ФЕВРАЛЬ.)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Зачѣмъ мы не живемъ въ тѣ счастливыя времена, когда люди беззаботно летали на коврахъ самолетахъ, или шагали по всему міру, въ семимильныхъ сапогахъ? Ils sont passés ces bons vieux temps, и мы, въ нашъ XIX вѣкъ, должны довольствоваться желѣзными дорогами и пароходами, въ ожиданіи того счастливаго дня, когда аэростаты, надъ которыми столько теперь думаютъ, осуществлять для насъ преданіе о коврахъ самолетахъ. Чтò дѣлать?— Подождемъ! А какъ-бы хорошо было теперь, въ самый шумный, веселый мѣсяцъ въ году, облетѣть, если не весь міръ—слишкомъ устанешь!— то по-крайней-мѣрѣ всю Европу или, пожалуй, хоть нѣкоторыя части ея! Вездѣ увидѣли-бы ликованія, пиры, балы, танцы, маскарады, однимъ-словомъ—масляницу, карнавалъ въ полномъ разгулѣ и раздольи. Мы-бы съ вами потанцовали на балѣ Grand Opéra въ Парижѣ, посмотрѣли-бы на рѣзвый сапан, о которомъ вы могли получить въ Петербургѣ маленькое понятіе по водевилю «Le loup dans la bergerie, побывали-бы въ театрахъ, въ маскарадахъ, въ cafés, а потомъ... Но кто-же мѣшаетъ намъ и теперь подвязать крылья воображенія и въ одно мгновеніе передетѣть—куда вамъ угодно?—въ Парижъ? Извольте, медлить нечего,—отправимся...

Но, Боже мой! чтò это значить? Смотрите, весь Парижъ у насъ подъ ногами. Но мнѣ кажется, будто мы его видѣли au vol d'oiseau—именно, видѣли такимъ, какимъ онъ намъ представляется въ сію минуту. Вотъ Тюильери, съ своими

аллеями, статуями, Люкзорским обелиском; вотъ прямо передъ нами безконечная панорама, оживляющаяся триумфальными воротами l'Arc de l'Étoile; вотъ на-право Сена съ своими набережными, съ Палатою Депутатовъ, съ Quai Voltaire... А вотъ и домъ, въ которомъ жилъ Вольтеръ, — вонъ, второе окно отъ угла... А напротивъ, въ другомъ угловомъ домѣ жилъ нашъ пріятель С... , котораго раннюю потерю оплакивають дружба и наука... Вотъ знаменитая Карузль-ская площадь и — какъ кетати! — парадъ національной гвардіи: для иностранцевъ это любопытно... Но, Боже мой, все это намъ знакомо, все это мы видѣли — какъ и когда?... Видѣли — на берегахъ *Мойки*, также грязной, какъ Сена, хотя не такъ широкой, видѣли въ паворамѣ Парижа, мастерскомъ произведеніи г-дъ Пиластра и Комбона. Итакъ Парижъ намъ осматривать нечего, да и некогда. Заглянемъ лучше во внутреннюю жизнь Парижанъ, посмотримъ новости театральныя, послушаемъ разныхъ вѣстей, на которыя такъ щедры Парижане. Но съ чего начать?

Начнемъ съ того, что въ эту минуту болѣе всего привлекаетъ въ театръ парижскую публику: это опера *Скриба* и *Галеви* «*La Part du diable*». Мы уже знаемъ ее содержаніе изъ 2-й книжки «*Репертуара и Пантеона*». Послушаемъ музыку.

При имени *Обера*, невольно подумаешь: какъ странно судьба играетъ людьми, какъ долго иногда она не даетъ имъ выйти на ихъ настоящую дорогу, отталкиваетъ ихъ именно отъ того, къ чему они созданы, для чего родились! *Оберъ* до 18 лѣтъ своего возраста находился въ купеческой конторѣ своего отца, занимаясь перепискою векселей, торговыхъ писемъ, конторскихъ книгъ, думая болѣе объ индиго и хлопчатой бумагѣ, нежели о музыкѣ, которая составляла для него только развлеченіе въ часы досуга. Хоть онъ и писалъ тогда небольшія музыкальныя сочиненія и печаталъ ихъ подъ вымышленнымъ именемъ *Lamatte*, но ему и въ голову не приходило посвятить всего себя музыкѣ и сдѣлаться композиторомъ. Въ 1820 году отецъ его лишился всего своего имущества, объявилъ себя банкротомъ, и съ горести и отчаянія умеръ. *Оберъ*, который въ теченіе двухлѣтняго своего пребыванія въ Лондонѣ, написалъ нѣсколько незначительныхъ оперетокъ «*La bergère chatelaine*», «*Le séjour militaire*» и «*Le testament et le billet doux*» рѣшительно только для забавы своей, долженъ былъ теперь въ музыкѣ искать средствъ къ существованію. Все еще не довѣряя своему музыкальному

призванію, онъ вѣсколько мѣсяцевъ искалъ для себя мѣста бухгалтера или перваго commis (прикащика) въ какомъ-нибудь купеческомъ домѣ, но, не получивъ ничего ни въ одной изъ купеческихъ конторъ улицы St-Denis, онъ рѣшился взяться за перо и написалъ «Эмму» которая всѣмъ понравилась. Первый успѣхъ ободрилъ его, и онъ безостановочно, одна за другою, написалъ оперы «Лейчестеръ», «Снѣгъ», «Леокадію», «Каменьщикъ и Слесарь», «Фиорелла», и наконецъ цѣлый рядъ созданий, доставившихъ ему европейскую славу — «Фенеллу», «Фра-Дявола», «Клятву», «Густава», «Черное Домино» — произведенія, которыя не только утвердили славу своего творца, но и упрочили его состояніе. Теперь Оберу 48-мъ лѣтъ; онъ — директоръ Парижской Консерваторіи, Королевскій Директоръ музыки, кавалеръ Почетнаго Легіона, членъ Академіи; и этотъ самый Оберъ, который въ 1820-мъ году не имѣлъ, на что купить фортепiano, теперь, черезъ 22 года, имѣетъ четыре огромныхъ дома въ улицѣ St-Georges и 60,000 франковъ ежегоднаго дохода!...

Но обратимся къ оперѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ хороша музыка! Скольго въ ней мелодіи, легкости, игривости, сладости! Точно бокалъ шампанскаго! Къ удивленію, въ этой оперѣ встрѣчается меньше всего *такцовальныхъ* мелодій, то есть такихъ, которыя годятся для кадрили, вальсовъ и т. п. Какъ хороша *Росси-Качча* въ роли *Карло Броски*! Имѣетъ съ *Рожеромъ, Рикле, Викторомъ* и *Ревилли*, играетъ въ этой оперѣ прелестная *Анна Тилльионъ*, въ роли *Касильды*. Не знаю почему, но когда я смотрю на блѣдное, прекрасное лицо Анны Тилльионъ, освѣщенное длинными свѣтлорусыми локонами, на эти большіе, голубые глаза, въ сердце мое всегда западаетъ грустное чувство, отъ котораго долго я не могу освободиться. Это грустное чувство происходитъ не отъ нея, нѣтъ, — но она напоминаетъ мнѣ объ одномъ умершемъ, исторію котораго, если позволите, я вамъ расскажу, какъ мнѣ рассказывалъ ее талантливый французскій писатель Генрихъ Верту.

Слушайте. Это было въ половинѣ зимы. Густой, сырой туманъ разстилался по улицамъ Лондона, такъ-что даже газовые фонари издавали сквозь него слабый, матовый свѣтъ. Пронзительный холодъ заставлялъ всякаго, кому только не было крайности быть на улицѣ, укрываться въ теплое углокъ, передъ благодѣтельнымъ огонькомъ камина. Въ это время по тротуару Сити, тяжело вздыхая, торопливо шелъ худо-

щавый, блѣдный мужчина, направляя шаги свои къ темно-дичимъ домамъ, кровли которыхъ исчезали въ туманѣ. Его длинные волосы развѣвались по вѣтру; утомленные, впалые глаза его сверкали необыкновеннымъ огнемъ. Грудь тяжело вздымалась, угнетаемая какимъ-то невыносимымъ бременемъ. Куда собственно шель онъ—онъ и самъ не зналъ этого. Тоска, отчаяніе, горе—всѣ фуріи неизвѣстности и безконечнаго страданія—терзали его душу. Онъ бѣжалъ, какъ будто-бы хотѣлъ уйти отъ самого-себя. Вдругъ сильный кашель заставилъ его остановиться, онъ полѣзъ въ карманъ за платкомъ, и вынимая его, выронилъ письмо. Поспѣшно поднявъ его, онъ прижалъ его къ сердцу, и со слезами на глазахъ сказалъ: «Бѣдная жена моя! И я не могу послать ей никакого утѣшенія». Въ эту самую минуту съ нимъ поравнялся шарманщикъ и заигралъ на органѣ хоръ изъ «Волшебнаго Стрѣлка».—Незнакомецъ горько улыбнулся, судорожно сжалъ въ рукѣ письмо и, что есть мочи, побѣжалъ впередъ, задыхаясь въ облакахъ тумана.—Кто-же такой былъ этотъ бѣднякъ?—Никто иной, какъ самъ знаменитый авторъ «Волшебнаго Стрѣлка» Карлъ Марія фонъ-Веберъ, чудныя мелодіи котораго распѣвала вся Германія, и который едва имѣлъ кусокъ насущнаго хлѣба.—Веберъ долженъ былъ оставить отечество, жену, сына, и ѣхать въ Англію за англійскимъ золотомъ, чтобы имъ поддержать свое существованіе въ отечествѣ. Умничанье содержателей лондонскихъ театровъ, капризы пѣвцовъ, тысяча закулисныхъ мелочей, грязныхъ, отвратительныхъ, убійственныхъ для челоѵка съ душой и сердцемъ, но которыя онъ долженъ былъ встрѣчать на каждомъ шагу, все это терзало, мучило, убивало его и безъ того разстроенное здоровье. Время проходило, а его «Оберонъ» все еще не былъ поставленъ на сцену. Не одна разлука съ женою и малюткой тревожила его,—нѣтъ, онъ зналъ что отъ теперешней удачи или неудачи зависитъ будущность его въ Германіи. Такъ бѣжалъ онъ впередъ, съ выраженіемъ безнадежности на лицѣ, произнося по временамъ отрывистыя слова, или судорожно смѣясь.—Вдругъ онъ останавливается; черты его оживились; слабый румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ, на глазахъ навернулись слезы.—«Это ангелъ», воскликнулъ онъ: «по-крайней-мѣрѣ, голосъ ангельскій, какой слышался мнѣ въ моихъ сновидѣніяхъ». И съ этимъ словомъ кинулся онъ въ домъ, за окнами котораго какъ ангелъ хорошенькая бѣлокурая дѣвушка, еще полудитя, пѣла шотландскую балладу, просто, натурально.

отъ-сердца. Онъ вошелъ въ комнату; пожилая женщина, мать ребенка, пришла въ ужасъ, когда блѣдный, какъ привидѣніе мужчина, кинулся къ ея дочери, судорожно прижалъ ее къ груди, и воскликнулъ: «Ты ангелъ, и поешь, какъ ангелъ!»—Но малютка, по какому-то невольному инстинкту, нисколько не испугалась страннаго незнакомца; она отбросила назадъ свои локоны, и съ сердечнымъ участіемъ устремила прекрасные голубые глаза на большаго музыканта, который взялъ ее къ себѣ на колѣни.—«Сударыня!» сказалъ онъ матери, нѣсколько успокоившись: «у вашей дочери превосходный талантъ; займитесь имъ, образуйте его; тысячи людей будутъ приходить отъ него въ восторгъ, и вы на дѣлѣ увидите подтвержденіе того, что я вамъ теперь предрѣкаю: Эта малютка будетъ великой пѣвицей».—Мать пожала плечами и недовѣрчиво улыбнулась; да и какъ могла г-жа Гонтъ, дама знатнаго происхожденія, богатая, гордая своимъ аристократическимъ именемъ и богатствомъ своего мужа, какъ могла она думать, чтобы ея дочь Анна когда-нибудь поступила на театръ, эта Анна, отъ руки которой не отказался-бы и какой-нибудь перъ англійскій, изъ древней фамиліи?—«Спои, малютка, еще разъ свою балладу!» сказалъ Веберъ, и крошка, сидя у него на колѣняхъ, пропѣла еще разъ шотландскую мелодію. Веберъ плакалъ; его стѣсненной груди стало, по-видимому, легче; онъ поцѣловалъ дѣвочку въ лобъ и потомъ сказалъ: «Я приду въ другой разъ, сударыня, если только вы позволите, послѣ того, какъ дадутъ мою оперу: я — Веберъ, и стану учить вашу малютку». Глубоко-тронутый, онъ удалился; но гораздо спокойнѣе, и въ первый разъ уснулъ онъ сегодня, возвратившись въ свое уединенное жилище; сладкіе, отрадные сны, напоминашіе ему о родинѣ, о семействѣ, летали вокругъ его изголовья... ангельскіе голоса звучали ему небесной гармоніей. Онъ хотѣлъ придти въ другой разъ, но—не пришелъ. Опера его была сыграна,—пропѣта лебединая пѣснь его, его последнее торжество, и вскорѣ за тѣмъ Веберъ перешелъ въ лучший міръ—къ Глюку и къ Моцарту... Однакожъ пророческія слова его, его предсмертное видѣніе, оправдались на дѣлѣ. Спустя пятнадцать лѣтъ, прекрасная бѣлокурая дама пѣла въ салонѣ графа Баранта, въ Клермонѣ; *Оисловъ* прервалъ ее, повторяя ей слова Вебера: «Вы поете, какъ ангелъ!»—Анна Гонтъ лишилась родителей и состоянія. Бракъ обманулъ ея надежды на счастье. Побуждаемая пророческими словами Вебера, переѣхала она во Францію, чтобы здѣсь

снискивать себѣ пропитаніе въ такомъ званіи, которое въ Англіи, по ея семейнымъ отношеніямъ, было для нея неприлично. Маленькій клермонскій театръ отворилъ ей свои двери, и такимъ образомъ вышла она на сцену въ первый разъ, въ роли Агаты, въ Веберовомъ «Волшебномъ Стрѣлкѣ». Успѣхъ былъ огромный. Отсюда поѣхала она въ Нантъ. Уже она готова была взять ангажементъ въ Италію, какъ вдругъ директоръ театра *Возрожденія*, Антеноръ Жоли, предложилъ ей свою сцену, и она сдѣлала въ Парижѣ самый блестящій дебютъ, въ оперѣ «Леди Мельвиль», нарочно для нея написанной.—Съ этой поры она сдѣлалась украшеніемъ Комической Оперы, и многія роли въ операхъ Обера, Адама и др. написаны нарочно для нея.—Но *Анна Тилльионъ*, какъ она теперь называется, по сіе время сохраняетъ чистое, благоговѣнное воспоминаніе о Веберѣ, и если ей случается пѣть гдѣ-нибудь въ салонѣ извѣстную Веберову арію:

“Einsam bin ich, nicht alleine.”—

на глазахъ ея всегда навертываются слезы...

Опера кончилась. Мы вынесли изъ театра самыя пріятныя впечатлѣнія. Прекрасный голосъ Анны Тилльионъ, ея одушевленная игра, наконецъ красота ея, все это заставило насъ благодарить случай, приведшій насъ въ этотъ спектакль.

— Что новаго на другихъ парижскихъ театрахъ? спросилъ я у бывшего моего сосѣда, словоохотнаго Француза, выходя изъ театральной залы.

— На другихъ театрахъ новаго очень-мало, отвѣчалъ онъ мнѣ. Мы теперь какъ на иголкахъ, въ ожиданіи великаго драматическаго событія—представленія новой драмы Виктора Гюго: «Бургграфы». Кажется, на-дняхъ мы наконецъ удостоимся видѣть этотъ знаменитый спектакль. Главная остановка была за тѣмъ, что Викторъ Гюго не могъ сыскать актрисы для роли Гуэнамары, 90-лѣтней старухи. Рашель не хотѣла взять на себя этой роли, тѣмъ-болѣе, что она занималась изученіемъ новой роли—*Маріи Стюартъ*, и упорно рѣшилась держаться старо-классическаго репертуара Расина и Корнеля. Другая артистка, дѣвица Максимъ не понравилась Виктору Гюго, хотя сначала онъ передалъ ей роль. И теперь у молодой артистки нашей завязался съ знаменитымъ поэтомъ процессъ...

- Процессъ? За что?
- Актриса Максимъ подала въ судъ просьбу на Виктора Гюго и на администрацію Французскаго Театра, и требуетъ, чтобы имъ запрещено было не только играть, но даже репетировать піесу безъ нея. Викторъ Гюго самъ ей назначилъ роль, она ее изучала, приготовила наконецъ, и теперь эту роль у нея отнимають, и передають другой. Судите сами: она трудилась, тратила на это время, и теперь авторъ піесы, по одному капризу, отнимаетъ у нея роль: чѣмъ-же она виновата? Если авторъ разъ назначилъ роль артисту, и тотъ ее принялъ, значитъ между ними уже установилось условіе, по которому ни тотъ, ни другой не должны отказываться. Иначе за что актеръ будетъ обязанъ употреблять время на ненужную работу, которая не принесетъ для него никакихъ результатовъ.
- Чѣмъ-же, думаете вы, этотъ процессъ кончится?
- Не знаю; но по мнѣ г-жа Максимъ совершенно права.
- Но если г-жа Максимъ исполняетъ роль неудовлетворительно, чѣмъ-же виноватъ Викторъ Гюго?
- Онъ долженъ былъ предвидѣть это прежде, на счѣтѣ, на репетиціи.
- Признаться, дѣло рѣшить мудрено.
- По моему мнѣнію, рѣшить его можетъ публика, и г-жа Максимъ все-таки должна играть въ этой роли хоть одинъ разъ.
- Чѣмъ-же думаетъ Викторъ Гюго замѣнить г-жу Максимъ?
- Представлялись четыре артистки: г-жи *Жоржъ* и *Дорваль*, съ театра Одеонъ, г-жа *Фитцъ-Джемсъ*, съ театра *Porte St-Martin*, и г-жа *Мелингъ*, съ *Ambigu-Comique*. Викторъ Гюго избралъ послѣднюю: она получаетъ 12,000 франковъ годоваго жалованья, право на пенсію, считая со дня вступленія на сцену и сверхъ-того, *Théâtre-Français*, въ случаѣ нарушенія контракта, обязывается заплатить ей 20,000 франковъ неустойки.
- Но что слышно о достоинствѣ этого новаго произведенія вашего *перваго поэта*?
- Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ: одни превозносятъ до небесъ, называютъ созданіе великимъ, *громаднымъ*, другіе ругаютъ на-появъ, пророчатъ полное паденіе и пр. Кому вѣрить? Подождемъ, посмотримъ и тогда сами увидимъ... Кстати: вамъ, какъ иностранцу, любопытно будетъ взглянуть на новую піесу театра *Porte St.-Martin—Тысяча и одна ночь*?

— А что въ ней любопытнаго?

— Сама-по-себѣ пьеса эта глупа и нелѣпа, но декорации и вообще постановка въ ней удивительны. На-примѣръ буря на морѣ, крушеніе кораблей—такъ хорошо, что я ничего подобнаго не видывалъ и не могъ вообразить, чтобы искусство могло такъ близко подойти къ природѣ.

— Великолѣпными декорациями и постановками вы насъ, Русскихъ, не заманите: благодаря заботливости вашей петербургской Дирекціи, у насъ бываютъ въ балетахъ такія декорации, что едва-ли у васъ въ Парижѣ можно видѣть лучше. Что-же касается до нелѣпныхъ пьесъ, ну и въ этомъ, я думаю, мы васъ перецеголяемъ.

Французъ улыбнулся.

— Я вамъ рассказывалъ о процессѣ актриссы Максимъ съ Викторомъ Гюго, продолжалъ мой словоохотный собесѣдникъ: кстати расскажу вамъ о другомъ театральномъ процессѣ, весьма-забавномъ и—поучительномъ. На театрѣ des Variétés есть хорошенькая актрисса М-ле Ози (Ozy). Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получила она въ подарокъ отъ одного изъ своихъ покровителей, графа *** драгоцѣнное ожерелье. Но такъ какъ фасонъ этого ожерелья вышелеъ уже изъ моды, то она и отдала его передѣлать тому-же самому ювелиру, который обыкновенно работалъ на графа. Представьте вдругъ испугъ ея, когда ювелиръ, посмотрѣвъ ожерелье, на-отрѣзъ отказался возвратитъ ей его, отзываясь тѣмъ, что графъ, который между-тѣмъ уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ за границу, долженъ еще ему за самое это ожерелье, 30,000 франковъ. Такой поучительный случай подалъ поводъ къ постановленію новаго параграфа въ кодексѣ актриссъ. Параграфъ этотъ гласитъ такъ: «Никогда не должно отдавать передѣлывать брилліанты, полученные въ подарокъ, не узнавши напередъ, заплачены-ли за нихъ деньги, и притомъ не отдавать никогда тому-же самому ювелиру, у котораго они куплены». Актрисса Ози прибѣгла къ защитѣ правосудія, и ювелиру велѣно было возвратитъ ей брилліанты, на томъ основаніи, что долги графа до нея нисколько не касаются!

— Вы богаты забавными и поучительными произшествіями изъ жизни артистовъ, замѣтилъ я моему собесѣднику...

— О, отвѣчалъ онъ: лишь только-бы стало у васъ охоты слушать, а то всего не перескажешь. Да вотъ, на-примѣръ, на-дняхъ еще была презабавная исторія съ новой оперой Галеви «Карлъ VI». Ужъ былъ назначенъ день ея представленія, 15-го февраля, какъ вдругъ теперь это представленіе

отложено на неопредѣленное время. Причиной тому, какъ говорятъ, была домашняя ссора композитора съ пѣвицею Штольцъ, которая занимаетъ главную роль въ оперѣ. Богъ знаетъ по какому капризу г-жа Штольцъ не явилась на одну изъ главныхъ репетицій, дѣланную самимъ Галеви. Композиторъ послалъ за нею. Г-жѣ Штольцъ это не понравилось: она пріѣхала, но до того злая и сердитая!.. Взбѣшенный Галеви швырнулъ въ сторону свою партитуру и поклялся, что онъ не дастъ своей оперы. Г-жа Штольцъ, видно не уступающая ему въ горячности, швырнула вслѣдъ за его партитурою свои дорогіе часы и начала честить г-на Галеви отборными комплиментами. Г. Пилле (Pillet), директоръ театра, вмѣшивается въ ссору и грозитъ композитору, что онъ совсѣмъ не дастъ оперы:—въ слѣдствіе этого всеобщая картина—испугъ, гнѣвъ, ярость, изумленіе... Г-нъ Галеви снова клянется, что его опера будетъ таки дана и бросается съ своею партитурою къ королевскому театральному комиссару; г-жа Штольцъ швыряетъ въ слѣдъ ему свою партитицею и падаетъ въ обморокъ—на обломки своихъ драгоценныхъ часовъ... Наконецъ послѣ долгихъ переговоровъ и извиненій, Галеви помирился съ г. Пилле и г-жею Штольцъ и въ знакъ этого примиренія вставилъ въ своего «Карла VI» три новыя аріи для г-жи Штольцъ. Галеви, надо вамъ сказать, олицетворенная услужливость; онъ обѣщалъ каждому изъ пѣвцовъ что-нибудь—кому блистательную арію, кому дуэтъ, кому терцетъ; но теперь, какъ кажется, г-жа Штольцъ взяла всю оперу за себя. Напримѣръ, заиграютъ ритурнель и Дюпре думаетъ: Ага, вотъ это, должно быть моя арія!—Никакъ нѣтъ-съ—Г-жа Штольцъ поетъ арію.—Опять ритурнель.—А! говоритъ Баруалле: это мой дуэтъ съ Дюпре.—Ни чуть не бывало—г-жа Штольцъ поетъ арію.—Новый ритурнель.—Теперь, безъ сомнѣнія, мой терцетъ съ Баруалле и Дюпре, говоритъ г-жа Дорю-Гра.—Извините!—г-жа Штольцъ опять поетъ арію.—Наконецъ большой ритурнель. Теперь, говорятъ хористы: наша очередь.—Какъ-бы не такъ! Г-жа Штольцъ поетъ еще арію. Такимъ-образомъ идетъ вся опера. И теперь всѣ прочіе пѣвцы и пѣвицы, имѣющіе предразсудокъ думать, что они ангажированы на роли пѣвцовъ, а не статистовъ, рѣшились, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать всѣ вмѣстѣ свои неинтересныя партіи обратно г-ну Галеви.—Впрочемъ представленіе «Карла VI» и въ-самомъ-дѣлѣ опять отложено на три мѣсяца.

—А что ваша Итальянская опера? спросилъ я, желая пе-

рвать скандальную хронику закулисной жизни, которая, как видно, была такъ хорошо знакома моему спутнику.

— Очаровательна по-прежнему. Впрочемъ обычные посятели Итальянской Оперы жалуется на безпрерывные интриги и заговоры пѣвицы этой Оперы противъ вновь-ангажированной на сцену пѣвицы Монанни. Въ-слѣдствіе этихъ интригъ т-жа Монанни вотъ уже нѣсколько недѣль не является передъ публикою. Впрочемъ новалъ дебютантка сама страшно виновата передъ своими подругами: она обладаетъ—рѣдкой красотой и граціей!...

Мы проходили мимо театра Vaudeville.

— Зайдемъ на-минуту въ театръ взглянуть на нашего уморительнаго Арналя.

Мы вошли.

Въ театрѣ давали чрезвычайно забавную сцену подъ названіемъ: «*Sous un alcôve*, въ которой игралъ Арналь совершенно-одинъ. Онъ занималъ роль фаворита одной молоденькой вдовушки; только-что расположился-было онъ съ глазу на глазъ поужинать съ своею любезною, какъ вдругъ является соперникъ его, который принуждаетъ его спрятаться за альковомъ, въ спальнѣ своей вдовушки. Окно этой спальни на виду у зрителей, и на бѣлой гардинѣ его рисуется тѣнь движущейся въ комнатѣ особы. Помѣшавшій ужину соперникъ Арналя, подозрѣвая, что тутъ что-то не чисто, бѣсится отъ ревности, и Арналево затруднительное положеніе и трусость чрезвычайно забавляютъ зрителей. Онъ выбрасываетъ изъ окна одѣялы, подушки и т. п., чтобы безъ опасности выскочить послѣ самому и убѣжать, но это замѣчаютъ сосѣди и поднимаютъ крикъ: держите! держите! воры! воры! Послѣ многихъ забавныхъ сценъ Арналь одѣвается въ платье горничной дѣвушки и успѣваетъ скрыться. Вся эта сцена продолжается не болѣе четверти часа.—Не худо, подумалъ я, выходя изъ театра, еслибы кто-нибудь изъ нашихъ переводчиковъ передѣлалъ эту сцену для нашего любимаго комика, г-на Мартынова.

— Нѣчто похожее, замѣтилъ мнѣ мой спутникъ, даютъ на театрѣ Пале-Ройяль. Піеса эта называется «*La Lisette de Ve-tanger*», соч. г. *Берá*.

Я полюбопытствовалъ взглянуть. Роль *Лизетты* занимала М-ше Дежазе. Эта прелестная парижская актрисса имѣетъ на нашей сценѣ милый *pendant*—въ М-ше Alexandre-Mayer; но послѣдняя, въ бытность свою въ Парижѣ, была прелестной второстепенной актрисой, между тѣмъ какъ первая давно уже

славится очаровательной игрой и — каламбурами. Г-жа Дежазе сыграла или, лучше сказать, сыгала главную роль очаровательно. Лизета свято хранит въ сердцѣ своемъ воспоминаніе о поэтѣ, который любилъ ее и воспѣлъ. Вотъ весь сюжетъ пьесы; но куплеты — слова и музыка г-на Бера — предельны! На нихъ основанъ весь водевиль. Вотъ два куплета, отъ которыхъ не отказался-бы самъ Беранже:

I.

Enfans, c'est moi qui suis Lisette,
La Lisette du chansonnier,
Dont vous chantez plus d'une chansonnette;
Matin et soir, sous le vieux marronnier:
Le chansonnier dont le pays s'honore,
Oul, mes enfans, m'aima d'un tendre amour,
Son souvenir m'enorgueillit encore
Et charmera jusqu'à mon dernier jour.

Si vous saviez, enfans, quand j'étais jeune fille

Comme j'étais gentille!

Je parle de long-temps!

Teint frais, regard qui brille,

Sourire aux blanches dents.

Alors, ô mes enfans,

Grisette de quinze ans,

Ah! que j'étais gentille!

II.

Un jour, enfans, dans ce village,

Un marchand d'images passant,

Me proposa (Dieu l'envoyait, je gage!)

De Béranger un portrait ressemblant.

J'aurais donné jusqu'à mes tourterelles!...

Ces traits chéris je les vois tous les jours.

Hier encore, de pervenches nouvelles,

De frais lilas j'ai fleuri mes amours.

Si vous saviez, enfans, etc.

Когда мы вышли изъ маленькаго театра Palais-Royal было уже поздно. Мы отправились съ моимъ спутникомъ въ знаменитую Café Cardinal, на Итальянскомъ бульварѣ, чтобы отдохнуть и закусить что-нибудь. Только что мы вошли, онъ подвелъ ко мнѣ пожилаго дѣть человека, чрезвычайно-живаго, съ физиономіею самой оригинальною.

— Вы жаждете знать обо всѣхъ театральныхъ новостяхъ Парижа: рекомендую вамъ живую хронику парижскихъ театровъ, М-г Д., фельетониста газеты **).

Я отрекомендовался,

— Всѣ парижскія театральныя новости у меня въ карманѣ, сказалъ фельетонистъ: вотъ только-что отпечатанный № газеты, который долженъ выйти завтрашній день. Неудобно ли вамъ пробѣжать его, а мы пока съ пріятелемъ съиграемъ партіи двѣ въ домино.

Онъ подавъ мокрый еще огромный листъ газеты, котораго не успѣла утратить своего типографскаго аромата.

Я приоткрылъ въ углу, и началъ читать, дѣлая отмѣтки въ своемъ портфельѣ. Вотъ что рассказывалъ въ фельетонѣ мой новыи знакомецъ:

— *Les égaremens d'une canne et d'un parapluie.* (Плутаніе трости и зонтика), водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Дювера и Лазанна. (Théâtre du Palais-Royale.)

Г. Фламешъ провелъ всю ночь въ маскарадѣ, напелъ тамъ герцогиню и потерялъ зонтикъ. Фламешъ, грустный, печальный, возвращается домой и первыя слова жены его слѣдующія:—Гдѣ твой зонтикъ?—Потерялъ, отвѣчаетъ Фламешъ.—А откуда ты взяла эту трость, жена?—Не знаю, какъ она сюда попала.—Странно! думаетъ мужъ, и тутъ кетати припоминаетъ, что онъ нѣкогда былъ ученикомъ великаго магнетизера Биккара. Онъ былъ свидѣтелемъ чудесъ, производимыхъ имъ, а потому немедленно начинаетъ магнетизировать г-жу Фламешъ. Она засыпаетъ и начинаетъ говорить мужу самыя страшныя истины:—Трусъ! негоднй! волокита! скряга! лгуны! Ты увѣряешь, что провелъ ночь у г. Тальпэна, между-тѣмъ какъ вотъ уже три дня, какъ онъ умеръ.—Вы забываетесь, сударыня! кричитъ Фламешъ и хочетъ разбудить жену, но тщетно. Со-страху онъ бѣжитъ къ себѣ, чтобы нарядиться Испанцемъ; онъ надѣется опять встрѣтиться съ герцогиней. Между-тѣмъ жена его надѣваетъ неаполитанской костюмъ. Они встрѣчаются и танцуютъ *pas des deux*. Потомъ г-жа Фламешъ снимаетъ маску, а г. Фламешъ фальшивый носъ. Въ герцогинѣ онъ узнаетъ жену, а она принимала мужа за г. Анатола.

— *La chasse du roi* (Королевская охота), водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Эмиля Фонтэнъ.

Молодому Королю Людовику XIV минуло 17 лѣтъ, и уже сердце его начинаетъ биться при словѣ «любовь». Ему очень нравится одна фрейлина Королевы-матери, которую теперь

зовутъ еще просто Луизой, но въ послѣдствіи будутъ звать М-ше де Лавальеръ и наконецъ сестрой милосердія Луизой.

Король идетъ на охоту, но возлѣ какого-то замка, лошадь его сбрасываетъ и вотъ юноша, хромя и охалъ, является къ возлюбленной своей и тетужкѣ ея, которой принадлежитъ этотъ замокъ. Король входитъ въ него съ двойною цѣлю; во-первыхъ для того, чтобы повидаться съ тою, которою онъ любитъ первую любовью юноши, а во-вторыхъ, чтобы получить памфлетъ, спрятанный у почтенной тетужки... за пазухой!—Эта трудная обязанность возлагается на наставника молодого Короля, и между-тѣмъ, какъ онъ самъ рассказываетъ Луизѣ про пламенную любовь свою, бѣдный наставникъ упадаетъ на колѣни предъ толстой тетужкой и.... достаетъ памфлетъ оттуда, гдѣ онъ спрятанъ.

Послѣ этого Людовикъ опять садится на коня и оставляетъ замокъ, овладѣвъ памфлетомъ и сердцемъ очаровательной Луизы!

Водевиль этотъ забавенъ и мило написанъ.
— *Les Alibi* (увертки), водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Théâtre des Vaigetés).

Уѣздный судья, большой простакъ, слышалъ, будто чтобы поправиться начальству и заслужить почести, надобно непременно открывать какъ можно болѣе преступленій и даже выдумывать, если таковыхъ, по благоустройству управляемой имъ страны, не случится. Въ-слѣдствіе этого уѣздный судья нападаетъ на перваго прохожаго, который ему встрѣтился и велитъ приколотить его до полусмерти. Вотъ и преступленіе. Остается отыскать преступниковъ. Всякій пойметъ, что судья себя самъ не выдастъ, тѣмъ-болѣе, что въ комедіяхъ уѣздные судьи являются всегда какъ примѣръ невинности и кротости. Судья опять за свое: первый, кто мнѣ попадется, будетъ преступникъ. Схватываютъ молодого человѣка, судятъ его и приговариваютъ къ смерти. Дѣло плохо!... Обвиненный, видя, что пора положить водевилю конецъ, объявляетъ имя свое и званіе: онъ ни болѣе, ни менѣе какъ главный судья, только-что пріѣхавшій занять новую должность свою. Но самое интересное то, что если самъ уѣздный судья его не зналъ, за то ужъ жена его была коротко знакома съ главнымъ судьей, который выходилъ тайкомъ отъ нея, когда мужъ, ничего не зная, напалъ на него и больно прибилъ.

Нѣкоторыя мѣста въ этомъ водевилѣ очень забавны.

— *L'extase*. (Восторгъ), драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Гг. Лакроа и Арну. (Théâtre du Vaudeville).

Мы рѣдко видимъ на сценѣ пьесы, которыхъ основная идея носила-бы на себѣ отпечатокъ новизны и смѣлости. Новая драма Гг. Лакроа и Арну долго удержится на сценѣ и долго будетъ еще возбуждать любопытство публики. Весь сюжетъ основанъ на мнимомъ сомнамбулизмѣ. Вся пьеса исполнена тайнъ. Едва одна откроется, уже другая образуется; вы угадаете и эту—передъ вами третья готова. Новизна въ этой драмѣ та, что до самой послѣдней сцены зритель не угадываетъ развязки, слѣдуя за завязкой отъ сцены до сцены съ возрастающимъ любопытствомъ. Наступаетъ послѣдняя перипетія, и вы крайне изумлены, вы невольно проливаете слезы.

— *Les dominos verts*. (Зеленые домино), водевилъ въ одномъ дѣйствіи г. Наполеона д'Абрантесъ. (Second Théâtre français).

Миленькая пьеска, основанная на остроумной болтовнѣ знатной дамы, прелестной, очаровательной, словомъ одной изъ маркизъ съ мушками, румянами, пудрой и тѣми цѣлительными бездѣлушками, которыя составляли роскошный туалетъ французскихъ аристократокъ до революціи.

— *Un mari s'il vous plaît* (Нельзя-ли найти мужа!), водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Леона Галеви и Питръ-Шевамье. (Théâtre du vaudeville).

У молодой вдовы М-ше де Блерзи есть очень совершеннолѣтняя племянница. Какъ добрая тетюшка, М-ше де Блерзи не хочетъ заключить втораго брака, пока племянница не вступитъ въ первый, а потому препоручаетъ г. Сабатье прискаты мужа племянницѣ, Аннѣ. И вотъ г. Сабатье начинаетъ хлопотать—бѣжить отъ бѣлокурыхъ къ темнорусымъ, отъ сѣдыхъ къ черноволосымъ и даже къ рыжимъ... все тщетно! Анна находитъ, что у бѣлокураго волосы слишкомъ рыжіе, у темнорусаго слишкомъ черны, а у сѣдаго слишкомъ бѣлокуры. Сабатье опять пускается отыскивать жениховъ. Но какая причина заставляетъ несчастнаго Сабатье хлопотать? А вотъ какая: онъ обожаетъ вдову, которая торжественно обѣщала выдти замужъ, лишь только племянница будетъ пристроена. Слѣдовательно Сабатье воображаетъ, что вдовушка непременно выдетъ за него. Послѣ многихъ трудностей Сабатье достигаетъ наконецъ цѣли своей: онъ нашелъ тотъ идеалъ, о которомъ мечтаетъ Анна. Полный сладостѣйшихъ надеждъ, онъ представляетъ его и узнаетъ, что уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Анна за-мужемъ.... Бѣдный хлопотунъ остолбенѣлъ; но мысль, что теперь онъ въ правѣ требовать руки вдовишки представилась уму его и полный еще сладостѣйшихъ надеждъ онъ идетъ къ ней и... начинаетъ подозрѣвать, что она его

никогда не любила. Впрочемъ подозрѣнія его очень основательны, потому-что она сама объявляетъ ему, что выходитъ за г. Девермона.

Водевиль этотъ очень остроумно написанъ. Хлопоты бѣднаго Сабатье очень-забавны.

— *Les deux bergères* (Двѣ пастушки), оперетка г. Планара. Музыка г. Эрнеста Буланжэ. (Théâtre royal de l'Opéra Comique).

Молодой, разсѣянный и задумчивый морской офицеръ встрѣтился на базѣ съ хорошенькой молоденькой женщиной, которая отвела его въ сторону и сказала, что страстно влюблена въ него. Къ-несчастью она была замаскирована и исчезла послѣ бала.

Что было дѣлать бѣдному моряку? Считать это мистификаціей? Нѣтъ! голосокъ незнакомки былъ слишкомъ-нѣженъ, въ выраженіи его было слишкомъ-много правды! Съ горя или лучше сказать, по долгу службы пустился онъ путешествовать около свѣта, не переставая мечтать и вздыхать о незнакомкѣ.

Случай, богъ греческихъ трагиковъ и провидѣніе оперныхъ влюбленныхъ, свелъ его наконецъ съ предметомъ далекихъ и постоянныхъ мечтаній. То была кузина его, молодая вдова и графиня.

Молодой композиторъ г. Буланжэ все болѣе и болѣе оправдываетъ то лестное мнѣніе, которое публика получила о немъ послѣ первыхъ его сочиненій. Музыка этой оперетки очаровательна; содержаніе пьесы не ново, но мило.

— *Le pêcheur de l'Isère* (Изерскій рыбакъ), драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, (Théâtre de Panthéon).

Банкиръ Вандеркакъ живетъ въ маленькой Изерской деревнѣ съ дочерью Луизой, которая должна выдти за маркиза де Сужэръ. Но передъ возвращеніемъ въ Парижъ, дочь открываетъ отцу любовь свою къ Андрэ, простому рыбаку, нѣжно любимому Семпеттой. Банкиръ, тронутый истинною любовію дочери отказываетъ маркизу и увозитъ съ собою въ Парижъ рыбака Андрэ, котораго хочетъ сдѣлать своимъ компаньономъ, когда образованіе сдѣлаетъ его достойнымъ руки Луизы.

Проходить два года. Но сколько произошло переменъ въ это короткое время! Сердце Луизы измѣнилось. Она уже разлюбила бѣднаго Андрэ, который спасъ ей однажды жизнь, и отдала сердце офицеру Морису, замѣшанному въ Гренобльскихъ смутахъ. Андрэ въ отчаяніи — Луиза ему все раз-

сказала—вдруг знакомый голос раздается под окнами его. Это голос Сэмплетт; она поет слова иѣжныя и утѣшительныя на голосъ «Grâce de Dieu».

Андрэ узнаетъ отъ наивной крестьяночки, что она его страстно любитъ. Онъ узнаетъ также, что отецъ его проклялъ и отказался отъ подарковъ его. Андрэ не долго думалъ; воротился домой, испросилъ у старика прощенье, женился на Сэмплеттѣ и вполне выказываетъ благородство характера своего, способствуя побѣгу Луизы и Мориса, когда ревновавшій маркизь Де-Сужэръ предалъ послѣдняго въ руки полиціи.

— *Les deux oses* (два осла), водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Мельвиля и Кармуша. (Théâtre du Palais-Royal).

Живописецъ Мартэнъ написалъ осла; мы начинаемъ съ этого портрета по-тому, что на немъ основанъ весь водевиль. У Мартэна есть невѣста и племянникъ, тоже живописецъ, обожающій невѣсту дяди. Но Мартэнъ очень ревнивъ: онъ однажды вышелъ со двора и поставилъ портретъ осла къ окну, чтобы никто не могъ войти. Тамъ ужъ видно такой обычай, что входить не въ двери, а въ окна, потому-что не прошло минуты, какъ въ окно вскакиваетъ Рафаэль, племянникъ Мартэна и стираетъ совершенно портретъ осла. Побесѣдовавъ съ Жаннетой, невѣстой дяди, Рафаэль передъ уходомъ вспоминаетъ, что надобно поправить портретъ осла. Какъ быть? Нечего дѣлать. Надобно написать картину снова. Но Рафаэль не успѣлъ разсмотрѣть картину дяди, а потому написалъ новаго осла со вьючнымъ сѣдломъ.—Видишь ли, Жаннетта, говоритъ Рафаэль: ты поставишь этого осла на мѣсто мертвѣаго осла и ты не будешь обезглавленная женщина! (Намекъ на романъ Жюль-Жанена: *L'âne mort et la femme guillotinée*). Возвращается Мартэнъ и видитъ несчастное сѣдло, свидѣтельствующее о невѣрности Жаннетты. Скучно, старо и глупо! Жаль, что гг. Мельвиль и Кармушъ соединились на этотъ разъ для того, чтобы составить *deux oses*!

Мои знакомцы кончили нѣсколько партій домино, а я все еще сидѣлъ за фельетономъ.

— Полно вамъ читать, сказалъ мнѣ фельетовникъ: пора намъ поужинать.

— Но я еще не все кончилъ: вотъ комедія *Леона Гильяра*: *Delphine ou la faute du mari*, въ трехъ дѣйствіяхъ и трехъ куллетахъ.....

— Прескучная комедія, подновленная самыми старыми подробностями, пошлыми остротами и тривиальными разговорами. Удивительно, сколько иногда человекъ съ умомъ можетъ нагородить глупостей — стоитъ только захотѣть. И г-нъ Леонъ Гильяръ захотѣлъ!

— *L'enlèvement de Déjanire*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, гг. Маркъ Мишеля и Мореня. (Théâtre des Variétés).

— Пошласть передъ которою извѣстный водевилъ «*Minuit passée*» (*Ночь въ Щербакѣ перелукѣ*) есть гениальное произведение.

— Ну, а водевилъ: *Le ménuet de la reine* (Менуэтъ Королевы), соч. Фурье?

— Не стоитъ вниманія! Да слѣдите одолженіе, повѣрьте мнѣ, что больше ничего у насъ нѣтъ новаго, по крайней мѣрѣ, стоящаго вниманія. Теперь карнавалъ, и маленькіе театры наши, въ это время, какъ и вездѣ, превращаются Богъ знаетъ во что!

— Я удивляюсь одному, сказалъ я, когда намъ подавали нашъ ужинъ: при такомъ множествѣ новыхъ блюдъ, вы все еще жалуетсяе на бѣдность, говорите, что у васъ ничего нѣтъ новаго?

— Бѣдности нѣтъ, и новаго много, да хорошаго мало.

— А мнѣ кажется, что вы избалованы богатствомъ, избыткомъ... Сколько у васъ театровъ и всѣ они полнехоньки...

— Но вы вспомните, возразилъ мнѣ фельетонистъ, что Французъ зрѣлища и театры также необходимы, какъ хлѣбъ, какъ воздухъ. Всякой Французъ по природѣ актеръ, онъ безъ театра жить не можетъ. Для него улица есть тотъ-же театръ: онъ на каждомъ шагу видитъ представленія; всякая драка, ссора, всякое происшествіе уличное есть для него зрѣлище, передъ которымъ онъ остановится непременно, на которое онъ засмотрится во всѣ глаза. Нѣтъ у него театра, онъ самъ его устроитъ, самъ состряпаетъ, на что поглядѣть, позвать. И вотъ недавно во всѣхъ газетахъ напечатанное происшествіе можетъ служить доказательствомъ, до какой степени французы жадны къ зрѣлищамъ.

— Какое это происшествіе?

— Одинъ ярмарочный менажеристъ смиренно проходилъ съ своимъ звѣринцемъ, состоящимъ единственно изъ медвѣды и обезьяны, по дорогѣ изъ Монбризона въ Вильяраншъ. Близъ Вильженева, попался ему на встрѣчу масникъ, шедшій въ Тарару съ огромнымъ бульдогомъ. Поразговорившись, они принялись хвастаться своими подвигами, то есть, одинъ

подвигами своего медведя, а другой — бульдога. Разумѣется, самолюбіе не осталось въ покоѣ. Мясникъ предложилъ менажеристу попробовать силу медведя и бульдога. Тотъ согласился: бѣдныхъ животныхъ спустили, и вотъ они напропалую терзаютъ другъ друга ради славы своихъ хозяевъ. Собака отличилась въ этой битвѣ отчаянною храбростію. Обезьяна, въ качествѣ судьи, слѣдила за поединкомъ, сидя на плечѣ своего хозяина, и, увидавъ наконецъ, что побѣда клонится на сторону бульдога, и что товарищъ ея, медведь, находится въ самомъ жалкомъ положеніи, вдругъ храбро бросилась на спину побѣжденнаго, чтобы защитить его отъ нападеній его противника; но хозяинъ отозвалъ ее и соперниковъ развели. Жаль, сказалъ мясникъ, что вы отозвали свою обезьяну; мой бульдогъ разомъ-бы проглотилъ ее. Менажеристъ, оскорбленный подобнымъ отзывомъ о своей обезьянѣ, отвѣчалъ: Хочешь-ли, пойдемъ въ Тарару и спустимъ тамъ мою обезьяну съ твоимъ бульдогомъ?—Моего бульдога съ твоей обезьяной? возразилъ, захохотавъ, мясникъ: Да я держу пари, 20 франковъ противъ 20 су, что въ десять минутъ твоей Жакъ-Бономъ будетъ разорванъ въ клочки.—Пари принято, но съ условіемъ, что обезьяна будетъ вооружена палкою, не болѣе какъ въ полъ-аршина длиною. Придя въ Тарару, наши соперники остановились въ гостинницѣ, и тотчасъ-же около нихъ собралась толпа любителей подобныхъ зрѣлищъ. Бульдогъ первый явился на аренѣ, въ сопровожденіи своего хозяина, потомъ важно вступилъ туда и менажеристъ съ своею обезьяною и спустилъ ее съ плеча на скамейку, посреди безмолвныхъ и внимательныхъ зрителей. Надобно замѣтить, что обезьяна эта была изъ породы малорослыхъ и что бульдогъ былъ въшестеро больше ея, и, слѣдовательно, это обстоятельство тѣмъ-болѣе увеличивало любопытство мужчинъ и безпокойство женщинъ, которыя, протестуя противъ такого безчеловѣчія, все-таки требовали первыхъ мѣстъ, которыя, какъ извѣстно, вездѣ и всегда принадлежатъ прекрасному полу.—Теперь, сказалъ мясникъ менажеристу: ты долженъ прежде всего подтвердить передъ всемъ собраніемъ, что не будешь требовать отъ меня вознагражденія, если мой бульдогъ разтерзаетъ твою обезьяну.—Позаботься лучше о твоей собакѣ; что до меня, то и я, и мой Жакъ, который ничего не труситъ, впередъ освобождаемъ тебя отъ всякой отвѣтственности, что-бы ни случилось.—Съ этими словами менажеристъ вынулъ изъ кармана палочку въ полъ-аршина длиною и подалъ ее своей обезьянѣ, говоря: На, Жакъ, вонъ тебѣ

огромная собака!—Мясникъ спустилъ свою собаку и закричалъ: Бери ее! Самые тигры древнихъ римскихъ цирковъ не бросались съ такою яростію на несчастныхъ, предаваемыхъ имъ въ жертву, съ какою устремился бульдогъ на обезьяну. Бѣдный Жакъ, опрокинутый первымъ натискомъ, распростерся на аренѣ; бульдогъ только-что вознамѣрился было вѣсть въ него своими страшными зубами, какъ вдругъ онъ, сдѣлавъ пируетъ на воздухъ, и въ самую ту минуту, когда зрители почитали его уже разтерзаннымъ, очутился на спинѣ собаки, и помѣстясь такъ, что ей невозможно было достать его, вѣдшия зубами ей въ шею, лѣвою рукою схватилъ ее за ухо, притиснулъ голову къ землѣ, и удерживая ее въ этомъ унижительномъ для всѣхъ бульдоговъ и для всѣхъ мясниковъ положеніи, принялся изъ всей мочи колотить по мордѣ палкою несчастную собаку, издававшую отчаянные вопли. Словомъ, Жану-Бовому, мадемой обезьянѣ, такъ понравилась эта забава и онъ такъ исправно валилъ по мордѣ бульдога, что если-бы мясникъ не запросилъ пощады, то несчастная собака издохла-бы подъ ударами. И то уже она была въ такомъ жалкомъ положеніи, что хозяинъ, обвѣстанннй зрителями, принужденъ былъ унести ее на себѣ съ поля битвы, разумѣется прежде, заплативъ проигранное пари.

Отъ-души посмѣявшись этому забавному разсказу о геройскихъ подвигахъ обезьяны, мы докончили нашъ ужинъ и вышли изъ кафе. Я разстался съ моими собесѣдниками.

И вотъ, въ глубокую ночь, я одинъ, на улицахъ Парижа, не зналъ куда идти, гдѣ преклонить голову. Мнѣ стало страшно—я вздрогнулъ и—проснулся.

Передо мной догорала моя столовая лампа. Огромныя кучи заграничныхъ газетъ лежали на письменномъ столѣ. Былъ пятый часъ утра.

Итакъ всѣ мои похождения въ Парижъ были ничто иное, какъ сонъ, навѣянный чтеніемъ иностранныхъ газетъ?

Очень-кстати, подумалъ я, и тотчасъ записалъ все, что вы прочли теперь, благосклонный читатель.

Извините, если статья моя вышла не совѣмъ складная. Оправдываюсь стихомъ поэта:

«Когда-же складны сны бываютъ?»

В. НЕЖЕВИЧЪ.

ВЕНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Seitsoß Schwarz, Erfinder des Schießpulvers (Бертольд Шварцъ, изобрѣтатель пороха.) Происшествіе временъ протекшихъ, въ пяти дѣйствіяхъ.

Это драматическое произведеніе замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: Это первый даръ музы молодого писателя, доказывающій истинно-высокое дарованіе.

Бертольд Шварцъ, стремясь къ изученію тѣхъ тайнъ природы, которыхъ плодомъ въ-послѣдствіи были великія науки, неуспѣшно занимается химіей и медициной. Преслѣдуемый завистью и недалковидностію своихъ современниковъ, онъ обвиненъ въ чародѣйствѣ, и изгнанъ изъ роднаго города Фрейбурга. Не смотря на приговоръ судей, онъ туда возвращается и, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, схваченъ, посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ смерти. Темничный стражъ умоляетъ его приготовить ему какое-нибудь лекарство для больнаго, умирающаго сына. Шварцъ приготовляетъ ему микстуру; смѣсь эта образуетъ порошокъ, который вспыхиваетъ, когда Бертольд подноситъ факель къ ступѣ. Сильно овладѣваетъ имъ мысль—употребить для спасенія своего, взрывомъ темничныхъ стѣнъ, ту ужасную силу, которую открылъ ему случай. Онъ приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе..... Въ-эту-же ночь мать Шварца, сестра его и другъ приняли всѣ мѣры, чтобы освободить его. Но Шварцъ предупредилъ ихъ, и бѣдная старушка, мать его, погребена подъ развалинами!..... Страданія сына невыразимы. Къ небу, усыпанному звѣздами, возноситъ онъ руки и произноситъ страшную клятву: «Преслѣдованія людей довели меня до этого, и я клянусь вѣчно, вѣчно мстить имъ! Меня не станеть, но мщеніе мое будетъ простираться далѣе и далѣе!»—Онъ идетъ къ Императору и предлагаетъ ему услуги свои. Императоръ посвящаетъ его въ рыцари и дѣлаетъ начальникомъ стрѣльцовъ. И вотъ онъ сокрушаетъ городскія стѣны и башни, распространяетъ повсюду ужасъ и отчаяніе и чувствуетъ все болѣе и болѣе тягость проклятія, которымъ заклемено страшное изобрѣтеніе его. Другъ его нечаянно погибаетъ отъ выстрѣла; сестра Шварца, невѣста этого друга, лишается разсудка и самъ престарѣлый отецъ его, по горестному недоразумѣнію, убитъ огнестрѣльнымъ орудіемъ.

Тутъ только онъ постигаетъ, до чего довело его мще-

ніе!... Хотя поздно, но онъ рѣшается остановиться; удаляется отъ свѣта. Но сѣмя зла брошено—союзники упрасиваютъ Шварца открыть имъ тайну свою. Онъ отказывается. Они хотятъ принудить его къ тому силой, и злобный духъ мести, которую онъ тщетно хочетъ побѣдить, снова пробуждается въ немъ. Съ адской радостью вырываетъ онъ изъ рукъ война факель, и бросаетъ его въ бочку съ порохомъ.

Піеса эта была принята съ восторгомъ.

Figault Febrin. (Пиго-Лебрень), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Дейнхардтштейна.

Пиго-Лебрень, плодовитый и замысловатый французскій писатель, вѣжно любитъ Флеретту Бомарше, хорошенькую и молоденькую воспитанницу стараго и богатаго Мирода, человека съ истинными достоинствами, но черезъ-чуръ тщеславнаго и занятаго своей особой. Этотъ Миродъ хочетъ самъ жениться на Флереттѣ, а потому съ величайшей ревностью присматриваетъ за нею. Но Пиго-Лебрень не даромъ написалъ столько романовъ. Онъ хитеръ, предприимчивъ, недурень собою, и, не смотря на всю осторожность аргуса, входитъ къ нему въ домъ, имѣетъ съ Флереттой свиданіе, изъяняется ей въ любви и получаетъ взаимное признаніе. А Миродъ между-тѣмъ тихонько бродитъ по дому, осматриваетъ всѣ закоулки, запираетъ всѣ двери и увѣряетъ публику, что его не скоро проведутъ. Проходитъ нѣсколько времени. Свиданія продолжаются. Миродъ все бродитъ и запираетъ двери, какъ вдругъ застаётъ любовниковъ.—Флеретта, намъ надобно бѣжать! вскрикиваетъ Пиго дрожащимъ голосомъ, боясь получить отказъ.—Убѣжимъ! отвѣчаетъ Флеретта, очень твердымъ голосомъ и скрывается въ домъ дальней родственницы. Пиго-же отправляется въ Кале, частью для того, чтобы избѣгнуть преслѣдованій Мирода, частью по природной склонности къ приключеніямъ. Тамъ онъ опредѣляется въ театръ, пишетъ самъ піесу и занимаетъ въ ней главное лицо. Писателя вызвали, актера освистали. *Не смотря на то, а, можетъ-быть, и потому*, знаменитая актриса Маріонъ Ламотъ беретъ его подъ свое покровительство, и красотой и краснорѣчіемъ своимъ склоняетъ не только судью, которому наконецъ Пиго попадаетъ въ руки, но и самого стараго Мирода, который забываетъ наконецъ притязанія свои на руку молодой дѣвушки. Всѣ счастливы и довольны.

Не смотря на незатѣйливость сюжета піеса эта написана очень-хорошо. Вообще всѣ комедіи Г. Дейнхардтштейна по-

слать на себѣ отпечатокъ высокаго комизма. Шутки его никогда не обращаются въ фарсъ, и основная идея комедій его никогда не выходитъ изъ области дѣйствительной, весьма зна-
комой и понятной жизни.

Г. Дейнхардштейнъ—одинъ изъ любимѣйшихъ нѣмецкихъ драматическихъ писателей,

— Das Posthaus zu Sewres (Севрскій почтовой дворе), шутка, съ куплетами, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи Шарлоты Бирхъ-Ифрейбергъ.

Все дѣло вертится около одной англійской фамиліи, проживающей въ Парижѣ. Въ этомъ семействѣ есть племянникъ, который поклялся никогда ни въ кого не влюбляться; за это дядя и тетка угрожаютъ ему лишеніемъ наслѣдства, а между-тѣмъ составляютъ планъ, какъ-бы заставить его влюбиться *насилъно*. Планъ этотъ удается и успѣхъ превосходитъ даже ихъ желанія, потому-что Эдуардъ не только что влюбляется въ Сюзетту, законную дочку старухи Жакото, но и хочетъ на ней жениться; а такъ-какъ этого не было предназначено въ планѣ его любимыхъ родственниковъ, то онъ снова бѣсится и снова хотятъ лишить его наслѣдства. По-счастію Эдуарду удалось открыть продѣлки любезнѣйшаго дядюшки, который самъ ухаживаетъ за Сюзетою и похищаетъ ее, но племянничекъ догоняетъ его, и дядюшка принужденъ, скрѣпя сердце, согласиться на свадьбу племянничка.

— Doctor Wespe (Докторъ Веспе), оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Родерика Бенедикса.

Вотъ содержаніе этой комедіи: Докторъ Веспе придумываетъ, какъ-бы ему отдѣлаться отъ одной дѣвы, довольно-отвратительной собою, но за то дочки богатаго Цюндорфскаго мѣнялы, которая, почувствовавъ къ нему, какъ къ автору статьи о свободной женщинѣ, уваженіе и сердечное влеченіе, обѣщала посѣтить его... И въ-слѣдствіе этого, докторъ проситъ пріятеля своего, живописца Хонау, заступитъ, на-время, его мѣсто. Хонау соглашается, но потомъ, по какимъ-то обстоятельствамъ, передаетъ свое докторское и авторское званіе третьему лицу, купцу Велштейну. Наконецъ, къ довершенію этихъ превращеній, наша почтенная любительница литературы, Фрейлейнъ Теолинда, принимаетъ ошибкою писаря доктора за самого Г. Веспе. И такимъ-образомъ это четверное число одного и того-же лица подаетъ поводъ къ различнымъ забавнымъ сценамъ и затруднительнымъ положеніямъ дѣйствующихъ лицъ, покуда очная ставка съ дѣйствительнымъ докторомъ Веспе не разрѣшаетъ загадки.

Піеса эта имѣла въ Вѣнѣ большой успѣхъ, а въ Берлинѣ, главное управление Королевскаго театра назначило за нее значительную премію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сивори, ученикъ Паганини, очаровываетъ теперь всю парижскую публику превосходной игрой своей. На послѣднемъ концертѣ своемъ онъ игралъ, на четвертой струнѣ, варіаціи на лучшее произведеніе учителя своего: *Молитва Моисея*.

Непостоянство Французовъ не даромъ вошло въ пословицу. Давно-ли весь Парижъ напѣвалъ варіаціи Тальберга? Явился Листъ, и всѣ Парижане, отъ мала до велика, были въ восторгѣ отъ него! Листъ уѣхалъ. Его мѣсто заступилъ Дрейшокъ. Непостоянные Французы, скоро забывающіе прошедшее, живущіе настоящимъ, пропѣли de profundis двумъ знаменитымъ предшественникамъ Дрейшока. Одного только они не могутъ ему простить: зачѣмъ онъ побывалъ прежде въ Петербургѣ и уже оттуда пріѣхалъ въ Парижъ!

— Изъ Берлина пишутъ, что Листъ уѣхалъ въ Бреслау, послѣ концерта, въ которомъ съ восторгомъ публика выслушала сыгранныя піесы: тріо Бѣтховена; фантазію Листа изъ Гугенотовъ; *Охоту* Хеллера и большое дуо въ четыре руки съ Делеромъ. Листъ ангажированъ въ Бреслау на пять концертвъ, потомъ опять воротится въ Берлинъ и оттуда поѣдетъ къ намъ въ С.-Петербургъ. Делеръ уѣхалъ въ Варшаву; оттуда отправится сперва въ Петербургъ, а потомъ въ Москву.

— Въ Парижѣ умеръ недавно плодовитый драматическій писатель Теолонъ (Théolon). Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ имя скоро изглаживается, не смотря на то, что публика часто принимаетъ произведенія ихъ съ восторгомъ. Съ 1808 года, Теолонъ написалъ одинъ и въ сообществѣ съ другими болѣе 250 піесъ. Только плодовитостью Скриба можетъ посоперничествовать съ плодовитостью Теолона. Ему принадлежать знакомыя намъ піесы: *Стряпчий подъ столомъ*, *Бенефициантъ*, *Отецъ дебутантки* (Синичкинъ) и многія другія. Около 1820 года онъ написалъ либретто оперы, на которую Листъ, бывшій въ то время еще ребенкомъ, написалъ музыку. Вотъ рѣдкій примѣръ

легкости, съ которою Теодонъ писалъ пьесы свои. Однажды онъ разказалъ актеру Потье сюжетъ *Бенефицианта*. Воротившись домой, онъ раскаялся въ болтливости своей и, боясь, чтобы другой не воспользовался сюжетомъ его, онъ тотчасъ принялся писать. Было десять часовъ вечера—къ четыремъ часамъ утра была пьеса готова. Въ тотъ-же день онъ отдалъ ее на сцену театра *Variétés*. Огромный успѣхъ этой пьесы извѣстенъ.

— Въ Олимпійскомъ циркѣ (*Cirque Olympique*) въ Парижѣ играютъ съ большимъ успѣхомъ новую мелодраму гг. Лалу и Лабруссъ подъ заглавіемъ: *Пиренейская собака*. Главную роль занимаетъ *Эмиль*. Искусство, съ которымъ онъ играетъ вѣрнаго друга и слугу, заставляетъ любить добродѣтеля. Онъ всегда прекрасно знаетъ роль свою; можно даже посоветовать нѣкоторымъ актерамъ взять съ него или съ нея примѣръ, потому что *Эмиль*—никто иной, какъ красивая и умная собака.

— Въ Лейпцигѣ недавно дана была новая опера Лортцинга "*Der Wildschütz*", съ блистательнымъ успѣхомъ, и по требованію публички повторялась нѣсколько дней сряду.

— Въ Лондонѣ составилось «Общество національной музыки» въ которомъ попеременно выполняются англійскія пѣсни, шотландскія баллады и ирландскія народныя мелодіи (послѣднія по превосходнымъ текстамъ Томаса Мура). Теперь ожидаютъ только одного Барда изъ Валлиса, чтобы имѣть представителей по всемъ отраслямъ національной музыки.

— На театрѣ de la Scala, въ теченіе нынѣшняго сезона, дано будетъ пять новыхъ оперъ: «*Matilda di Monforte*» Феодале (Feodale); «*Francesco Donato*» МеркадANTE; «*Maria degli Abizzi*» Манданичи (Mandanicci); одна опера Менцокки (Menzocchi) и одна Паччини.

— Г-жа Жирарденъ написала для Французскаго Театра новую пьесу: «Юдифь.» Она теперь разучивается и дана будетъ непосредственно въ слѣдъ за «Бургграфами.»

— Въ январѣ, итадіанская оперная труппа, находящаяся теперь въ Константинополѣ, дала «Велисарія» въ серали Султанши Валиды. Текстъ оперы переведенъ на турецкій языкъ. Султанша Ваида и прочія придворныя дамы явились въ театръ закутанныя въ покрывала; съ текстомъ въ рукахъ, они съ большимъ любопытствомъ слушали оперу. Одна изъ придворныхъ дамъ такъ тронулась бѣдствіями слѣ-

паго Велисарія, что бросила ему на сцену кошелекъ золота. Это еще первый примѣръ подобнаго представленія въ сѣрали и нога посторонняго мужчины еще въ первый разъ преступила порогъ заветнаго святилища Турковъ. *Où diables les beaux arts vont ils se nicher!*

— Нашъ забавникъ петербургскій Леманъ, съ своею компаніею, отличается на Кенигштатскомъ театрѣ въ Берлинѣ, и всякій разъ театръ полонъ, и всегда новая пантомима, и всякій разъ новыя перемѣны, и кромѣ необыкновеннаго искусства художниковъ, составляющихъ труппу, еще удивительныя машины, блистательные костюмы, очаровательныя танцы и группы! Новая пантомима «Пьерро, двойной холокъ (Pierrot als Doppelgänger)» принимается съ восторгомъ; ея давали уже 30 разъ, и всегда театръ былъ полонъ.

— Въ Мадридѣ, на театрѣ del Principe, недавно давали, въ первый разъ, новую комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Комедія эта называется *El Espanol en Venecia, o la cabeza encantada* (Испанецъ въ Венеціи, или очарованная голова) и имѣла чрезвычайный успѣхъ. Когда публика потребовала автора, то вышелъ г. Ромеа, занимавшій главную роль въ пьесѣ, и объявилъ, что авторъ пьесы есть Франциско Мартинесъ де-ла-Роза. Имя этого знаменитаго писателя, котораго, къ несчастію, политическія происшествія удалили изъ отечества, было встрѣчено съ единодушными «браво» и аплодисементами, продолжавшимися болѣе четверти часа.

— Наша палетка—снова услышать въ нынѣшнемъ году персавеннаго Листа едва-ли сбудется. Въ послѣднихъ иностранныхъ газетахъ пишутъ, что онъ возвратился въ Берлинъ (см. выше) и отсюда намѣренъ ѣхать въ Вѣну, а потомъ въ Венецію и въ Миланъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ («*Dampfsboot*») говорятъ, что Листъ потерялъ весьма значительную часть своего достоянія, собраннаго въ теченіе десяти лѣтъ непрерывныхъ трудовъ: что выигрывалъ онъ, долго и тяжело, концертами, то весьма въ короткое время—проигралъ въ карты!

— Изъ Милана пишутъ: «Въ театрѣ de la Scala происходитъ теперь борьба двухъ партій, изъ коихъ одна держитъ сторону Черитто, а другая Тальйони. Черитто дебютировала въ балетѣ «Жизель» и поправилась публикѣ, не возбудивъ однакоже энтузіазма, тогда-какъ напротивъ при первомъ дебютѣ Тальйони фанатизмъ зрителей былъ безграниченъ. Восторженные «Тальйонисты» не удовлетвоались троератнымъ

вызовом своей знаменитой танцовщицы, и продолжали кричать и шуметь до тех поръ, пока вслѣдствіе установленнаго въ этомъ театрѣ правила—не позволять вызывать кого-бы то ни было болѣе трехъ разъ, спустили занавѣсъ и балетъ остался неконченнымъ. Теперь, какъ слышно, готовятъ такой-же триумфъ для своего божества «Черитисты». Забавнѣе всего, что умѣренная партія зрителей по милости этихъ Гвельфовъ-Черитистовъ и Гиббеллиновъ-Тальйонистовъ должна, какъ говорится, терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье и довольствоваться половиною балета!»

— Нѣмецкія газеты извѣщаютъ о скоромъ появленіи двухъ новыхъ нѣмецкихъ оперъ: «Alog, oder die Ungarnschlacht bei Merseburg» Гуммеля (сына знаменитаго композитора) и «Сицилійская вечерня» Линдпартнера.

— Въ настоящее время, въ Европѣ освѣщено газомъ 28-мь театровъ.

— Изъ Дрездена пишутъ: «Нашей сценѣ угрожаетъ большая потеря. На будущей Святой недѣлѣ кончится десятилѣтній контрактъ г-жи Шредеръ-Девриентъ. Она будетъ получать тысячу талеровъ пожизненной пенсїи, и, какъ слышно, не намѣрена болѣе ни съ какимъ театромъ заключать контракта, а хочетъ пуститься въ постоянное художническое странствованіе и играть только тамъ, гдѣ ей вздумается. Кто заступитъ ея мѣсто—еще неизвѣстно. Впрочемъ кто-бы не заступилъ—Шредеръ-Девриентъ у насъ болѣе не будетъ. Контрактъ съ Емилемъ Девриентомъ, ея шуриномъ, къ нашему удовольствію, опять возобновленъ, а мы очень опасались, что потеряемъ и его».

— По другимъ извѣстіямъ, г-жа Шредеръ-Девриентъ выйдетъ замужъ за Барона Мюнхгаузена.

— Мы смѣемся надъ Коцебу, изъ котораго, по странному легкомыслію, сдѣлали чуть-чуть не ругательное слово, а между-тѣмъ Нѣмцы начинаютъ отдавать ему полную справедливость: въ Вѣнѣ вышло уже двадцать три тома «Избранныхъ прозаическихъ сочиненій Коцебу», изд. Игн. Клангомъ, и также, какъ и собраніе его драматическихъ сочиненій, расходуется чрезвычайно быстро; особенно много выписываютъ черезъ Лейпцигскую ярмарку за границу.

— Тотъ-же Игн. Клангъ издастъ «Сочиненія Ифланда», которыхъ вышло уже 9-й томъ. Кого не восхищала этотъ высокій мастеръ создавать характеры, кого не увлекала исти-

на, владычествующая въ его драматическихъ произведеніяхъ, кто не предпочтетъ чистую нравственность и высокую цѣль его твореній отвратительнымъ картинамъ безнравственности, насылаемымъ въ новѣйшее время на нашу сцену въ особенности юною парижскою литературою! Да, Ифландъ проживетъ долго; Ифландъ всегда останется драматическимъ сокровищемъ. Творенія Ифланда и тогда будутъ украшеніемъ нѣмецкой сцены, когда-бы ею еще и болѣе завладѣли водяныя произведенія новѣйшаго времени. Ифландъ не прибѣгалъ ни къ какому кумовству, ни къ какимъ дружескимъ стачкамъ, чтобы пріобрѣсть сердца зрителей; ему не нужно было ничего заступничества; не считая за *все*, вычищенной и выглаженной болтовни, онъ отличается интересомъ сюжетовъ, богатствомъ содержанія и чрезвычайно искуснымъ веденіемъ сценъ въ своихъ произведеніяхъ.

— 3-го февраля н. с. на придворномъ туринскомъ театрѣ давали въ первый разъ новую, собственно для этого театра написанную, оперу Меркаданте: «Il Reggente». Сюжетъ этой оперы заимствованъ изъ лирическо-трагическаго сочиненія знаменитаго поэта Кампарано, и она имѣла чрезвычайный успѣхъ. На первомъ представленіи, кромѣ всего двора, было до 2,500 зрителей. Композиторъ, управлявшій, въ этотъ разъ, лично оркестромъ, уже одною увертюрою пріобрѣлъ одобреніе публики; когда-же первые нумера оперы были по требованію публики повторены, то успѣхъ цѣлой пьесы былъ уже вполне обезпеченъ. Какъ композиторъ, такъ и главные артисты, какъ-то Малвани, Бендини и Таллини, были вызываемы по нѣскольку разъ, послѣ каждаго дѣйствія.

— Въ Сенъ-Жерменской церкви, въ Парижѣ, открыта недавно гробница виртуоза Бокана (Bocan). Этотъ единственный въ своемъ родѣ человекъ, назывался собственно Жакъ Кордье и представлялъ собою рѣдкій контрастъ невѣжества и таланта. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, не зналъ ни одной ноты, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ знаменитѣйшій виолончелистъ своего времени. Онъ образовалъ многихъ замѣчательныхъ виртуозовъ, и не смотря на то, что былъ безобразенъ и дурно сложенъ, считался однимъ изъ лучшихъ танцмейстеровъ и училъ танцевальному искусству многихъ знаменитыхъ особъ. Бокана особенно любилъ и почиталъ Карлъ 1-й, Король Англіійскій. Гробница его будетъ реставрирована.

— Въ Лейпцигѣ скоро откроется, подъ покровительствомъ Короля, обширное учебное заведеніе для высшаго курса му-

зыка (следовательно Консерваторія). Въ заведеніе это принимаютъ туземцы и иностранцы; учителями въ немъ будутъ между прочими Д. Феликсъ Мендельсонъ Бартольди; Др. Роб. Шуманъ и Директоръ музыки Поленицъ.

— На театрѣ *Малибранъ* въ Венеціи давали «Роберта Дьявола» три недѣли сряду, по два раза каждый день, въ 5-ть и въ 8-мь часовъ вечера.

— Изъ Ганновера пишутъ: «Мы имѣли счастье наслаждаться игрою знаменитаго скрипача Эрнста. Онъ далъ здѣсь три концерта и былъ принятъ съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ. Король пожаловалъ знаменитому артисту золотую медаль, назначенную въ награду за искусства и науки, а послѣ игры Эрнста при дворѣ сдѣлалъ его кавалеромъ ордена Гвельфовъ. Піесы, особенно восхитившія публику, были. «Le feuillet d'Album» Хеллера, передѣланная для скрипки самимъ Эрнстомъ; фантазіи на Отелло, на Людовика, и Венеціанскій Карнавалъ самого-же Эрнста. Мы надѣемся, что г. Эрнстъ снова посѣтитъ Ганноверъ, *возвращаясь изъ Россіи*, куда онъ теперь отправляется». Въ этомъ извѣстіи для насъ пріятнѣе всего послѣднія строки.

— Изъ Дрездена пишутъ: 2-го прошедшаго января, на придворномъ театрѣ давали новую лирическую драму «Странствующій Голландецъ (Der wandernde Holländer)» слова и музыки г. Рихарда Вагнера. Піеса имѣла блистательный успѣхъ.

— Анна Готлибъ, старинная пѣвица вѣнскаго придворнаго театра, долго по-напрасну просившая пенсіона у Правленія, завѣдывающаго Императорскими театрами, подала на дняхъ просьбу объ этомъ прямо самому Императору, присоединивъ къ ней четыре собственноручныя записки Моцарта, подтверждающія, что роль Памины въ «Волшебной флейтѣ» написана Моцартомъ именно для Анны Готлибъ, и что она имѣла въ этой роли необыкновенный успѣхъ. Императоръ тотчасъ-же назначилъ г-жѣ Готлибъ пенсіонъ въ 1000 флориновъ. Г-жа Готлибъ родилась въ Вѣнѣ, въ 1774-мъ году; Театральную карьеру свою начала въ 1779-мъ году, то есть пяти лѣтъ отъ роду, какъ бордебалетная танцовщица, а оставила сцену въ 1835 году.

— Изъ Веймара пишутъ: Музыкальныя произведенія Берліоза привлекаютъ здѣсь всеобщее вниманіе. Всѣ знатоки превозносятъ смѣлость и оригинальность идей этого великаго артиста. Особенно восхищаются піесами: «Scène à la campagne

ФЕЛЬЕТОНЪ.

28 Февраля.

Утомившись послѣ моего фантастическаго путешествія въ Парижъ, или, лучше сказать, послѣ довольно долгаго путешествія перомъ по бумагѣ, я сидѣлъ въ раздумьи, потирая себѣ рукою лобъ и отыскивая въ головѣ мысли, съ чего бы начать мой фельетонъ для нынѣшней книжки «Репертуара и Пантеона». Я успѣлъ уже изгрызть почти все перо, а мысли не приходили въ голову, или, лучше сказать, смутно въ ней мѣшались, вертѣлись, переплетались, такъ-что я никакъ не могъ поймать конецъ нити, за которой можно было-бы ухватиться. Передо мной лежала чистая бумага. Кучи иностранныхъ газетъ и журналовъ улетѣли подъ столъ, и смиренно лежали тамъ, совершенно забытые, какъ забываются устарѣвшіе слуги или — бесполезные друзья.... Я уже начиналъ наконецъ досадовать — разумѣется, на самого себя — и хотѣлъ, отложивъ дѣло до другаго времени, пойдти освѣжиться прогулкою — день-же былъ такой заманчивый, — какъ вдругъ подають мнѣ кучу русскихъ газетъ. — Какъ кстати, подумалъ я: нынче всѣ газеты съ фельетонами; одна изъ нихъ особенно отличается — если вѣрить «Отечественнымъ Запискамъ» — фельетономъ *защитительнымъ, живымъ, остроумнымъ*, ну, однимъ-словомъ, такимъ, какого еще у насъ на Руси не бывало. Давай сюда этотъ *защительный, живой, остроумный* фельетонъ: авось хоть мой собратъ фельетонистъ наведетъ меня на какую-нибудь мысль своимъ неисчерпаемымъ остроуміемъ.

И вотъ я читаю.

«Зима мертва и безцвѣтна (замѣчайте, какая новость, какая жизнь въ этихъ словахъ!); она смотритъ сердито и грустно (остроуміе!); ея бѣлый погребальный саванъ напоминаетъ мошлу (я думаю, когда она и безъ того мертва!), ея улыбка не грѣетъ (какъ-бы хотѣлось мнѣ посмотреть, какъ зима улыбается!), ея ласка обдаетъ холодомъ (у! какъ чувствительно, ново, остроумно!)! Небо расточило всѣ дары свои на украшеніе трехъ младшихъ сестеръ ея — весны, лѣта и осени; а ей, бѣдной (какъ жалко!), оставило только несколько приоршень силы (спросите у дворниковъ, которые всякій день счищаютъ и сметаютъ снѣгъ, каковы эти несколько приоршень!), нѣсколько безжизненныхъ лучей скупого, холоднаго солнца... (остроуміе! остроуміе!)... Чѣмъ ей порадовать человѣка? какими способомъ спасти себя отъ обиднаго названія брюзливой, однокорозной, безцвѣтной?... (Все это остроуміе, замѣчайте!). Позвольте. (Остроумный фельетонистъ, кажется, пашелся, чѣмъ защитить зиму!). Не торопитесь осуждать ее, удержитесь жаловаться (Извольте, «удерживаемся жаловаться!») Зима *дряхла* (sic! прежде была она мертва, а теперь только-что дряхла!), зима *некрасива* (Не правда-ли, что это выраженіе очень красиво?); уней нѣтъ *юлубыхъ водъ* (ново и оригинально!) *юлубаю неба* (будто? а въ ту минуту, когда я пишу эти строки, какъ нарочно надъ Петербургомъ стоитъ голубое, безоблачное небо!), *ароматической зелени* (скажите пожалуйста, а вѣдь мы думаемъ, что зимой поля покрыты зеленью!), и теплаго солнца весны, *желтыхъ*, какъ золото, *сноповъ наряднаго лѣта* (полно, не осени-ли?), пышно созрѣвшихъ и дозрѣвающихъ плодовъ «румяной» осени, — *Но у ней есть то, чего нѣтъ у весны, лѣта, и осени: у ней есть* (чтобы вы думали?) *у ней есть...* (Ну, отгадайте!) *у ней есть* — Масляница!

Браво, браво, любезный фельетонистъ! Честь и хвала вашему остроумію! Какое богатое воображеніе! Сколько жизни! Сколько новыхъ идей! Чудо! чудо! Я чуть не плачу отъ восторга.

«Масляница!» (продолжаетъ милый фельетонистъ, поставивъ знакъ восклицанія послѣ масляницы). «Какъ должна быть благодарна зима тому, кто выдумалъ для нея масляницу!»

Довольно! довольно! Благодаря остроумному фельетону, я нашелъ мысль, нѣсколько мыслей, нѣкую нить мыслей! Во мнѣ самомъ закипѣло остроуміе! Скорѣй, скорѣй бумаги! Пять блиновъ за одинъ листъ бумаги!! Итакъ начинаю писать о масляницѣ.

Масляница у людей бываетъ одинъ разъ въ году, также какъ и у котовъ; начинается она съ поведѣльника и оканчивается воскресеньемъ. Первая и главнѣйшая принадлежность масляницы — блины. Ихъ ѣдятъ всездѣ — и въ домѣ знатнаго богача и въ хижинѣ простаго поселянина. На масляницѣ улицы и поля бываютъ покрыты снѣгомъ, деревья инеемъ: нигдѣ нѣтъ ни травки, ни цвѣточка, ни листочка, а потому на масляницѣ ѣдятъ не на дрожжахъ, а въ савяхъ....

Но вы что-то морщитесь, мой почтенный читатель, и, какъ кажется, зѣваете? Неужели вамъ не нравится мое описаніе масляницы? И вы не находите его *занимательнымъ, живымъ, остроумнымъ*? Боже мой, какъ я обманулся! Я, который вдохновенъ фельетономъ моего остроумнаго собрата, я думалъ отличиться передъ вами, думалъ заслужить похвалу «Отечественныхъ Записокъ».... Нѣтъ, вѣрно мнѣ не даю въ удѣлъ завидное остроуміе автора выше мною приведенной выписки — и я, охотно уступая ему этотъ завидный даръ неба, стану писать для васъ хронику петербургскихъ зрѣлищъ и увеселеній — съ смиреніемъ дѣтописца, безъ претензій на остроуміе....

Замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ мірѣ театральномъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, была, безъ сомнѣнія, новая драма Н. А. Полеваго — *Ломоносовъ*, которая въ теченіе трехъ недѣль представлена была *девятнадцать* разъ, а на масляницѣ великой день, въ послѣдній день даже два раза, и не смотря на все это во всѣ разы театръ былъ полнехонекъ! Въ *три недѣли девятнадцать разъ!* Вотъ что называется успѣхъ полный, блестящій.... Честь и хвала почтенному Н. А. Полевому за его живую, разнообразную, неутомимую дѣятельность на поприщѣ литературы русской, для которой сдѣлалъ онъ столько добраго, столько хорошаго! Чтѣ-бы ни говорили литературные противники Полеваго, одни, помня еще живыя изывы, которыя онъ во-время-оно наносилъ имъ острымъ перомъ своимъ, другіе, ненавидя его за то, что онъ и теперь высказываетъ имъ иногда жестокія истины, третьи по легкомыслію, четвертые по слабomyслію.... но зачѣмъ высчитывать всѣхъ?... чтѣ-бы ни говорили они, публика всегда будетъ на сторонѣ Полеваго, литератора, который въ теченіе столькихъ лѣтъ дѣйствуетъ неутомимо, съ рѣдкимъ усердіемъ, съ самоотверженіемъ даже. Открыть и проложить новую тропу, оживить ослабѣвающую дѣятельность въ какой-либо отрасли литературы, вызвать на трудъ другихъ дѣяте-

тей — это назначеніе Полеваго, его великая заслуга въ нашей литературѣ. Полевой всегда первый, всегда впереди другихъ въ такихъ случаяхъ. Не странно-ли послѣ этого читать обвиненія и упреки Полевому именно за то, за что онъ заслуживаетъ похвалу и благодарность? Одинъ критикъ напечаталъ недавно въ своемъ журналѣ слѣдующее: «Друзья г-на Полеваго, говоря объ его драмахъ, прибавляютъ: «Если-бы г. Полевой не писалъ теперь для сцены, что-бы было съ русскимъ театромъ?» — Весьма достойно замѣчанія, какъ г. Полевой, *владычій умою смѣтливымъ и оборотливымъ, являлся всегда тамъ, гдѣ совершалось паденіе какой-нибудь рода словесности.... Упали журналы въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и, состарившись, лѣниво мѣняли свои страницы, г. Полевой явился ктати съ своимъ «Телеграфомъ».... Умеръ Карамзинъ, не завѣщавъ никому историческаго пера своего, — г. Полевой тутъ какъ тутъ съ «Исторіей рускаго народа». Упала русская драма на нашей сценѣ. Дѣятельный и остроумный Князь Шаховской сходитъ съ нея съ безконечнымъ роємъ своихъ произведеній.... Сцена почти пуста и живетъ только передѣлками съ французскаго.... Г. Полевой и тутъ поспѣваетъ»....*

Что-же, развѣ не правы друзья Полеваго, спрашивающіе: что было-бы теперь съ русскимъ театромъ, еслибы Полевой не писалъ для него? И такой вопросъ задаютъ не одни только друзья Полеваго, а всѣ любители театра, вся публика. Кто какъ не Полевой оживляетъ нашу сцену, разнообразить ея репертуаръ, можно сказать, въ настоящее время, одинъ работаетъ для театра, чисто, безкорыстно, по любви къ театру? Если успѣхъ литературный и доставилъ у насъ кому-нибудь *существенныя, житейскія* выгоды, то ужъ про театръ это грѣшно сказать, въ отношеніи къ драматическимъ писателямъ: у насъ и самъ Скрибъ, не-смотря на свою плодovitость, могъ-бы умереть съ голоду, еслибъ сталъ работать *только* для театра. Русская публика столько любитъ Полеваго, что онъ могъ-бы имѣть значительныя выгоды, занимаясь другимъ дѣломъ, другой отраслю литературы, но Полевой, съ изумительною дѣятельностію, работаетъ для театра, урывая досужные часы, а, можетъ-быть, и минуты. Едва успѣли вы прочесть его «Домоносова», какъ ужъ онъ является къ вамъ съ новымъ драматическимъ произведеніемъ — «Страшная тайна!» забавной комедіей, напечатанной въ нынѣшней 3-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона», и между-тѣмъ оканчивается переводъ Шекспирова «Тимона Аѳинскаго», замышляетъ нѣсколько ко-

выхъ драмъ, о которыхъ мы не скажемъ по-тому только, что боимся быть нескромными. Скажите, не заслуживаетъ ли похвалы и уваженія такая дѣятельность?

И что-же худаго въ томъ, что Полевой является *всегда тамъ, гдѣ совершалось паденіе какого-нибудь рода словесности?* Напротивъ, мы должны благодарить его за это, благодарить тѣмъ-болѣе, что Полевой всегда дѣйствовалъ съ талантомъ и успѣхомъ. «Упали журналы въ Москвѣ — Полевой явился съ «Телеграфомъ». Да, и оживилъ нашу журналистику, пробудилъ жизнь въ литературѣ, издавалъ журналъ, который публика очень любила, который навсегда останется замѣчательнымъ въ лѣтописяхъ русской литературы, который породилъ потомъ подражателей, и едва ли по сіе время еще не служитъ оригиналомъ для другихъ русскихъ журналовъ, въ отношеніи къ плану, формѣ, распредѣленію статей! И сознайтесь, почтеннѣйшій критикъ, такъ грозно нападающій на Полеваго, развѣ его «Телеграфъ» не породилъ въ васъ самихъ мысли — издавать журналъ точно въ такой-же формѣ, какъ и «Телеграфъ», но который однакожъ не долго продержался, несмотря на то, что Пушкинъ дарилъ ему свое исключительное участіе? — Не успѣхъ одного вашего журнала заставилъ васъ основать другой, который также проеуцествовалъ не долго, несмотря на то, что на программѣ его красовались имена всѣхъ русскихъ литературныхъ знаменитостей, toutes les sommités litteraires? И тотъ журналъ также во многомъ былъ копіей «Телеграфа». Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ вы основали *третій* журналъ, въ которомъ владѣете критическимъ трибуналомъ, и скажите по-совѣсти, развѣ можно сравнить его съ «Телеграфомъ» Полеваго, въ отношеніи къ занимательности статей, къ ловкому и удачному ихъ выбору, однимъ-словомъ, вообще къ редакціи журнала? Если вы въ трехъ своихъ начинаніяхъ на одномъ съ Полевымъ поприщѣ не имѣли того успѣха, какой онъ имѣлъ, то имѣете-ли право упрекать его?! «Упала русская драма на нашей сценѣ — Полевой и тутъ поспѣваетъ»... Не только *поспѣваетъ*, но и *успѣваетъ* — честь и хвала ему! Вы ставите ему въ укоръ то, что драмы его основаны на *патріотическомъ народномъ чувствѣ*, и говорите, что «затронуть его въ русскомъ народѣ не много надобно искусства, что писатели съ огромнымъ талантомъ не посылаютъ на изображеніе такихъ *высокихъ чувствъ*, и пр. и пр. Позвольте вамъ замѣтить, почтеннѣйшій критикъ, что вы говорите совершенную неправду, чтобъ не сказать болѣе. Какое *патріотическое чувство* затра-

нуто, напримѣръ, въ драмѣ Полеваго «Честь или смерть»? А между-тѣмъ она имѣла огромный успѣхъ и на петербургскомъ, и на московскомъ, и на провинціальныхъ театрахъ русскихъ. И можно-ли ставить автору въ упрекъ то, что онъ основываетъ драмы свои на патриотическомъ чувствѣ? Это его достоинство, его заслуга! Пробуждайте чувство любви къ отечеству, къ государю, поддерживайте это чувство, говорите ему всеми возможными способами—говорите звуками, красками, словами и чѣмъ-больше, сильнѣе, живѣе будетъ глаголь вашъ, тѣмъ вы ближе будете къ русскому сердцу, тѣмъ имя ваше будетъ для насъ почтенинѣе и любезнѣе. Вы говорите, что писатели съ огромнымъ талантомъ не посылаютъ на изображеніе такихъ высокихъ чувствъ?—Помилуйте! Да вы одной строкой уничтожаете Богъ знаетъ сколько писателей съ «огромнымъ талантомъ»... Да развѣ Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ не «съ огромнымъ талантомъ» писатели? А они все изображали патриотическія чувствованія и тѣмъ-то именно и дороги сердцу нашему. И одни-ли писатели? Человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, М. И. Глинка, развѣ говоритъ не патриотическому чувству въ оперѣ «Жизнь за Царя»? Нѣтъ, милостивый государь, вы сказали софизмъ и софизмъ ужаснѣйшій, для того только, чтобъ отнять у Полеваго его достоинства неотъемлемыя! Вы говорите другой софизмъ, утверждая, что будтобы у насъ «самыя лучшія драмы» («Борисъ Годуновъ» Пушкина и «Дмитрій Самозванецъ» Хомякова) не имѣли успѣха отъ-того, что они явились только въ печати, а не на сценѣ. Нѣтъ, не-успѣхъ этихъ драмъ имѣетъ богѣе глубокое основаніе. Сцена не спасетъ отъ паденія плохую піесу, и хоть бы вы на всѣхъ возможныхъ театрахъ поставили, напримѣръ, «Марю Посадницу» г-на Погодина, все она не будетъ имѣть успѣха, такъ точно, какъ не имѣла его въ печати...

Н. А. Полевой — литераторъ слишкомъ-опытный и благо-разумный; разумѣется, подобные софизмы не только не собьютъ его съ пути, но даже не затронуть и самолюбія. На сторонѣ его патриотическихъ драмъ вся русская публика. Пускай «Дѣдушка Русскаго Флота», «Иголкинъ», «Параша Сибирячка», «Костромскіе дѣса», наконецъ «Ломоносовъ» и не суть въковыя созданія, но они будутъ еще жить на сценѣ долго, авторъ не можетъ опасаться—пережить ихъ, а до-тѣхъ-поръ, пока будутъ жить на сценѣ эти произведенія, имя Полеваго будетъ любезно, дорого русскому сердцу... Ужъ и то одно, что Полевой отыскалъ нѣсколько новыхъ предме-

томъ въ русской исторіи и въ русской жизни, вывелъ изъ забвенія нѣсколько лицъ историческихъ, какъ напримѣръ *Июлиана*, представилъ ихъ со всѣмъ патріотическимъ одушевленіемъ русскому народу, въ театрѣ, который есть не только забава, но и школа, — ужъ и за это одно ему большое спасибо, если-бы даже другихъ достоинствъ драмы его и не имѣли. Пусть хоть въ театрѣ узнаетъ та масса народа, въ которой благодѣтельное просвѣщеніе еще не разлито, пусть, говорю, хоть въ театрѣ узнаетъ она о доблестныхъ подвигахъ своихъ предковъ, — все будетъ благо, все добро, а Полевому за это — слава!

Но оставимъ критиковъ и обратимся къ новой драмѣ Н. А. Полеваго, которую авторъ назвалъ «драматическою повѣстью». Это названіе впрочемъ совершенно характеризуетъ его новое произведеніе: «Ломоносовъ» — не драма, въ томъ значеніи, въ какомъ слово это принимается, но рядъ картинъ, сценъ изъ разныхъ эпохъ жизни Ломоносова. Сперва является онъ простымъ рыбакомъ, на родинѣ; душа его находится въ какомъ-то смутномъ состояніи; его томитъ жажда знанія, а онъ не можетъ удовлетворить ей въ бѣдномъ отдаленномъ уголкѣ Архангельской губерніи. Онъ бѣжитъ въ Москву. Всю жизнь въ Москвѣ, время его ученья, и пр. авторъ выпустилъ, и въ слѣдующемъ дѣйствіи переноситъ насъ въ ту эпоху, когда Ломоносовъ былъ студентомъ въ Марбургѣ. Ломоносовъ — беззаботный юноша и влюбленный поэтъ. Въ третьемъ дѣйствіи Ломоносовъ является семьяниномъ, живущимъ вдали отъ отечества, и подлѣ ужаснымъ гнетомъ нужды: поэтъ опутала проза жизни. Онъ бросаетъ семейство бѣжить въ отечество и чуть не попадаетъ въ солдаты. Четвертое дѣйствіе представляетъ намъ его въ Петербургѣ, окруженнаго семействомъ, среди его ученыхъ занятій, борющагося уже не съ нуждой, а со врагами. Въ пятомъ дѣйствіи Ломоносовъ старикъ, на краю гроба: онъ прошелъ уже тернистое поприще жизни, узналъ всю суету и мудрости и славы, и грустный, убитый, проводитъ страдальческіе дни, подлѣ гнетомъ клеветы, въ то время, когда враги его торжествуютъ. Но на престолъ русскій взошла Великая Екатерина: благотворительный взоръ ея упалъ на Ломоносова: Она, великая Государыня, узнавъ о бѣдѣ и страданіяхъ Ломоносова, какъ солнце, согрѣла и оживила его своей милостію: Она сама навѣстила больного старика въ его скромномъ приютѣ — и старикъ этотъ ожилъ и благословилъ Провидѣніе, пославшее Россіи такую Монархиню....

И такъ эта «драматическая повѣсть» обнимаетъ всю жизнь Ломоносова, выключая его пребываніе въ Москвѣ. Авторъ выбралъ любопытнѣйшіе эпизоды изъ жизни Ломоносова, окружилъ его нѣкоторыми историческими лицами, которые, разумѣется, являются въ самыхъ легкихъ очеркахъ, и составилъ такимъ образомъ интересную *повѣсть въ лицахъ*. Условія сценической постановки заставили много сократить «Ломоносова», и потому для полноты впечатлѣнія мы советуемъ каждому прочитать ее въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Замѣчательно, что «Ломоносовъ», при представленіи, не возбуждаетъ въ зрителяхъ сильныхъ, френетическихъ порывовъ, неистовыхъ аплодисментовъ, криковъ, потрясающихъ театр; но, когда опускается занавѣсъ, зрители остаются совершенно удовлетворены, и удивляются, что они не замѣтили, какъ прошло время, хотя представленіе тянулось весьма-долго. Это значитъ, что «Ломоносовъ», не имѣя сценъ трескучихъ, эффектныхъ, постоянно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе зрителя, и до-конца поддерживаетъ интересъ. Тѣ, которые станутъ смотрѣть на произведеніе Полеваго, какъ на драму, разумѣется, найдутъ въ немъ много недостатковъ, и главный тотъ, что въ «Ломоносовѣ» — нѣтъ драмы; но почтенный авторъ и не имѣлъ претензій на драму: онъ назвалъ произведеніе свое «драматической повѣстью», и этимъ совершенно себя оправдываетъ. Требовать отъ сочиненія автора болѣе, нежели самъ онъ обѣщаетъ, значитъ, говоря французской пословицей, *chercher midi à quatorze heures*.

Какъ повѣсть, «Ломоносовъ» имѣетъ большія достоинства. Въ немъ много сценъ прекрасныхъ, занимательныхъ, трогательныхъ. Третье дѣйствіе, которое называется «Цѣпи жизни» такъ вѣрно списано съ природы, такъ глубоко проникнуто истиной, что самый холодный зритель не можетъ удержаться отъ слезъ. — Ломоносовъ воротился домой, гдѣ его ждетъ съ нетерпѣніемъ его *голодная* жена съ *большимъ* малюткой. Онъ не входитъ къ нимъ, и пишетъ въ раздражительномъ состояніи духа, очень-понятномъ въ его положеніи. Входитъ Христина. —

— Здравствуй, мой другъ!

— Здорово, Христина!

— Ты ушелъ сего-дня такъ рано — я не видала тебя.

— Да, надобно было идти за дѣломъ.

— Хоть успѣшно-ли ты исправилъ дѣло свое?

— Какое дѣло?

- За которымъ ходилъ?
- Неужели ты думаешь, я гулялъ?
- Я не говорю этого. Мой другъ! извини, что я...
- Что тебѣ надобно?
- Христина улыбается.
- Мы безъ обѣда сего-дня; — у меня ни гроша нѣтъ...
- Ломоносовъ, молча, отдааетъ ей талеръ, который оставилъ ему добрый повѣса Фрицъ.
- Нельзя-ли тебѣ сходить къ нашему доктору?
- Развѣ ты не здорова?
- Нѣтъ! Минна наша....
- Что съ ней?
- Такой жаръ — плачетъ.... Ты еще не видалъ ее сего-дня?...
- Благодарю за напоминаніе... (*Всторону.*) Я убѣждалъ отъ нея изъ дому: ея жалкій крикъ раздираетъ мое сердце!
- Мой другъ! прости меня.... Я рада-бы принести тебѣ какую-нибудь приятную вѣсть.... Не повѣришь, какъ мнѣ тяжело беспокоить тебя....
- Что за предисловія! Къ неприятнымъ вѣстямъ пора привыкнуть....
- Ты все сердишься?
- Не смѣяться-же мнѣ!
- Христина утираетъ слезы и молча беретъ свою работу. Ломоносовъ бросаетъ перо и глядитъ на нее.
- Христина! Ты на меня разсердилась?
- Нѣтъ, мой другъ!
- Сего-дня мы съ голоду не умремъ, а завтра я кончу мой переводъ и получу деньги.... Опять слезы!... Я говорилъ тебѣ, что я не люблю, когда ты плачешь.
- Я не плачу, мой другъ.
- Ломоносовъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ.
- О, не говорите, что бѣдность не зло. Она разрушаетъ всѣ связи семейныя, и отравляетъ жизнь, губитъ любовь.
- Христина уходитъ поспѣшно.
- Безчеловѣчный! за что ты ее терзаешь? за ея страданія? За то, что она не въ-силахъ переносить ихъ? А самъ ты умѣешь ихъ переносить?... Бѣдность! Нищета!... Какъ легко и равнодушно произносимъ мы слова, и какая бездна прикрыта инымъ словомъ!
- Повторяемъ, эта сцена выхвачена изъ сердца, оттого-то она и говорить такъ сердцу...

Читатели «Репертуара и Пантеона», вѣрно, съ удовольствіемъ взглянуть на сцену изъ «Ломоносова», приложенную къ нынѣшней книжкѣ нашего изданія, нарисованную В. О. Тимономъ. Эта сцена принадлежитъ къ 4-му отдѣленію повѣсти Меценатовъ, умный и благородный покровитель Ломоносова, привезъ его на балъ къ графу А. В., Президенту Академіи. Вся знать собралась на этотъ балъ. Какъ начальникъ ученаго сословія, графъ А. В. пригласилъ къ себѣ между прочимъ и литераторовъ—Сумарокова и Тредьяковскаго. Тредьяковскій, правда, человекъ ученый, — дѣятельность котораго однакожь не принесла никакой ощутительной пользы русской литературѣ, — нерѣдко, при знатныхъ и сильныхъ людяхъ, забывалъ свое званіе профессора элоквенціи, и бралъ на себя, по его мнѣнію, вѣроятно, выгоднѣйшую роль — забавника, шута. Въ такой роли вывелъ его и авторъ «Ломоносова», такъ нарисовалъ и нашъ художникъ. Вы видите сидящихъ рядомъ графа А. В., хозяина бала и старика Запорожца, въ его оригинальномъ костюмѣ. Графъ, подшучивая надъ Тредьяковскимъ, проситъ его спѣть и поплясать, и вотъ нашъ профессоръ «элоквенціи», подлострастный исполнитель приказаній графа А. В., пустился въ плясъ, припѣвая «пѣсенку, которую онъ сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на свой выѣздъ въ чужія края»:

Весна катить
Зиму валить,
И ужъ листикъ съ дровомъ шумить.
Поютъ птички,
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.
Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней, а знай штуку...

Многіе упрекають автора за эту сцену, находя ее оскорбительною для Тредьяковскаго, который, говорятъ они, *еще такъ былъ человекъ ученый*. Можетъ-быть, Тредьяковскій былъ и не совсѣмъ таковъ, какимъ вывелъ его Н. А. Полевой, можетъ-быть, онъ и не цѣловалъ у вельможъ рукъ за подарки, но что онъ былъ забавникомъ, шутомъ, это подтверждаютъ вамъ его сочиненія, гдѣ вы можете, при одномъ стихотвореніи, найти примѣчаніе, что «за него удостоился онъ получить отъ одной особы пощочину». Будто пощочина благо-

родище кошелька денегъ, который бросаетъ ему графъ А. В., въ награду за его пляску? Тредьяковскій былъ человекъ ученый, никто объ этомъ и не спорить; но развѣ ученые не бываютъ смѣшными педантами, поддипалами и прислужниками знатныхъ?.. А притомъ вспомните и вѣкъ: вспомните превосходное изображеніе этого вѣка въ «Горе отъ ума», Грибоедова, въ монологѣ Фамусова:

«Вотъ то-то всѣ вы гордецы!

Спросили-бы, какъ дѣлали *отцы*»...

Приложенная при «Репертуарѣ и Пантеонѣ» картинка имѣетъ то достоинство, что нарисованные на ней портреты вельможи, дающаго балъ, Тредьяковскаго, Сумарокова (*съ правой стороны*) и Ломоносова (*съ лѣвой*) списаны г-мъ Тимомъ съ современныхъ этимъ лицамъ портретовъ.

Довольно о самой пьесѣ. Теперь нѣсколько словъ объ игрѣ актеровъ. Роль *Ломоносова* занималъ В. А. Каратыгинъ. Въ первомъ актѣ, въ лицѣ рыбака, онъ показался намъ не тѣмъ, чѣмъ-бы долженъ быть *рыбакъ-Ломоносовъ*: мало простоты, мало натуры. Другіе акты, напротивъ, исполнены имъ были просто, благородно, какъ нельзя лучше.

Г-жа Каратыгина, въ роли княгини W. до того была хороша, что одинъ почтенный старикъ время Екатерины, смотря на нее съ восторгомъ, увѣрялъ насъ, что она точно воскресила изъ гроба одну знатную даму Двора Екатерины, друга Государыни, покровительницу наукъ, имя которой останется незабвеннымъ въ исторіи русской литературы, а именно—Княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Это, по его словамъ, была живая Княгиня Дашкова, съ ея ростомъ, таліей, манерами знатной дамы, голосомъ и даже лицомъ!...

Роль *Тредьяковскаго* занималъ г-нъ Григорьевъ 1-й; онъ сдѣлалъ изъ этой роли совершенную карикатуру, тяжелой фарсъ, до того, что нѣсколько французскихъ фразъ, встрѣтившихся въ роли Тредьяковскаго, сказалъ самымъ ломанымъ языкомъ, какимъ говорятъ лакеи, передразнивая господъ своихъ. Неужели г-нъ Григорьевъ не слыхалъ никогда, что Тредьяковскій жилъ долго въ Парижѣ, былъ ученикъ знаменитаго въ свое время Роллена, и зналъ французскій языкъ, какъ Французъ? Доказательствомъ этому могутъ служить французскіе стихи Тредьяковскаго, въ которыхъ хоть поэзіи и нѣтъ, но языкъ вездѣ чистый и правильный.

Г-нъ Максимовъ, въ роли студента и повѣсы *Фрица*, который потомъ превращается въ генерала *Голенглау*, былъ-бы

очень-хорошъ, еслибъ удерживался отъ гримасъ и разныхъ неумѣстныхъ кривляній.

Г-жа Дюръ, въ роли Христины, была мила съ своей малюткой, Минной, которая также выполнила роль отлично. Только въ послѣднемъ актѣ, по нашему мнѣнью, г-жѣ Дюръ слѣдовало-бы при помощи извѣстныхъ средствъ—сдѣлать себѣ лицо нѣсколько постарше.

Г-нъ Сосницкій, въ роли *отца Ломоносова*, и г-жа Гусева, въ роли *всесвѣтной свави*, были прекрасны, и много придали занимательности первому акту, который безъ того показался-бы нѣсколько растянутымъ.

Теперь спектакли собственно масляничные.

Благодаря распорядительности Дирекціи Императорскихъ Театровъ, мы имѣли на масляницѣ четыре новыхъ пьесы, чего въ прежнія времена не бывало. Изъ нихъ

— *Камилла* или *сестра и братъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба и Баара, перев. П. С. Федорова, была лучшею пьесою, полною ума и занимательности. Мы не станемъ рассказывать ея содержанія, потому-что ею будетъ украшена слѣдующая книжка «Репертуара и Пантеона». Въ этой комедіи неожиданно поразила насъ самая пріятная новость—молоденькая дебютантка г-жа Куликова, сестра милостивой, талантливой московской артистки П. И. Орловой: Дѣвицѣ Куликовой едва-ли 15-ть лѣтъ отъ-роду, но она вышла на сцену такъ смѣло, и играла такъ бойко, умно, такъ отчетливо, что какъ будто была давно уже знакома со сценою. Отмѣчаемъ въ нашей театальной лѣтописи появленіе ея на сценѣ, какъ прекрасную будущую надежду нашего Театра, въ которой, вѣрно, мы не обманемся.

— *Часъ въ тюрьмѣ или еще въ чужомъ пиру похмѣлье*, водевиль въ 2-хъ д., переведенный Д. Т. Ленскимъ.

Въ фельетонѣ одной петербургской газеты замѣчено было, что содержаніе этой пьесы очень-старо. Совершенно справедливо: она переведена лѣтъ *дванадцать*, если не больше, тому назадъ, играна съ успѣхомъ на московской сценѣ, и нѣсколько разъ была напечатана. Все это ей не мѣшаетъ однакожь быть забавной пьесой, въ которой роль Фанфана очень не дурно исполнена была молодымъ актеромъ г-мъ Марковецкимъ, въ которомъ замѣтно дарованіе.

— *Еще Русланъ и Людмила или новый домъ сумасшедшихъ*. Шутка водевиль въ 1-мъ д. Г. И. Акселя.

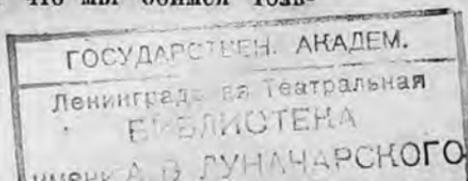
Милости просимъ, въ добрый часъ, новый дѣлатель на поприщѣ русской драматической литературы, такъ небога-

той дѣлателями! «Еще Русланъ и Людмила» — фарсъ, но довольно-забавный, для масляницы, даже очень-хорошій, а, какъ первый опытъ молодого человѣка, требующій снисхожденія. Содержаніе этого водевиля вертится на томъ, что молодой человѣкъ, влюбленный въ дочь одного помѣщика, который завелъ у себя въ деревнѣ домъ сумасшедшихъ, нарочно притворяется сумасшедшимъ, чтобы жить подъ одной кровлей съ предметомъ любви своей. Изъ этого развивается множество забавныхъ сценъ, и между прочимъ одна, въ которой г-нъ Мартыновъ, играющій роль уѣзднаго доктора, по милости мнимо-сумасшедшаго, сидитъ по горло въ водѣ и изво всей мочи *оретъ* на голосъ извѣстнаго хора мертвой головы въ «Русланъ и Людмилѣ» М. П. Глинки: «Кто мнѣ поможетъ!»—Эта штука до того уморительна, что публика потребовала ея повторенія, хотя для г-на Мартынова это довольно-утомительно. Вообще пьеска эта, написанная хорошимъ русскимъ языкомъ, украшенная порядочными куплетами, понравилась публикѣ и авторъ былъ вызванъ.

— Любовныя проказы или ночь послѣ бала. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *взятая* (?!) съ французскаго актера Григорьевымъ 1-мъ и А. Б.

Г-да Григорьевъ 1-й и таинственный незнакомецъ *взяли* и перевели съ французскаго этотъ фарсъ, по этому и назвали его комедіей-водевилемъ *взятымъ* съ французскаго! Рассказывать содержаніе этого нелѣпаго фарса чрезвычайно-скучно, а потому мы усерднѣе просимъ избавить насъ отъ этого. На сценѣ онъ показался довольно-забавенъ, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Самойловой 2-й. Еще-бы лучше былъ этотъ водевиль на сценѣ, еслибъ роль Тимолеона занималъ г. Максимовъ, вмѣсто г. Григорьева 1-го, который для этой роли и старенецъ и тяжеленецъ...

Розг la bonne bouche упомянемъ о весьма-приятномъ спектаклѣ на масляницѣ, въ которомъ разыгранъ былъ водевиль Князя Шаховскаго «Козакъ стихотворецъ» малолѣтними воспитанниками Императорскаго Театральнаго училища. Милый амуръ Большаго Театра, воспитанница Прихунова, исполнила роль Маруси очень-хорошо: какая непринужденность, ловкость, развязность! И вотъ еще надежда наша въ будущемъ! Признаемся, мы-бы лучше желали, чтобы Тагія отняла ее у Терпсихоры. Другой малютка-воспитанникъ Лавровъ, сынъ знаменитаго московскаго пѣвца, Лаврова, былъ превосходенъ въ роли Грицко. У него комизмъ неподдѣльный, и столько простоты, что мы боимся толь-

ко, чтобъ онъ съ лѣтами ея не утратилъ. Вообще этотъ спектакль, составленный прекрасно, сыгранный стройно, съ ансамблемъ, какого лучше желать нельзя, чрезвычайно понравился публикѣ.

И затѣмъ спектакли масляничные, т. е. повторенія старыхъ пьесъ. Чтò объ нихъ сказать? Г-нъ Григорьевъ 2-й гѣшилъ, по обыкновенію, въ «Ложѣ 1-го Яруса», и въ одномъ изъ послѣднихъ спектаклей увѣрялъ, между прочимъ, что онъ читалъ гдѣ-то какую-то повѣсть, не-повѣсть *Телл*, въ которой сочинитель другихъ очершилъ, а себя *вымаралъ*... Право, такъ!

Баламъ и маскарадамъ на масляницѣ, публичнымъ и частнымъ, счету не было. Изъ публичныхъ маскарадовъ веселѣе всѣхъ, по общему отзыву, было въ Клубѣ Соединеннаго Общества, который со славой поддерживаетъ свою репутацію, и быстро идетъ къ процвѣтанію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ достигнетъ самаго цвѣтущаго состоянія подъ управленіемъ почтенныхъ старшинъ своихъ, которые ничего не щадятъ, чтобы доставить членамъ и посѣтителямъ своимъ удовольствіе.

Шумная масляница кончилась. Прошла и тихая первая недѣля поста. Теперь настаетъ время *шумице* масляницы, время концертовъ и музыкальных вечеровъ. Приготовляйте уши, ладони и кошельки! Много обѣщаютъ новаго, хорошаго. Рубини, великій Рубини приѣхалъ, и даетъ первый концертъ свой во вторникъ, 2-го марта. Извѣстіями о Рубини наполнены теперь всѣ наши газеты. «Репертуаръ и Пантеонъ» сообщилъ въ прошедшемъ году довольно-полную біографію этого пѣвца и потому на сей разъ мы къ ней отсылаемъ нашихъ читателей. О концертахъ Рубини поговоримъ подробно въ слѣдующей книжкѣ. Портретъ его, во весь ростъ, для нашего изданія уже изготовленъ въ Парижѣ, и будетъ полученъ немедленно по открытіи навигаціи.— Еще приѣхали въ Петербургъ—чудо-малютка, крошечный фортепіанистъ *русскій*, Рубинштейнъ, о которомъ чрезвычайно-много хорошаго писали въ заграничныхъ журналахъ, и превосходный скрипачъ Селлье (Sellier), Бельгіецъ.— Ожидаютъ знаменитаго скрипача *Эрнета*, и, можетъ быть—авось слухи обманутъ насъ!—мы снова услышимъ Листа.

Кстати о картинкахъ «Репертуара и Пантеона». Многіе спрашиваютъ издателя, чьи портреты приготавливаются въ Парижѣ и будутъ приложены въ нынѣшнемъ году? Отвѣчаемъ: на первый разъ заказаны и уже приготовлены портреты *Рашель, Дюпре, Гризи, Плесси*, списанные съ нихъ самихъ. Потомъ портреты *Фанни Эльслеръ, Рубини, Тамбурини, Буффе, Персиани* и др. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ выданы подписчикамъ нынѣшняго, а другіе—прошедшаго года. Обязательный парижскій корреспондентъ издателя «Репертуара и Пантеона» писалъ къ нему, еще въ прошедшемъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, что осенью произошла небольшая остановка въ работѣ, по болѣзни художника, г-на Долле, который долженъ былъ исполнить ее. Наконецъ—продолжаетъ онъ—*il s'est guéri et il a pu travailler. Mais venait une autre inquiétude: Mlle Rachel devait poser, car on tenait à vous la donner d'après nature, et ce n'était pas une petite faveur, qu'elle consentit à ne pas ajourner indéfiniment les séances. Mr Dollet n'a pas épargné les sollicitations pressantes, et Mlle Rachel s'est montré bonne fille. Dupré, Mlle Grisi et l'adorable Plessy ont pris jour pour poser....* Говоря о портретѣ Рашель, который въ то время былъ уже оконченъ, корреспондентъ прибавляетъ: *C'est bien là la physionomie de l'artiste: c'est son noble front ses sourcils dramatiquement inquiets, sa bouche tragiquement boudeuse. Le costume de Roxane a été heureusement choisi: ces draperies antiques sont faites pour plaire en Russie», etc. etc.*

Что касается до приложеній собственно-русскихъ, рисунки ихъ изготовляются въ Петербургѣ нашимъ отличнымъ художникомъ В. О. Тиммомъ, которые будутъ вылитогрфированы въ Парижѣ или вырѣзаны на стали въ Лондонѣ. На первый случай изготовлены слѣдующіе: Сцены изъ «Ревизора», по эскису самого Гоголя, изъ «Горе отъ ума», изъ «Сющина Шуйскаго», изъ «Ложи перваго яруса», изъ «Заколдованнаго дома» портретъ знаменитаго актера русскаго О. Г. Волкова, снятый съ превосходнаго, современнаго ему портрета, и пр. и пр. и пр. Однимъ словомъ, читатели «Репертуара и Пантеона» могутъ судить по изданнымъ тремъ книжкамъ и по тѣмъ, которыя издадутся впредь, что издатель не жалѣетъ никакихъ издержекъ, а редакція трудовъ для того, чтобы довести это изданіе до возможной степени совершенства.

Издатель: В. МЕЖЕВИЧЪ.

Редакція: М. ВОЛКОВЪ.

1843.	Февраль.	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
А Ф И Ш А.														
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.														

1843.		На ка- комъ Театрѣ.		СПЕКТАКЛИ.		Посѣ- телей.	Каретъ.	Прочихъ эвижаеи.
1	Понед.	Больш.	Жизель, фант. бал. (11-е пред.)	Алекс.	Мирандолина, ком. — Школьный учитель, вод. — Ложа 1-го Яруса, анекдотъ-вод. — Комедия съ дялюшкой, опера. — вод.	830	140	43
2	Вторн.	Больш.	Русланъ и Людмила, опер. (24-е представление)	Алекс.	Ломоносовъ или жизнь и поэзія, драм. повѣсть. — Рупцы, вод.	350	30	27
		Алекс.	Ломоносовъ или жизнь и поэзія, драм. повѣсть. — Рупцы, вод.	Мих.	L'hôtel de Rambouillet, com. — Le misanthrope, com. — Le maître d'école, vaud.	675	75	38
		Мих.	L'hôtel de Rambouillet, com. — Le misanthrope, com. — Le maître d'école, vaud.			1450	67	24
3	Среда.	Алекс.	Ломоносовъ, драмат. повѣсть.			880	85	40
4	Четвер.	Больш.	Ферта, бал. — Любовный напитокъ, опера.	Алекс.	Ломоносовъ; драмат. повѣсть.	830	40	55
		Алекс.	Ломоносовъ; драмат. повѣсть.	Мих.	Emeru, drame. — Le démon de la nuit, vaud.	35	37	18
		Мих.	Emeru, drame. — Le démon de la nuit, vaud.			730	50	28
5	Пятн.	Больш.	Жизнь за Царя, оп. (81-е пред.)	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (4-е пред.)	435	37	29
6	Суббота.	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (5-е пред.)	Мих.	Madame Favart, com. — Le loup dans la bergerie, vaud. — Un rêve de mariée, vaud. (Au bénéfice de M-me Alexandre Mayer).	775	63	27
		Мих.	Madame Favart, com. — Le loup dans la bergerie, vaud. — Un rêve de mariée, vaud. (Au bénéfice de M-me Alexandre Mayer).			715	35	19
7	Воскрес.	Больш.	Аскольдова могила, оп. (39-е пред.)	Алекс.	Скупой, ком. — 17 и 50 лѣтъ, ком. вод. — Филатка и Мирошка соперники, вод.	325	17	29
		Алекс.	Скупой, ком. — 17 и 50 лѣтъ, ком. вод. — Филатка и Мирошка соперники, вод.			850	20	16

Афиша

1843. Февраля.	На ка- комъ Театрѣ	СПЕКТАКЛИ.	Посѣги- телей.	Каретъ.	Прочихъ экипажъ.
8 Понед.	Мих.	Morgen ist der dreizehnte; Lustsp. — Der Opalschmuck, Dramat. Scherz. Der Wirtwarr, — Posse.	660	12	26
	Больш.	Русланъ и Людмила, опер. (25-е предст.)	575	68	24
	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (6 пред.) Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета, шутка-водев.	950	45	21
9 Вторн.	Больш.	Жизнь за Царя, опера (82 пред.)	352	18	16
	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (7-е пред.) Провинціальный театр, шутка-вод.	780	40	35
10 Среда.	Мих.	Le docteur Robin, com. — Le roi de 15 ans, vaud. — Les ressourses de Jonathas, vaud.	385	62	27
	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (8 е пред.)	740	56	37
	Мих.	Школьный учитель, вод. — Приключеніе на искусственныхъ водахъ, вод. — Макарь Алексѣвичъ Губкинъ, шуточ. оперетка, — Имянины благодѣтельнаго помѣщика, втерм. — вод.	581	35	15
11 Четвер.	Больш.	Жизель, фан. балетъ (12-е пред.)	625	35	28
	Алекс.	Ломоносовъ, драм. пов. (9 е пред.) Покойная ночь, шутка-вод.	780	44	30
	Мих.	Davis, com. vaud. — Les fées de Paris, com. vaud. — Un rêve de mariée, vaud.	385	89	21
12 Пятн.	Алекс.	Ломоносовъ, др. пов. (10-е пред.)	750	37	30
	Мих.	Скупой, ком. — Любовное зелье, вод. — Мельничиха въ Марли, вод.	520	21	19
13 Суббот.	Больш.	Возстаніе въ серали.	235	23	17
	Алекс.	Ломоносовъ, др. пов. (11-е пред.)	754	45	27
	Мих.	L'hôtel de Rambouillet, com. — Le misanthrope, com. — Le maître d'école, vaud.	480	105	67
14 Воскр.	Больш.	Жизнь за Царя, опер. (83-е пред.)	475	25	39
	Алекс.	Елена Глинская, драм. предст. — Первое Юля въ Петергофѣ, шутка-вод.	775	22	15
	Мих.	Das Räuschgen, Lustsp. — Die Wiener in Berlin, Liedersp.	540	23	17
<i>Утренніе спектакли:</i>					
15 Понед.	Алекс.	Еще Русланъ и Людмила, или			

Афиша

1843.			На ка- комъ Театрѣ	СПЕКТАКЛИ.	Посѣти- телей.	Каретъ.	Прочихъ экипаж.
Февр.	18	18		новый домъ сумасшедшихъ , шутка-вод.—Любовныя проказ- зы, или Ночь послѣ бала, ком- вод. — Ложа 1-го яруса, анек- дотъ-вод.—Двѣ женщины про- тивъ одного мужчины, вод.	350	25	19
	19	18	Мих.	Les memoires du diable, vaud.	240	49	25
<i>Вечерніе спектакли:</i>							
	20	18	Больш.	Русланъ и Людмила, опера, (27-е представленіе.)	635	37	17
	21	18	Алекс.	Ломоносовъ, др. пов. (12-е пред.)	850	35	20
	22	18	Мих.	Madame Favart, com. — Le cosaque poète, vaud. — La maître d'école, vaud.	520	120	60
<i>Утренніе спектакли:</i>							
16	Вторн.	23	Алекс.	Камилла, ком.—Чась въ тюрьмѣ, вод. Еще Русланъ и Людмила, шутка-водев.	675	40	50
		24	Мих.	La dot de Suzette, drame.	260	65	23
<i>Вечерніе спектакли:</i>							
		25	Больш.	Гитана, балетъ.	624	40	16
		26	Мих.	Le loup dans la bergerie, vaud. — Le docteur Robin, com. — Le premier chapitre, com.	530	95	40
<i>Утренніе спектакли:</i>							
17	Среда.	27	Больш.	Русланъ и Людмила, опера, (23-е представленіе.)	215	20	24
		28	Алекс.	Русская Болыня 17-го столѣтія, драм. пред.—Параша Сибиряч- ка, Русская быль.—Женитьба, ком.	750	45	30
		29	Мих.	Salvoisy, com.—vaud. — L'une pour l'autre, com.—La tante mal gardée. —vaud.	280	70	19
<i>Вечерніе спектакли:</i>							
		30	Больш.	Жизель, фант. балетъ.	575	116	17
		31	Алекс.	Ломоносовъ, др. пов. (14 е пред.)	950	65	80
		31	Мих.	Козакъ стихотворецъ, оп.—вод.— Школа женщинъ, ком.—Школь- ный учитель, вод.	650	52	25

Афиша

1843.	На ка- комъ Театрѣ	ПРЕСПЕКТАЖИ.	Посѣд- телей.	Каретъ.	Прочихъ вѣщаж.
<i>Утренніе спектакли:</i>					
18	Четвер.	Больш. Русланъ и Людмила, опера. (29-е представление.)	315	23	35
		Алекс. Ломоносовъ, др. пов. (16-е пред.)	365	35	25
		Мих. Un bas bleu, vaud. — Davis, com. — vaud. Le maitre d'ecole, vaud.	280	89	21
<i>Вечерніе спектакли:</i>					
		Больш. Терта, балетъ. — 1-е дѣйствіе оперы «Любовный напитокъ».	725	58	37
		Алекс. Горе отъ ума, ком. — Пожилая дѣвушка, ком. вод. — Часъ въ тюрьмѣ, вод.	1250	20	39
		Мих. Les memoires du diable, vaud. — Le loup dans la bergerie, vaud.	580	115	79
<i>Утренніе спектакли:</i>					
19	Пятниц.	Больш. Морской разбойникъ, бал. — Первое дѣйствіе оперы «Ивоста лунатикъ».	425	30	17
		Алекс. Ломоносовъ, др. пов. (16-е пред.)	750	50	40
		Мих. Madame Fayart, com. — Le loup dans la bergerie, vaud.	360	85	14
<i>Вечерніе спектакли:</i>					
		Больш. Русланъ и Людмила, оп. (30-е пр.)	1175	58	70
		Алекс. Эсмеральда, драма. — Чудакъ-покойникъ, ком. вод.	1550	70	97
		Мих. Камилла, ком. — Любовныя проказы, ком. вод. — Еще Русланъ и Людмила, шутка-водевиль. — Козакъ Стихотворецъ, оп. вод.	780	60	19
<i>Утренніе спектакли:</i>					
20	Суббот.	Больш. Русланъ и Людмила, опера, (31-е представление.)	635	35	20
		Алекс. Камилла, ком. — Любовныя проказы, ком. вод. — Еще Русланъ и Людмила, шутка, вод. — Часъ въ тюрьмѣ, вод.	1250	35	45
		Мих. Les memoires du diable, vaud. — La vendetta, vaud.	440	60	7
<i>Вечерніе спектакли:</i>					
		Больш. Жазель, фантаз. балетъ.	1251	70	87
		Алекс. Ломоносовъ, др. пов. (17-е пред.)	1450	20	50

Афиша

1843. Февраля.	На ка- комъ Театрѣ	СПЕКТАКЛИ.	Посѣт- телей.	Каретъ.	Прочихъ выплат.
	Мих.	Le chevalier de Saint-George, drame- vaud.— Tiridate, com. vaud.— Les vieux péchés, com.—vaud.	660	63	16
<i>Утренние спектакли:</i>					
21 Воскр.	Больш.	Русланъ и Людмила, опер. (32-е представленіе.)	625	30	30
	Алекс. Мих.	Ломоносовъ, др. пов. (18-е пред.) La dot de Suzette, drame.— Le loup dans la bergerie, vaud.	1150	24	33
			860	90	32
<i>Вечерние спектакли:</i>					
	Больш.	Аскольдова могила, опера (60-е пред.) Мельники, балетъ.	780	36	18
	Алекс. Мих.	Ломоносовъ, др. пов. (19-е пред.) Школьный учитель, вод.— Козакъ Стихотворецъ, он-вод.— Еще Русланъ и Людмила, шутка- вод.— Комедія съ дядюшкой, опера-вод.	1450	32	40
			770	30	60
22 Понед.	Больш.	Herta, Ballet.	315	20	37
	Алекс.	Die Drey Hûte; Lustsp.— Morgen ist der Dreizehnte, Lustsp.— Die Braut aus Pommern, Oper.	930	50	80
	Мих.	Les memoires du diable, vaud.— Le maitre d'école, vaud.	380	70	23
23 Вторн.	Больш.	Giselle, Fantastisches Ballet.	715	35	24
	Алекс.	Reichsfreiherr Magnus Golofernes von Pelz, auf Pelzendorf und Eulen- burg, Lustsp.	1035	27	11
	Мих.	Salvoisy, com.— vaud.— Le loup dans la bergerie, vaud.— Le docteur Ro- bin, com. vaud.	720	118	38

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. БРАТЯ КУПЦЫ ИЛИ ИГРА СЧАСТІЯ, драма. <i>Перев. П. Г. Ободовскаго.</i>	1
II. ДОМЪ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ, водевиль <i>П. А. Каратыгина.</i>	92
III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА» (Гете), <i>перев. И. П. Бочарова.</i>	120
IV. ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВЪ. Гете и Графиня Штольбергъ. (Окончаніе).	134
V. КВИТЬ. Случай. <i>Н. В. Кукольника.</i>	155
VI. ПРЕДСМЕРТНЫЯ ПРИЗНАНІЯ. Изъ «Записокъ медика».	171
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ. Эллада, <i>В. Р. Зотова.</i> —Къ красавицѣ, нюхающей табакъ.	203
VIII. ПРАВЫ. Прежніе и нынѣшніе художники.	206
IX. СМѢСЬ.	215
X. ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ. (Январь). Парижскіе театры.—Вѣнскіе театры.—Разныя извѣстія.	231
XI. ФЕЛЕТОНЪ. (<i>В. С. Межовича</i>).	
XII. АФІИНА.	
КНИЖКА ТРЕТЬЯ.	
I. КЛИТЕМНЕСТРА, трилогія въ стихахъ. <i>В. Р. Зотова.</i>	1
II. ВОЛШЕБНАЯ ЯИЧНИЦА, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. <i>И. А. Полеваго.</i>	95
III. СТРАШНАЯ ТАЙНА! если не драма, то комедія. <i>И. А. Полеваго.</i>	187
IV. МУЗЫКА. Музыкальныя замѣтки.	121
V. ЛУЧШЕ УКРОЙКА ЧѢМЪ НИ КРОХИ, пословица въ лицахъ. (Перев. съ Англійскаго изъ «Fraser's Magazine»).	137
VI. ВТОРОЙ МУЖЪ, разсказъ.	162
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ. <i>В. Р. Зотова.</i>	172
VIII. ЗАКУЛИСНЫЯ ПРАВЫ. <i>С. П. Побѣдоносцова.</i>	175
IX. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.	189
X. СМѢСЬ. Анекдоты и мелочи.	215

Оглавленіе

- XI. Физиономія масляничныхъ балагановъ, статья П. Р. 215
Фурмана. 238
- XII. Хроника иностранныхъ театровъ. Парижскіе театры. (В. С. Межсвича.) — Вѣнскіе театры. — Разныя извѣстія. 258
- XIII. Фельетонъ. (В. С. Межсвича).
- XIV. Афиша

=

ВЪ СЕМЪ ТОМЪ СДѢЛАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Къ первой книжкѣ: «Разъѣздъ изъ Александринскаго театра»; рисованная г-мъ Жуковскимъ.

Ко второй. Портретъ: «танцовщицы большой Парижской оперы Л. Гранъ», дебютировавшей въ Петербургѣ.

Къ третьей, сцена изъ драматической повѣсти Н. А. Полеваго «Ломоносовъ»; рис. В. О. Тиммомъ.

79111. 6996.